

На правах рукописи

Шавлаева Тамара Магамедовна

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА (XIX-начало XX вв)**

Специальность 07.00.07

Этнография, этнология, антропология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени доктора исторических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I Особенности становления хозяйственной культуры чеченцев: теоретические и практические аспекты	
1. 1. Социально-культурные предпосылки и особенности формирования общества «уьйре»	29
1. 2. Этимологический анализ значимых топонимов и этнонимов чеченцев	38
Глава II Общая характеристика традиционного хозяйства чеченцев	
2.1. Основные направления хозяйственной деятельности и их терминологические выражения	60
2.2. Роль гендера в трудовом воспитании и формировании культуры хозяйственной деятельности. Маскулинность или фемининность?	70
2.3. Элементы традиционной культуры хозяйственной деятельности на примере локальных чеченских обществ	88
Глава III Хозяйственная деятельность чеченцев	
3.1. Земледельческие работы	105
3.2. Скотоводство	113
3.3. Домашние производства и промыслы	133
а) шерстеобрабатывающий промысел	137
б) керамические изделия	197
в) выделка овчины и обработка кожи	200
г) металлообработка и ювелирное дело	203
д) обработка камня, дерева, кости и рога	206
е) шелковое производство, изделия плетения, стегани и вышивки.	

Орнамент «Древо жизни»	212
ё) безотходные технологии	227
3.4. Пища как соединение форм хозяйственной деятельности и домашнего производства	228
Глава IV Хозяйственная деятельность как основа формирования народных знаний и антропоники	
4.1. Отражение хозяйственной деятельности в народном календаре	249
4.2. Историческая метрология чеченцев	259
4.3. Отражение антропоники в жизни чеченского народа.....	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	291
ЛИТЕРАТУРА	310
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	326
СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ	333
ПРИЛОЖЕНИЕ	337-352

Актуальность темы исследования. Выдающийся историк XX столетия Фернан Бродель отнёс традиционное хозяйство к глубинному слою исторической реальности, где господствуют постоянство и стабильные структуры¹. Безусловно, традиционное хозяйство носит устойчивый характер. Оно способно существовать в разные исторические эпохи, приспосабливаясь к новым условиям, сохраняя при этом свои базовые отраслевые основы и специфику экономической структуры. Более того, в известные периоды традиционные методы хозяйствования могут вновь актуализироваться, расширить свое присутствие в экономической деятельности населения, став одним из важнейших способов производства продуктов питания и сопутствующих артефактов.

С. П. Тюхтенева на примере алтайского населения приходит к заключению: после распада СССР и последовавшего за этим снижения уровня жизни произошел массовый возврат к традиционному и доступному занятию — разведению скота, при этом современные сельские алтайцы остаются вполне модернизированным населением, они используют компьютеры, мобильные телефоны и банковские пластиковые карты².

Из сказанного следует, что заметно возросший интерес к традиционным формам хозяйственной деятельности народа, не являются случайностью. Производство, базирующееся на культуре земледелия и скотоводства, является самым надёжным сектором экономики любого государства, о чём не стоит забывать никогда - даже в условиях утверждения высоких современных технологий. Промыслы, которые базировались на этих формах хозяйственной деятельности, были единственным производством не только в условиях отсутствия фабричной промышленности, но и в периоды экономических кризисов и социальных потрясений, перемен в обществе.

¹ Бродель Фернан. Структура повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. – С.19.

² Тюхтенева С. П. Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX – начало XXI вв. Автореф. дис. докт. ист наук. – М., 2011. – С. 3.

Особое место занимают художественные промыслы, которые играют особую роль в духовной культуре этноса.

Учёт этих аспектов крайне актуализирован. Он важен, как в теоретическом, так и практическом отношении, особенно в наши дни, когда в условиях российской модернизации всё чаще ставится вопрос о возрождении сельской местности, горных территорий, об их освоении и возвращении туда людей. Всё это требует осмысления исторически сложившихся производственных и духовных традиций народа.

В Чечне также отмечается возросший интерес к традиционной культуре, в том числе и хозяйственной. Традиционное хозяйство чеченцев основывалось на скотоводстве и земледелии. На продукции скотоводства и земледелия, в основном, базировались домашние производства и ремёсла. При этом следует отметить, что традиционная система хозяйствования отличалась достаточно высокой для своего времени уровнем культуры производства. Для нее были характерны накопленный богатый эмпирический опыт, разветвленность хозяйственных практик, нашедших выражение в нахской хозяйственной терминологии, устойчивые хозяйственные традиции, передающиеся из поколения в поколение, стремление к усовершенствованию методов хозяйствования.

Хозяйственная деятельность чеченцев, домашние промыслы и производства полностью удовлетворяли внутренние потребности семьи в продуктах питания, одежде, бытовой утвари, орудиях труда и средствах передвижения. Во второй половине XIX в. в связи с втягиванием региона в капиталистические отношения, традиционное хозяйство вступило в новую фазу развития.

Хозяйственные традиции определили основные черты традиционной культуры чеченцев. Они стали неотъемлемой частью национальной культуры.

В настоящее время в Российской Федерации, в том числе и Чеченской республике, приветствуется внимание и переосмысление ценных

производственных и духовных традиций народа, что составляет его этнокультурную самобытность. В этой связи особого внимания заслуживает Программа возрождения горных районов, реализуемая с 2007 года в Чеченской Республике. Ведь до начала 50 – х годов XX века горные районы республики были плотно заселены и имели исторически сложившуюся систему хозяйствования³. Программа преследует не только экономические задачи, «именно в горах располагались наиболее древние исторические области Чечни, именно здесь наиболее устойчиво сохранялись исконно чеченские обычаи и традиции, тот духовный пласт, что лежал в основе традиционной чеченской ментальности»⁴.

Одним из первых положительных результатов реализации Программы возрождения горных районов Чеченской республики является то, что на свои отцовские земли возвращаются чеченцы, представляющие поколения детей и внуков. Но они не знакомы с горным бытом и традиционными видами производств. Поэтому для них особенно важным является понимание тех природных преимуществ, органично вписывающихся в местный ландшафт. Эти преимущества имеют исторически сложившиеся традиции, которые с готовностью воспринимаются и с удовольствием и желанием продолжают как живущим в этой местности населением, так и возвращающимися на свою историческую родину чеченцами. Наряду с тем, что горная зона - уникальный и красивейший уголок республики, она имеет в процессе трудовой деятельности человека ряд особенностей, связанных с ландшафтом. В такой ситуации актуально изучение видов хозяйствования, имевших место в прошлом горного края, и вполне логично определение тех духовных богатств, которые сформировались в результате процесса хозяйствования, чтобы обозначить перспективы.

Таким образом, изучение исторически накопленного опыта, связанного с традиционными формами хозяйственной деятельности и ведения

³ Авторханов А. И. Восстановление и развитие агропромышленного производства Чеченской Республики. - М., 2007. – С. 92.

⁴ Нацпроект «Горы». [Электронный ресурс]. <http://www.iamik.ru> (дата обращения 1. 12. 2011).

домашнего хозяйства, при использовании современных технологий, имеет теоретическое и практическое значение в деле возрождения некогда оставленных людьми территорий и их интенсивного использования, сочетая традиционные и инновационные формы хозяйствования.

Степень разработанности проблемы. Древние следы обитания человека на территории нынешней Чечни были обнаружены в результате активно проводившихся в крае археологических раскопок. Особенно плодотворной была деятельность археологов-кавказоведов В. И. Марковина, Е. И. Крупнова, В. И. Козенковой, М. П. Абрамовой, Р. М. Мунчаева, В. Б. Виноградова, М. Б. Мужухоева, М. Х. Багаева, М. Х. Ошаева, Х. М. Мамаева, С. Л. Дударева, В.А. Петренко и др.. Так, в районе горного села Кезеной-Ам были найдены кремневые желваки – нуклеусы, с которых скалывали отщепы для изготовления орудий труда, а также сами орудия – скребки, относящиеся к мустьерской эпохе палеолита. Стоянки мустьерских эпох найдены также вблизи селений Макажой, Хой, Ведено⁵.

Значительный материал представлен по эпохе неолита, наглядно демонстрирующий процесс зарождения и эволюции на Кавказе отраслей производящего хозяйства. Как отметил Б.А. Калоев, положение Н. И. Вавилова о значении горных и предгорных районов как первоначальных очагов доместикации растительных культур и животных находит яркое подтверждение и в материалах Северного Кавказа. Центры происхождения культурных растений совпадают с очагами формирования домашних животных. В монографии М. Х. Багаева представлены богатые археологические свидетельства о производящем хозяйстве северокавказских племён, начиная с глубокой древности, автор указывает также на разделение труда в хозяйстве⁶.

К настоящему времени выявлены и изучены памятники материальной культуры средневекового периода на территории Чеченской республики.

⁵ Виноградов В.Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1966. – С. 95.

⁶ Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье: VI в. до н.э. - XII в. н. э. – М., 2008. – 455 с.

Прежде всего, поражает обилие орудий труда и бытовых предметов, имеющих непосредственное отношение к хозяйственной деятельности народа.

Первые письменные сведения о хозяйственной деятельности племён Северного Кавказа, содержатся в нарративных памятниках античного времени. Так, в «Географии» Страбона описаны и перечислены племена Северного Кавказа. Он заметил, что у них уже и хлеб родится в изобилии⁷.

Если обратиться к статистическим источникам, которые имеют непосредственное отношение к изучаемому периоду, то они указывают, что в 1870 году по инициативе земств в Российских губерниях был начат сбор сведений о степени развития крестьянских промыслов с рекомендацией принятия мер, содействующих улучшению производства. Такие сведения указывают, прежде всего, и на уровень развития форм хозяйственной деятельности.

С 1874 года по 1888 год работала специальная комиссия, созданная при Совете Торговли и Мануфактур, по исследованию кустарной промышленности. Результаты полученных статистических сведений и своей аналитической работы они отразили в 16 томах книг. По распоряжению министра внутренних дел от 6 сентября 1886 года по стране начали создавать Кустарные Комитеты.

Плодотворную работу провёл статистический комитет Терской области. Так, в 1893 году секретарь статистического комитета Г.А. Вертепов был командирован для изучения кустарных промыслов и разработки мер для охраны исторических памятников⁸. С целью выяснения насущных нужд кустарей и оказания им практической помощи 31 декабря 1899 года был открыт особый правительственный орган Кавказский Кустарный Комитет, который развернул научно-исследовательскую работу по изучению местных промыслов и ремесел.

⁷ Цит. по: Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана. – М., 2008. – С. 167.

⁸ Вертепов Г. А. Очерк кустарных промыслов в Терской области // ТС. – Владикавказ, 1897. – Т. IV.

Материалы выставок того времени являются важным показателем развития форм хозяйственной деятельности и кустарных промыслов. Так, в 1882 году в Москве была организована Всероссийская промышленно-художественная выставка, к открытию которой был приурочен выход работы О.В. Маркграфа «Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства».

В 1886 году на Всероссийской этнографической выставке, проходившей в Москве, был представлен чеченский женский костюм, который отличался изысканностью и роскошью, хотя Чечня переживала тяжёлые времена после завершения длительной Кавказской войны. На экспозиции были представлены шёлковые рубаха и архалук, чувяки, обшитые серебром, женский головной убор с расшитой бархатной полоской, косынка, украшенная блёстками⁹, что свидетельствует о высоком уровне развития ткацкого и швейного производства, изготовления кожаных изделий и искусства вышивания.

В 1898 году во Владикавказе открылась Терская сельскохозяйственная выставка, на которой показывали лучшие породы скота и лошадей, а также выращенные на Кавказе фрукты и овощи, семена различных сельскохозяйственных культур¹⁰.

В 1902 году прошла Всероссийская промышленная выставка, где в зале № 3 были выставлены изделия кавказских мастеров, в том числе и из Терской области. В частности, из Грозненского округа Терской области под № 3109 был выставлен металлический бокал; под № 3134 были представлены уздечка и ремень из сыромятной кожи мастера Зормаева. В коллекции Кавказского Кустарного Комитета под № 3240 были показаны чеченские шерстяные чулки¹¹.

⁹ Ибрагимова З. Х. Указ. соч. - С. 492. Она же. Мир чеченцев: XIX век. - Москва "Пробел-2000", 2007 - С. 621.

¹⁰ История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т. I. Грозный, 2008. – С.579.

¹¹ Указатель Всероссийской кустарно-промышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством Е.Я Императорского Величества государыни Императрицы Александры Фёдоровны, 1902. – С. Петербург. Типография «В. С. Балашов и К*». – С. 481, 484.

Весомую лепту в изучение культуры хозяйственной деятельности народов Кавказа, в частности, чеченцев, внёс Российский Государственный Этнографический музей. В 1904, 1907 годы на Кавказе работали экспедиции этого музея. Как сообщает З. Х. Ибрагимова, из чеченских сёл в Российский Этнографический Музей было доставлено достаточное количество произведений местных мастеров¹².

В 1901 году в Тифлисе собрался Первый съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа, на котором были заслушаны содержательные доклады по итогам научной деятельности Комитета¹³.

Плодотворным итогом также явились работы делопроизводителя Кавказского Кустарного Комитета А. С. Пиралова - «Краткий обзор кустарных промыслов Кавказа» и «Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа»¹⁴.

Приведённые источники из дореволюционных изданий явились наиболее значимыми в деле изучения кустарного производства, которое базировалось на формах хозяйственной деятельности.

Ранние этнографические сведения о хозяйственной деятельности и культуре чеченцев представлены в фольклорных материалах – трудовых песнях, сказаниях, притчах, поговорках и пословицах. В этой связи являются бесценными фольклорные издания - «Чеченский фольклор», составленный Ш. А. Джамбековым¹⁵, «Исторический фольклор чеченцев и ингушей», подготовленный И. А. Дахкильговым¹⁶, многотомное издание чеченского фольклора, составленное И. Б. Мунаевым¹⁷.

Историко-этнографические сведения о хозяйстве и кустарных промыслах чеченцев в русской литературе относятся к последним десятилетиям XVIII в. - работы И.Г. Гербера, Ф.Ф. Симановича, П. Г.

¹² Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. - М., 2000, 2006. - С. 496.

¹³ Труды Первого съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. - Тифлис, 1902.

¹⁴ Пиралов А. С. Краткий обзор кустарных промыслов Кавказа. - Тифлис, 1900. Он же. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. - СПб., 1913.

¹⁵ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – 592 с.

¹⁶ Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978.

¹⁷ Нохчийн фольклор. Составитель И. Б. Мунаев. Многотомное издание.

Буткова и др. По заданию Российского правительства в течение трёх лет (1781-1783) исследователь Я. Рейнеггс совершил по Кавказу пять экспедиций и изложил своё представление о домашней экономике чеченцев¹⁸. Но хозяйственные традиции этого периода имели место и в начале XIX века.

Ценные сведения о хозяйстве и промыслах содержатся в трудах исследователей первой половины XIX в. И. Гюльденштедта, А. О. Дебу, Г. Х. Засс, Ю. Клапрота, Р.Ф. Розена¹⁹. Хозяйственную деятельность чеченцев рассматривали К. Самойлов²⁰, А. М. Буцковский²¹, Г. Властов²², С. Иванов²³, С. Броневский²⁴, А. П. Берже²⁵.

С падением крепостного права в стране усиливается товарное производство, в том числе и в крестьянской среде, поэтому со второй половины XIX века в кругах российской общественности, куда к тому времени входило и чеченское общество, отмечено особое внимание к кустарному производству, что связано с пониманием его экономической значимости. Фискальные интересы стимулировали деятельность Министерства государственных имуществ, поэтому в середине XIX века предпринимается попытка, чтобы систематизировать данные о местных промыслах, которые давали наиболее полную картину о хозяйственной деятельности.

Первое научное осмысление проблемы домашнего производства сделал историк и экономист А. К. Корсак, издавший в 1861 году работу о значении

¹⁸ Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006. - С. 218, 226.

¹⁹ Асталов В. А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII-XIX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Грозный, 2004. - С. 3.

²⁰ Самойлов К. Заметки о Чечне // Ж. «Пантеон». Кн. 10. - М., 1855. - С. 47.

²¹ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана. - Махачкала, 1940. - С. 243.

²² Властов Г. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 160. - С. 52-56.

²³ Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. - СПб., 1859. Т. 7. - С. 17.

²⁴ Броневский С. Новейшие географические известия о Кавказе. Ч. 2. - М., 1829. - С. 176.

²⁵ Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Грозный, 1991

кустарного производства в период вхождения промышленности в стадию капитализма²⁶.

О значении кустарной промышленности для народного хозяйства писали в разные годы В. И. Вешняков, Н. Г. Чернышевский, Е. А. Андреев, С. Харизоменов, В. И. Ленин и др²⁷.

Изучение кустарных промыслов народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, было начато О. В. Маркграфом в указанной выше работе, изданной в 1882 году²⁸. По оценке ряда исследователей, работа О. В. Маргграфа является самой ценной в этом плане²⁹.

Уже в условиях новой системы, к 30-м годам XX в., появилось исследование Б. Е. Хижнякова «Описание кустарных промыслов нацобластей Северокавказского края. Записки Северо-Кавказского Горского НИИ», в котором автор правильно заметил, что кустарные промыслы в этих зонах больше приобретают экономическое значение³⁰.

Изучение объективного характера вопроса развития этого весьма важного вида производства в прошлом началось намного позднее - с появлением местных исследователей. Заметное влияние на них оказали работы известного Российского академика, этнографа Ю. В. Бромлея, исследовавшего общие вопросы становления традиционно-бытовой культуры этносов, а также работы крупных историков-кавказоведов - Е. И. Крупнова, Л. П. Семёнова, Б. А. Калоева, Г. Х. Мамбетова, С. А. Арутюнова, А. И. Робакидзе, Б. В. Гамкрелидзе, Т. А. Буниятова и др..

²⁶ Корсак А.К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. - СПб., 1861.

²⁷ Роль кустарной промышленности в процессе индустриализации страны. [Электронный ресурс]. <http://www.bg-znanie.ru> (дата обращения: 27. 02. 2011).

²⁸ Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М., 1882.

²⁹ Хасиев С. А. Шерстяное и суконное производство чеченцев и ингушей. Плановая годовая работа за 1980 год //Архив ЧИНИИИСФ, О.1, д. 65. Ахмадов Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв //Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начале XX вв.) - Грозный, 1986. - С. 45.

³⁰ Хижняков Б. Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северокавказского края. Записки Северо-Кавказского Горского НИИ. Кн. 2. - Ростов-на-Дону, 1929. - С. 180, 189.

Выдающийся этнограф – кавказовед, доктор исторических наук Борис Александрович Калоев во второй половине XX века скрупулёзно изучил земледелие³¹ и скотоводство³² народов Северного Кавказа с древнейших времён. Неоценимый вклад в изучение культуры скотоводства народов Кавказа внесли работы крупного кавказоведа, советского и грузинского учёного профессора Вахтанга Мамиевича Шамиладзе³³. Эти учёные ставили теоретические вопросы развития скотоводства по всему Кавказу, методология которых приемлема и для Чечни.

В 60-70-ые годы XX в. вышли фундаментальные исследования по Чечне профессора Н. П. Гриценко (1963, 1968) и профессора В. П. Крикунова (1973)³⁴. В их работах дан глубокий анализ социально-экономической и исторической обстановки после отмены крепостного права и выделены крупные на тот период промысловые центры Чечни: Старые Атаги, Майртуп, Курчалой, Урус-Мартан, Шотой, Хал-Келой, Джугурты, Белгатой, Дарго.

К числу публикаций, относящихся к историографии хозяйственной деятельности и народных промыслов, следует отнести отдельные научные статьи следующих местных авторов: А. И. Хасбулатова, Ш. Б. Ахмадова, Я. З. Ахмадова, С-М. А. Хасиева, Т. А. Исаевой, Г. А. Горчхановой, Д. Ю. Чахкиева³⁵ и др.

³¹ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.

³² Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времён до начала XX века. – М., 1993.

³³ Шамиладзе В.М. Альпийское скотоводство в Грузии. - Тбилиси, 1969.

Он же. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. - Тбилиси, 1979.

Он же. Скотоводство в Грузии. Историко-этнографический атлас Грузии. Материалы. - Тбилиси, 1986.

³⁴ Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861 – 1900). – Грозный, 1963. Он же. Горский аул и казачья станица накануне Великой Октябрьской Социалистической Революции. Грозный, 1968; Крикунов В. П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60 – 90 годы XIX в. - Грозный, 1973.

³⁵ Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. - Грозный, 1963; Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ, Т.9. Ч. 3. Вып. 1. - Грозный, 1974; Ахмадов Ш. Б. Указ. Соч.; Горчханова Г. А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII–начале XX в.) - Грозный, 1986. Чахкиев Д. Ю. Мастера – строители у вайнахов в XVII – XIX в.

Особо следует выделить работы известного чеченского этнографа С.- М. А. Хасиева³⁶, а также исследования известных историков А. И. Хасбулатова, Ш. Б. Ахмадова, Я. З. Ахмадова, которые внесли весомый вклад в изучение хозяйственной культуры чеченцев³⁷.

Обобщённый анализ хозяйственной жизни чеченцев с древнейших времён дан в работах Я. З. Ахмадова, автор анализирует систему земледелия чеченцев, обработки террас, использование традиционных орудий труда, возделывание кукурузы; рассматривает скотоводство, пчеловодство, шелководство, торговлю, зарождение промышленности³⁸.

Исследователь М.Р. Ужахов изучил циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей в период Средневековья, обозначив тем самым проблему изучения системы, принятой для проведения сельскохозяйственных работ в традиционном обществе вайнахов³⁹. Это система имела место и в XIX веке.

Календарные праздники вайнахов, которые непосредственно связаны с трудовой деятельностью народа, основательно отражены в работе З. А. Мадаевой. На основе полевого этнографического материала автор восстановила вайнахские названия месяцев, периоды проведения сезонных работ и трудовые праздники чеченцев⁴⁰ и т.п.

//Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987.

³⁶ Хасиев С.-М. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) //Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. - Грозный, 1983; Хасиев С.-М. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX - начале XX. в. Ч. I. - Нальчик, 2004. 148 с.

³⁷ Хасбулатов А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). - М., 2006.; Он же. Развитие скотоводства в Чечне (XIX – нач. XX в.) //Вестник АН ЧР. № 4. – Грозный, 2006. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX вв. – Грозный, 2002. Он же. Культура чеченцев в XVIII веке. // Культура Чечни: история и современные проблемы. - М., 2006. Ахмадов Я. З.. История Чечни с древнейших времён до конца XVIII века. – М., 2001. – 426 с. Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х. История Чечни в XIX – XX веках. М., 2005.

³⁸ Ахмадов Я. З. Указ. соч. – М., 2001. С. 249-260; Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х.. Указ. соч. – М., 2005.

³⁹ Ужахов Р. М. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. – Грозный, 1979.

⁴⁰ Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990.

В исследованиях Л. М. Гарсаева изучаются мужская, женская и детская одежды чеченцев, традиции, связанные с трудовыми и свадебными обрядами чеченцев. Автор дал ценный иллюстративный материал относительно видов одежды, способов изготовления и ношения одежды и украшений⁴¹. В работах З. И. Хасбулатовой уделено внимание народным промыслам чеченцев, автор указывает на их практическую значимость, анализирует вопросы трудового воспитания детей⁴². Содержательный этнографический материал по традиционной культуре трудового воспитания приводит в своей монографии профессор Ш. М.-Х. Арсалиев⁴³.

По свидетельству этнографа Б. Б. Абдулвахабовой, во время археологических раскопок в средневековых склепах Чечни были найдены фрагменты одежды с вышивкой золотыми нитями⁴⁴, что подтверждает бытование золотошвейного искусства у чеченцев с давних времён.

По археологическим данным, этнографическим сведениям и литературным источником, оружейное производство, включая и холодные виды оружия, в Чечне было поставлено высоко, существовали известные оружейные мастера. Это отражено в известной работе И. А. Асхабова⁴⁵. Каменное строительное ремесло чеченцев, уходящее своими корнями в эпоху бронзы, представлено в этой местности боевыми и сигнальными башнями,

⁴¹ Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда конца XIX – начала XX вв. – Нальчик, 2005. – 256 с.; Он же. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. – Саратов, 2009. – 400 с. Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. (история, предания и наименования). – Саратов, 2009. – 250 с.

⁴² Хасбулатова З.И. Народные знания и промыслы чеченцев // Современные процессы в Российской социологии, экономике, исторической науке. Сб. научных статей научно-практической конференции с международным участием. – Кизляр.2009. Она же. Народные промыслы чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX вв. Вестник Лам. 2002. № 3 (15). Она же. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – нач. XX вв.). – М. 2007.

⁴³ Цаллагова З.Б. Рецензия на книгу Ш. М.-Х. Арсалиева «Этнопедагогика чеченцев» (М: «Гелиос АРВ», 2007 г.)// Вестник Академии Наук Чеченской Республики. Т. 2, № 2, 2008

⁴⁴ Абдулвахабова Б. Б. Золотошвейное искусство чеченцев. Материалы международной научной конференции: XXXIII Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения, посвященная 100-летию со дня рождения Л. И.Лаврова. - СПб., 2009. - С. 227-229.

⁴⁵ Асхабов И. А. Чеченское оружие. - М., 2001.

также жилыми, хозяйственными и культовыми сооружениями, которыми изобилует этот край. Каменное зодчество чеченцев изучил Л. Ильясов⁴⁶.

Как отмечает профессор В. Х. Акаев, этническая культура чеченцев имеет не только локально-национальное, но и общечеловеческое значение. Тесно взаимодействуя с народами Кавказа и России, чеченцы через века пронесли свои этнокультурные ценности, национальная культура чеченцев таит в себе гуманный потенциал⁴⁷, потому что формировались на лучших хозяйственных традициях народа.

Диалектика взаимосвязи традиционного и инновационного развития в культуре этноса является приоритетной темой в исследованиях Т. А. Мазаевой. По её мнению, в традиционных культурах наиболее ценным оказывается то, что пришло издревле, жизнеспособность нового определяется в процессе его соотнесения со старым. Если подобного единства не возникало, то нововведение не приживалось⁴⁸.

Сравнительный материал также сыграл важную роль при написании работы. В работе М. М. Султыговой⁴⁹ представлен содержательный анализ животноводческой лексики, связанной с трудовой деятельностью ингушей, что находит глубокие параллели и в чеченском языке, это позволяет сделать вывод, что развитие и становление хозяйственной культуры чеченцев шло в общем русле с общекавказскими известными традициями.

Неоценимую помощь в работе оказали замечательные исследования учёных Закавказья и Северного Кавказа. В кавказоведении всегда уделялось значительное внимание изучению хозяйственной темы, эта тема всегда была приоритетной в научной среде, заслуживающей обсуждения и поисков для новых научных подходов, что объясняется разносторонней хозяйственной деятельностью народов Кавказа. Многочисленные

⁴⁶ Ильясов Л. Тени вечности. - М., 2004; Он же. Культура чеченского народа. - М., 2009. – 264 с.

⁴⁷ Акаев В. Х. Национальная идея чеченцев. – Грозный, 2005. – С.26.

⁴⁸ Мазаева Т. А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007.

⁴⁹ Султыгова М. М. Животноводческая лексика ингушского языка. Автореф. дис. канд. филолог. наук. – Махачкала, 2002.

исследования учёных-этнографов затрагивают широкие проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью⁵⁰. Хозяйственная и духовная культура чеченцев привлекала внимание многих известных кавказоведов – М. О. Косвена, Б. А. Калоева, Л. И. Лаврова, А. И. Шавхелишвили, В. К. Гарданова, Р.Л. Харадзе, Я. С. Смирнову, Н. Г. Волкову, Л. Б. Заседателёву, Е.А. Студенецкую, М. В. Кантария, А.И. Робакидзе, Б. В. Гамкрелидзе, В. Б. Виноградова, А. И. Хасбулатова, Ш.Б. Ахмадова, З. И. Хасбулатову, С-М. А. Хасиева, Я. З. Ахмадова и др.

Основным источником для написания работы послужил полевой этнографический материал, включая лингвистический, собранный автором с 80-х годов XX века на территории Чеченской республики, предпочтительно

⁵⁰Агларов М. А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003; Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994; Они же. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000; Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времён. до начала XIX в. – М., 2005; Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк//Академия наук Азербайджана, институт археологии и этнографии; - Баку, 1998. - 420 с.; Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX вв.: традиции и инновации. - М., 1982; Абазины: Историко-этнографическое исследование. - Черкесск, 1989; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988.; Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005; Алимова Б.М. Табасаранцы: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1992; Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993;; Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Она же. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана. Махачкала, 2003; Маргошвили Л. Ю. Кисты Панкиси. Тбилиси, 1969; Ризаханова М.Ш. Гунзибцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001; Она же. Лезгины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. Махачкала, 2009; Он же. Аграрные культы табасаранцев. - Махачкала, 1995; Гимбатова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в». – Махачкала, 2005. Она же. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007; Дзарахова З.М.-Т. Пековые устои ингушской семьи. Ростов-на-Дону, 2013; Акиева П.Х. Рождение, свадьба, смерть. Санкт-Петербург, 201; Агиева Л.Т. Основные хозяйственные занятия ингушей в XVI-XIX вв//Вопросы истории Ингушетии. Вып.3 Магас, 2005. – С.21-29. Харсиев Б. М-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа. Магас, 2015 и др.

в сельских поселениях республики. В работе присутствуют сведения, выходящие за хронологические рамки данной работы, продиктованные логикой исследования.

Хозяйственная деятельность чеченцев, домашние промыслы и производства полностью удовлетворяли внутренние потребности семьи в продуктах питания, одежде, бытовой утвари, орудиях труда и средствах передвижения, и стали неотъемлемой частью национальной культуры. Во второй половине XIX в связи с втягиванием региона в капиталистические отношения, традиционное хозяйство вступило в новую фазу развития.

Объектом исследования является чеченский народ и другие народы, хозяйственная деятельность которых рассмотрена в качестве сравнительного материала.

Предметом исследования является хозяйственная деятельность чеченцев. Рассматриваются характерные для этого региона формы хозяйственной деятельности, развитые виды домашних производств и ремёсла – вместе составляющие экономическую основу традиционного чеченского общества. Под хозяйством мы понимаем характер материально-производственной деятельности народа, направленный на жизнеобеспечение и улучшение условий жизнедеятельности. Традиционное хозяйство - это налаженная система хозяйствования, выработанная многими поколениями данного этноса, построенная в гармонии с ландшафтными условиями края и ментальными особенностями народа. Как правило, оно характерно коренным народам. Под традиционной культурой мы понимаем культуру, основанную на хозяйственных традициях народа.

Территориальные рамки исследования охватывают зону проживания чеченцев и распространения чеченской этнической культуры.

Хронологические рамки работы охватывают период с XIX до начала XX века. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что на указанный период приходится расцвет и упадок культуры ведения традиционного хозяйства. Становление хозяйственно-культурного типа чеченцев и

формирование чеченского этноса завершилось к концу XVIII века. В XIX в. чеченское общество испытывает сильное напряжение, связанное с бурными политическими событиями. Жизненно важные потребности удовлетворяло домашнее хозяйство. Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права, в российском обществе, в том числе и Чечне, заметно усиливается влияние рыночных отношений. Активизируются формы хозяйственной деятельности. Домашние промыслы приобретают ремесленный характер со специализацией, больше ориентированной на рынок, и приходят к своему расцвету. В начале XX века произошло событие мирового масштаба – Октябрьская революция. Эта дата определена нами как верхняя хронологическая граница исследования. Дальнейшие события изменили ход истории, оказав определяющее воздействие на процессы трансформации традиционного хозяйства чеченцев. Однако этот период требует самостоятельного исследования, что выходит за предметные рамки нашей работы. Что касается нижней хронологической границы, то продиктованные логикой исследования в работе присутствуют сведения из более раннего периода истории, которые обеспечиваются археологическим и лингвистическим материалом.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы изучить традиционную систему хозяйствования чеченцев, рассмотреть механизмы ее функционирования как части этнической культуры, выявить факторы и детерминанты, определившие роль традиционной хозяйственной культуры в этносоциальном развитии чеченского социума в указанный период.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить ряд взаимосвязанных исследовательских задач. Прежде всего, необходимо дать теоретическое определение изучаемому объекту в рамках эвристического поля диссертационной работы. Следующая задача делает необходимым подробное описание наиболее развитых форм хозяйственной деятельности и многообразие их видов в хронологической последовательности социального

развития чеченского общества. Для решения поставленной цели необходимо выявить и проанализировать механизмы, формирующие экономическую основу этнической культуры традиционного общества чеченцев. Важной задачей является определение перспективных возможностей отраслей традиционного хозяйства в экономических практиках современного глобализирующегося социума.

Методология и методы исследования. В современной науке большое развитие получила многоуровневая концепция методологического знания, которая предусматривает применение в научных исследованиях всеобщих, т. е. философских, общенаучных, а также дисциплинарных методов исследования.

Из двух известных философских методов исследования (диалектический и метафизический), в данном исследовании мы применили диалектический метод. Этот метод исследования ориентирует нас на анализ разных точек зрения относительно предмета исследования, рассмотрение предметов и явлений в свете диалектических законов и соблюдение научных принципов исследования.

В диссертационной работе использованы общенаучные методы и приёмы исследования, которые включают методы эмпирического исследования, методы теоретического познания и общелогические методы и приёмы исследования.

Из методов эмпирического исследования использован метод наблюдения.

Метод описания использован, чтобы правильно фиксировать результаты наблюдения.

Метод сравнения использован для выявления тождеств и различий многих артефактов.

Аксиоматический метод, относящийся к методам теоретического познания, использован для того, чтобы логическим путём вывести утверждения, исходя из известных аксиом. Например, в домашних

производствах какой-то процесс может начаться в результате естественных причин, которые имеют внутреннюю природу, и воздействия внешних факторов, поэтому логика допускает того, что термины их обозначающие могут быть успешно перенесены и в другие сферы деятельности человека.

Гипотетико-дедуктивный метод позволяет нам вывести гипотезу, из которой следует утверждение. Например, смысловое сходство основ всех слов, включающих компонент – *пхъа*, с понятием «производство», допускает того, что топонимы с подобным компонентом имеют отношение и к производственным поселениям. Разумеется, чтобы наша гипотеза перешла в теорию, нужна проверка, которая может быть реализована через археологические раскопки в местах, где проходят такие топонимы.

Весьма продуктивно применены такие общелогические методы и приёмы исследования, как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, аналогия.

Метод системного подхода, применённый в исследовании, позволил изучить развитые формы хозяйственной деятельности в определённых ландшафтных условиях, выявить многообразие видов хозяйственной деятельности, связи с древними культурами и свести их в единую составляющую этнокультуры.

Общенаучный метод вероятности, как количественный метод, основанный на статистическом учёте, допускает возможности повторения находок, событий, явлений, фиксируемых в природе или обществе.

В данном исследовании использованы исторические методы, так как этнография/этнология является, прежде всего, исторической дисциплиной.

Применение сравнительно-исторического метода, или диахронного, позволяет сопоставлять и сравнивать периоды развития культуры, указывать на изменения, которые претерпела культура. Сравнительно-исторический метод разрешает выходить за пределы изучаемого вопроса и указанные хронологические рамки, чтобы ещё глубже вникнуть в изучаемую проблему.

При применении историко-типологического метода в работе выделены виды сельскохозяйственных работ по природным зонам и формы совершенствования животноводческого хозяйства, в частности, хозяйственных строений.

Для исторической реконструкции мы применили экспериментальный метод исследования, который позволил вернуть к жизни некоторые предметы материальной культуры, таким образом, реконструированы ткацкий стан, рисунки стегани, элементы орнамента и т.д.

В диссертации нашли применение дисциплинарные методы исследования этнологии, этнографии, антропологии, самым значимым из которых является метод полевых исследований.

Метод пережитков включает изучение тех или иных правил, традиций, явлений, которые где-то сохраняются единично, но потеряли своё прежнее значение. К примеру, в локальном этническом обществе Чеберлой в прошлом считалось позором употребление в пищу таких молочных продуктов, как сметана и сливочное масло. До 80-х годов XX века среди старшего поколения чеберлоевцев, особенно мужчин, встречались такие, которые ни разу не пробовали эти продукты, но они уже не осуждали тех, кто их ест.

Метод сравнительного языкознания помог обнаружить языковые параллели, присутствующие в языках не только народов Кавказа, но и многих других, которые не относятся к изучаемой культурной области. Например, формообразующий компонент «рига», который встречается, как лексема, в других языках.

В ходе полевых исследований и процессе работы над диссертацией мы соблюдали такие принципы исторической науки, как историзм, истина, объективность, историографическая традиция. Суждения, оценки и выводы по исследуемой теме строились на основе достоверных исторических источников, а также на основе полевого материала, собранного лично автором на территории исследования, и наблюдений.

Источниками настоящего диссертационного исследования явились:

- полевые материалы автора, собранные, начиная с 80-х годов прошлого столетия по настоящее время преимущественно в горных и сельских районах расселения чеченцев.
- археологические материалы, которые позволили представить историческую эволюцию отраслей хозяйства чеченцев;
- лингвистические материалы, проливающие свет на семантику словарного тезауруса, относящегося к сфере традиционной хозяйственной деятельности;
- музейные материалы; соответствующие артефакты просмотрены и изучены автором в экспозициях и фондах Государственного Национального музея Грузии, Государственного Национального музея Республики Армения; богатый материал выявлен в музеях школ селений Итум-Кале, Махкеты Чеченской Республики, в сельском музее чеченского села Дуиси в Грузии.
- ранние этнографические сведения о хозяйственной деятельности и культуре чеченцев отраженные в фольклорных изданиях - «Чеченский фольклор»⁵¹, «Исторический фольклор чеченцев и ингушей»⁵², многотомное издание чеченского фольклора⁵³.

Научная новизна проведённого исследования отражена в следующих положениях, **выносимых на защиту**:

- Хозяйственной деятельностью относятся к глубинным составляющим этнической культуры. Традиционная хозяйственная культура - совокупность экономических практик, основанных на хозяйственных традициях народа.
- Воспроизведены и систематизированы названия частей природы и Вселенной, присутствующие в этносознании чеченцев, непременно связанные с хозяйственной деятельностью
- этносоциальные аспекты традиционной системы хозяйствования связаны с «уьйре». Данным термином мы обозначаем локальное общество, связанное с хозяйственными узами.

⁵¹ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – 592 с.

⁵² Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978.

⁵³ Мунаев И. Б. Нохчийн фольклор.

- Хозяйственная культура формируется в процессе сознательной хозяйственной деятельности этноса, занимающего определённую географическую среду, в гармонии с ландшафтными особенностями. Особенность среды, в которой зарождалась и протекала хозяйственная деятельность чеченцев, связана с горно-равнинным ландшафтом, который включает несколько климатических зон, несмотря на сравнительно маленькую территорию Чечни.

- Этапы и особенности истории и развитие хозяйства во многом запечатлены в смысловом содержании древних терминов, выявляющих забытые стороны хозяйственной жизни. Новые аспекты в интерпретации значимых этнических терминов непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью. В этом отношении показательны и выявленные первые орудия труда в числе предметов материальной культуры чеченцев, имеющие отношение к начальной стадии трудовой деятельности: «*диерто*» (каменное рубило); «*ванто*» (каменный скребок с выемкой); «*цкъацкъар*» (отщепы); «*зIоко*» (клювовидное орудие); «*макху*» и «*мIачиг*» (каменные и костяные острые режущие и колющие предметы);

- Наиболее распространённые формы хозяйственной деятельности чеченцев – земледелие и скотоводство составляют надёжную базу для развития домашних производств и ремёсел.

- Хозяйственные строения вписываются в окружающий ландшафт, а домашнее хозяйство имеет своих «друзей» и «врагов». Зоонимика показывает проблемы хозяйственной жизни.

- Ранние производственные традиции в приготовлении пищи, обработке кости, овчины, изготовлении керамики, шерстяном промысле, искусстве стегани и т.д., устанавливают глубокие связи с культурой земледелия и скотоводства;

- Хозяйственная деятельность не может рассматриваться вне связи с другими сторонами жизнедеятельности и функционирования социума. В частности, непосредственно с хозяйственной деятельностью связана

художественный компонент социальной действительности, духовная составляющая культуры этноса. Широко распространенный в народном искусстве чеченцев орнаментальный мотив «Древо жизни», воспроизводящий одну из константных основ духовной сферы чеченцев, непосредственно связан с традиционной хозяйственной практикой;

- Хозяйственная деятельность протекает в контексте социальных рамок, структурирующих данное этническое общество. В традиционных хозяйственных практиках чеченцев важное место занимали особенности гендерных аспектов при осуществлении хозяйственных обязанностей. Традиционное хозяйство чеченцев больше было ориентировано на маскулинную силу.

- Накопление народных знаний происходило в процессе сознательной трудовой деятельности.

- С традиционным хозяйственным циклом связаны и другие пласты духовного наследия чеченцев. Локальный вариант календарной недели чебирлоевцев содержит ранние представления о недельном счёте чеченце.

- Историческая метрология чеченцев формировалась в едином культурном пространстве народов Кавказа, России и Востока;

- Дана классификация древней чеченской антропонимики, отражающей реальные стороны жизни и деятельности народа, испытавшего значительное влияние других культур.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическое значение исследования состоит в том, что впервые в научный оборот введены ранее неизвестные артефакты, а также терминология, - в частности: *уьйре, ванто, диерто, цкъацкъарш, мIачиг, пхъа, ной, нуо, лание, хатт, хор, чох, хач, саро, рига, джа, калхуо, иэч, уоч, перс* и т.д., - отражающие достаточно развитый характер их хозяйственной деятельности и соответствующих ментальных особенностей чеченцев, что даёт приращение новых этнографических знаний о народах Северного Кавказа, в том числе и чеченцев. Установление этих артефактов, принятие данной терминологии и её использование в описании и

анализе хозяйственной, производственной деятельности, ментальных особенностей чеченцев, позволяет подвергнуть пересмотру оценку о некотором отставании хозяйственной деятельности.

Результаты диссертационного исследования можно использовать при создании обобщающего труда по этнографии народов Северного Кавказа и России и для разработки лекционных курсов. Помимо этого, практическая значимость работы состоит в возможности использования её выводов в уточнении и реализации ряда положений республиканской Программы возрождения горных районов Чеченской республики. Работа может быть ценным справочным пособием при создании этнопарков, создание которых практикуется в курортных зонах Чечни.

Апробация работы. Основные положения исследования представлены диссертантом в ряде научных публикаций, в том числе в авторской монографии, 15 научных статьях в журналах, рекомендованных ВАК, 5 научных статьях в международных журналах, материалы которых находятся в базах данных Scopus, а также в 30 научных публикациях в разных изданиях. Результаты диссертационного исследования докладывались на следующих научных форумах:

Конгрессы (3)

1. IX Конгресс этнографов и антропологов России. (Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г.
2. Всемирный Юбилейный Конгресс МУФО 28 ноября 2013 г., Санкт-Петербург// Электронный ресурс. <https://www.youtube.com/watch?v=9-65SUiMxpY>
3. Proceedings of the VIII International Academic Congress “Applied and Fundamental Studies in Eurasia, Africa and America“ (South Africa, Cape Town, 18-20 June 2015).

Международные конференции (16)

4. Международная научная конференция «Археология, этнография и фольклористика Кавказа» (Махачкала, 1-5 октября 2007 г.).

5. Кавказ. Археология и этнология. Международная научная конференция. (Шамкир, 11-12 сентября 2008 г.).
6. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Тбилиси, 25-27 июня 2009 г.).
7. «Актуальные проблемы науки и практики». Научно-практическая конференции с международным участием (Кизляр, 15 декабря 2009 г.).
8. Актуальные проблемы истории Кавказа. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения профессора Р. М. Магомедова (Махачкала, 14-15 апреля 2010 г.).
9. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Тбилиси-Гори-Батуми, 27-30 сентября 2010 г.).
10. II Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 1 августа 2011 г.).
11. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Ереван, 25-29 сентября 2011 г.)
12. II Международной научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 10 октября 2011 г.).
13. Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX-XX вв. Международная научная конференция (Пушкин (Санкт-Петербург), 14-16 марта 2012 г.)
14. Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие стран СНГ и современность. Армения, Гюмри, 4-6 октября 2013 г.
15. Международная научно конференции «Historu, Problems and Prospects of Defelopment of Modern Zivilization». Tokyo, Japan, 25-27 April 2015.
16. II Международная научно-практическая конференции «Перспективы развития научной деятельности в XXI веке», Москва, 30 апреля 2015 г.
17. Международная научная конференция «Абхазия в мировой истории и международных отношениях», посвящённая 70-летию В. Г. Ардзимба, 14-17 мая 2015 г. г. Сухум.

18. III международный форум историков-кавказоведов. Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства 17 ноября 2015 г. г. Ростов-на-Дону.

19. XLIX Международная научно-практическая конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Москва, 19 апреля 2016 г.

Всероссийские (4)

20. Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство (Грозный, 4 декабря 2003 г.).

21. Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство» (Грозный, 24 декабря 2005 г.).

22. Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство» (Грозный, 9 декабря 2008 г.).

23. Народы Кавказа в пространстве Российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Всероссийская научная конференция (Ростов-на-Дону, 13-15 сентября 2011 г.)

Региональные (3)

24. Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа. Региональная научно-практическая конференция (Нальчик, 16 – 19 октября 1989 г.).

25. Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Региональная научно-практическая конференция (Махачкала, 29 февраля 2008 г.).

26. Региональная научно-практическая конференция. Этнографическое кавказоведение: традиции и перспективы» (к 80-летию профессора М. А. Агларова), г. Махачкала, 26-27 марта 2015 г.

Структура диссертации состоит из: Введения, четырёх глав, 12 параграфов и 7 пунктов, заключения, списка литературы, словаря терминов, списка информаторов и приложения.

ГЛАВА I Особенности становления хозяйственной культуры чеченцев: теоритические и практические аспекты.

1. 1 Социально-культурные предпосылки и особенности формирования общества «уьйре».

Вторая половина XX столетия ознаменовалась в истории Кавказа тем, что на его территории были обнаружены и исследованы археологические памятники, изменившие представления о древности Кавказа в сторону значительного углубления в древность. Каменные орудия галечной культуры, сходные с примитивными орудиями Олдувайской эпохи древнекаменного века, являющийся самым первым этапом в истории человечества, выявлены в Закавказье - Азыхской пещере Нагорного Карабаха (1 млн. – 1,5 млн. лет)⁵⁴ и в Квемо Картли южной части Грузии, вблизи села Патара Дманиси (1,8 млн. л)⁵⁵. Комплекс изделий каменной индустрии Мушакана -1 (Армения) также позволяет отнести их к классическому варианту Олдувайской культуры нижнего палеолита, хотя, по ряду причин, археологи не спешат установить хронологические рамки. В частности, по мнению известных археологов Б. Ерицяна и Б. Гаспаряна⁵⁶, галечная культура может сохранять свою жизнеспособность не только в каменную эпоху, но и в эпоху бронзы и железа, поэтому для окончательного решения вопроса о периодизации должно быть выявлено и переработано достаточное количество первоисточников с устойчивыми биостратиграфическими данными.

Что касается Северного Кавказа, то в акушинской котловине Центрального Дагестана открыты экстраординарные археологические памятники, относящиеся к начальной археологической периодизации —

⁵⁴ Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1985.

⁵⁵ Ниорадзе Г. Н. Местонахождение ранних гоминидов в Дманиси, его каменная индустрия и место среди основных раннеплейстоценовых памятников Старого Света. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Тбилиси, 2006. - С. 61.

⁵⁶ Ерицян Б. и Гаспарян Б. Комплекс галечных орудий местонахождения каменного века Мушукан – 1 (Армения) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. - Тбилиси, 2010. - С. 152.

олдовану: Айникаб I, II; Мухкай I, II; Гегалашур I, II, III. «Материалы стоянок Айникаб I и Мухкай I безупречны со стратиграфической точки зрения и чрезвычайно выразительны в археологическом отношении, - пишет академик Хизри Амирханов. Они позволяют говорить впервые со всей определенностью, что в юго-восточной Европе, а конкретно, на территории юга России отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей — олдувайской эпохи». Время первоначального расселения устанавливается в достаточно широких рамках от 1,2 млн. л. н. до 1, 8 млн. л. н.⁵⁷. Чрезвычайно важные открытия, сделанные Х. Амирхановым, вносят ясность в такие фундаментальные вопросы, как география и пути расселения человека из прародины – Восточной Африки – на территорию Евразии. Более убедительным стало свидетельство «существования вдоль западного побережья Каспийского моря одного из древнейших миграционных маршрутов гоминид из Африки в Евразию»⁵⁸. Это означает, что *Homo habilis* (человек умелый) оставил следы своей глубокой деятельности на Кавказе. Теоретически вполне вероятно, что на территории Чеченской Республики могут быть выявлены следы обитания древнейшего человека, т. к. эта территория, как и некоторые другие, находится на пути следования гоминид из Восточной Африки на территорию Евразии. Это мнение автора подтвердил известный специалист по палеолиту Кавказа, доктор археологии Т. Ахундов⁵⁹.

На Северном Кавказе ярко представлена Чохская культура эпохи мезолита, которая даёт самые древние свидетельства становления земледелия и скотоводства. Эпоха энеолита Восточного Кавказа представлена Гинчинской культурой. На Северном Кавказе выявлены первые образцы

⁵⁷ Амирханов Х. А. Исследования памятников олдована на Северо- Восточном Кавказе (Предварительные результаты). - М., Таус 2007. - С. 23-24.

⁵⁸ Деревянко А. П. Исследования раннего палеолита Южного Дагестана: результаты и перспективы//Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2007. – С. 5.

⁵⁹ ПЭМА: видео № 0023 – 0025 «Т. Ахундов», хранится у автора.

глиняной посуды и свидетельства существования домостроительства для всей территории России. Концепция сложения производящего хозяйства в Восточном Кавказе достаточно обоснована данными археологических раскопок (Амирханов Х. А. Марковин В. И., Мунчаев Р. М.).

В чеченском языке на базе этнографического материала нами выявлены ранее не представленные названия предметов, которые, на наш взгляд, имеют прямое отношение к первым видам орудий труда и, соответственно, к начальной стадии трудовой деятельности чеченцев: каменное рубило – «диерто»; каменный скребок с выемкой – «ванто»; отщепы – «цкъацкъар»; клювовидное орудие – «зЮоко»; каменные и костяные острые режущие и колющие предметы – «макху» и «мІачиг».

Кавказ привлек первобытных людей богатой фауной и флорой. Раннему заселению Кавказа способствовал благодатный климат и наличие богатого разнообразия природного материала, необходимого для изготовления орудий труда⁶⁰.

Северный Кавказ также является одним из древнейших очагов становления производящего хозяйства, так как имел все предпосылки для возникновения хозяйственной деятельности и хозяйственной культуры. Хозяйственная культура народов Северного Кавказа основана на глубоких хозяйственных традициях, что подтверждается археологическими данными и этнографическими сведениями.

Источники указывают, что в период раннего средневековья на Северном Кавказе, в том числе и Чечне, существовали развитое земледелие и скотоводство, различные производства имели для того времени высокий уровень, несмотря на разрушительное нашествие Тимура и его последствия⁶¹.

Характеризуя хозяйственную деятельность чеченцев в XVI-XVIII веках Я. З. Ахмадов отмечает, что скотоводство играло важную роль в хозяйственной жизни населения Чечни, где-то превалируя над земледелием, а где-то

⁶⁰ Магомедов М. Г. История аварцев. - Махачкала, 2005.

⁶¹ История Чечни с древнейших времён до наших дней в 2-х томах. Т. 1. – Грозный, 2008. – С. 98-100.

дополняя его⁶². Уровень развития земледелия и скотоводства в Чечне определял и степень развития крестьянских кустарных промыслов и ремёсел, которые в условиях господствующего натурального уклада в хозяйстве чеченцев, особенно в высокогорной зоне, представляются относительно развитыми⁶³.

Хозяйственная деятельность человека протекает в естественной и социальной среде. Природные условия Кавказа благоприятствовали возникновению производящего хозяйства, но требовали объединения усилий многих членов семьи, рода, общества. В современном чеченском языке для обозначения общества (социума) искусственно введено слово «юкьаралла», которое сочинено в научной среде тогда, когда в народной среде такого термина вовсе и не существовало. Создавалось ложное мнение об отсутствии в чеченском языке термина для обозначения общества. На самом деле чеченское общество в горных диалектах имело название – «уьйре». Поскольку в чеченском языке присутствуют говоры и диалекты, его произношение имеет много оттенков: «урие», «уьйре», «уьре», «уьйре». Основой термина «уьйре», обозначающего социум, является - ур/уьр, а в современном произношении после известного влияния тюркизмов – уьр/уьйр, что означает связность, общность, взаимопонимание, сплочённость. Именно через развитие связей между членами общества происходит его хозяйственное и культурное развитие. Уьйре – это социум, связанный с природой на основе достижения гармоничных отношений. Каждый социальный институт горцев составлял часть «уьйре».

Выявив части Вселенной и природы, присутствующие в понятии чеченца, убеждаемся, что они имеют деятельностную характеристику: *Ание* – небеса, космос, бесконечность; *Иалам* - природа, как материальная часть Вселенной; *джилИалам* - практически полезная часть природы; *шуон* - часть

⁶² Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. - Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – С.78.

⁶³ Ахмадов Я. З. Очерк исторической – С. 80

природы, включая и животный мир, из которой человек получает пищевые продукты, необходимые для поддержания жизни; *уьйре* – общество, как часть природы, как социум; *адам* - человек. Уьйре – это общество, в котором человек (адам) должен жить в гармонии со всеми.

В топонимике Чеченской республики встречаются термины с компонентом – «ур», «уьр» - как образующим местное название обществ. К примеру, в пределах горного общества ЧIаьнта находилось поселение УргIала (гIала – город)⁶⁴, на востоке от Итум-Кале находится хребет - *Урзуме дукъ*, здесь же, на западе *Гелин эвла* находятся развалины поселения *Сондур – ара*⁶⁵ с башней в черте этого поселения⁶⁶. В Шатойском обществе находится село *Уьрга(Урга) – юххе*; на востоке Сандаха находятся развалины древнего аула Хамбурие⁶⁷. В обществе Хилдиехья есть урочище, называемое на местном диалекте «урсхатташта». Термин – *урие* мы находим и в следующей рифмовке чеберлоевцев:

«Делеха валариг, уреха валариг.

ИгIа нуох дахуш, мигIа киес дахуш

Чолхоре валариг, масоло хилариг.

Зозохо масиш, карсохо цIарзиш.

Аза-ме – гIанцIиг».

Для точного перевода текста не хватает слов, но если передать смысл, отрывок взят из песни, где речь идёт о молодом человеке, сделавшем неудачный выбор невесты. В качестве наказания ему желают, прежде всего, отчуждение от Бога (Дела) и общества (урие). Далее желают, чтобы он пахал землю снизу вверх, а траву косил сверху вниз, и дошёл тем самым до неузнаваемого состояния. Затем высмеиваются физические недостатки его избранницы⁶⁸.

⁶⁴ Сулейманов А. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1. - Грозный, 1976. - С. 121.

⁶⁵ Там же. - С. 122.

⁶⁶ Там же. - С. 127.

⁶⁷ Там же. - С. 179.

⁶⁸ ПЭМА: хранится у автора.

В пределах горного общества Кей-мохк находятся развалины поселений **Гиёмара**, **Мештара**; в пределах горного общества Тёрлой-мохк находятся руины древнего аула **Моцкъара**; в пределах горного общества Мулкъой-мохк находятся развалины аула **Бенгара**. Список можно продолжить: **Хъачара**, **Чайра**, **Багачара** и т. д. - и это все высокогорные общества. На наш взгляд, не совсем логично предполагать, что такой равнинный термин, как «ара», так активно вписался в горной зоне. В этой зоне больше приемлемы горные топонимы: баса (склон горы), арц (лесистая возвышенность), гу (холм), артие (гора, возвышенность с тупой вершиной, т. е. без острых вершин, что делало это место удобным для хозяйственных занятий или проведения религиозных обрядов). В приведённых топонимах на «ара» (**Гиёмара**, **Бенгара**, **Хъачара**) более верный смысл топонимам придаёт окончание на «урие», который несколько изменился на «ара» («арие») в современном чеченском языке, в основу которого лёг равнинный диалект чеченского языка, испытавший на себе большое влияние соседствующих на равнине культур. На местных локальных диалектах это явление достаточно заметно. К примеру, ни на одном диалекте чеченского языка, кроме как равнинном, не говорят так подчёркнуто «ламарой», последнее слово на диалектах звучит несколько иначе: ламорой, ламурой, ломурой и т. д.

В контексте обсуждаемого вопроса вспоминаются, прежде всего, хевсуры, проживающие на южных склонах Большого Кавказа. По сути, это люди разных национальностей, которых объединило ущелье (Хеви) в одну группу, общину и единый хозяйственно – культурный тип. В суровых географических условиях ущелья Хеви они сделали всё, что может сделать человек в данной среде. Это относится и ко всем кавказским горцам, в том числе и чеченцам.

Горцы Кавказа, например, чеченцы, создали производящее хозяйство. У чеченцев было: пашенное, орошаемое и террасное земледелие; пастушеское и отгонное скотоводство; домашние промыслы; хозяйственный

календарь, развитая метрология и народные знания; богатое устное народное творчество; монолитный архитектурный тип строений, включая башенные строения; музыка и танцы; уникальная тактика наблюдения и ведения боя; органы, исполняющие государственные функции (регулирование вопросов, связанных с внешними отношениями и внутренним устройством общества) и многое другое. Интересным в этом ряду всё же остаётся вопрос о «бесписьменности» чеченцев, так как культурное общество «уьйре» требует наличия письменности для передачи информации из жизни и деятельности народа – хозяйственной, воинственной, а также из духовной сферы. Такую информацию транслировали рисунки, пиктографы, знаки, которые сохранились в Чечне на рукотворных предметах: каменных строениях, надмогилных памятниках, деревянных изделиях, предметах домашней утвари и в вязи мотивов орнамента. Смысловое значение некоторых знаков было восстановлено автором ранее в своей исследовательской работе⁶⁹. Они имеют непосредственное отношение к человеческой деятельности, в том числе и хозяйственной. О существовании у чеченцев клинописи донельзя убедительно свидетельствует присутствующий в чеченском языке термин «зайла йоза» (зайл – клин; йоза – письмо), скрупулёзно точно соответствующий понятию клинописи. Ещё один вид доалфавитного письма чеченцев остаётся не изученным – «меха йоза» (игловое письмо), выполняемое на коже методом выбивания мощной иглой, иначе такое письмо называлось «зударий йоза» (женское письмо), наверное, по той причине, что игла являлась традиционно женским орудием шитья. Есть основание предполагать, что подобное письмо со временем перешло в один из видов женского рукоделия, потому что вплоть до 40 – х годов XX века в Чечне, в частности, селе Автуры, были мастерицы по художественному украшению кожаных изделий методом выбивания⁷⁰.

⁶⁹ Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. – Нальчик, 2009. – С.125-152.

⁷⁰ ПЭМА: информация получена от местного краеведа Гапаева А., жителя села Автуры.

Поэтому прав известный дагестанский этнограф М. М. Магомедханов в том, что носители так называемых «бесписьменных языков» всё же не были бесписьменными⁷¹. Профессор Ш. Б. Ахмадов приводит интересные сведения о том, что для внешних дипломатических сношений чеченцы пользовались письменностью своих соседей – грузинской, русской и даже кумыкской (посредством арабской графики), однако это относится к более позднему периоду истории Чечни - XVI - XVIII вв⁷². Что касается более раннего периода, то, к примеру, на стенках деревянного кубка токарной работы из Малхисты (XIII в.), вырезана надпись, выполненная на основе древнегрузинского алфавита «асомтаврули» и обозначающая собственно вайнахское имя «Гизего»⁷³. По мнению А. И. Халидова, вопрос о бытовании с давних времён на территории Чечни собственно письменности на основе графики, не изучен и основан на недостаточных отрывочных сведениях. Наличие у чеченцев древней письменности на грузинской основе, остаётся лишь предположением, заслуживающим, впрочем, внимания и тщательного изучения⁷⁴. Далее М. М. Магомедханов пишет: «Возникновение у чеченцев письменности на арабской графической основе хронологически совпадает с периодом их интенсивной исламизации (XVI-XVIII вв). В первой половине XIX в., особенно в период вхождения Ичкерии в состав Имамата Шамиля, деловая переписка велась на арабском языке»⁷⁵. Со второй половины XIX в. чеченская письменность имеет свою историю⁷⁶.

⁷¹ Магомедханов М. М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. - М., 2008. - С. 216.

⁷² Ахмадов Ш. Б. Культура чеченцев в XVIII веке. // Культура Чечни: история и современные проблемы. - М., 2006. - С. 101.

⁷³ Даутова Р. А. Деревянная посуда из позднесредневековых склепов Малхисты и Майсты (Чечено-Ингушетия) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 215.

⁷⁴ Халидов А. И. Чеченский язык и диалекты // Чеченцы. – М., 2012. – С. 28.

⁷⁵ Магомедханов М. М. Дагестанцы - С. 58.

⁷⁶ Халидов А. И. Указ. соч. – С. 29-34.

Со второй половины XIX в. происходит важное событие и в духовной сфере чеченского общества – «уьйре». В Чечне имело широкое распространение суфийское учение кадиритского толка, проповедником которого был шейх Кунта-Хаджи. Оно утверждало идею бесконфликтного мирного общества, а также любовь к физическому труду: «Будьте трудолюбивы. Не бойтесь самой тяжёлой работы. Тот, кто не живёт своим трудом, живёт трудом других. Это грешно, ибо это то же самое, что кража»⁷⁷. Учение приветствовало дружбу и взаимопомощь, прощение друг другу обиды, помощь вдовам и сиротам⁷⁸. Сам Шейх питался исключительно тем, что зарабатывал своим трудом. Последователи шейха Кунта-Хаджи и в настоящее время отличаются отзывчивостью. Они охотно оказывают помощь в хозяйственных работах. Особенно нравится им пасти скот вместо того, кто по уважительной причине в тот день не смог это сделать, потому что их Устаз (Учитель) Кунта – Хаджи с особой любовью относился к домашним животным⁷⁹.

Таким образом, как Южный Кавказ, так и Северный Кавказ по имеющимся археологическим данным включены в период олдувайской эпохи древнекаменного века, являвшимся самым первым этапом в истории человечества.

Материалы стоянок Айникаб I и Мухкай I, обнаруженные на территории Северо-Восточного Кавказа позволяют говорить, что в Юго-восточной Европе, а точнее, на территории юга России, отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей - олдувайской эпохи. Названия таких орудий, как каменные и костяные острые режущие предметы – «макху» и «мIачиг»; каменное рубило – «диерто»; каменный скребок с выемкой – «ванто»; отщепы – «цкъацкъар»; клювовидное орудие – «зIоко», выявленные, на базе этнографического материала, на чеченском

⁷⁷ История и культура чеченского народа. – М., 2002. – С. 52.

⁷⁸ Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный, 1994. – С. 48.

⁷⁹ ПЭМА: информация получена от современных мюридов-последователей учения шейха Кунта-Хаджи.

языке, на наш взгляд, тоже имеют прямое отношение к первым орудиям труда и навыкам трудовой деятельности человека.

На Северном Кавказе, в Чохском поселении Центрального Дагестана, также обнаружены самые древние сведения о становления земледелия, скотоводства и производящего хозяйства для всей территории России.

Богатая фауна и флора, наличие природного и вулканического материала – всё это способствовало возникновению здесь ранних форм производящего хозяйства, что неизбежно приводило к культуре хозяйствования, по мере накопления эмпирического опыта, последняя принимала относительно цивилизованную форму и являлась первой формой культурного общества (союза, коллектива) – «уьйре». Реальная действительность требовала именно такой организации общества. Судя по термину, отличительной чертой общества «уьйре» были общность интересов, сплочённость, гармония с природой и сравнительно высокая культура. К началу XIX в. формирование чеченского народа на базе нахского этномассива было уже завершённым⁸⁰.

Земледельческие и скотоводческие традиции на Северном Кавказе, в том числе и Чечне, были заложены в глубокой древности и развивались на протяжении тысячелетий. Соизмеримо с ними развивались и производственные традиции. Несмотря на то, что XIX в. в истории Чечни был насыщен бурными политическими событиями, земледелие, скотоводство и базирующиеся на них производства сохранялись.

Суфистское учение кадитского толка, которое имело широкое распространение в Чечне со второй половины XIX в., утверждало в обществе «уьйре» не только идею бесконфликтного мирного общества, но и любовь к физическому труду.

1.2 Этимологический анализ значимых топонимов и этнонимов чеченцев.

⁸⁰ Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии..... – С. 35.

Как мы отметили выше, на Кавказе были благоприятные условия для жизни и хозяйственной деятельности населения, несмотря на внешнюю суровость края.

По мнению дореволюционного автора, «ещё до Рождества Христова край этот привлекал внимание людей, благодаря горному хребту, который собственно и называется Кавказ»⁸¹. Кавказ – этот необычный и загадочный край не оставлял равнодушным тех, кто посетил его хоть раз. Кавказ издревле был в гуще событий – ярких, бурных и судьбоносных.

Автохтонные народы Кавказа создали на стыке двух великих культур – восточной и западной – третью самобытную кавказскую культуру, в том числе и культуру хозяйственной деятельности.

По нашему мнению, невозможно до конца осмыслить столь жизненно важную сферу деятельности чеченцев, каковой является исследуемая, не разобравшись в семантическом поле таких важных топонимов и этнонимов, как Кавказ, Пхъармат, нах, нуох, наЧха, нахЧа, нохчи.

К сожалению, среди учёных, краеведов, а также в многочисленной этнической среде, присутствующей на Кавказе, нет единого мнения относительно смысловой трактовки лексемы Кавказ. Встречаются мифологические разъяснения, к примеру, как имя местного пастуха было присвоено одной из вершин Кавказа, откуда и пошло название, или библейская легенда, что старшего сына пророка Ноя звали Иафетом, а одного из его потомков, от которого произошли автохтонные народы Кавказа, звали Кавказом. К сожалению, эти версии не утвердились в науке в качестве доказуемых и убедительных версий.

Общеизвестно, что название это встречается впервые в трагедии Эсхила, древнегреческого поэта и основателя античной трагедии, жившего в 525 - 456 г.г. до нашей эры, «Скованный Прометей»; от греков оно перешло к римлянам и затем ко всем новейшим европейским народам. В Большой

⁸¹ Колокольникова В. Кавказ. - М., 1898. - С.3.

советской энциклопедии допускают возможность связи слова с названием хеттского народа «каз-каз», жившего на берегу Чёрного моря⁸².

Гай Плиний, римский писатель, ученый и государственный деятель, живший в 1-ом веке н. э. приводит скифское название Кавказа - "Крауказ", т. е. «сверкающая скала» от снега.

Известный исследователь кавказских языков П. К. Услар отрицал местное, туземное происхождение термина «Кавказ» и возводил его к «Каугаз», т. е. «Горы азов», а Г. Ю. Клапорт полагал, что название Кавказ произошло от Коф-Каф, т. е. горы Каф, или Касп⁸³.

Исследователь В. Н. Ковешников находит, что некоторыми авторами для объяснения слова рассматривается авестийское Kahrkasa в значении «шишка». В русский и ряд других языков слово пришло из древнегреческого языка в форме Каукасос, это искажённое название на языке древних выходцев из Индии: Граукасим – «Белоснежная гора». По суждению автора, Щербина Ф.А. предполагал, что название Кавказа киммерийского происхождения, где первый слог «кафъ» или «кохъ» означает «гора». Далее: «В «Повести временных лет» (XII век) горы именуются Кавкасийские, по-видимому, производное от Каспийского моря-озера - Каспийские горы. В основе этой гипотезы лежит название народа каспии, некогда проживавшего на юго-западном берегу Каспия»⁸⁴.

Арабский географ IX века Ибн Хордадбех приводит название «Кабк»⁸⁵, наиболее близкое современному звучанию после добавления греческого топонимообразующего суффикса – «ас».

В лезгинской народной среде популярно значение слова «Къавкъаз», как «подпирающий небо», возможно, этот вариант пришёл бы по душе

⁸² Кавказ. БСЭ. 3 изд. Т. 11. - М., 1973. - С. 113.

⁸³ Происхождение слова Кавказ [Электронный ресурс]. [http:// www.okavkaze.ru/](http://www.okavkaze.ru/)(дата обращения 10. 07. 2011)

⁸⁴ Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. - Краснодар, 2006. - 250 с.

⁸⁵ Ибн Хордадбех «Книга путей и стран (перевод с арабского и комментарии Н. Велихановой). – Баку, 1988. – С. 109.

Эсхилу, потому что именно он писал, что недоступные горные вершины воспринимали как жилища богов, считали их подножием неба, которое они подпирают как могучие Атланты

Осетинская традиция склоняется к «скалистой» или «горбатой» земле («къадз» - горбатый, «зах» - земля), а адыгская – к «кау каз», потому что каждый год в одно и то же время пролетали птицы (гуси - къаз) и кричали «кау». Тюркоязычное толкование слова сводится к утверждению следующих смыслов: 1. «Ворота-горы», поскольку, «кап», «кабк» означает «ворота» и «двери», а «каз», «кас», «каш» - «гора» или «возвышенность». 2. «Ворота кочевников», так как «каз» восходит к древней ономастике хазар и означает «кочевник».

Весьма интересен один момент: многие народы находят в названии Кавказа свою изюминку, не ощущая, в то же время, ярко выраженной противоположности в толковании слова, что свидетельствует лишний раз о едином культурном пространстве народов Кавказа, с активными внешними связями. Однако наличие разных мнений наталкивает на поиски новых ответов на вопрос: что означает Кавказ? Глубоко уважая мнения вышеприведённых исследователей, и не отрицая их, мы приводим своё видение вопроса, связанное с названием Кавказа, близкое этносознанию чеченцев.

В ходе полевых изысканий в 80 –ые и 90 – ые годы прошлого века мы не раз задумывались над тем, почему представители старшего поколения слово «кавказ» произносят немного иначе – «кавказие/кавкадзие», и списывали это или на говор-диалект, или на неграмотность стариков.

Арабское название Кавказа – «Кабх» - внешним звучанием напоминает слово «Кааба» - каменное творение, известное со времён пророка Авраама, мир ему, но оно также перекликается с нахским «Кавх» (Кав + ха), что означает в переводе «страж ворот». Следует заметить, что между 3 и 4 порогами на правом берегу Нила (территория Судана) существует город Кава, географическое положение и название которого ассоциируется с

термином «кав»⁸⁶. Присутствие этого термина в арабской топонимике очевидно, поэтому вполне вероятно нахо-арабское заимствование.

Между тем, в чеченской пиктографии встречается довольно интересная тема – «тема путников», включающая несколько рисунков, отражающих содержание темы. Рисунок «ка» представлен горизонтальным изображением кисти руки («ка»), символизирующим «успешность», «удачу». «Кав», а точнее «ка-ав» (именно так говорили на диалектах чеченского языка) есть «ворота», «проход», где «ав» - компонент, придающий импульсивность действию. Чтобы понять важность «ворот», как «импульса удачи», представим себе на минуту протянувшуюся цепь горных массивов в зоне активных миграций, которых надо перейти, где случайно (или неслучайно) найденный проход, конечно, являлся импульсом (причиной, толчком) успешности завершения перехода. Как писал Ф. С. Красильников, «...Колоссальные каменные массивы, это – Кавказские горы. Словно какие-то гиганты пришли...разбросали целые глыбы в разные стороны и оставили только узенькие проходы - ущелья для людей»⁸⁷. Таким образом, первая часть слова «Кавказ», т. е. «кав» находит логичное объяснение на нахском языке: это «ворота» со смыслом импульса (толчка, причины, темпа) удачи.

В чеченской пиктографии, зависимости от того, как менялось расположение руки, менялось и смысловое содержание рисунка. Вертикально вниз направленное изображение ладони есть «кази», символизирующее «неудачу». Кази», в свою очередь, состоит из двух компонентов - «ка» + «дзе/дзие», где звуки «д» и «и» при произношении, согласно правилам языкознания, опускаются, и остаётся «з». В итоге становится понятно, что Кавказ всё же представляет для путника «неудачные», «труднопроходимые» ворота или проходы. Тема путника, включавшая рисуночные знаки, представлена как «ка» – удача, успех, а так же ровность и функция руки; «кав» («ка-ав») удача, ровность с темпом;

⁸⁶ БСЭ. 3 изд. Т. 11. - М., 1973. - С. 105.

⁸⁷ Красильников Ф. С. Кавказ и его обитатели. - М., 1919. - С. 7.

«кази» – с отрицанием, вносимым в «ка», придаёт смысл неуспешности, трудности; «кавка» – самые верхние (верховные) ворота; «кавли» – многочисленные проходы; «кавзи» – отсутствие ворот, проходов; «кавлизи» – малочисленность проходов; «кавка» – лёгкость при переходах – (кав + ка)⁸⁸.

Компонент «дзе»/ «дзие», где, как правило, «д» выпадает, таит в себе, по нашему мнению, более глубокий смысл, чем представляется на первый взгляд. В сочетании с другим словом он заполняет его отрицанием, например, *аха* – вспахать; *аханза (ахандза)* – не вспаханное. Самостоятельное «дзе/дзие», существительное, переводится с чеченского языка, как «убыток», что в принципе не теряет своего отрицающего смысла. Изначальный смысл «дзе/дзие» представляется нам гораздо шире и глубже, относящийся к теме, как **отрицание**, т. е. это философская категория, выражающая связь двух последовательных стадий (состояний) развивающегося объекта; отрицание - условие изменения объекта, при котором некоторые элементы не просто уничтожаются, но сохраняются в новом качестве. Сравните: «заза» («дзадза») – двойное отрицание, есть цветение. Где-то так назывался бы и философский закон отрицания отрицания, если бы его вывели на чеченском языке.

В грузинской традиции фамилии преимущественно из западной и центральной Грузии оканчиваются на – «дзе» со значением «рождённый», «сын». Рождение нового – это отрицание старого, а не уничтожение; сын есть отрицание отца и т. д.

Таким образом, слово Кавказ из двух составляющих – «кав» + «кази» приближается к значению «ворот без импульсов и темпов, т. е. **труднопроходимых**». Термин «кав» («ка-ав») - ладонь руки в горизонтальном направлении – символ удачного перехода, относится также

⁸⁸ Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2009. - С. 12, 128, 130.

к ряду антропоморфных терминов, связанных с измерениями, подобные, как известно, относятся к очень древнему пласту языка.

Арабское название Кавказа «Кабх» (Масуди), «Кабк» (Хордадбега) совпадает с тюркоязычным звучанием «*кап*», «*кабк*», но смысловую связь со терминами «ворота», «двери» оно имеет только в том случае, если «кабх» есть «кавх», как «страж ворот». Тюркское название Кавказа - «ворота-горы», «ворота кочевников», которое должно звучать как «капказ/(кас)/(каш)»/ «кабказ/(кас)/(каш)» также совпадает со значением нахским в той части, где подразумеваются «ворота».

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующее заключение: нахо и арабское заимствование слова вполне допустимо, поскольку термин встречается в арабской топонимике, во-первых, а во-вторых, у чеченцев является антропоморфным знаком путников. Для тюркской традиции вполне закономерен переход «кав» в «кап» / «каб». Компонент *дзе/дзе* имеет общекавказскую природу. Компонент встречается не только в нахском языке, но и грузинском, абхазском, адыгском, осетинском и других языках, по всей вероятности, этот компонент относится к кругу яфетических языков и несёт в себе информацию философского отрицания.

Таким образом, в смысловом содержании лексемы «Кавказ», по нашему мнению, получили отражение активные миграционные процессы, которые, в любом случае, оказывали влияние на культуру хозяйственной деятельности.

Как было отмечено выше, первое упоминание о Кавказ появилось в трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Как известно, герой трагедии по велению Зевса был прикован цепями к Кавказскому хребту за то, что похитил с небес огонь и принёс на благо людям на землю. В определённое время к нему прилетал орёл и клевал печень, подвергая тем самым Прометея адским мучениям.

Будущий этнограф, поэт, фольклорист и автор «Топонимии Чечено - Ингушетии» Ахмед Сулейманов в 1937 году записал на местном диалекте миф с названием «Пхьармат». Информатор Муртазалиев Сулим, 1867 года рождения, проживал в высокогорном чеченском селе Дьбра (Итум-Калинский район). Согласно мифу, нарт Пхьармат был прикован бронзовыми цепями к вершине Баш-лам (Казбек) за то, что унёс с неба огонь и передал его людям. Каждый день к несчастному Пхьармату прилетает князь всех птиц Ида, садится на колени и задаёт один и тот же вопрос: «Раскаиваешься ли ты в содеянном? Если ты раскаиваешься, я не трону тебя, если нет, я буду клевать твою печень!» И каждый раз птица Ида слышит отрицательный ответ: «Нет! Я не раскаиваюсь». Тогда птица, поточив свой булатный клюв о кремневую скалу, говорят, начинала клевать печень. Как заметил профессор К. Чокаев, в содержании мифа прослеживается большое сходство с греческим мифом⁸⁹. Трудно судить, случайно ли это совпадение.

В известной древнегреческой трагедии Прометей не только похитил огонь для людей, но научил их обрабатывать землю, добывать металлы, строить жилища. Таким образом, Прометей встаёт перед нами и как мастер ремесленных дел. Всё это к тому, что Пхьармат так же был близок к кузнечному ремеслу, как это отразилось в его имени, поскольку «пхьар» на чеченском языке – это мастер, кузнец, и ни один из исследователей (К. Чокаев, Д. Баксан, Р. Нашхоев...) не сомневается в том, что именно это слово легло в основу имени. Чеченский фольклор свидетельствует: «В то время в горах жил сильный нарт Пхьармат. В своей кузнице для людей работал, хорошим мастером был он» («Оцу хенахь ломахь вехара ницкъ болу наьрт Пхьармат. Шен пхьалг1и чохь, нахана г1уллакх деш, дика пхьар хилла иза»)⁹⁰. Расхождения наметились только по отношению ко второй части имени – «мат». Профессор филологии З. Чокаев отметил, что «мат» в слове означает

⁸⁹ Нашхоев Р. Загадки Пхьармата. - М., 2002. - С. 189, 190.

⁹⁰ Нохчийн фольклор. Составитель Джембеков Ш. – Грозный, 1990. – С. 10.

место (поселения), народ, люди, язык. С его мнением не соглашается Д. Баксан, и после долгого обсуждения связывает «мат» с понятием «солнце», «Бог-солнце», так как Солнце в вайнахской языческой традиции обозначается словом «Ма», а бацбийцы, сохранившие древние формы языка, до сих пор говорят «матх»⁹¹. Всё это убедило его в том, что «Пхьармат» - это «Бог-солнце». Такого же мнения и Р. Нашхоев⁹². Самый полемичный из вышеназванных авторов Д. Баксан приводит несколько слов с основой «пхья/ пха», чтобы уловить семантику: Пхья - кровь; Пхья - селение; Пхья(р) - мастер, кузнец; Пха(рдан) - беременеть, делать беременной; Пхья(лгла) - мастерская, кузница; Пха(тоьда) - лемех; Пха - стрела; Пха - вена, жила. Он группирует эти понятия в ассоциативные блоки: 1. «Кровь», «беременеть», «селение», «вена»; 2. «Мастер» («кузнец»), «стрела», «мастерская» («кузница»), «лемех» - и находит, что первый блок объединяет понятия, относящиеся к людям, а второй блок подходит к образу (жреца огня), мастерской (храм огня) и изделиям мастера (лемех, стрела)⁹³.

Поскольку Прометей-Пхьармат в обоих случаях имеет отношение к такому виду производства как кузнечное ремесло, автор данной работы тоже постарался разобраться. Мы несколько иначе видит этимологию слова «Пхьармат». Прежде всего, мы считаем, что при идентификации, допускаемой всеми авторами, основ «пхья» и «пха», надо помнить, что фонема «хь» скорее накладывает отпечаток материальности, когда «х» указывает на устойчивость. При этом *-пхья* имеет больше отношение к конечному результату производства, а *-пха* – к силе производства. К такому выводу приводит нас аналитическая раскладка.

Да, «пхьар» - это кузнец и мастер. Но, что означает его основа «пхья»? Словари объясняют, что «пхья» - кровная месть; аул, селение. Профессор И. Ю. Алироев пишет, что в нахских языках населённые пункты

⁹¹Баксан Дени. След Сатаны на тайных тропах истории. [Электронный ресурс]. <http://www.Chechen.org/> (дата обращения 3. 07. 2011)

⁹² Нашхоев Р. Загадки Пхьармата. - М., 2002. - С. 138.

⁹³Баксан Дени. Указ. соч. Там же.

обозначаются различными терминами, а именно: *пхъа*, *кхаьлла*, *керт*, *юрт*, *эвла*. И только два из них, т.е. «*пхъа*» и «*кхаьлла*» имеют отношение собственно к нахским языкам. Название аула Цай-Пхьеда в горах Чечено-Ингушетии восходит, по его мнению, к названию древнейших богов *пхъа//тхъи* и *ц1у//ц1иво*⁹⁴.

В чеченском словаре «Дош» автор приводит более 50-ти слов с основой «*пхъа/пха*»⁹⁵. Давайте сравним, что может быть общего между: **Пха** (сухожилия ног, вена, граб, стрела для лука) - **Пханар** (лопатка) - **Пхардала** (заберементь) - **Пхатюда** (лемех плуга)? Или между: **Пхъа** (кровная месть; аул, селение) - **Пхъар** (мастер, кузнец) - **Пхъаркан** (цветочная метелка у кукурузы) - **Пхъарс** (рука от плеча до пальцев) - **Пхъаьрцерг** (клык) - **Пхъаж** (конский помет) – **Пхъор** (ужин) - **Пхъош** (рукав) - **Пхъу** (кобель) и т.д.?

Дело в том, что «*Пхъа*» - это вовсе не кровь и не просто поселение и, тем более, не просто люди. «*Пхъа*» - это поселение - производство, главным признаком такого поселения являлись какие-то производственные заведения, как-то для плавки металла, типа кузниц, гончарных мастерских и т. д. Поселенцы здесь жили рядом с производственным местом – «*пхъа*». Они не были напрямую связаны с земледелием и скотоводством, но обслуживали запросы земледельцев и скотоводов орудиями труда, инструментарием и бытовыми предметами. Земледельческое поселение у нас называлось – «*кхаьлла*» (от слова «*кха*» - обрабатываемая земля). Таким образом, «*пхъа*» и «*кхаьлла*», как собственно чеченские названия населённых пунктов, имеют прямое отношение к роду деятельности.

Возникает вопрос: куда девается выражение «*пхъа хъарчар*», которое имело место только в случае убийства человека человеком? Напрашивается один ответ: «*Пхъа хъарчар*» - это долг, согласно которому следует своеобразное возмещение производственного урона общине убиенного.

⁹⁴ И. Ю. Алироев. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. – С. 111.

⁹⁵ Исмаилов Абу. Дош. - Сольжа-Г1ала, 2005. - С. 227-229.

Далее приведём наиболее интересные термины из рассматриваемой темы и убедимся, что производственная составляющая является стержнем лексем: **Пхардала** (заберементь) – женщина, которая должна произвести на свет человека; **Пхьарс** (рука от плеча до пальцев) – больше всех участвует в производстве; **Пхьяьрцерг** (клык) – главный зуб для разрывания пищи, обороны и добычи; **Пхьяж** (конский помет) – результат внутреннего производства; **Пхьор** (ужин) – приготовленный ужин; **Пхью** (кобель) – производитель; **Пхатогда** (лемех плуга) – рабочая (производственная) часть корпуса плуга и т. д.

Вторая часть слова «Пхьармат», т. е. «мат» также вводит в заблуждение наших исследователей, механически связывая его смысл с солнцем, потому что «Ма» в языческих верованиях вайнахов - солнце. Но, прежде всего, «Ма» - это «возвышенность», «на высоте», разумеется, если бы солнце находилось где-то внизу, оно так не называлось бы. Что касается «мат» - это **постоянное** место, закрепившееся за кем-то или чем-то. По отношению к земному бытию место больше характеризовало оседлый образ жизни поселенцев, а не кочевой. «Матиеной» – это народ оседлый, а не кочевники. Кочевники – «Г1уой».

Таким образом «Пхьармат» - постоянное (специализированное, производственное) место мастеров (кузнецов). Исходя из вышеизложенного, мы выдвигаем гипотезу, что в местах, где присутствует топоним – *пхья*, можно обнаружить производственные архетипы, включающие свидетельства металлообработки, гончарного, кузнечного ремесла и т. д.

«Пхьармат», возведённый в ранг мифического образа, больше имеет отношение к реальной жизни чеченцев в период, когда техника изготовления надёжных металлических орудий труда, гончарных и других изделий требовало специальных заведений, отличающихся от жилищ, с необходимым инструментарием и удобством для разведения огня. Как отмечает известный дагестанский этнограф Р. И. Сефербеков до принятия

ислама кузня служила общественным, культовым и хозяйственным центром села⁹⁶.

Судя по различным мифическим сюжетам, персонажам и предметам, чеченцы обладали развитой мифологической культурой, сопоставимой с мифами известных народов.

Суммируя изложенное выше, отметим, что в названии Кавказа (Кавкази), где, как правило, остаётся устойчивый звук - з от – дзе/дзие прослеживается этимология, отражающая характерные для этого края активные миграции. Кав (Ка-ав) – «ворота», «проход» - слово, означающее импульс (темп, причина) удачи. Его материализованное осмысление представлено в форме горизонтально направленной кисти руки (ка). «Кази» (ка-дзе) вносит коррективу к обратному, а рисуночное изображение передано как кисть руки (ка), направленная вниз⁹⁷. «Дзе/дзие», как философская категория, вносит некое отрицание, и получается, что всё-таки **Кавказ - это «неудачные, труднопроходимые ворота».**

Если говорить о заимствовании, то реальным представляется и нахождение арабское заимствование слова, поскольку термин встречается в арабской топонимике, а у чеченцев является антропоморфным знаком путников; для тюркской языковой среды характерен переход «кав» на свой манер в «кап» / «каб». Компонент дзе/дзие имеет широкую общекавказскую природу.

Прометей – *Пхьармат* находит реальное подтверждение в производственной деятельности, как мастер (кузнец), откуда возносится до мифического героя. Слова с основой «пхья/ пха» восходят к производству к какой бы сфере деятельности они не относились. Поселения с основой «пхья» и «мат», прежде всего, характеризует их специализированная, обособленная производственная деятельность.

Для правильного осмысления вопросов развития культуры хозяйственной деятельности, по нашему мнению, чрезвычайно важно иметь

⁹⁶ Сефербеков Р. И. Аграрные культы табасаранцев. – Махачкала, 1995.- С. 35.

⁹⁷ Шавлаева Т.М. Указ. соч. – С. 133.

представление о самоназвании народа, который является носителем этой культуры. В нашем случае это особенно актуально, потому что самоназвание чеченцев преследуют термины, связанные с хозяйственной деятельностью – нох (соха), ной (ёмкость), нахч (сыр).

«Нахи» или «Нуохи»? Или и то и другое вместе? Что такое «нахча» и «нохчий»? Почему именно сыр и соха, с пророком Ноем, мир ему, или ёмкость для водопоя скота преследуют самоназвание чеченцев? И т. д. А ведь на эти и другие вопросы нет исчерпывающих ответов. На наш взгляд, истинный смысл вышеприведённых терминов является через деятельностный подход к проблеме. А пока приведём некоторые суждения авторов.

«Нах – люди; народ; общество», - пишет автор чеченского словаря «Дош» Абу Исмаилов. Он не разделяет мнение тех исследователей, которые считают, что от слова **нах** происходит самоназвание чеченцев – нохчий (нахчий?). «С таким же успехом народ мог бы назвать себя и **адам** (это слово древнее, чем **нах**), **къам** или **халкъ** и т.д.», - поясняет он. И далее у того же автора читаем: «...В чеченском языке слово **адам** обозначает **человеческое существо**»⁹⁸. Понятие Сайд-Хамзата Нунуева⁹⁹ и Руслана Нашхоева¹⁰⁰, и не только их, а многих других, уверенно сводится к тому, что «нахи» и «нуохи» идентичны и являются потомками пророка Нохи, а «адамаш» - потомки первого допотопного пророка Адама. С- Х. Нунуев не разделяет позицию первого чеченского этнографа Умалата Лаудаева относительно того, что само название чеченцев «нохчий» происходит от слова «нехча» - сыр и «нохчи» - люди, занимающиеся плугом, земледельцы, поскольку словом «нох» чеченцы называют соху¹⁰¹.

Сходство со всяким инвентарём и пищевым продуктом присутствует, но **никто не объясняет в чём секрет этого сходства**. Должно же быть этому толкование.

⁹⁸ Исмаилов А. Дош. Словарь. Сольжа – г1ала, 2005. - С. 205; 11.

⁹⁹ Чеченский Архив. Вып. I. Сборник материалов по истории чеченского народа. - Грозный, 2008. - С. 201; 205

¹⁰⁰ Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. - М. 2002. - С. 8.

¹⁰¹ Чеченский Архив. Указ. соч. - С.205

С-Х. Нунуев очень уверен: «Ноха (Ной), разумеется, легендарный отец всех народов. Но именно вайнахи пронесли через тысячелетия свидетельство своего непосредственного родства с ним»¹⁰².

Интересна полемика профессора К. Чокаева с философом Араиком Степаняном. К. Чокаев признаёт «за чеченцами статус отпрысков Армянского нагорья»¹⁰³. «В основе своей нах не что иное, как солнце, бог солнца», - приводит своё видение К. Чокаев¹⁰⁴.

«Согласно исследованиям Ю. Дешериева, древнейшей формой слова «нохчо» было «нахча», с чем мы охотно соглашаемся», - сообщает нам в свою очередь А. Степанян. Толкование «нахча», как и многих других слов, он связывает с армянским языком. По его мнению, «нах» происходит от библейского Ноя, а Нахчаван на старом армянском означает место (ван), куда спустился Ной (Нах); «Нах» по армянски - «начало, сперва», «нахни» - предок, праотец. Не согласен А. Степанян и с тем, что слово «нохчий» происходит от чеченского «нахчи», означающего сыр. Вайнахи у него «айнахи» - народ, поклоняющийся луне¹⁰⁵. Также, как Ной и Нах, сведены к идентичности Хой и Хай.

Профессор А. Вагапов профессионально дал оценку всем известным десяти версиям происхождения самоназвания нохчи «чеченец». Среди этих версий есть популярные, старые и новые версии. Из авторов следует выделить известных учёных по языкознанию, таких как Ю. Д. Дешериев, И. Ю. Алироев, Я. С. Вагапов, К. З. Чокаев. Научная трактовка А. Вагапова, после широкого обоснования, сводится к следующему заключению: «...Внутренней формой обоих названий чеченцев *чечен* и *нохчи* является «красивый, великолепный, грациозный» или иными словами «ариец». В использовании последнего эпитета по отношению к чеченцам мы также не оригинальны, впервые его употребил применительно к чеченскому этносу К.

¹⁰² Чеченский Архив. Указ. соч. - С. 206

¹⁰³ Вестник Лам. Бюллетень Центра комплексных исследований и популяризации чеченской культуры. № 33. - С. 34-38

¹⁰⁴ Вестник Лам. - С. 35

¹⁰⁵ Чеченский Архив. Указ. соч. - С. 297

М. Туманов в 1913 году в своей замечательной работе «О доисторическом языке Закавказья»: «Предки современных чеченцев – отпрыски арийских мидийцев, матианов, живших, между прочим, в одной сатрапии с урартийцами. Пережив последних, они окончательно исчезли из пределов Закавказья к началу VIII века нашей эры», - пишет А. Вагапов¹⁰⁶. По мнению автора, доказательный факт совпадения внутренней формы обоих названий чеченцев как «расписной, нарядный, красивый» типологически подтверждают и многие чеченские субэтнонимы, как «Чеберло», «дишниец», «маьлхи», смысл которых на нескольких языках восходит к слову «красота»¹⁰⁷.

Мы отрывочно привели лишь точки зрения известных авторов. Не отрицая мнения других авторов, в данном исследовании мы приводим своё видение вопроса, поскольку подобная терминология встречается и в хозяйственной жизни.

«Нах» по-чеченски - народ, люди, а народ и люди - «Праматерь берегущие», - объясняли наши старожилы. Слово «нах» состоит из двух компонентов: «На» и «Ха», т.е. первый имеет праматеринскую природу («На»), а второй - («Ха») обозначение мощного ствола дерева, укрепления, охраны и роста во времени, а также устойчивости. Каждый отрезок ствола имеет своё название на чеченском языке¹⁰⁸. Ствол устремлён вверх, набирая силу и мощь, от своего начала – Праматери. Началом начал является Мать – Нана. Всё соединяется в ней. Высшее пожелание сыну у чеченцев: «Нана кхаба ахь дела1», «Нана ларйе ахь дела1» означает пожелание беречь Мать и в её образе всё лучшее и святое на Земле. Термин «нах» («нахи») относится, на наш взгляд, к очень древнему пласту языка, который устойчиво и неосознанно присутствовал в архетипе древней культуры, как «дети

¹⁰⁶ Вагапов А. К происхождению этнонимов чечен и нохчи. – Грозный, 2006. - С. 27.

¹⁰⁷ Вагапов А. Указ. работа. – С. 6.

¹⁰⁸ Шавлаева Т. М. «Древо жизни» в этносознании чеченцев в прошлом //Кавказ. Археология и этнология. Международная научная конференция. Материалы конференции. - Баку, 2008. - С. 352.

Матери», «Праматерь берегущие», а затем осознанно закрепился и в ментальности, как «народ». Если «адамаш» - это просто люди, то «нахами» надо было стать, приобретая должное качество. «Нах» включает в себя глубокий смысл, касающийся, прежде всего, системы деятельности народа, стереотипа поведения, представлений о моральных и духовных ценностях и т.д. Приведём древнюю формулировку определения статуса «нахов» у чеберловцев:

- Кха дуй цари? – Ду!;	- Есть ли у них обрабатываемая земля? – Есть!;
- Кхие дуй цари? - Ду!;	- Есть ли у них общинный очаг? – Есть!;
- Ха дуй цари? - Ду!;	- Есть ли у них охрана, укрепление? – Есть!;
- Хъав дуй цари? - Ду!;	- Обеспечены ли они материально? – Да!;
- Аовш нах бу!!!	- Это - народ, люди!!!

В приведённом тексте, прежде всего, обращается внимание на осёдлость народа и форму хозяйственной деятельности: занятие земледелием («кха») и наличие общинного очага («кхие»). Далее присутствует проблема защиты и укрепления территории («ха»). Потом вопрос состоятельности («хъав»), подразумевающая способность обеспечить семью пищей и одеждой, поддерживать родственные и дружеские связи и принять в любое время гостя. И необязательно, чтобы нахи были чеченцами. Ими считались не только чеченцы, но и другие племена, проживавшие на тот момент в приближённых природных, социальных условиях и состоявшие в культурных связях. Другое дело – вайнахи, объединённые родством, общностью языка и культуры.

Таким образом, не все люди, по их представлениям, являются «нахами», последних должно отличать качество, приобретённое в деятельности и закреплённое в стереотипе поведения и ценностях, передаваемых из поколения в поколение. Не зря при отсутствии этих качеств в чеченской среде до сих пор говорят: «Уьйш нах бац» (это не люди). Простое отождествление «нахов» с демографической категорией или социальной общностью «народ» слишком просто.

По нашему мнению, ошибочно отождествлять слова «Нах» и «Нуой» («Нуох»), по той причине, что они несут разную смысловую нагрузку. Если «Нах» имеет вышеизложенное объяснение с праматеринской основой «На» то «Нуой» есть форма множественного числа от «**нуо**», означающего **«разветвление, раздвоение»**. **«Нуой» (мн.ч.) - это процессы разветвления, расширения**. Причём богатое разветвление называется – **«Нуохъа»** («Нуо + хъа»). В ряд однокоренных можно поставить следующие обозначения: «нуо» (ед.ч.) - разветвление; «нуой» (мн.ч.); - разветвления; «нуоха» - ствол с разветвлением; «нуохъа» - разветвление богатое. А любое разветвление есть и расширение, и освоение. В хозяйственной деятельности эти термины обслуживают производственные операции.

Древнейшее пахотное орудие земледелия чеченцев – «нуох» - соха называлась именно так, поскольку имела конструкцию ствола с разветвлением. А в изготовлении вышеупомянутой ёмкости **«нуой»** реализован технологический принцип **«нуой даккхар»**, когда из одного бревна путем создания нескольких углублений делали поилку для скота.

Термин «нахча» активно проходит в домашних промыслах чеченцев – изготовлении сыра, гончарном производстве, металлообработке и т.д. **В заблуждение вводит то, что в слове «нахча» корень мы видим «нах»**. Так вышло, потому что давно из поля зрения исследователей ушло в небытие такое чеченское слово как **«наЧха»**, а было два слова - **«наЧха»** и **«наХча»**, которые ясно указывали на **способы производства**. Причём по отношению к **«наХча»** первично **«наЧха»**. Эти способы с таким же успехом могли уйти в социум, поэтому иметь отношение и к этногенезу.

Источник указывает: «Чеченцы сами себя называют *наЧхе* – народ, а все известные нам, русским, наименования этого племени, большей частью, приданные в различные времена нами же русскими по имени аулов, рек, гор и местностей, совершенно неизвестны туземцам. Кумыки звали жителей

Чечни мичакиш, а кабардинцы – *наЧхе*¹⁰⁹. Назрановцы чеченцев называли – «*наЧхой*». Термины «**наЧхи**» и «**наХчи**» несут разную смысловую нагрузку, хотя во многом они перекликаются. Дело в том, что в первом случае реализован технологический принцип «**чохо даккхар**», т. е. когда отделение из состава происходит в силу **естественного внутреннего процесса** в своей родной среде. Во втором случае реализован технологический принцип «**хач даккхар**», когда **внутренний процесс вызван внешним стимулятором**. До наших дней термин сохранился только в названии сыра и технология его изготовления не относится к забытым технологиям. Таким образом является составляющая, восходящая к двум способам производства – внешнему и внутреннему, оценку которой можно дать исходя из теории деятельности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, основанной на культурно-историческом подходе Л. С. Выготского. Согласно теории деятельности и проблемы общности внешней и внутренней деятельности, для достижения конечной цели, в том числе для формирования этноса, они одинаково ценны.

В результате такой раскладки выясняется, что в терминах «**наЧхи**» («**начохи**») (чабир.) и «**наХчи**» («**нахачи**») (чабир.), следует брать во внимание корни – «**чох**» и «**хач**», с кратким –**о**- и –**а** -, которые при произношении в равнинных диалектах опускаются, и остаётся – **-чх -** и – **хч -**. Эти слова встречаются в языках многих народов Кавказа. Термин «**Чохо**» активно проходит в ранних формах хозяйственной деятельности чеченцев – в овцеводческом хозяйстве, плетении, уваливании домотканого сукна, крашении и т. д., и означает то, что вышло естественным путём из родного состава, затем через этап с ним же соединилось. Художественное осмысление процесса «**чоча**» запечатлено в элементах, которые нашли отражение в орнаментальном искусстве чеченцев, а знаковая интерпретация представляет собой полукруг неправильной формы, направленный вверх, с вогнутыми концами. Во всех приведённых случаях имеет место и термин

¹⁰⁹Чеченский Архив. Вып II. Сборник материалов по истории чеченского народа. - Грозный, 2009. - С. 57.

«хач», только он выводится из состава под воздействием внешних факторов. Знаковая интерпретация представляет собой усечённую S – образную форму и находит стилизацию в искусстве ¹¹⁰.

Ещё раз отметим, что компонент –**чох** указывает на внутренний фактор, а компонент – **хач** – на внешний. Однако, в итоге, в результате деятельности, они образуют органическое единство и играют одинаково важную роль.

Предметом полемики у приведённых авторов становится название чеченского села Хой, расположенного в Чеберлое. Вполне возможно, что название происходит от чеченского слова «Ха» (охрана), а Хой - это форма мн. ч. Наличие охраны, как известно, связано с присутствием определённой **силы и мощи**, поэтому с таким же успехом место могло называться и Гера. Хой (стражники) и Гера (сила, мощь) - одно и то же. Поэтому ныне иранский город Хой - бывший Гер, и вполне допустимо, что это и другое название восходят яфетическому языку.

Таким образом, мы попытались показать, что слова «нах» и «нуоха», «начха» («начоха») и «нахча» («нахача»), «хой» и «хай» и т. д. не следует сводить к идентичности, поскольку они являются носителями разных смысловых нагрузок. Слово с основой «На», например, «нах», имеет начальную, праматеринскую природу, Термины, имеющие основу «нуо», имеют смысл раздвоения, разветвления, расширения, освоения. По сути, эти термины хозяйственные, но они активно работали и в социальной среде, они проливают свет на многие интересные вопросы истории и касательно этногенеза. Это даёт нам право предполагать, что «Нуохчий» выделились в результате процессов разветвления многочисленных нахских племён, а «нахи» первичны по отношению к «нуохам». «Нахами» являются не только вайнахи, но выходит, что в этногенезе вайнахов участвовало много нахских племён.

¹¹⁰ Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX - начале XX в. Историко-этнографическое исследование. - Нальчик, 2009. - С. 141, 144.

«Начха» («начоха») и «нахча» («нахача») – это **способы**, участвовавшие в этногенезе вайнахов, вызванные внутренними («начха») и внешними («нахча») факторами. Дело в том, что названные способы пришли в социум **из хозяйственной деятельности** чеченцев, поэтому мы их находим в изготовлении сыра, в металлообработке, гончарном производстве и т.д. Как внутренние процессы, так и внешние процессы, одинаково важны для достижения конечного результата, поэтому для формирования этноса вышеприведённые способы (внутренний и внешний) - они одинаково продуктивны и ценны.

В названиях чеченского сыра «начхи» и «нахчи» отражены не что иное, как способы его изготовления.

Название чеченской сохи – «нуох» («нуо ха») - объясняется её разветвлённой конструкцией в одном конце («нуо»). В социуме это выглядит как разветвление человеческого древа.

Антропонимика всех народов убеждает нас в том, что за именами скрываются определённые смысловые значения. За именем скрывается конкретное действие. Пророку Ною, мир ему, была предначертана миссия размножения, разветвления людей.

Разумеется, такие тонкости внутреннего быта повседневной жизни, языка, тем более диалекта, не могли быть поняты исследователями, оставившими нам первые сведения о самоназвании чеченцев. И нигде всё это так наглядно не прослеживается, как в хозяйственной деятельности, являющейся основополагающей. Как прав был великий Е.И. Крупнов, когда писал, что изучение истории и культуры любого народа следует начинать с изучения его хозяйственной деятельности, его производства¹¹¹.

Подводя итоги первой главы, отметим, что вопрос о древности Кавказа – это научно доказанный факт на базе глубоких археологических исследований. Здесь представлены самые ранние археологические культуры, включая и олдувайскую. Теоритически вполне допустимо, что артефакты

¹¹¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960. - С.300

эпохи Олдувея могут находиться, кроме Центрального Дагестана, и на территории других Республик Северного Кавказа – Чечни, Ингушетии, Кабарды-Болкарии, Алании и т. д.

К ранней стадии трудовой деятельности чеченцев имеют, по нашему мнению, следующие предметы: каменное рубило – «*диерто*»; каменный скребок с выемкой – «*ванто*»; отщепы – «*цкъяцкъяр*»; клювовидное орудие – «*Зоко*»; каменные и костяные острые режущие и колющие предметы – «*макху*» и «*мIачиг*», выявленные нами на чеченском языке на базе этнографического материала.

В результате освоения окружающей среды чеченцы, как и другие народы Кавказа, накопили хозяйственный опыт, выработали хозяйственную культуру, которая стала частью этнической культуры. Хозяйственная деятельность формировалась в сложных, но в благоприятных природных условиях.

Восприятие окружающей действительности происходило в природе деятельности: Вселенная – *ание*, природа – *Iалам*, материальная часть природы – *джилIалам*, часть природы, из которой берут продукты для поддержания жизни – *шуон*, часть природы, как социум – *уьйре*. Последний термин донельзя правильно отражает гармонию человека с обществом и природой.

Этимологический анализ основных топонимов и этнонимов чеченцев позволяет обнаружить их глубокую связь с деятельностью народа.

Слово «Кавказ», на наш взгляд, прячет в себе компонент «*дзе/дзие*», вносящий отрицание, от которого остался устойчивый звук «з». Отрицание – это философская категория, присутствующая там, где есть процесс. В данном слове компонент придаёт смысл «неуспешности, трудности с воротами». Компонент «*дзе/дзие*» имеет широкую кавказскую природу, так как присутствует во многих языках народов Кавказа – нахском, адыгском, грузинском, абхазском, осетинском и т. д. Важно то, что мы обнаруживаем его смысл, к какому бы глубокому языковому пласту он не относился.

Прометей – Пхьармат находит реальное подтверждение в производственной деятельности, как мастер (кузнец), откуда возносится до мифического героя. Слова с основой «пхья/ пха» восходят к производству к какой бы сфере деятельности они не относились.

Не могут быть сведены к идентичности слова «нах» и «нуох», так как их основы несут разные смысловые нагрузки. «Начха» («начоха») и «нахча» («нахача») – это, прежде всего, способы производства, поэтому мы их находим в изготовлении сыра, в металлообработке, гончарном производстве и т.д. Это способы из хозяйственной жизни ушли в социум, поэтому, как нам представляется, они продуктивны и при исследовании вопросов этногенеза и самоназвания чеченцев. Как внутренние процессы, так и внешние процессы, одинаково важны для достижения конечного результата, поэтому для формирования этноса вышеприведённые способы (внутренний и внешний) - они одинаково ценны.

Таким образом, мы показали особенности естественной и социальной среды, в которой протекала хозяйственная деятельность, имевшая на Кавказе очень давние традиции, и преимущественно выявили хозяйственную природу основных терминов.

ГЛАВА II Общая характеристика традиционного хозяйства чеченцев

2.1. «Основные направления хозяйственной деятельности и их терминологические выражения»

Исследователи Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, Р. М. Мунчаев, Б. В. Гамкрелидзе, Г. Х. Мамбетов, В. М. Шамиладзе, М. О. Османов, Т. А. Буниятов, М. А. Агларов, А. И. Хасбулатов, Ш. Б. Ахмадов, С.-М. А. Хасиев, Я. З. Ахмадов и др. достаточно глубоко изучили вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью народов Кавказа, Северного Кавказа, в частности, и чеченцев.

«Кавказ по праву считается одним из древнейших мировых очагов земледелия и скотоводства», - отмечает крупный учёный, изучавший вопросы земледелия и скотоводства на Северном Кавказе Б.А. Калоев. Он соглашается с мнением Р. М. Мунчаева в том, что население отдавало предпочтение одному из трех видов скотоводства - овцеводству, разведению крупного рогатого скота и свиноводству - в зависимости от физико-географических условий и других причин.¹¹² Исследователи Гинчинской археологической культуры (эпоха энеолита), характерной Восточному Кавказу приводят соотношение с большим преимуществом мелкого рогатого скота – 1 : 9¹¹³. К такому заключению археологи пришли в результате подсчёта костей домашних животных».

Экономика горцев Северо–Восточного Кавказа предполагала комплексное использование природных ресурсов. Основу её составляло отгонное скотоводство, главным образом выпас стад мелкого рогатого скота¹¹⁴. Горцы занимались земледелием и различными промыслами. Судя по обилию металлических изделий, было достаточно развито

¹¹² Калоев Б. А. Скотоводство - С. 9, 11.

¹¹³ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шахсаидов А.Р. История Дагестана. - Махачкала, 1999. - С. 38.

¹¹⁴ Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. - М.: Наука, 2008. - С. 161

металлообрабатывающее ремесло. Технологически ярко представлено гончарное ремесло¹¹⁵.

Одомашнивание диких животных и развитие скотоводства происходило с осознанием пользы, которую скотоводство приносило человеку. В чеченском языке даже имеется выражение «*кара Тамор*» (к руке приучить). Прежде всего, человек благодаря домашним животным имел богатую пищу, сырьё для изготовления одежды, а также тягловую силу в земледелии. Важно отметить значение некоторых видов скота как средства передвижения и транспортировки груза. Всё это, вместе взятое, способствовало, развитию форм хозяйственной деятельности, домашних промыслов, торговли и культуры. Животноводство сыграло у многих народов ведущую роль в разрушении первобытнообщинного строя и возникновении частной собственности, а также в возникновении первых цивилизаций, например, у шумеров, вавилонян, египтян и т.д.

Предки современных домашних животных водились и на Кавказе. На Кавказе были природные предпосылки для самостоятельного перехода к производящему хозяйству, образованию первых очагов скотоводческой культуры, что выражается в наличии диких сородичей ряда культурных растений и домашних животных. К примеру, предками современных коров являются дикие туры, которые водились в Европе, Северной Африке, Малой Азии и на Кавказе. Предок домашних коз - безоаровый козел, обитает и сейчас в горах Турции, Южного Кавказа и Афганистана. Домашние овцы произошли от трех диких подвидов: муфлонов, архаров и аргали, а местом одомашнивания овец считают, кроме Европы и Северной Африки, и Переднюю Азию, не столь отдалённую от Кавказа. Архары-муфлоны - родоначальники 150 пород овец, муфлон – горный баран, заселявший некогда юг Европы и Передней Азии¹¹⁶. Передняя Азия – один из

¹¹⁵ Он же. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н. э. – XII в. н. э.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. - М., 2005. - С. 32

¹¹⁶[Электронный ресурс]. <http://www.agrodc.com/> (дата обращения 5. 09. 2011)

древнейших очагов производящего хозяйства¹¹⁷ - имела непосредственное культурное влияние на Кавказ. Известно, что обитатели Чохского поселения, представляющего эпоху мезолита на Северном Кавказе, являлись высокоспециализированными охотниками на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов – предков домашних овец и коз, и собирателями растительной пищи, в том числе и злаковых. В Месопотамии найдены изображения длинношерстных коз, относящиеся к III тысячелетию до нашей эры¹¹⁸. Правда, известный специалист по первобытной истории В. А. Шнирельман обращает внимание на то, что «к началу голоцена эти предпосылки сложились не на всей территории Кавказа»¹¹⁹. Тем не менее, своеобразные природные уголья Кавказа благоприятствовали существованию богатого животного мира.

Таким образом, Кавказ и как самостоятельная зона, и как соседняя зона с Передней Азией, имел большие преимущества для хозяйственного освоения, следствием этого преимущества явилось возникновение ранних форм хозяйственной деятельности, которые в дальнейшем получили большое развитие. Об этом свидетельствует, кроме археологических, множество фольклорных и лингвистических данных.

Термины производящего хозяйства, которые мы приведём в соответствующих разделах и словаре терминов, свидетельствуют о давних производственных традициях. Многие термины традиционного хозяйства относятся к древнему или древнейшему пласту языка. В данное время они утратили своё хозяйственное значение, а порой ушли в другую сферу деятельности.

¹¹⁷ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. Очаги древнейшего земледелия. М., 2012. – С.31. Он же. Происхождение скотоводства. Культурно-историческая проблема. М., 2012. – С.46

¹¹⁸[Электронный ресурс]. <http://www.agrodc.com/> (дата обращения 5. 09. 2011).

¹¹⁹ Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. Культурно-историческая проблема. М., 2012. – С.68.

Устное народное творчество сохранило трудовые песни, которые в изучаемый период исполняли труженики и труженицы во время сезонных, производственных и повседневных хозяйственных работ. Среди них выделяются такие: «Гота охуш локху эшарш» (песни, исполняемые во время пахоты), «Хьаьжк1аш юьйш локху эшарш» (песни, исполняемые во время посева кукурузы), «Т1арг1а лоргуш локху эшарш» (песни, исполняемые во время стрижки овец) и др. ¹²⁰. О появившейся классовой ненависти в обществе свидетельствуют такие строки из песни наёмных ткачих, которые ткали хозяину сукно для рабочей одежды пастухов:

«Маша беш ду тхо элашна буха,

чиллана тха дуьллуш, хьеса 1а дуьллуш» ¹²¹.

«Мы делаем домашнее сукно, чтобы одеть князей.

Прокладываем основу из шёлковых нитей, а из метёлки - уточную нить».

Нетрудно догадаться, сколько иронии заложено в этих строках.

При изучении хозяйства мы сталкиваемся с интересными **терминологическими выражениями** и богатыми языковыми параллелями. О принадлежности чеченцев к автохтонному населению Кавказа в науке существуют правильные мнения учёных, достаточно обоснованные археологическими и этнографическими данными, а также сведениями из источников, включая древнеписьменные ¹²².

Наши полевые исследования последних лет по изучению традиционных форм хозяйственной деятельности на примере некогда изолированных древних этнических обществ Чечни, как Чебирлой, позволили нам

¹²⁰ Трудовые песни. Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – С. 20 – 26.

¹²¹ ПМА., 1983 г. Информатор Атабаева Б.

¹²² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1963; Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. – М., Наука, 2008.

обнаружить смысл некоторой части терминов, обслуживавших домашнее производство чеченцев в прошлом.

В данном случае автор ставит своей целью, исходя из деятельности, объяснить смысловое содержание тех хозяйственных терминов чеченцев, которые известны на многих языках. Возможно, это в какой-то мере расширит кругозор историков и палеолингвистов.

Рассмотренное выше популярное слово «Ной» («нуой») в чеченском языке имеет форму множественного числа от «нуо» (ед.ч.), обозначающего следующие действия: разветвление, раздвоение, расширение. Причём «нуо хьа» указывает на богатое действие. Впервые термин «нуо» нами зафиксирован при изучении производства нитей из сухожилий, которые были востребованы в натуральном хозяйстве чеченцев вплоть до начала XX века. Достаточно просушенное сухожилие разветвляли с помощью заострённой палочки - *Iy*, выделяя при этом волокна для последующей операции¹²³. Вот этот самый процесс разветвления и назывался «нуо» в единственном числе, а во множественном числе звучит как «нуой». Из этого следует, что под термином «нуой» должны понимать процессы разветвления и расширения, освоения, его происхождение непременно связано с хозяйственной деятельностью.

Топоним «Лание», («ление», «лиене»...- в зависимости от диалекта языка) часто встречается в работе А. Сулейманова «Топонимия Чечни»¹²⁴, правда, автор не объясняет этимологию. Судя по нашим полевым материалам, топоним имеет два значения:

1. место, испытывающее и выдерживающее основную нагрузку, как правило, тяжёлую;
2. имеющее отдалённое изображение подковообразной формы.

¹²³ Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. – Нальчик, 2009. – С. 53.

¹²⁴ Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Грозный, 2006 - С. 85, 90, 128, 130, 138, 146, 153, 184, 192, 247, 268, 269, 360

Образовано от слова – «ла(н)», т.е. терпеть (в первом значении) или подкова (в производном значении). Предусмотрен некий переход вышеуказанного состояния в некий пассив.

К примеру, в ткацком ремесле, нижняя часть основы полотна, испытывающая устойчивую и постоянную нагрузку, называется – «Алалание», когда верхняя часть основы относительно нагрузки называется просто «лание». В демографической ситуации «лание» может быть показателем густонаселённости, в военной - испытывающей большую боевую нагрузку.

В традиционном кожевенном производстве практиковали операцию «Алал дар» («ала дар»), когда овчину после обрядки и очистки от грязи откладывали на какое-то время, чтобы приобрело некое свойство, подготавливающее последующие операции. Если перенести это положение на другую сферу, это есть спокойное ожидание, без внешних вмешательств, накопление качества, неизбежного для продолжения работы.

«Хатт» – это комбинирование, соединение разных материалов в целое. Например, синтез воды и глины есть «хатт», плетение волокон растительного и животного происхождения в одну тесьму называется – «хатт дар», сшивание разных материй, как льняного и шерстяного, в единое полотно – «хатт тассар». Согласно логике, являющейся из этой производственной операции, получается, что «хатт» – то, что получается в результате комбинирования разных по составу материалов.

Зато «Хор» («хуор») – это процесс, когда из одного и того же материала, но разного качества или цвета, смешиванием получают третье качество или цвет. К примеру, на чесалке одновременно проводили совмещённые операции – чесание и смешивание чёрной шерсти с белой, чтобы получить серую шерсть, востребованную в суконном производстве. «Хора буос» – коричневый цвет, полученный соединением чёрного и красного цветов, весьма популярный в женской среде. «Хора малаш» – одинаковые перекрещенные рога, но обычно имеющие разную длину или

другой изгиб и т. д. «Хорру» – заготовка из смешанной шерсти разных качеств и цветов. «Хоррути» – лучшая часть из этой заготовки Интересно, что в русском языке соединение голосов, но разных по высоте, тембору - есть «хор».

«Чохо» («чох») – то, что выделилось из своей родной среды, питаясь этой средой.

«Хачи» («хач») – то, что вносится (внедряется, вписывается) в среду со стороны, с боку, из вне. Например, в ткацком производстве, если в процесс тканья вносится нить не из этой зарядки, а другая – это есть «хач дар», т.е. делать «хач» - вносить в эту среду что-то из вне. На чеберловском диалекте чеченского языка «хачи» - это штаны. Хорошо известно, что в истории первой формой штанов была набедренная повязка, которая опоясывала бедро – «ха». На даргинском и армянском языках крест называется «хач» не потому что он крест, а потому что по отношению к могиле он является предметом внешним. Если бы к кресту подносили могилу, то «хачем» была бы могила. Всё зависит от обстоятельства и ситуации.

Слова с основой «сар» подразумевают «гибкость» и «лабиринт». К примеру, «сара» - тонкий прут, проволока, «саруо» - политик, дипломат, «саралла» – лабиринт, «саро дар» – дипломатический приём, «саро г1оло» – орудие труда с гибкими ответвлениями и т.д. Термин «саро» широко распространён в хозяйственных операциях, а элемент орнамента «саро» - в искусстве орнамента по теме дипломатии чеченцев¹²⁵.

Как известно, лексика овцеводов отличалась богатым словарным запасом, поскольку эта отрасль животноводства была очень развитой на Кавказе, в том числе и Чечне. Привлекает внимание термин «рига». Так, в хозяйственной тетради потомственного барановода С. Зайпуллаева (с. Керла-Юрт) находим: «ригачу жин ши 1ахар бу», т. е. «у рига овцематки два

¹²⁵ Шавлаева Т. М. Тема дипломатии в искусстве орнамента чеченцев // Международная научная конференция «Археология, этнография и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси, 25-27 июня 2009 г. - Тбилиси, 2009. - С. 590 – 591.

ягнёнка есть». Выясняется, что «рига» - одна из форм курдюка овец¹²⁶. В обществе Чебирлой есть поселение Рига, в Прибалтике есть город Рига. Есть несколько версий относительно названия этого города. Согласно одной из них, поселение венедов Рига получило своё название по имени острова Риген, где находился центр прибалтийских славян. По сведениям словарей, Рига - овин на северо-западе России и в Прибалтике. У эстонцев служила жилищем (рехетуба - букв. рига - изба) (этнографический словарь). Рига - большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота (словарь Ушакова). Дело в том, что на диалекте чеченского языка слово «рига» придаёт форму впереди стоящему слову, обычно это бывает глагол (хандош): **вогӀу** – иду, **вогӀу рига** – идущий. В современном чеченском языке оно превратилось в суффикс **-риг** (чеберл. диал.), **-рг** (плоск. диал.): **вогӀуриг**, **вогӀург**, т. е. идущий. Как видим, при помощи формообразующего слова «рига» глагол (хандош) приобретает новую форму. Таким образом, смысл слова «**рига**» в нахской традиции восходит к обозначению **формы**, при этом следует особо заметить, что под формой подразумевается естественная форма, когда под формой «*кеп*» подразумевается специально сделанная или скопированная форма.

Компонент «*джа*» имеет широкое бытование у народов мира, относящихся к разным языковым семьям и группам. В частности, у чеченцев в прошлом называлась «*джа*» практическая выгода, получаемая в результате деятельности, поэтому выясняется, почему овцы называются, кроме «уьстгӀий», ещё и «*джа*», да потому, что более выгодной отрасли животноводства, чем овцеводство, на Кавказе не было. Отсюда, строения, связанные с содержанием овец – это «*джиела*», а собака – *джӀаьла*, что надёжно охраняла жилище и хозяйство, по образному выражению этнографа С.-М. А. Хасиева, даже своим наименованием связана с овцеводством¹²⁷.

¹²⁶ ПЭМА: Информатор Зайпуллаев С. с. Керла-юрт., 2010 г.

¹²⁷ Чеченцы. М., 2012. – С.144.

Не важно, почему присутствуют столь заметные языковые параллели: или это единые языковые корни, или длительное взаимовлияние соседствующих (и несоседствующих) культур. Важно, что все мы когда-то понимали друг друга.

Термин «колх» можно объяснить с помощью чабирлойского диалекта чеченского языка следующим образом:

Если «Ч1арболой» – это те, чьим занятием были грузы и добыча, переносимые на горбу «боло», то «Колхой» («калхой») - люди, успешно работающие руками - «ка». В других случаях их же называли ремесленниками.

Не знание чебирлойского диалекта послужило причиной неверной идентификации слов «ч1арболой» и «ч1абирлой», потому что «ч1арболой» - это носители грузов на спине, которыми могли быть не только чебирлойцы.

В производственной практике нередко случалось так, что приходилось перемещать начатую работу с одного места на другое. Это была вынужденная процедура, особенно в ткацком производстве, называемая – «иэч дар», «иэч даккхар». Место, на которое произошло смещение, называлось – «иэч далар». Однако на новом месте не всегда удавалось заново наладить производство, и процесс считался расстроенным, что называлось уже «уоч далар», «уоч даккхар». Если это расстройство оказывалось следствием искривления какой-то части примитивного механизма, считалось – «пиерс далар». Смещение – «иэч», расстройство - «уоч» и искривление – «пиерс» - технологические термины, с большой долей вероятности, могли найти применение и в другой сфере деятельности.

В основе литературного чеченского языка лежит плоскостной диалект, который оформился в экономически престижном регионе, на равнине, под влиянием соседних культур - русской, кабардинской, ногайской и

кумыкской¹²⁸. Известно, что диалектам вообще свойственно сохранять архаические и лексические формы языка, но чебирлойский диалект, лучше, чем все другие диалекты, сохранил древние формы чеченского языка, на что особо указал профессор И. Арсаханов¹²⁹.

Чтобы верно определить смысловое содержание более или менее забытых хозяйственных терминов, лучше использовать следующую простую схему, условно названную нами «общий знаменатель». Для нас не ново, что слова, содержащие одинаковые компоненты, являются разными по смыслу. Но на самом деле, просмысл этих слов имеет одну суть. В принципе, мы в этом убедились ещё в первой главе, когда разные по смыслу слова с единой основой – *пхъа* (пхъарцерг – клык; пхъар – кузнец; пхъарс – рука от плеча до кисти и т. д.), в итоге относились к одному смыслу.

Если провести обыкновенную дробную черту, а в знаменателе записать все слова из ряда исследуемого слова, например, вот так:

джа (овцы); джюбла (сарай); джагIа (гравий); джиелтой (греки) и т. д.

практичность

за тем подумать, какой общий смысл они имеют, то находим, что таким материнским словом в данном случае является – «практичность». Записываем его в знаменателе и сверяем с каждым словом.

С падением значимости диалектов, отражающих локальный хозяйственно - бытовой, социальный и культурный уклад, утеряна ценная для науки информация. Изучение ранних форм хозяйственной деятельности, домашнего производства, народных промыслов, даёт нам возможность выявить забытую терминологию, проливающую свет на интересные факты.

¹²⁸ Мальсагов Д.Д. Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского (письменного) языка. – Грозный, 1941. – С 8; Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши. Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т. I. – Ростов - на - Дону, 1928. - С. 197

¹²⁹ Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.

При этом диссертант не утверждает, что эти и другие термины имеют исключительно нахскую этимологию, и несёт ответственность только за смысловое содержание этих терминов. Из какой бы языковой среды они не пришли, важно знать их смысловое значение. Как известно, по территории Чечни проходили важные миграционные и торговые пути. Представители многих народов здесь оседали и находили приют. Богатые языковые параллели могут быть следствием и генетического родства, и длительного совместного проживания, и культурного обмена.

Таким образом, основные направления хозяйственной деятельности жителей Чечни определились, начиная с глубокой древности. Об этом свидетельствуют, кроме прочих, фольклорные и лингвистические данные. Термины, обслуживающие производящее хозяйство, несомненно, относятся к древнейшему (или к древнему) пласту языка, по этой причине, мы сталкиваемся в хозяйственной деятельности с такими интересными терминами: нуо, ной, лание, хатт, хор, чох, хач, саро, рига, джа, колх, иэч, уоч, перс, и богатыми языковыми параллелями. К какой бы языковой среде они не относились, смысл их мы обнаруживаем в хозяйственной деятельности.

2. 2. Роль гендера в трудовом воспитании и формировании культуры хозяйственной деятельности. Маскулинность или фемининность?

Изучение полевого материала по теме исследования оставляет приятное впечатление, что для чеченца, в традиционном обществе, первоочередной задачей являлись полноценное утверждение и реализация себя как носителя гендерных ценностей. Такими эпитетами, как «хороший мальчик, юноша, настоящий мужчина (къонаха)» и «хорошая девочка, девушка, настоящая женщина (дика йо1, дика зуда)», в чеченском обществе не принято было одаривать незаслуженно. Получив однажды этого признания, каждый старался не уронить своего достоинства.

Наличие отрывочных сведений в трудах дореволюционных исследователей таких как Харузин Н.Н., Далгат Б., Покровский Е. А., Кананов М. В. имеют большую ценность для изучения поставленного вопроса, но, по известной причине, они не могли дать полного представления относительно затронутой темы, К счастью, этот пробел в значительной степени восполнен в работах известных учёных З. И. Хасбулатовой¹³⁰ и Ш. М-Х. Арсалиева¹³¹. Обширные полевые материалы сделали эти работы животрепещущими и вдохновляющими учёных на новые исследования.

В данном параграфе использованы преимущественно сведения, полученные автором в горных и высокогорных районах Чеченской Республики, традиции которых долго отличались некоторой самобытностью.

Домашняя педагогика в чеченской семье была настолько проста и естественна, что ребёнок рано осознавал свою принадлежность к гендеру, потому что отношения со стороны старших к нему строились соответственно. Следует добавить, что отношение к нему создавалось ещё до его рождения.

Почти в каждом селе были одна - две умудрённые опытом женщины, которые могли желающей сообщить, кто у неё родится: мальчик или девочка. При этом во внимание брали многое: форму живота беременной, изменения во вкусах к пище, характере, склонности к видам деятельности, сведения из родословной мужа и другие моменты. Внимание уделялось общественной обстановке: замечено, что в период социальных потрясений больше рождаются дети мужского пола, а во времена спокойствия и изобилия – женского. Правильную информацию несут и сновидения беременной. Информатор свидетельствует, что через некоторое время после замужества, во сне она вскормила двух волчат, о чём утром поведала своей соседке.

¹³⁰ Хасбулатова З. И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – нач. XX вв.). – М. 2007.

¹³¹ Арсалиев Ш. М-Х. Этнопедагогика чеченцев - М.: Гелиос АРВ, 2007. – 387с.

Соседка же сообщила, что у неё родятся близнецы мужского пола, и она не ошиблась. Во сне она часто участвовала в сценах, где проходили скачки, носилась с оружием, надевала мужскую одежду. Узнав об этом, свекровь не разрешала невестке долго задерживаться в женском кругу, слушать сплетни, смеяться, часто смотреть в зеркало, опасаясь, что внуки приобретут качества недостойные для будущего мужчины. Также не приветствовалась чрезмерная осторожность, скупость, боязливость и эмоциональность беременной.

Как известно, рождение ребёнка, особенно мальчика, всегда было желательно в кавказских семьях, не являлись исключением в этом числе и чеченские семьи. С первой же минуты после рождения, к ребёнку относились как к полноценному представителю пола. В обществе Чебирлой не одобряли чрезмерную эмоциональность по поводу рождения мальчика, не принято было его ласкать, а после первого омовения заворачивали на некоторое время в бурку и рядом клали оружие, чтобы вырос настоящим мужчиной. Всё это - торжественность и радость - было проникнуто какой-то строгостью и сдержанностью. Девочку, наоборот, ласкали, шутили, хотя радости было меньше, и заворачивали в тканое изделие, которое, как правило, было изношенным. Девочку ласкали, приговаривая проклятия – благие пожелания, которые на родном языке звучат, как это ни странно, как восхищение и хвала: «Вай хьо эца Дала д1а» («Чтобы тебя Бог забрал»), «Хьо яла хьай нена» («Чтобы ты умерла у своей матери»). «Чем больше девочку проклинают ласками, тем красивее она вырастет», - считали в народе. Если любой посторонний человек осыпал ласками девочку, приговаривая при этом проклятия, это понималось только как благое пожелание, что совершенно меняло свой смысл по отношению к мальчику.

В чеченской традиции гендерное поведение было настолько отработано и регламентировано, что всякое отклонение от общепринятых норм и правил в обществе называлось – авхьизи/эвхьаза, т. е. поведение, не соответствующее своему гендерному назначению. В современной транскрипции это слово имеет общий смысл распущенности, бесстыдства.

Трудовому воспитанию подрастающего поколения в чеченской семье уделяли должное внимание, о чем в своё время правильно отмечал русский исследователь Ф. И. Леонтович¹³². В любой семье чеченцев трудолюбие считалось одним из критериев определения воспитанности девушки или юноши, что прививалось ребёнку с раннего возраста»¹³³. Как отмечает профессор Ш. Арсалиев, труд был формой жизни, существования, основным занятием народа. Трудились все. Устаз Кунта-Хаджи Кишиев – святой наставник и учитель народа – моральный облик человека измерял отношением к труду. Он полагал, что вне личного труда нет личности. Правила трудового воспитания чеченцев включали такие моменты, как раннее приобщение детей к труду, поддержание у детей интереса к труду, привлечение детей к выполнению трудовых поручений и т. д.¹³⁴. В чеченском фольклоре приветствуется трудолюбие, и «самое сладкое – это честный труд»¹³⁵.

В хозяйстве горцев все работы делились на «мужскую» и «женскую». Во время стрижки овец, по общепринятому правилу, женская половина дома участия не принимала, но шерстеобрабатывающий промысел был полностью собран в её руках, включая и такие тяжёлые операции как уваливание войлока и домотканого сукна. С 5 – 6 лет девочки могли заниматься щипанием шерсти, а с 11-12 лет - изготавливать тесьму ручного плетения. Обработкой шкур и овчин занималась мужская половина, но изготовление одежды из них входило в круг обязанностей женщин. При производстве изделий из войлока, шкур и овчин появлялись отходы, из которых практиковалось изготовление чехлов для огнестрельного и холодного оружия, ножниц для стрижки овец. Чехлы к тому же украшали строго «мужскими» рисунками-знаками определённого смысла. Рисунки

¹³² Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882.

¹³³ Хасбулатова З. И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – нач. XX вв.). – М. 2007. – С.131.

¹³⁴ Арсалиев Ш. М.- Х. Этнопедагогика чеченцев. – М., 2007. - С. 116, 117, 123-124.

¹³⁵ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – С. 198.

содержали звериные мотивы, изображали боевые орудия, символизировали мощь и власть. К таковым относились: «дисмот» (оскал), «эхха амат» (образ зверя), «з1око» (орудие труда и боевое орудие), «г1ери» (мощь) и другие. К этому занятию привлекали исключительно подростков – мальчиков.

Такие виды деятельности как кузнечное ремесло, обработка дерева, кости камня, дерева считались мужскими, и мальчикам с детства прививали эти навыки. Мальчики 12-13 лет, юноши, мужчины обязаны были также готовить овечий сыр, доить коз и овец, такая практика сложилась при отгонном скотоводстве, когда приготовление творога и доение коров считалось исключительно женским занятием.

У чеченцев существовали и пищевые запреты, в зависимости от принадлежности к полу. Нижеприведенные информации зафиксированы в Чеберлое – обществе, которое в силу своей изолированности долго сохранило черты древней бытовой культуры чеченцев.

Мужскому полу преимущественно подавали мясную пищу, а из молочных продуктов – кислое молоко, патоку, топленое масло, сыр, при этом последние два продукта по ценности приравнивали к мясу. Считалось настоящим позором, если представитель мужского пола съел сметану или сливочное масло. Туда же можно отнести и вымя домашнего животного, но сушёное вымя составляло исключение, и то для мужчин в преклонном и старом возрасте. К мужскому столу не подавали хвостовую часть птицы, в то время, когда курдюк считался по праву «мужской пищей» и даже припасали для воинов и косарей. Косаря кормили, как воина, особо заготовленной пищей – калорийной и лёгкой: курдюк, овечий сыр и толокно, спрессованное маслом, входили в его рацион. В горячую пору сенокоса было принято прибегать к коллективной взаимопомощи, а в сборе сена принимали участие и женщины, в том числе и девушки. Легенда доносит, что однажды хозяин позвал на помощь косарей, а перед работой предложил им съесть по большому ломтю курдюка. Один из приглашённых свой кусок не доел, тогда

рассерженный хозяин прогнал его, и свой поступок объяснил следующим образом: «Если он **себе** курдюк не ест, то будет ли он **мне** косить траву?»

Девочкам и девицам не разрешали употреблять в пищу мясо нехолощённого барана, особенно мясо головной части, и, наоборот, дедушка, желающий вырастить своего внука бесстрашным, заготавливал впрок такое мясо. Юноша, замеченный в проявлении слабого характера, должен был съесть определённую порцию медвежатины, что ни в коем случае недопустимо было для девушки.

В определённый день недели, мужская часть общества, у которых миновал молодой возраст, разбивалась на группы и уходила за село. Они регулярно готовили пищу, поддерживающую до глубокой старости физиологическую активность организма. Отклонение от этого правила негласно осуждалось, учитывая все его неприятные последствия. При чём рецепт пищи держали в строгом секрете от женщин.

Одежда горцев, как известно, отличалась корректностью, строгостью и в то же время изяществом, особенно женская. Девушке запрещалось демонстрировать части тела не только в общественных местах, но и дома у себя во дворе.

В чеченском обществе существовал устойчивый стереотип по отношению к цветовой гамме. Мужская палитра цветов в одежде строго ограничивалась естественными тонами - белыми, чёрными и серыми. Женщины расширяли её искусством крашения растительными, а позднее анилиновыми, красителями. Декоративные войлочные ковры, что украшали мужскую половину жилья, отличались приглушёнными тонами. Мотивы орнамента были также сдержанными.

В последнее время в чеченском обществе проявляют повышенный интерес к традиционным методам воспитания. Как отмечает профессор Цаллагова З. Б., эта тяга к ней как к здоровому апробированному началу,

вполне понятна, потому что традиционная педагогика народов всем своим ходом исторического развития доказала свою жизненную силу¹³⁶.

При изучении традиционного хозяйства чеченцев встаёт вполне закономерный вопрос: кто играл ведущую роль в хозяйстве чеченцев, кто выполнял тяжёлые хозяйственные работы, которых было предостаточно, и какова была оценка маскулинности? **Маскулинность или фемининность?**

В традиционном хозяйстве чеченцев сложилось некое правило, осуждаемое обществом в случае его не соблюдения, - это распределение хозяйственных обязанностей по степени физической сложности выполняемой работы. Жёсткое поло-возрастное разделение труда имело место и в практике других народов Северного Кавказа, в частности, дагестанских и других обществах, на что указывают известные северокавказские этнографы С. А. Лугуев, М. Б. Гимбатова, Б. М-Г. Харсиев, З. М.-Т. Дзарахова, П.Х Акиева¹³⁷.

Мужчина был безукоризненным и полноправным хозяином дома (цИйна да), что не принято было рекламировать, - не сведущий, иной раз, его мог принять даже за постороннего человека. Женщина, у которой права всё-таки были ограничены, наоборот, казалась полной хозяйкой дома (цИйна нана) со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Старики были семейными авторитетами, потому что «непререкаем в горах Кавказа авторитет стариков»¹³⁸. Их участие в домашнем производстве было довольно

¹³⁶ Цаллагова З. Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. – Владикавказ, 2011. – С.15.

¹³⁷ Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – начало XX века. – Махачкала, 2006. – С. 202; Харсиев Б. М-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа. Магас, 2015; Дзарахова З.М.-Т. Вековые устои ингушской семьи. Ростов-на-Дону, 2013; Акиева П.Х. Рождение, свадьба, смерть. Санкт-Петербург, 2014; Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX века). Махачкала, 2014.

¹³⁸ Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. – СПб., 1996. - С. 136 .

ощутимое, однако это участие не входило в круг их обязательств. Традиция приветствовала, когда младшие напоминали старшим, что пора им отойти от физических работ в хозяйстве и взять на себя роль советчика, что в итоге и происходило. Ни одно мало-мальски важное дело не начинали в хозяйстве, не посоветовавшись со старшими¹³⁹.

В кавказоведческой литературе дореволюционного периода присутствует мнение, что все хозяйственные заботы на Кавказе, в том числе и Чечне, лежали на женских плечах. К примеру, Я. Рейнеггс, совершивший по заданию Российского правительства в течение трёх лет (1781-1783) пять экспедиций по Кавказу, писал, что вся домашняя экономика чеченцев оставлена на попечение женщин, а для мужчин ничего не остаётся, кроме охоты, грабежа и пьянства¹⁴⁰. Исследователь середины XIX в. К. Самойлов взял за правило даже исключение, когда женщина по уважительной причине запрягала волов или лошадь. По его мнению, женщина работает «чуть ли не более скотины и, не смотря на то, не пользуется ни малейшим уважением», а мужчина «большую часть времени проводит в праздности»¹⁴¹.

Исследователь кустарных промыслов последней четверти XIX в. О. В. Маркграф особо подчёркивал первостепенную роль женского труда в этом виде производства на Северном Кавказе¹⁴², но при этом также недооценивал важность «мужских» кустарных промыслов, о которых пишет сам в своей работе. Словом, имели место «упрёки сторонних наблюдателей в адрес мужчин-горцев за их едва ли не постоянное нечто ничегонеделание»¹⁴³. Как пишет Р. М. Магомедов, информация о женщине дополняется гневными сожалениями о положении женщины и язвительными упрёками в адрес

¹³⁹ ПМА, 1987 г.

¹⁴⁰ Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006. - С. 218, 226.

¹⁴¹ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. - С. 78.

¹⁴² Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М., 1882. - С. 28.

¹⁴³ Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001.- С. 217.

мужчин-лодырей и эксплуататоров¹⁴⁴. И Н. Воронов, и сенатор Ган, и графиня Уварова, и Александр Дюма многое из виденного не понимали до конца, а пояснения давали местные чины, которые стремились в первую очередь развлечь и удивить¹⁴⁵.

Загруженность кавказской женщины домашними проблемами понятна, справедливо утверждение и о её личном трудолюбии. Дальше, по образному выражению М. О. Османова, уже «начинаются несправедливости»¹⁴⁶. На это обстоятельство указал С-М. А. Хасиев: «...Вайнахи изображались храбрыми, мужественными воинами, но людьми ленивыми и бездеятельными в хозяйственном отношении. По этому пути пошли и некоторые исследователи первых лет после Октябрьской революции»¹⁴⁷.

При всём том, в любом хозяйстве хватало работ, выполнение которых не позволяли женщине или традиция, или её физические возможности.

Традиционные роли мужчины и женщины в хозяйственном производстве чеченцев были строго регламентированы и отклонения от правил допускались только при наличии на это веских причин.

В такой ситуации, как нам представляется, необходимо знание исторически сложившихся традиций участия мужчины и женщины в хозяйственной деятельности чеченцев.

Неравное разделение труда имело место, однако, как пишет вышеназванный автор М. О. Османов, это явление имело своё объяснение в воинственной организации общины, что «ограничивало возможности трудовой деятельности»¹⁴⁸, далее в качестве примера он приводит казаков, у которых военная служба была постоянным занятием, что приводило к ощутимому «перекоосу» в половом разделении труда. После присоединения к

¹⁴⁴ Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. – Махачкала, 2005. - С. 441.

¹⁴⁵ Там же. – С. 443.

¹⁴⁶ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996. - С. 178.

¹⁴⁷ Хасиев С. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2004. - С. 4.

¹⁴⁸ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы - Махачкала, 1996. - С. 178.

России этот фактор утратил силу, но мужчины по инерции избегали труда и часто засиживали на майдане. Тем не менее, образ чеченского мужчины «склонного к праздности»¹⁴⁹, взваливши всё, как правило, на женские плечи, представленный в исторической литературе, далеко не является верным.

В хозяйстве было достаточно работы, требующей маскулинной силы.

Хозяйственный календарь чеченцев, как и у других народов, хорошо зафиксировал начало, ход и завершение всех хозяйственных работ в чеченском обществе¹⁵⁰. Ранней весной каждый хозяин вспахивал свой участок земли, а перед этим готовил к работе сельхозинвентарь, что никак не входило в обязанности женщины, последние могла принять участие только в очистке участка от мелкого растительного сора. Горные поселения преимущественно имеют хозяйственный скотоводческий уклад, поддержание которого рассчитано на маскулинную силу и пребывание мужчины вне дома. Но и в горах «взору откроются сплошные террасированные склоны, искусственный рукотворный ландшафт... Да неужели всё это создано поколениями бездельников..?»¹⁵¹. Плоскостная Чечня, являясь житницей всего Северо-Восточного Кавказа, производила хлеба для широкого сбыта в другие районы. Земледельческие работы здесь имели более интенсивный характер, чем в горной зоне. Боронованием, отбором злаков, посевом занимались мужчины; женщин не пускали в погонщики волов, но прополка входила в обязанности женщин, при чём в плоскостной Чечне мужчины разделяли с ними и эти обязанности¹⁵².

Для молотбы зерна служили тяжёлые предметы («балба», «эрне1») с кремневыми или железными вставками. Изготовление и перемещение таких предметов было под силу только мужчинам. В восточной части в горной Чечне с пологими горами, покрытыми деревьями и кустарниками, преобладала система подсечного земледелия – «ирзу». Крестьянин буквально

¹⁴⁹ Берже А.П.. Чечня и чеченцы. - Грозный, 1991. - С. 70.

¹⁵⁰ Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990. - С. 10.

¹⁵¹ Магомедов Р. М. Указ. соч. – С. 442.

¹⁵² Полевые материалы автора. 1977 г.

отвоёвывал у природы участок земли (их так и называли «трудовые участки»), очищая несколько лет от корней и сора, с большими затратами физической силы¹⁵³.

Большой знаток культуры полеводства, долго изучавший земледелие чеченцев, этнограф С-М. А. Хасиев пишет, что «жатва - трудная и ответственная пора, поэтому в ней принимали участие, как мужчины, так и женщины», но полевыми работами у вайнахов, в основном, были заняты мужчины. Причем сельскохозяйственные работы не считались унижительными для самых знатных горцев. По этому поводу Н. Ф. Грабовский писал, что мужчины «нисколько не кичатся приобретенным ими уважением к себе, и во время работ, как самый простой туземец, трудятся над своим добром. Мне приходилось встречать многих туземцев-офицеров, которые нисколько не стеснялись званием, очень усердно работают косою, топором и всем тем, чем можно работать». Вопреки сложившемуся в литературе мнению, будто бы большая часть полевых работ ложилась на плечи женщин, мы убеждаемся, что, наоборот, они выполнялись в основном мужчинами¹⁵⁴. В 90 – е годы XIX в. более 80 % населения Терской области занималось хлебопашеством. Земледелие, вообще и хлебопашество, в частности, составляло главный источник благосостояния местного населения. Только озимой пшеницей в Чечне засевали до 185 тыс. десятин земли¹⁵⁵, а площадь, засеваемая кукурузой, была в 3-4 раза больше, чем под пшеницей¹⁵⁶. Сеяли зерно только мужчины: такую ответственную работу, от которой зависела судьба будущего урожая, доверяли мужчине с большим опытом в земледелии.

Животноводство, особенно овцеводство, удовлетворяло жизненно важные потребности в мясе, молоке, сырье для домашнего ремесленного

¹⁵³ Хасиев С-М. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX в. - Нальчик, 2004.- С. 24.

¹⁵⁴ Хасиев С-М. А. Указ соч. - С. 107, 98 – 99.

¹⁵⁵ История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. - Грозный, 2008. - С. 5867.

¹⁵⁶ Там же. – С. 586.

производства. В начале 90 – х годов XIX в. в Чечне насчитывалось до 365 тыс. мелкого рогатого скота, из них 75 % овец, остальные 25% - козы. На каждые 100 душ населения обоего пола в среднем приходилось 196, 2 голов мелкого рогатого скота. Равнинные жители имели на 100 жителей 119, 5 голов мелкого скота, в горной полосе - 335,5 голов. Следует выделить 7-ой участок Грозненского округа (в верховьях Шаро-Аргуна), где на 100 жителей приходилось 641, 6 голов; и 6-ой участок в верхнем течении Чанты-Аргуна, где на 100 жителей приходилось 422 головы¹⁵⁷.

Разумеется, такой огромный массив работы, присутствующий в сельскохозяйственной сфере, был не под силу чеченским женщинам даже при их чрезмерном трудолюбии.

Сенокос являлся традиционно мужским занятием, к которому относились с большой ответственностью, поскольку от заготовки кормов зависело поголовье в скотном дворе хозяина. По данным источника, в Нагорной Чечне на каждый двор приходились участки сенокосов¹⁵⁸. По свидетельству профессора А. И. Хасбулатова, описывая условия горского скотоводства, Н. Грабовский ещё в 60-ые гг. XIX в. писал: «Человеку, первый раз попавшему в горы, придётся бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые употребляет горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки служили ему подмогою в средствах для жизни. Приготовить покосное место в горах и потом собрать с него сено также трудно, как и приспособление полей для посевов. Прежде всего, нужно было крутые покатоности гор очистить от камня; но так как величина многих из этих камней не позволила людской силе сдвинуть их, то покосные места должны были остаться между ними. Здесь-то, под палящими лучами солнца, горец работает косою и сгребаёт в небольшие копны накошенную траву. Непривычный человек едва ли сумел бы свободно ходить по этим покосным местам. Только доставка сена вниз горцу нетрудна: копна обыкновенно туго

¹⁵⁷ Там же. – С. 598.

¹⁵⁸ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы - Махачкала, 1996. - С. 175.

переплетается древесными, гибкими прутьями и в таком виде сталкивается под гору»¹⁵⁹.

Планирование скотоводческого хозяйства, строительство хозяйственных и жилых помещений, выпас скота, селекционные работы, нанесение тавра – всё это входило в прямые обязанности мужчин. Традиционно мужским занятием было всё, что связано и с коневодством.

Наряду с пахотой, жатвой, заготовкой сена, одним из ответственных видов работ, являлась стрижка овец, проводимая в сжатые сроки, прибегая к взаимопомощи, где участие женщин, в лучшем случае, ограничивалось косвенным участием в приготовлении пищи. Почему косвенным, потому что на такие случаи в обязательном порядке резали баранов, а обязанности по обслуживанию котла и раздаче мяса на разных мероприятиях, включая пиршества, свадьбы, похороны, входили в «мужское дело».

Осенью начинали заготовку дров в близлежащих лесах, где участие женщины носило эпизодический характер, без обращения с топором, пилой и другим рабочим инструментарием. Названный инструментарий являлся дополнением к маскулинности, работа с ними представителей феминисток оправдывалась лишь в случае отсутствия в доме (или у близких родственников) мужской силы, или в военное время.

Таким образом, выполнение физически тяжёлых работ на пахотных, пастбищных, сенокосных, лесных участках приходило на мужскую долю и претензии женщин на их выполнение в присутствии мужчин, а также предложение последним работы из ряда «женской», понимались как слабая оценка маскулинности, что было равнозначно оскорблению.

По свидетельству исследователей XIX - начала XX века О. В. Маргграфа, А. С. Пиралова, Г. А. Вертепова, Е. Максимова и др., в условиях отсутствия фабрично-заводской промышленности, народы Кавказа, в том числе и чеченцы, удовлетворяли свои потребности изделиями собственного

¹⁵⁹ Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). - М., 2006. - С. 182.

производства. Как было отмечено выше, О. В. Маргграф, самый авторитетный из них, высоко оценил мастерство туземной женщины в домашнем производстве. На Северном Кавказе наибольшим числом промыслов, занималось коренное население – 32 вида из 40, «большинство их – производство составляет труд женский»¹⁶⁰. Из 70 случаев, уточняет О. В. Маргграф, 39 составляет труд женщин, а у русских больше заняты ими мужчины, «женщины бесспорно главные деятельницы местного кустарного – промышленного дела: на них лежит наибольшая и самая тяжёлая часть труда»¹⁶¹. На самом деле из всех женских промыслов самым распространённым был шерстяной, он включал в себя девять видов. Один из них – валяльный промысел, связанный с изготовлением войлоков и бурок, действительно, был изнурительным и, не смотря на это, мужчины никакого участия в нём не принимали, что было характерно для всех народов Северного Кавказа, исключением являлись лишь лезгинские мужчины. Тяжёлая работа по войлочному и бурочному производству являлась, к счастью, коллективной за невозможностью её выполнения одной женщиной, так как качество войлока складывается в процессе уваливания, которое должно охватывать одновременно все участки полотна, что достижимо только при коллективной организации труда. Обстоятельства и техника работы, выполняемой дома женщинами, согнувшись на полу, тем более в таком «женском деле», никак не вписывались в кодекс горца, чтобы оказать при этом помощь женщине. Более того, превращение шерстяного полотна в войлочное полотно – это своего рода искусство с умением ровно разложить шерсть, а затем аккуратно свернуть в рулон, ритмично сообщая на каждом этапе силу, способствующую равномерному уваливанию. Мастерицы чувствуют руками «жизнь» войлока и превращают его в произведение искусства. Такая работа сподручна и понятна только женской половине. Поэтому в изучаемый период в Чечне славились изделия многих известных

¹⁶⁰ Маргграф О. В. Указ. соч. - С. 28.

¹⁶¹ Там же - С. 31

мастериц по декоративным войлочным коврам, среди них Я. Устарханова из с. Шали, А. Ахматханова из с. Ведено, М. Сулейманова из с. Шатоя, Р. Кемегова из с. Ножай-Юрт и многие другие¹⁶².

Загруженность кавказской женщины бесконечными домашними хлопотами и промыслами создавало впечатление, что она выполняет физически тяжёлые хозяйственные работы, отношение к которым было лишь второстепенное. В действительности же тяжёлые работы, как пахота, сенокос, стрижка овец, добыча и обработка камня, заготовка дров, перевозка грузов на транспортных средствах, обработка шкур, а также многие другие занятия с применением кузнечного и плотницкого инструментария, входили в обязанность мужчины. Более того, некую склонность женщин к «мужским» видам работ не приветствовалось и понималось как вмешательство в «мужское пространство».

Женщина убирала в доме, ткала, занималась рукоделием, готовила пищу, доила коров и перерабатывала молочную продукцию, но в то же время овец доил (и готовил овечий сыр!) мужчина, разделкой туш и заготовкой мяса занимался мужчина.

Исследователь К. Самойлов, пребывание в Чечне которого совпало с периодом Кавказской войны, отмечает «дикость её обитателей» и «врождённое отвращение их к какому либо труду», но тут же пишет, что «главный торг в прежние времена чеченцы производили хлебом, который преимущественно сбывали в Дагестан». По свидетельству того же автора, в мае 1850 года было заключено перемирие сроком на три дня для проведения ярмарки около крепости Грозной, куда было дозволено привести товары и горцам, подвластным Шамилю. «Главный привоз из гор составляли хозяйственные продукты: «яйца, сыр, масло, мёд; привезли также много шкур, обделанных и необделанных; кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное. Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, деревянные и железные изделия». Больше подобные ярмарки не собирались, видимо,

¹⁶² Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1971.

Шамиль опасался сближения горцев с русскими. Далее автор пишет, что «сырые продукты имеют в горах очень низкие цены, и, взятые купцами по этой цене, передаются потом русским с большим барышом». Цены: пуд сена – 10 коп., кубическая сажень дров – 3 – 4 руб., восемь мер кукурузы - 1- 2 руб¹⁶³. Приведённые сведения навряд ли можно отнести к нехозяйственному народу, тем более, в период войны.

В то же время исследователь С. Иванов восхищался трудолюбием горца:

«...Ловкий и хитрый кавказский горец ничем не хуже нашего смышленного мужика; он также хорошо делает колесо, как и тот; мед и овчины приготовит едва ли не лучше, а кой в чем другом, пожалуй, и далеко оставит русского мужика за собой»¹⁶⁴.

Противоречивые высказывания разных авторов скрывают их классовые позиции, имевшие место в тот своеобразный период нашей истории.

Однако изделия оружейных мастеров не оставили равнодушным и столь категоричного К. Самойлова: «..Шашки эти отличаются легкостью, гибкостью и ценятся довольно дорого»¹⁶⁵. Учёный И. Асхабов изучил оружейное дело чеченцев и восстановил имена 170 мастеров¹⁶⁶.

Центрами развитого ювелирного дела в Чечне являлись сёла Урус – Мартан, Шали, Шатой. Г. А. Вертепов высоко ценил достоинство изделий горских ювелиров¹⁶⁷. К сожалению, женщин среди ювелиров не зафиксировано.

Из мужской среды вышли известные мастера по башенному строительству. Исключительно мужским занятием являлось обработка дерева, мастера по дереву сами изготавливали сельскохозяйственный инвентарь, многочисленные виды кухонной посуды, домашнюю мебель,

¹⁶³ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. - С. 70, 68, 69.

¹⁶⁴ Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник. - СПб., 1859. Т. 7. - С.17.

¹⁶⁵ Самойлов К. Заметки - С. 47.

¹⁶⁶ Асхабов И. Чеченское оружие. - М., 2003.

¹⁶⁷ Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. - Владикавказ, 1897. Вып. 1. - С. 25.

средства передвижения, орудия шерстеобработки и ткацкого производства, музыкальные инструменты. Обработкой шкур животных и зверей, изготовлением кожи и конской упряжи, кузнечными, плотницкими и гончарными работами занимались только мужчины.

Все задачи, связанные по урегулированию общественных дел, примирению конфликтующих сторон и кровников решали мужчины. В компетенции мужчин были вопросы войны и мира, приёма гостей, одобрение или отклонение переговоров относительно брачных союзов. Но самое главное, они были воинами и защитниками чести – своей, семьи, рода, села и страны.

Таким образом, тезис о кавказце, в том числе и чеченце, ленивом и бездеятельном в хозяйственном отношении, в кавказоведческой литературе слишком преувеличен. Представляется, что исследователи опускают один немаловажный момент: мужчины даже за короткий промежуток времени могут выполнить работу более ответственную и, тем более, физически непосильную женщинам, когда среди женских работ таковых практически нет. Самые тяжёлые хозяйственные работы - подготовка сельхозинвентаря, пахота, боронование, заготовка сена, транспортировка грузов, стрижка, перегон овец и другие - выполнялись мужчинами. Кроме того, известно достаточное количество «мужских» промыслов – кузнечный, ювелирный, гончарный, строительный, по обработке камня, дерева, шкур и т. д., о которых есть достаточное количество археологических (Е. И Крупнов., В. И Козенкова., В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов, М. Х. Багаев, М. Б. Мужухоев, Х. М. Мамаев, Д. Ю Чахкиев, Р. А. Даутова) этнографических (У. Лаудаев, Б. А. Калоев, А. Сулейманов, И. Саидов, С.-М. А. Хасиев, З. И. Хасбулатова, З. А. Мадаева., Л. М. Гарсаев, Б. Б. Абдулвахабова) свидетельств и литературных источников (К. Самойлов, А. П Берже, С. И. Иванов, О. В. Маргграф, А. С. Пиралов., Г. А Вертепов, Н. П. Гриценко, А. И. Хасбулатов, Ш. Б. Ахмадов., Я. З. Ахмадов., Э.

Хасмагомадов, Т. А. Исаева., Г. А. Горчханова, В. Асталов, З. Х. Ибрагимова).

Мы не согласны с известным Российским этнографом Ю. Ю. Карповым, когда он пишет: «мужским занятиям в годовом цикле работ обычно сопутствовал менее напряжённый ритм, нежели занятиям женским»¹⁶⁸. Наоборот, вышеприведённые традиционно мужские занятия приходили на каждый годовой цикл, в те сжатые сроки они были очень напряжёнными и важными. Благополучие семьи и её социальный статус были зависимы от результата труда хозяина дома и его личного авторитета в обществе, в котором лень и бедность не поощрялись. На мужской половине общества ответственности было гораздо больше даже если согласиться, на наш взгляд, с ложным тезисом «о бездеятельном кавказце».

Трудолюбие чеченских женщин общеизвестно, «едва ли кто может сравниться с ними в трудолюбии и в трудовой закалке»¹⁶⁹, но утверждение, что они занимались изнурительно тяжёлыми работами, всё-таки неверно. Вмешательство женщин в «мужское» пространство не приветствовалось в традиционном обществе чеченцев и рассматривалось как упрёк маскулинности. «Женское пространство» больше было приближено к её домашнему очагу.

Перекосы в распределении хозяйственных обязанностей в сторону загруженности женщины имели место в периоды военных и экстремальных ситуаций, что вполне оправдано в хозяйственной практике не только чеченцев. Известный дагестанский этнограф Р. И. Сефербеков отмечает в XIX - начале XX века у народов Дагестана «ощутимый перекося в половом разделении труда в сторону большей степени занятости и загруженности женщины хозяйственными работами в сравнении с мужчинами, что было

¹⁶⁸ Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001.- С. 217.

¹⁶⁹ Арсалиев Ш. М-Х. Этнопедагогика чеченцев. – М., 2007. – С. 119.

обусловлено рядом причин и обстоятельств»¹⁷⁰ Адатная традиция чёткого и равновесного разделения мужского и женского труда была нарушена условиями долголетней войны¹⁷¹.

Таким образом, гендерные аспекты в чеченском обществе были довольно влиятельными. Все работы в хозяйстве делились на мужскую и женскую. В меру своих физических возможностей трудились все. Приобщение детей к труду и поддержание у них интереса к труду являлось в любой чеченской семье правилом трудового воспитания. Физически тяжёлую работу выполняли мужчины. В зависимости от гендерной принадлежности были запреты и поощрения в поведении, приёме пищи, цветовой гамме, стиле одежды и т. д. Довольно ревниво учитывались гендерные аспекты в промысловых занятиях. Традиционное хозяйство чеченцев, как и у других народов Кавказа, требовало затрат большой физической силы, что под силу было только мужчине. Следовательно, опорой и кормильцем семьи были мужчины. Положение чеченской женщины в обществе и её физические возможности не позволяли ей выполнять изнурительно тяжёлые работы. Однако в силу некоторых причин и обстоятельств могли иметь перекосы в сторону загруженности женщины.

2. 4. Элементы традиционной культуры хозяйственной деятельности на примере локальных чеченских обществ

Два локальных общества Чечни стали объектом нашего внимания, потому что они ярче и дольше сохранили давние чеченские традиции.

Чеберлой – это уникальный уголок Чеченской Республики, где найдены стоянки первобытного человека, относящиеся к мустьерской эпохе

¹⁷⁰ Р.И. Сефербеков. Гендерные роли мужчины и женщины в хозяйственном быту народов Дагестана: традиции и современность//Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа//Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 29 февраля 2008 г. Махачкала, 2008. – С.53.

¹⁷¹ Магомедов Р. М. Указ. соч. - С. 445.

– палеолит¹⁷², которые являются самыми древними на территории республики, что свидетельствует о раннем хозяйственном освоении эти мест. Сегодня Чеберлой опустел вследствие известных причин. Однако руководством республики уже приняты меры для скорейшего возвращения людей на свои отцовские земли.

Жемчужина гор Кезеной-Ам, известные древние аулы Макажой, Кезеной и Садой – все они входят в Чеберлой, который известен как локализованное древненахское общество. Как мы отметили выше, у чаберлоевцев существует свой ярко выраженный диалект нахского языка¹⁷³. Чебирлойский диалект чеченского языка и хозяйственные архетипы, присутствовавшие в культуре чебирлоевцев, представляют чрезвычайно важный интерес для лингвистов и этнографов, но и для историков. Многие хозяйственные термины, народные традиции в данной работе восстановлены благодаря этому диалекту, поэтому для нас важно, чтобы сложилось правильное мнение об этом чеченском обществе.

По причине изолированности от равнинной основной территории Чечни, в Чебирлое долгое время сохранялась своеобразная местная (локальная) культура с чертами архаичности. Даже соседи чебирлоевцев, в большей степени, контактировавшие с остальной частью Чечни, довольно сильно отличались от них не только языком, но и отдельными элементами культуры и домашнего быта. Позднее это обстоятельство привело к необоснованному мнению о Чебирлое, как самом отсталом в социальном, экономическом и культурном отношении уголке Чечни. На самом деле это общество чуть дольше сохранило ту культуру, которая была характерна чеченцам. Стали появляться статьи, авторы которых прямо утверждают, что Чебирлой стал «чеченским» лишь на самом позднем этапе своей истории. По мнению лингвиста Г.-Р. А. Гусейнова, топонимика Чебирлоя не имеет

¹⁷² История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т. 1. – Грозный, 2006. – С. 14,15

¹⁷³ Арсаханов И. А. Указ. соч.. – Грозный, 1969.

никакой связи с нахской ономастикой, а полностью восходит к кумыкскому, кипчакскому, болгарскому и чамалинскому языковым пластам. В качестве краеугольного камня для построения своей «концепции» относительно Чебирлоя, он использовал известную работу У. Лаудаева, из которой с особым удовольствием приводит следующую цитату: «Первобытные жители этой страны назывались чаберлоевцами (Чаберлой). Когда же на Шаро- и Чанти- Аргунской территории образовалось Чеченское племя, то, умножившись затем оно подвинулось в окрестные стороны. Оно заняло Чаберлой и, смешавшись с его обитателями, составило новые фамилии. Туземцы же Чаберлоя утратили свою национальность и природный язык, почему ещё и до сих пор неправильно выражаются по-чеченски. Страна, однако, удержала за собой первобытное название – Чаберлой».

По его мнению, «...чаберлойский диалект, носители которого проживают к северо-востоку от с. Кенхи в пограничье с другими андийскими языками, отличается от прочих вайнахских диалектов своей, на первый взгляд, архаичностью, прежде всего отсутствием, как в бацбийском языке и шароевском диалекте специфических гласных оь, уь. Однако, если в бацбийском языке их отсутствие действительно является архаическим наследием, то в шаройском и чеберлойском диалектах соответствующее явление могло быть обусловлено влиянием ареально смежных андийских языков, которым данные гласные неизвестны»¹⁷⁴.

Ради объективности отметим, что У. Лаудаев, если и бывал в Чебирлое, то уж во всяком случае, специально не изучал это общество. Думаю, что это относится и к Г.-Р. Гусейнову.

Кстати, Чабирлой (чеберл. диалект) – это чеченское название местности, довольно удачно отражающее особенности ландшафта – члаба аре. Там проживало достаточно большое количество чеченских тайпов,

¹⁷⁴ Гусейнов Г.-Р. А. К древней и средневековой истории нахских народов по этнографическим и этнолингвистическим данным //Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе // Материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2007. – С.116.

включая, кроме основных чебирлоевских тайпов (босохой, макажой, садой, ригахой и многие др.) ещё и отдельные семьи из общества хилдехьархой и хьачарой¹⁷⁵.

Что касается топонима соседствующего с Чебирлоем общества Шатой (Шубут), к которому вышеназванный автор также имеет претензии, то термин «шуот», «шуот дар» активно проходит в хозяйственной деятельности чеченцев с глубокой древности. В частности, при изготовлении одежды из «круглой» шкуры – «горга кхакха» (т.е. снятой с животного или зверя без переднего разреза), специально укрепляли ворот, чтобы он не рвался, и эта операция называлась «шуот дар». В других случаях она проходит в одном ряду с такими производственными операциями, как «шуорт», «шуонк», также объяснимыми на нахском языке.

Точно также топоним Шубут имеет нахское толкование, а именно шу + буот, обозначающие «место, закрытое (буот) линиями (шу)». Например, в мощном варианте чеченского веретена («Гера урчукх») верхнее сечение, куда прокладывают нить, одновременно её закрепляя, называется «шуотха». Допускаем, что термин восходит к глубокому пласту кавказских языков, имеет параллели на языках народов Кавказа.

Чебирлой подразделяется на нижний и верхний Чебирлой. Представители нижнего Чебирлоя не считают себя чебирлоевцами. Однако этот факт имеет место только по той причине, что их хозяйственная деятельность протекает в других условиях, не связанных с топонимом «чIаба аре/урие». Указанного обстоятельства недостаточно для того, чтобы поставить под сомнение единство их происхождения. К примеру, два родных брата, а один из них, успевший переселиться на равнину, не считал себя горцем. Как известно, названия племенных союзов могут быть связаны с генетическим родством племен, входящих в это объединение. Но в большинстве случаев название племенного союза связано и с районом их

¹⁷⁵ Полевые материалы автора, 1995 г. Информатор Абдурахманов М., село Керла-юрт.

расселения ¹⁷⁶. Другое дело, когда речь идёт о роде, внутренняя структура которого характеризуется кровнородственными связями его членов.

Саьрбалой, представленные в Чебирлое, говорят на шотойском диалекте чеченского языка, что свидетельствует о переселении их туда в недалёком прошлом. Это подтверждается и самими саьрбалоевцами, которые называют себя выходцами из тейпа Хьалкелой общества Шотой. Данное поселение носило это название ещё до появления там выходцев из Шотойского общества. В основе названия лежит чеченское слово «саро» (гибкость, лавирование). Термины, производные от него: «саруо» (дипломат, политик), «саралла» (дипломатия, политика), «саро дар» (приём в политике и дипломатии) являются базисными в дипломатической теме, удачно отражённой в искусстве чеченцев. Судя по топониму, до переселения халкелоевцев, это было нахское поселение, основанное для урегулирования каких-то политических процессов.

Относительно тейпа лаьшкарой (на шотойском диалекте «лиешкиерой») известно также мнение именитого этнографа А. Сулейманова, который связывал его с персидским словом «лашкар» (войско). Причисление к военному сословию всегда импонировало чеченцам, однако должна заметить, что мнение старожиллов в основном, сводилось к тому, что недалеко от Саьрбала находилась плоская межгорная котловина – «киере» (это образное сравнение ладони «ка», «киера» с местностью»). Почему-то там до глубокой весны, цитирую местных информаторов: «биестие бIерла еллалц», сохранялись зернистые проталины снега, из-за чего это место долго бывало не пригодным для выгона скота, называли его «лиешкара»: луо – снег (ед. ч), а на местных диалектах и говорах «лиеш» – мн. число. Позднее эти места, включая и то, о котором идёт речь, заселили переселенцы из Саьрбала.

Топонимический ландшафт Чебирлоя не включает андийские, болгарские и кумыкские элементы. Там практически нет топонимов не

¹⁷⁶ Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. – М. 2003. - С.16

нахской этимологии. В хозяйственной деятельности, процессах производства, производственных операциях и названиях орудий труда тюркская терминология не проходит, потому, что к моменту вторжения тюркоязычных кочевников на Кавказ, Чебирлой был освоен в хозяйственном отношении, о чём свидетельствуют древнейшие археологические данные на территории Чебирлоя. В чеченском языке известны буквально единичные случаи наличия двойной терминологии, нахского и тюркского происхождения. Например, часть мотка шерсти, одеваемая на запястье при её сучении, называется «билзиг» (браслет – по тюрк.) и «кархи» (запястье – по чеч.). Разница в том, что в тюркском названии отражается форма маленького мотка, а в нахском – место его нахождения при изготовлении нити. Эти два, казалось бы, малозначительных термина показывают, что у нахов и производство, и база терминов, обслуживающая его, не уступали по своему уровню развития тому, что наблюдалось у их соседей.

Нам не известно, как согласуется с концепциями исследователей - лингвистов (Т. В. Гамкрелидзе, В. С. Иванов, И.Я. Марра, И. А. Арсаханов), вопрос о том, какой из двух древних диалектов чеченского языка древнее – чеберлойский или бацбийский. Однако известно, что слово *бацой* в чеберлойском диалекте имело ещё переносное смысловое значение «поздний». Например, в терминах, обслуживающих овцеводческое хозяйство, находим: *Јавла Јахар* – ягнёнок раннего (зимнего) окота, а *баци Јахар* – ягнёнок позднего (весеннего) окота. Бацой означает «поздние».

А теперь проследим, как носители чебирлойского диалекта «неправильно выражаясь по-чеченски» «искажали» «правильный» язык чеченцев. Например, обратим внимание на следующие выражения чеченского языка:

1. **Јалта дийна** – посеяли урожай; 2. **Ж1аьла дийна** – убили собаку;
3. **Иза дийна** ву – он живой; 4. **Хорбаз дийна** ю - арбуз целый; 5. **Дийна** делкъахь – середь бела дня.

Мы имеем пять одинаково звучащих, но совершенно разных по смыслу слов (в первых двух случаях – это глаголы, во вторых двух – прилагательные, в третьем – существительное). Правильное смысловое значение этих слов нам понятно только благодаря сочетанию с ними других слов. Как это выглядит с точки зрения богатства чеченского языка, судите сами. А теперь напишем эти же слова на чаберлойском диалекте и смысл их совершенно понятен без помощи сочетающихся с ним слов:

1. Диене (долгое -ие) – посеяли; 2. Дийне (-ий) – убили; 3. Диени – живой; 4. Денни – целый; 5. Диено делкъехь – середь бела дня.

Перед нами разные слова, в которых не только ударение и долгота звука, но даже вокал придают им новое смысловое значение. Поэтому чебирлойский диалект должен быть не изгоем, проклятым как искажающий чеченский язык, а наоборот, правильно оценен как носитель древних форм чеченского языка, доносящий до нас всю его глубину и богатство. Создаётся впечатление, что недоброжелательное отношение к этому диалекту муссируется целенаправленно, так как он несёт необычную информацию о хозяйственной деятельности, культуре и искусстве чеченцев с древнейших времен. Например, именно на этом диалекте в последнее время восстановлены недельный счёт времени у чеченцев в древности¹⁷⁷, названия орудий труда и другая значительная база терминов, что обслуживали производственную деятельность и духовную сферу чеченского общества¹⁷⁸.

Доказывая кумыкское происхождение феппинцев, Г.-Р. Гусейнов приводит самоназвание собственно ингушей «кхаькхаьла» и связывает это с кумыкским «кьакьалы», т.е. «ущельный». Известное нахское слово «кхаькхаьла» с повторяющейся и фонетически ясной основой – кха, - кхаь, характеризующей отношения земельных (кха), т. е. хозяйственных, сообществ, переведено в данном случае чужую природу. Известный нахский

¹⁷⁷ Шавлаева Т. М. К вопросу о недельном счёте времени в чеченском календаре в прошлом (на примере общества Чаберлой)//Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Грозный, 2006. - С. 324-330.

¹⁷⁸ Она же. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Грозный, 2006. - 27 с.

этноним «джелти» отождествлён с казахским «жал» (гребень и хребет общетюркского характера)¹⁷⁹, когда чеченское название греков - «джиелтой» - имеет нахскую этимологию, как производное от известного хозяйственного термина «джиели» со значением «практичное, полезное, деловое, доходное». Все слова с основой *джа/джие* в чеченском языке изначально имеют хозяйственную природу, со временем смысл лексемы расширялся в сторону использования выгоды.

Таким образом, приведённые выше археологические, этнографические и лингвистические данные свидетельствуют, что на сегодняшний день общество Чебирлой остаётся самым древним на территории Чеченской республики. Чебирлойский диалект чеченского языка представляет собой чрезвычайный интерес в силу своей архаичности и проливает свет на многие забытые стороны нашей истории. Он не искажает чеченский язык, а наоборот, правильно доносит до нас всю глубину и богатство чеченского языка, который искажён до неузнаваемости в силу мощного влияния тюркизмов, аланизмов, славянизмов, арабизмов и т.д.

Элементы хозяйственной культуры чеченцев Панкиси тоже несут интересную информацию о прошлом чеченцев.

Чеченцы Панкиси компактно проживают в нескольких сёлах Панкисского ущелья Кахетии, в верховье реки Алазани, в Ахметовском районе. По последним данным число местных чеченцев, которых принято называть кистами, превышает цифру 10 тысяч человек, без учёта беженцев. Последние расселились в основном в сёлах, покинутых осетинами после событий 1992 – 1995 годов. Граждане республики Грузия, кистинцы говорят на кистинском диалекте чеченского языка, который «сохранил много архаических черт в сравнении с чеченским, например, в лексике и

¹⁷⁹ Гусейнов Г.-Р. А.-К. К локализации Чунгарса и Вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (хонов) // Дагестанский этнографический сборник. № 2. – Махачкала, 2006. – С.59.

грамматике кистинского диалекта отмечается большое влияние грузинского языка»¹⁸⁰.

В Панкиси представлены следующие вайнахские тейпы: майстинцы, маьлхистинцы, терлоевцы, хилдехаройцы, итум-калинцы, дишни, хачарой; единичные случаи из Шароя. Чеберлойцы, Шотоевцы и Ичкеринцы здесь не представлены, а если и были, то они примкнули к более крупному тейпу¹⁸¹.

Кистинцы говорят на кистинском диалекте чеченского языка. Это положение, на наш взгляд, нуждается в небольшом уточнении. В чеченском языке насчитывается до 12 диалектов и говоров. Кисты говорят даже сегодня, прежде всего, на своём родном тейповом диалекте или говоре, которые в свою очередь испытали влияние грузинского языка, что в итоге оформилось в кистинский диалект. При беседе с ними сразу же можно определить, который из них хьачаро, дишни, м1айсто, маьлхи и т. д. Поэтому здесь уместно заметить присутствие двойного диалекта (бидиалектности), характерного для языка вайнахов-кистов, потому что переселенцы были носителями разных диалектов и говоров, испытавшие на себе влияние грузинского языка. Сказанное имеет отношение и к повседневной культуре кистинцев, так как впитала в себя много элементов грузинской культуры.

Вайнахо-грузинские отношения уходят вглубь веков и даже таят в себе некую изюминку. Они особо подчёркивают, как воинственные предки вайнахов - дзурдзуки имели самое непосредственное отношение к истории Грузии, включая и судьбоносные периоды для Картли.

По свидетельству историка XI в. Леонтия Мровели, одного из составителей «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), супруга первого царя Картли Фарнаваза (I-ая пол. III в. до н.э.) была дочерью предводителя дзурдзуков. От этого брака родился будущий второй царь Картли Саурмаг, на защиту которого стали дзурдзуки, когда он со своей матерью пришёл к

¹⁸⁰ Маргошвили Л. Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. - Тбилиси, 1990. - С. 18.

¹⁸¹ Полевые материалы автора. 2011 год. Панкиси. Грузия.

ним, изгнанный картлийскими эриставами. Тётя Саурмага по отцовской линии была замужем за осетинским правителем, поэтому Саурмаг нашёл поддержку не только у дзурдзуков, но и у осетин: «Саурмаг, собрав большое войско осетин и дзурдзуков, отправился на завоевание Картли, и никто не посмел выступить против него. И завоевал он Картли и уничтожил всех отступивших от него»¹⁸².

Переселение в Панкиси со стороны Северного Кавказа, видимо, шло с древних времён, продолжалось оно в средние века и последующее время, и носило эпизодический характер. Но, в зависимости от исторической обстановки, периодически переселение усиливалось. К примеру, по мнению исследователя Н. А. Бердзенишвили, северокавказские племена довольно активно продвигались в Закавказье и вливались в местные племена во время татаро-монгольского нашествия¹⁸³.

Анализируя причины переселения вайнахов, профессор Л. Ю. Маргошвили, со ссылкой на таких исследователей, как К. Ган, А. Зиссерман, Б. Скитский, выделяет, прежде всего, экономические причины, связанные с нехваткой земель. Далее она приводит причину кровной мести, когда человек признанный виновным, менял место жительства, скрываясь от возмездия со стороны родственников убитого.

Другая причина – несогласие с жестоким режимом Шамиля, сопровождавшим насаждением исламской религии в то время, когда чрезмерно жёсткие методы не совсем вписывались в свободные общества чеченцев, где отношения между членами общества регулировались внутренними адатами. Сопrotивление иной раз принимало трагический характер, так в ауле Шарой жители были заперты в башню и сожжены за то, что, якобы, они отказывались принимать религию – ислам. Как известно, насилие противоречит истинному исламу, о чём не мог не знать имам

¹⁸² Картлис Цховреба (Житие Грузии). Т. I. - Тбилиси, 1955. - С. 25 - 27.

¹⁸³ Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. VI. - Тбилиси, 1973. - С. 125.

Шамиль, а столь жёсткое наказание, очевидно, было за неподчинение новым порядкам.

Причиной переселения считается и хорошо известный в прошлом обычай «байталваккхар», согласно которому в чеченском обществе не допускалось заметной имущественной дифференциации. По решению Совета производили конфискацию имущества, которое в итоге распределяли между членами общества. Опасаясь такой участи, некоторые зажиточные хозяева обосновывались в новых местах¹⁸⁴.

В связи с упоминанием этого обычая можно вспомнить и другой известный обычай чеченцев, отличающийся от первого, – «вота туохар» («ударить в бубен»), к которому добровольно прибегал собственник в случае потери имущества. Этим действием, т. е. ударяя в бубен в общественном месте, потерпевший как бы признавался всем, что он впал материально в бедственное положение. Ответным действием желающие оказывали ему материальную помощь, а те, кому он задолжал, обязательно прощали долги.

Главное, в этом деле не присутствовала спекуляция, ни одна из этих сторон не была унижена и возвышена. Это являлось нормой, обеспечивающей равенство и добрые взаимоотношения между жителями в традиционном обществе чеченцев.

Компактное поселение кистов в Грузию началось с 1791 года, также выделены даты 1831, 1841, 1848, 1854, 1860 и другие¹⁸⁵, хронологически совпадающие с периодами крупных политических событий, имевших место в Чечне. Как известно, только в течение 100 лет, начиная с 80 – х годов XVIII века, Чечню потрясли такие крупные события, как выступления под руководством шейха Мансура, имама Шамиля, Алибек-Хаджи Алдамова и Умы Дуева¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Маргошвили Л. Ю. Указ. соч. - С. 30-31.

¹⁸⁵ Кризис этнокультуры и безопасность общества (панкисское ущелье). - Тбилиси, 2003. - С. 55.

¹⁸⁶ Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1991. - С. 24, 43, 81, 85.

Основными хозяйственными занятиями кистин являлись скотоводство и земледелие. При этом выгодной отраслью животноводства считалось овцеводство. На овцеводческом хозяйстве базировался промысел, связанный с обработкой шерсти и выделкой шкур. Женщины изготавливали бурки, декоративные войлочные ковры, войлочные шапки. Производство домашнего сукна на примитивном ткацком стане практиковалось вплоть до 50 – х годов XX века, потому что накидки для пастухов, широко востребованные из-за своей высокой практичности в овцеводческом хозяйстве, делали именно из этого материала. Мужчины обрабатывали шкуры, были здесь известные мастера по дереву и строительному ремеслу. Эти промыслы сохранились в этой местности до сих пор. В Панкиси живут известные потомственные мастера по войлочно-валяльному, бурочному производству, а также мастера по художественной обработке камня, дерева и жести. Эмзар Кавтарашвили – известный потомственный мастер по выделке шкур. В Советское время руководил войлочно-валяльным цехом, в котором местные мастерицы наряду с бурками делали войлочные жилеты с ворсом, гетры и носки. Продукцию свою реализовывали не только на Кавказе, но и вывозил в Среднюю Азию Казахстан, где пользовалась повышенным спросом. Потомственные мастерицы Насихат Гаургашвили и Исми Магаликашвили делают сванские шапки. В Дуиси работают именитые мастерицы по изготовлению бурок: Зизи Маргошвили, Джения Гумашвили, Сано Маргошвили, Серо Маргошвили. которые свидетельствуют, что умельцами были у них и родительницы, и прародительницы, а сами они стараются передать это мастерство молодым. Искусной мастерицей по художественному войлоку и вязанию является Асма Гаургашвили, которая провела несколько выставок своих изделий в Дуиси и Тбилиси. У другой славной мастерицы - Тамилы Гаургашвили есть оригинальные работы по войлоку «Русалка» и «Старый Тбилиси». Старая мастерица Себихьат Хангошвили предпочитала делать свои работы только в вайнахских

традициях – «ло боккхуш», т. е. методом аппликации, это мастерство перешло к ней от матери и бабушки.

Следующие изделия, изготовленные потомственными кистинскими мастерами по дереву, удивляют своей оригинальностью, художественным вкусом исполнителей и широким ассортиментом: буфет кухонный мастера Рамаза Хангашвили, известного во всей округе; шифоньер (мастер Махьам-Гіези Хангашвили); шкаф и стол из орехового дерева (мастера Вахтанг и Зелимхан Кавтарашвили – отец и сын); стол, стул, шкаф (мастер Нада Богакашвили); кровать (мастер Шалва Гумашвили) и многие другие, выполнены в сложной технике создания барельефных зооморфных рисунков. В Панкиси много старых домов, у которых веранды, карнизы, окна, двери выполнены в технике резьбы по дереву. Встречаются художественные карнизы из жести. Судя по ограждениям, строениям и надмогильным памятникам из камня, здесь жили, и живут в данное время, опытные мастера, умеющие искусно обрабатывать камень. Названные мастера свидетельствуют, что известными умельцами были у них и родители. Свои приусадебные участки кистинцы вспахивают и в настоящее время быками или волами, дедовским способом, проявляя тем самым бережное отношение к земле. В действии несколько водяных мельниц, где перемалывают выращенную здесь белую кукурузу, широко востребованную в кистинской кухне¹⁸⁷.

Кистинцы очень гостеприимны, отзывчивы, общительны и считают, что лучшие хозяйственные и культурные традиции вайнахов сохранили достойно, даже будучи в окружении христианской культуры, чем чеченцы, проживающие на своей этнической родине. Свою национальную идентичность они связывают только с вайнахами и реагируют весьма болезненно, когда их называют грузинскими чеченцами.

Традиционная хозяйственная терминология кистинцев в целом совпадает с той, что имела распространение в сёлах Чечни, откуда

¹⁸⁷ Полевые материалы автора. 2011 год. Панкиси. Грузия.

переселились нынешние жители Панкиси. К примеру, веретено, как и в сёлах, входящих в Итум-Калинский район, здесь называется «я1ч1ийжиг», а нити шерстяные – «шенчарг», навозное удобрение – «дуьш», мотыга – «тиекх» и т. д., когда в равнинных обществах Чечни эти же предметы называются – «урчукх» (веретено), «аьхниг» (нити), «кхиелла (навоз), «метиг, цел» (мотыга). Встречается множество слов, которые вышли из обихода в чеченской среде, но сохранились в кистинской, к примеру, швы – таканаш; каштан – ц1абар; зуома – рассчитать на глаз; матыга – тиекх и т. д.

Местный краевед, историк Хасу Хангошвили информирует, что чеченец Дуй из рода дишни Итум-Калинского района, именем которого после его смерти назвали село Дуиси, самое крупное село в ущелье, поселился здесь в 1826 году. Большие усилия по распространению ислама среди чеченцев Панкиси приложил другой дишниец – Габиш-Хаджи, первым совершивший хадж в святые места Мекки в 1895 году, в возрасте 75 лет¹⁸⁸. Как свидетельствует надпись, Габиш-Хаджи умер в 1912 году в возрасте 92 года. На могиле этого паломника стоит своеобразный памятник декоративно-прикладного искусства, напоминающий корпус человеческого тела со стилизованным изображением головы в шапке с чалмой. Такие памятники ставили тем, кто совершил хадж в святые места Мекки. Подобные памятники нами зафиксированы и в Чечне, в частности, в с. Пхьамта Шатойского района (*иллюстр*).

В соседнем селе Джоколо, основание которого принято считать чуть поздним, сохранились памятники языческой культуры. Захоронения умерших идентичны с теми, что мы находим в маьлхинском обществе Чечни. Каменные плиты естественной формы сложены на могилах так, что образуют сооружение, надёжно защищающее покойника. Завершает строение, как правило, большая каменная плита природной фигуры, устанавливаемой вертикально к могиле. В нишу одного из таких сооружений вставлена

¹⁸⁸ ПЭМА: информатор Хасу Хангошвили, 1942 г. р., записано в с. Дуиси республики Грузия в апреле 2011 г.

каменная доска с надписью на грузинском языке – это дата смерти (11 мая 1890 г.), имя и фамилия на грузинский манер с окончанием «швили».

У входа в старое кладбище села Джоколо одна могила с правого края отличается от остальных тем, что на ней нет таких нагромождений нестандартных каменных плит, как на остальных, что даёт право считать это захоронение грунтовым. На этой могиле лежит каменная плита с выровненными краями в размерах надмогильного памятника «чурт», характерного для мусульманских захоронений. Мусульманской знаковой символики в виде звезды и полумесяца на памятнике нет, а надпись на грузинском языке доносит до нас дату смерти (12 число в месяц виноделия, т. е. октября, 1892 года), имя, фамилию на грузинский манер с окончанием «швили», и просьбу покойника к тому, кто его видит, помолиться о его помиловании (*иллюстр.*).

На чеченских кладбищах можно проследить и заметное влияние традиций христианской культуры, в окружении которой они оказались волею судьбы, но со временем вытесняемых утверждением ислама¹⁸⁹. (*иллюстр.*)

Следовательно, чеченцы, проживающие в ущелье Панкиси Кахетии, являются частью вайнахского народа, представленного там несколькими тейпами, преимущественно с пограничных с Грузией районов Аргунского ущелья. Грузино-чеченские отношения, уходящие вглубь веков, вписали впечатляющие страницы в историю этих двух народов. Поздние переселенцы (с конца XVIII века), в отличие от ранних переселенцев, сумели сохранить свою национальную идентичность, обогатив культуру влиянием грузинской культуры. В Панкиси можно встретить и кистинцев христиан, праотцы которых были чеченцами, но они давно не связывают свою национальную идентичность с местными кистинцами и, тем более, с далёкими чеченцами. В силу определённых исторических причин, их предки не приняли ислам, что послужило причиной полной ассимиляции с грузинским населением.

¹⁸⁹ ПЭМА: Записки в сёлах Панкиси Республики Грузия, апрель 2011 г.

Подводя итоги второй главы, следует отметить, что чеченцы, как и все народы Кавказа, издревле занимались скотоводством, земледелием и промыслами, что подтверждается многочисленными археологическими находками и выводами учёных. Благоприятные, хотя и своеобразные, условия Кавказского края, требовали у своих обитателей большого трудолюбия.

Хозяйственная деятельность выдерживала уровень хозяйственной культуры, потому что мы находим целенаправленную деятельность с осознанием пользы и поиском выгоды, лучшие традиции передавались из поколения в поколение, на них базировались духовные ценности. Такие термины, обслуживающие производящее хозяйство, как **ной, нуо, лание, хатт, хор, чох, хач, саро, рига, джа, колх, изч, уоч, перс** несомненно, относятся к глубокому пласту языка и имеют богатые параллели в других языках. Это может быть следствием или генетического родства, или длительного периода совместного проживания и культурных связей. К какой бы языковой среде они не относились, смысл их мы находим в хозяйственной деятельности.

В чеченском обществе довольно влиятельными были гендерные аспекты. В меру своих физических возможностей трудились все. Трудовому воспитанию детей уделялось большое внимание. Все работы в хозяйстве делились на мужскую и женскую. Физически тяжёлую работу выполняли мужчины. В зависимости от гендерной принадлежности были запреты и поощрения в поведении, приёме пищи, цветовой гамме, стиле одежды и т. д.

Огромный массив хозяйственных работ чеченцы выполняли сами. Самые тяжёлые хозяйственные работы (подготовка сельхозинвентаря, пахота, сев, сенокос, уход за скотом, строительные работы, заготовка дров, а также промыслы, связанные с обработкой камня, дерева, шкур и т. д.) выполняли мужчины, потому что требовали маскулинной силы. Положение

чеченской женщины в обществе и её физические возможности не позволяли выполнять изнурительно тяжёлые работы.

Многие элементы прошлой культуры восстанавливаются благодаря таким некогда локализованным обществам – Чебирлой и Панкиси. Древнее чеченское общество «Чебирлой» в силу определённых причин сохранило древние формы чеченского языка, когда литературный чеченский язык испытал на себе большое влияние соседствующих культур. Более углублённое изучение этого диалекта обещает много интересных фактов из прошлой жизни народа. Чебирлойский диалект не искажает чеченский язык, а, наоборот, правильно доносит до нас глубокий смысл многих терминов.

На хозяйственную культуру чеченцев проживающих в Панкиси (Грузия) заметное влияние оказали элементы грузинской культуры. Однако сами кистинцы считают, что они лучше сохранили истинно чеченские хозяйственные традиции, чем чеченцы, проживающие на своей исторической родине¹⁹⁰. Диалекты переселенцев из Аргунского ущелья также испытали на себе влияние грузинского языка – в результате всего мы наблюдаем у чеченцев-кистин явление бикультуризма и бидиалектности.

¹⁹⁰ ПМА, 2011 г. Панкиси.

Глава III. Хозяйственная деятельность чеченцев.

1.1. Земледельческие работы

Самые древние находки культурных растений на Кавказе сделаны сравнительно недавно на Северном Кавказе, на стоянке Чох, что находится в Дагестане. Они представлены некоторыми сортами ячменя и пшеницы, которые здесь выращивали в первой половине VI тысячелетия до н.э. По мнению известного специалиста в области первобытной истории В. А. Шнирельмана «комплекс этих культурных злаков и одомашненных животных» сформировался раньше и проник сюда с юга. Однако именитый дагестанский археолог Х. А. Амирханов не приводит черт заимствования и инокультурных влияний¹⁹¹.

Исследователи хозяйственной истории Кавказа и Северного Кавказа, такие как Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, Г. Х. Мамбетов, В. М. Шамиладзе, М. О. Османов, Т. А. Бунятов, М. А. Агларов, А. И. Хасбулатов, С-М. А. Хасиев, Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов и другие сходятся во мнении, что земледелие издревле было основной и ведущей отраслью хозяйства в равнинной зоне. В высокогорной и горной зоне отдаётся предпочтение скотоводству, что связано со сложным ландшафтом местности и скудными пахотными угодьями. В пользу такого суждения авторы приводят весомые факты, включая археологические (Крупнов, Морковин, Козенкова). Вышесказанное вовсе не указывает на однородность хозяйственной деятельности, продиктованной региональными особенностями, речь идёт лишь о преобладании одной формы над другой. В то же время, исследователи В. М. Шамиладзе¹⁹², О. М. Османов¹⁹³ указывают на тесную

¹⁹¹ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. Очаги древнейшего земледелия. М., 2012. – С. 85.

¹⁹² Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. - Тбилиси. 1979. -С. 215.

связь между земледелием и скотоводством. В равнинной земледельческой зоне в стаде, как правило, преобладал рабочий скот, а наличие буйволов и волов в сельском стаде являлось доказательством развитого земледельческого хозяйства¹⁹⁴. Буйволы и воны являлись бесконкурентной тягловой силой, а буйволицы давали и отличную молочную продукцию. Таким образом, прослеживается прямое подчинение состава сельского стада земледельческому хозяйству. От размера пастбищных площадей (дежийлаш) и покосов (цанаш) зависело и горное животноводство.

С давних времен горные и равнинные чеченцы обрабатывали землю и старались это сделать настолько интенсивно, насколько это было возможно. В сложных ландшафтных условиях: «строили террасы, использовали каждый удобный клочок земли, пахали, удобряли, убирали сорняки и др. На каменистые уступы гор наносили нередко в мешках землю и превращали их в плодородные участки, создавая таким образом пригодный для земледелия маленький участок пахотной земли. Такие же обстоятельства были и в Ингушетии¹⁹⁵. Немудрено, что созданный таким образом земельный участок стоил дорого»¹⁹⁶. Исследователь Ш. Б. Ахмадов приводит интересные сведения о бытовании в горной и предгорной зоне ещё XVIII - начале XIX века древнейших орудий земледелия – палок-копалок двух видов с утяжелителем и без него, к которым прибегали горцы в случае невозможности обработки плугом слишком кочковатой земли¹⁹⁷. Н. И. Вавилов запечатлел в горном крае «изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами»¹⁹⁸. М. А. Агларов считает «террасирование полей

¹⁹³ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала. 1996. - С.128.

¹⁹⁴ Там же. - С. 129.

¹⁹⁵ Вопросы истории Ингушетии. Вып. 3. Магас, 2005. – С. 20.

¹⁹⁶ Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). - М. 2006. - С. 94.

¹⁹⁷ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX вв. - Грозный. 2002. - С. 67.

¹⁹⁸ Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий//Природа. 1936. №2.- С. 80.

действительно одно из «чудес света» по грандиозности сооружений и количеству вложенного труда превосходящее многие известные памятники»¹⁹⁹. С – М. А. Хасиев, придерживаясь наиболее правильной типологии, данной М. А. Агларовым²⁰⁰, выделяет естественные и искусственные террасы, из которых естественные являлись собственностью семей и фамилий, как пахотные земли²⁰¹. В источниках встречается терминологическое разнообразие террас: – *оахаш, терхе, шунаш*²⁰² *учеш, глойш, ага*²⁰³ - в зависимости от вида террасы, что доказывает высокую культуру террасного земледелия вайнахов (т.е. чеченцев и ингушей – Т. Ш.) В горной зоне прибегали к террасированию горных склонов для создания посевных площадей, что было продиктовано острой нехваткой земельных угодий. Чтобы террасы не разрушались и имели ступенчатую форму с полезной площадью, делали для них подпорные стены. Следы таких террасных участков, как неоспоримые подтверждения земледельческих работ, сохранились до наших дней в высокогорных районах Чечни, в частности, в Шаройском, Итум-Калинском и Галанчожском. Несмотря на такие усилия, в высокогорной и горной зоне заметно ощущался дефицит собственной земледельческой продукции, который они восполняли на рынках в предгорной и равнинной зоне, свободно обменивая на животноводческую продукцию. На чеченской равнине постепенно сложилось хорошо развитое земледельческое хозяйство с высокой агрокультурой: хлеба хватало не только для внутреннего потребления, но и поставляли в соседние республики. Практиковалась также аренда пахотных участков на равнине. В горах пахотные земли представляли собой небольшие клочки, разбросанные

¹⁹⁹ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII- начале XX века. - М. 1988. С. 48.

²⁰⁰ Агларов М. А. Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев по XX в.// УЗИИЯЛ. Т. 13. - Махачкала. 1964.

²⁰¹ Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. - Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы. 2009. - С. 57.

²⁰² Там же. - С. 58.

²⁰³ Хасиев С-М. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX в. - Нальчик. 2004.- С. 19.

на значительном отдалении друг от друга, в разных местах²⁰⁴. Собственного своего хлеба в горах хватало в среднем не более чем на 2-3 месяца²⁰⁵. Исключением являлось общество Чеберлой: «Из горных обществ почти все документы выделяют общество Чебирлой, где хватало на пропитание своего хлеба, высевались там пшеница, ячмень, овес и лен для масла»²⁰⁶ - указывает источник. Тем не менее, информатор из Чебирлоя рассказывает: «Один «большой человек» (т. е. старик – Т. Ш) поведал мне, что далеко в горах им часто приходилось занимать на определённое время зёрно или муку в небольшой мерке в то время, когда мясо, сыр и масло, может быть, было не так уж и много, но, во всяком случае, они не занимали никогда. Как-то маленький мальчик по имени Дасов бегал во дворе своего террасного строения, которое являлось одновременно крышей нижнего соседа, а в руках у него были галушка из кукурузной муки и сыр. Увлёкшись игрой, он оттуда упал, а то, что ел, уронил от испуга. Дасов ушибся, заплакал, но всё равно спросил: «А где моя галушка?» Про сыр он и не вспомнил²⁰⁷.

В восточной части в горной Чечне с пологими горами имела распространение система подсечного земледелия – «ирзу». Несколько лет отвоёвывал крестьянин у природы участок земли, очищая от корней и сора. Подсечное земледелие требовало от земледельца затраты огромного труда и длительного времени. Со времени подсеки до обработки «ирзу» плугом требовалось минимум три года²⁰⁸.

«Ирзо» располагались в округе поселения по большому преимуществу в лесистых местах, называли их, как правило, по имени владельца. Особенно много участков «ирзу» были в окрестностях чеченских сёл Элистанжи, Варанда, Шалажи, Танги-чу, Са1ди-к1отар (Комсомольское), Харсеной,

²⁰⁴ Хасбулатов А.И. Указ. соч. - С. 99.

²⁰⁵ Там же. С. 100

²⁰⁶ Хасиев С-М. А. Указ. соч. - С. 40.

²⁰⁷ ПЭМА: Записано в Чеберлое. 1984 год.

²⁰⁸ Хасиев С-М. А. Указ. соч. - С. 24.

Курчалой и т. д. Вплоть до 50-х годов XX века даже дети села знали, кому принадлежат эти участки – «ирзу»²⁰⁹.

Пахотные участки – «кхаш», используемые под посевы сельскохозяйственных культур, были на всей территории Чечни, включая и высокогорные районы. Каждый такой участок имел своего хозяина и назывался по его имени или по имени главы «гара», к которому принадлежит владелец. «Гар» - это ветвь рода.

В Чечне имели широкое распространение поселения земледельцев – «кхаьлла», напрямую связанные с земледелием. Только в Аргунском округе таких поселений насчитывалось около тридцати, называемые по имени главы поселения или месту расположения, как-то: Арсан-кхаьлла, Мат-кхаьлла, Це-кхаьлла, Гучи-кхалла, Итон-кхаьлла, Муса-кхаьлла, Хьена-кхаьлла, Деш-кхаьлла и т.д.²¹⁰. В отличие от других видов поселений – «эвла», «пхьа», «юрт» - поселения «кхаьлла» имели отличительную особенность, которая заключалась в земледельческой направленности хозяйства²¹¹.

Этнограф С-М. А. Хасиев приводит многообразные орудия труда в полеводстве вайнахов в XIX – нач. XX века. Среди них автор выделяет орудия подсеки, пахотные орудия, средства высева семян, орудия уборки и средства доставки, орудия веяния и хранения, средства хранения, средства вывоза удобрений, инструменты и средства ирригации²¹². Дело в том, что на сравнительно небольшой территории Чечни сменялись разные природно-климатические зоны, к которым гармонично приспособлялись земледельцы. Земледельческие работы были зависимы от этих обстоятельств. Пахотные орудия соответствовали земледельческим зонам Чеченской Республики (высокогорная, горная, предгорная, с прилегающей равнинной, и степная). Встречаются следующие их виды: 1) яремное пахотное орудие, 2) грядильное 3) тяжелый или передковый плуг, включающий варианты²¹³.

²⁰⁹ ПЭМА: хранится у автора.

²¹⁰ ПЭМА: хранится у автора.

²¹¹ ПМА, 1988 г.

²¹² Хасиев С-М. А. Указ. соч. - С. 50-57.

²¹³ Там же. - С. 61.

Разновидные бороны были также приспособлены к сельскохозяйственным зонам, в разновидности входили: 1) волокуша - *мекха*; 2) борона с поперечной доской - «у долу мекха»; 3) рамная борона - «*ломсара мекха*» (в двух вариантах)²¹⁴. Н. И. Вавилов ещё отмечал, что типы плугов резко отличны в разных странах, и по ним можно отличать даже отдельные сельскохозяйственные культуры²¹⁵.

Сеяли, как правило, вручную, разбрасывая равномерно зёрна по земле, подготовленной для посева. Это была весьма ответственная работа, требующая большого опыта в земледелии, которую доверяли тем, чьё мастерство уже признано. Такие обычаи были характерны и другим народам Кавказа, которые придавали большое значение личности пахаря, его хозяйственным и моральным качествам. Как сообщает исследователь Р. Сефербеков, в Северном Табасаране за неделю до сева выбирали опытного землепашца, который должен был выйти в поле первым пахать землю²¹⁶.

Мастерством считалось умение разбрасывать зёрна так искусно и ловко, чтобы они ложились на одинаковом расстоянии друг от друга – в один «*лолл*». Интересно отметить, что расстоянию «*лолл*» придерживались и при стегании постельных принадлежностей, когда делали на них узелки, - тем самым прослеживается глубокая связь бытовой культуры с культурой земледелия. Сеяльщик обычно работал правой рукой, одновременно придерживая в левой руке широкий мешочек. В других случаях сеяльщик надевал на себя мешочки, напоминающие перемётные сумы, с разной оберегающей вышивкой. Когда заканчивалось зерно с переднего мешочка, он его смещал на спину. При надобности сзади подходил помощник сеяльщика и заполнял второй мешочек. Сеяльщик обычно работал очень внимательно, в

²¹⁴ Там же. - С. 67.

²¹⁵ Вавилов Н. И. Мировой опыт сельскохозяйственного освоения высокогорий// Природа, 1936. №2.

²¹⁶ Сефербеков Р. И. Аграрные культуры табасаранцев. – Махачкала, 1995.- С.14.

одном ритме. Отвлекать его от работы не разрешали, также запрещали следить глазами за его работой, дабы не сглазить работу.

В Чечне практиковали и многоярусные посевы. Кукурузу сеяли с фасолью, кроме того, нижний ярус заполняли и тыквой – получалось три яруса. Совмещали картофель и кукурузу.

Для молотыбы зерна служил многогранный тяжёлый каток из камня – «балба» - или массивная молотильная доска - «эрнеI» («орду неI», «ору неI»), что означает молотильная шкура) - с кремневыми или железными вставками. Как видим, молотильная доска сохранила своё давнее название, когда в этих целях использовали шкуру крупного рогатого скота с проткнутыми тяжёлыми и острыми предметами. Такие молотильные шкуры предшествовали деревянным доскам. Последние имели широкое хождение на Кавказе. В музеях Кавказа, в частности, Закавказья, молотильные доски представлены в хорошей сохранности. Одна из них, хранящаяся в Национальном музее Грузии, имеет длину 2 м. 04 см., а ширина у основания в 94 см. постепенно сужается до 78 – 55 – 30 см. и напоминает форму ладони руки с приподнятыми кончиками пальцев. (*иллюстр.*). Один экземпляр молотильной доски мы видели и в сельском музее чеченского села Дуиси в Грузии.

Отмечая высокий уровень развития земледелия в равнинной Чечне, Б. А. Калоев писал, что земледелие велось, «применяя основные системы полеводства: залежную, подсечную и плодосменную»²¹⁷, а по плодородию почвы Чеченская равнина, после Кахетии, считалась лучшим уголком на Кавказе, и являлась житницей Дагестана²¹⁸. Условия для масштабного развития земледелия, не связанного с удовлетворением чисто внутренних потребностей, а наоборот позволяющих производить товарный хлеб, в Чечне появляются со второй половины XVII - XVIII вв.²¹⁹. Известны мнения учёных (Агларов, Хасиев), что террасное земледелие не только в Чечне, но и в

²¹⁷ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. - М.,1981.

²¹⁸ Хасиев С-М. А. Указ. соч. - С. 8.

²¹⁹ Ахмадов Я. З. Указ. соч. - С.66

Дагестане, пришло упадок благодаря плодородной чеченской равнине, которая давала сравнительно дешёвый урожай. По мнению Я. З. Ахмадова, с XVI века система земледелия носила консервативный характер и практически без изменений дошла до XX века²²⁰.

В конце XIX века на одного человека в Чечне в среднем приходилось до 20, 4 пуда хлеба. Здесь производилось ежегодно 2, 7 млн. пуда кукурузы, урожайность которой была в 4 раза выше, чем пшеницы. На втором месте стояла озимая пшеница, которую выращивали в среднем ежегодно до 0, 5 млн. пуд. Для собственного потребления хлеба в Чечне было предостаточно. Его продавали многочисленным скупщикам, а те его перепродавали, в частности, в Дагестане. Крестьяне привозили хлеб на базары в Грозный, Шали, Старый-Юрт, Урус-Мартан, Курчалой, Шатой, Ведено и т. д., а также поставляли на ярмарки. Хлеб вывозили большими партиями и через черноморские порты и по железной дороге. Из Чечни за 15 лет (1898-1913) вывоз хлеба увеличился почти в 4 раза и достиг 6, 1 млн. тонны. Приказчики торговой фирмы Дрейфуса разъезжали по станицам и аулам Чечни, месяцами жили там и закупали кукурузу вагонами, обманывая казаков и чеченцев фальшивой меркою²²¹.

О значимости земледелия в хозяйственной жизни чеченцев можно судить по аграрным праздникам, наиболее ярким из которых является праздник «выхода плуга», называемый иначе праздник «первой борозды». По свидетельству З.А. Мадаевой, выход плуга разрешали после наступления весеннего равноденствия. Прокладывание первой борозды поручали человеку с хорошей репутацией, трудолюбивому, щедрому и уважаемому в селе. Хорошо откормленных ещё с зимы волов украшали разноцветными амулетами и лентами, а на рог вешали бублики – всё это для того, чтобы их не сглазили. В первую борозду бросали яйца, пироги с творогом, поливали землю сывороткой. Праздник завершали трапеза, конные скачки, игры и

²²⁰ Там же. - С. 56.

²²¹ История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. - Грозный, 2008. - С. 586-587, 590-591.

вечеринка. Начало весенне-полевых работ отмечали все народы Кавказа, занимавшиеся земледелием²²².

Устное народное творчество знакомит нас с приметами, пословицами, поговорками, песнями, связанными с культурой земледелия чеченцев. К примеру, если начала цвести мушмула, пахоту следует остановить²²³. Среди трудовых песен выделяются песни, исполняемые при пахоте, севе и сенокосе²²⁴. Из вышеизложенного следует, что чеченцы имели давние навыки ведения земледельческого хозяйства.

В настоящее время в Чеченской Республике прилагают много усилий для возрождения лучших традиций, связанных с трудовой деятельностью народа. Примером как раз может служить праздник «первой борозды», который вот уже несколько лет в Республике отмечают весной.

Таким образом, разные природные зоны на сравнительно небольшой территории накладывали отпечаток на хозяйственную деятельность. Многообразие орудий полеводства, включая и пахотные орудия, объясняется наличием земледельческих зон, разных по уровню сложности. Высокое развитие горного животноводства и интенсивный характер равнинного земледелия вовсе не были взаимоисключающими, наоборот, они в разной степени дополняли друг друга. Развитое террасное земледелие в высокогорной Чечне и подсечное земледелие в восточной части горной Чечни являлись следствием нехватки пахотных земель. Земледельческая зона Чеченской равнины была продуктивной и обеспечивала хлебом не только горные районы Чечни, где не хватало собственной зерновой продукции, но и поставляла в значительном количестве хлеб в другие края.

3. 2. Скотоводство

²²² Мадаева З. А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов// Новое и традиционное в культуре и быту Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 8-11.

²²³ Нохчийн фольклор (Чеченский фольклор). Составитель Джамбеков Ш. - Грозный. 1990. - С. 214.

²²⁴ Там же. - С. 24-25.

Такого единодушия среди кавказоведов, как в утверждении тезиса о высоком уровне развития животноводства на Кавказе, начиная с древнейших времён, в науке встречается редко. Также можно констатировать факт глубокой изученности этой темы на Северном Кавказе, в т. ч. и в Чечне²²⁵.

Е. И. Крупнов предполагал, что на Северном Кавказе «в древности господствовали те местные мелкие породы овец и горных коз, какие под названием аборигенных до последнего времени сохранились у тушин (тушинская овца), у вейнахских народов (чеченцев и ингушей) и в горном Дагестане»²²⁶. Считают, что одомашнивание овцы и козы началось одновременно на Ближнем Востоке примерно 8-12 тыс лет назад. Ещё раз вспомним, что предок домашних коз - безоаровый козел, обитает и сейчас в горах Южного Кавказа. Действительно, высокая приспособленность коз к местным условиям, а также многие сказания, связанные, с этим животным, наталкивают на мысль, что на Кавказе очень рано было одомашнивание козы. Коза давала хозяйству практически всё, что могла дать овца. Но овца имела преимущество в качестве шерсти, востребованной в возрастающем значении ткацкого производства. На стенках глиняных сосудов Гинчинской археологической культуры, представляющей эпоху энеолита в Восточном Кавказе, найдены отпечатки ткани грубого и тонкого плетения²²⁷. Мягкая шерсть козы с высоким содержанием пуховых волокон не удовлетворяла потребности ткацкого производства, и симпатии сменились в сторону овцы. Козы отличаются плодовитостью, неприхотливостью и ловкостью, они способны доставать себе корм даже в труднодоступных скалистых условиях, а сенокосам и пастбищам не дают закустариваться, так как питаются

²²⁵ История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т.1. – Грозный, 2008. . - С. 60, 142, 189 – 194; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX вв. – Грозный, 2002. – С. 592 – 604; Хасбулатов А.И. Развитие скотоводства в Чечне (XIX – нач. XX в.) //Вестник АН ЧР. № 4. – Грозный, 2006. – С. 93-105; Шавлаева Т. М. Указ. соч. - С . 104 -114.

²²⁶ Калоев Б. А. Скотоводство..... – С. 15.

²²⁷ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шахсаидов. Указ. соч. - С.38.

молодыми побегами кустарниковых пород. В тоже время козы дают целебное мясо, молоко, шерсть, пух и отличную кожу, востребованную, в частности, для изготовления музыкальных инструментов. По этим причинам разведение коз в Чечне получило распространение с давних времён. Наши старики советовали: «Къий веллачуо гезарий йолайойла» («Обедневший пусть разводит коз»). Но в народе коза - «газа» - не пользовалась авторитетом, считая её бесстыжей, непостоянной и пройдохой, хотя неприязни к ней не испытывали. Иной раз в устном народном творчестве она предстаёт, как мужественная и заботливая мать, добывающая себе пропитание в невероятных ситуациях. При этом она умело уходит от хищных зверей, где надо защищается и выходит победителем. Тем не менее, самое большое оскорбление можно было нанести горцу, обозвав его козой. Зато явно противоположный престиж был у козла, особенно, у козла-вожака – «бож», «буодж» (итум-калинск.), пользовавшегося большим уважением и почитанием. Выражение: «Ма бож ю-кх хьо!» - «Да козёл есть же ты!» - комплимент, но сделанный на чеченском языке, который надо было заслужить человеку за славные качества лидера и вожака. У иудеев, например, было иначе: в определённый день специально выбирали козла, на котором, избивая и проклиная, вымещали все свои грехи, а затем изгоняли. У христиан козы и козлы считались животными от нечистой силы, а чертей изображали с козьими рогами, когда на Кавказе козлиные рога рядом с винтообразными бараньими рогами являлись частыми украшениями жилого помещения, двора и скотного двора, и стали в искусстве прообразами роговидного орнамента. Как отмечает Б.А. Калоев, каждая отара следовала за козлом-вожаком. Видимо, традиция держать в стаде козла-вожака уходит корнями в глубь веков, так как подобное животное запечатлено на бронзовых предметах кобанской культуры. Козел-вожак фигурирует в фольклоре, в том числе и нартском эпосе, народов Северного Кавказа. «Даже при ограниченной численности коз в стаде, в нем содержали 2-3 козлов-вожаков, которые, по справедливому замечанию В. Н. Геевского, не

только «отличные вожаки по горным крутым пастбищам», но и менее трусливые животные: «Случаи гибели овец от перепуга нередки и козлы-вожаки в значительной степени предохраняют стада от такой случайности», - заключает Б.А. Калоев. Исходя из своих полевых данных, тот же автор отмечает, что разведением коз в Чечне занимались главным образом жители современного Ножай – Юртовского района, Саясан, которые содержали в основном коз. Но в XIX веке больше всего всё-таки разводили овец, т. к. овцеводство было более выгодной отраслью скотоводства. В 1878 году в Веденском округе было 20 986 коз, 24 786 овец; В Аргунском округе – 1978 коз, 2556 овец; в Грозненском округе 750 коз, 116700 овец. Меньше всего коз разводили в Грозненском округе ²²⁸.

Б. А. Калоев считает, что буйволы являлись нетрадиционным крупным рогатым скотом для горцев Северного Кавказа. Распространились они из Закавказья и Турции. У черноморских черкесов буйвол называется «водяной бык», а кабардинское название – «морской бык», эти названия в целом восходят к тюркско-татарским языкам. Тот же автор находит, что большинство народов Северного Кавказа, восприняли грузинское название буйвола – «камечи», которое в свою очередь восходит к персидскому «гомеч». У осетин «къамбец», карачаевцев и балкарцев – «гаммети», у чеченцев – «гомаш», ингушей – «гамаш»²²⁹. Нет основания не доверять автору монографии «Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времён до начала XX века», однако согласно нашим полевым материалам, не вдаваясь в лингвистические тонкости, информаторы почему-то объясняли, что чеченское название «гомаш» восходит к чеченским словам «гоь» «маша». Маша (с кратким ударением на гласные, - так называется продукция животного, молочного происхождения. Тем самым, якобы, подмечена высокая молочная продуктивность буйволов, зримо превышающая в количестве и жирности коровье молоко: «гоь яьлла маша луш», т.е.

²²⁸ Калоев Б. А. Скотоводство.... - С. 49, 52.

²²⁹ Он же. – С. 65.

известная, заметная своей молочной продуктивностью (на диалекте «гоьялла» означает заметный), что в итоге трансформировалось в «гомаш».

Разведение буйволов в горной зоне не было развито, так как их содержание требует теплоты и наличие водоёмов, кроме немалого количества кормов. Однако информатор из высокогорного села Хорочой Закаев Зайнды свидетельствовал мне, что он помнит, как с ущелья в село доставляли очень тяжёлые камни, чтобы сделать мельничные жернова, а запрягали при этом буйволов²³⁰. На равнине буйволов использовали в качестве тягловой силы. Чеченцы Панкиси и в наши дни используют молодых буйволов, запряжённых в плуг, при вспашке небольшого земельного участка. По свидетельству Калоева Б. А., в Чечне для этой цели выращивали специальную породу буйволов. Но буйволиц всё же содержали значительно больше, о чём свидетельствуют данные переписи 1916 г., приведённые ниже:

Селения	Кол -во дворов	Кол-во буйволиц	Кол-во буйволов
Али – Юрт	537	320	2
Бень - Юрт	497	234	3
Верхний Наур	522	296	3
Алхан - Юрт	668	384	6

(Калоева Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времён до начала XX века. – М. 1993. – С. 65)

Во второй половине XIX в. буйволоводство достигло большого развития. Выделились такие центры разведения буйволов, как Гудермес, Курчалой, Урус-Мартан. куда приезжали покупатели из других республик

²³⁰ ПЭМА, 2008 г.

Северного Кавказа. Из нижеприведённой таблицы видно, что чеченцы больше всех разводили буйволиц и буйволов, а кабардинцы – буйволов.

Округ	буйволиц	буйволов
Владикавказский	3302	110
Нальчикский	6592	223
Назрановский	1136	-
Грозненский	9027	164
Веденский	6243	164

(Калоева Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. – М. 1993. – С. 66)

Русское население и казачество не практиковало разведение буйволов.

По состоянию на 1903 год в Грозненском округе (не включая Грозный – Т.Ш.) насчитывалось 666434 голов домашнего скота (значительно больше, чем 1893 году), из которых овцы и козы - 393396, крупный рогатый скот – 254650, лошади, ослы и мулы – 18315, свиньи – 63. Итого на 100 душ населения приходилось 334, 7 голов. К 1913 году прослеживается некоторое уменьшение поголовья скота. Втягивание Чечни в орбиту общероссийской экономической системы развивало товарное производство и в этой отрасли. Рост имущественного неравенства увеличивало в итоге и нервенство во владении скотом²³¹.

Важную роль в жизни и хозяйственной деятельности чеченцев играло коневодство. Если началом коневодства на Кавказе исследователи считают конец II тыс. до н. э. — нач. III тыс. до н. э., то на Северном Кавказе, по мнению Е. И. Крупнова, лошадь стала средством передвижения не ранее IX—VIII вв, до н. э. До скифского времени в поселениях Северного Кавказа почти не найдено костей лошади. Но среди памятников поздней кобанской культуры Центрального Кавказа много находок бронзовых статуэток с изображением лошадей²³². Трудно себе представить жизнь горца без лошади, которая наравне с хозяином участвовала в его жизни и деятельности:

²³¹ История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. - Грозный, 2008. - С.602.

²³² Калоев Б. А. Указ. соч. - С.15.

хозяйстве, пути, на войне и празднике. Лучшей считалась кабардинская порода, являющаяся помесью арабской лошади с местной кавказской породой. Она сочетала в себе лучшие качества этих двух пород, необходимых в условиях Кавказа. В Чечне разводили те же породы лошадей, что и во всём Кавказе. Сведения из фольклора, показывают своеобразное отношение чеченца к коню: находится конь, как правило, в сарае из брёвен²³³, «конь ласкает сердце джигита»²³⁴. Хозяин разговаривает с конём как с братом, в самые трудные минуты, он уверен, что конь его понимает: «Дакъаза ма бала, схъалеба мотт боцу, д1ааьлларг ва хуу са ц1ена сан гила. Сема ла ахь дог1а ас дечу къамеле..(Не имеющий языка, но понимающий сказанное, мой конь чистосердечный. Слушай внимательно мой разговор); «Схъадийца ца хаарах, д1ааьлларг хаар-кха хьуна. Ва йог1ур юй –техья кхул йоьхна суйре коьртахь куй ва болчу яхь йолчу к1антана... (Хотя ты и не умеешь говорить, но понимаешь то, что тебе говорят. Наступит ли более мрачный вечер для гордого молодца, что носит шапку на голове..)»²³⁵.

Благодаря одомашниванию лошади, получило широкое развитие кузнечное производство по изготовлению подков и необходимого для этой работы инструментария. Чтобы правильно подковать лошадь, нужен был признанный в этом деле мастер, которого приглашали в удобное для него время. Необходимые инструменты, которые изготавливали местные кузнецы, как на заказ, так и на рынок, обычно мастер приносил с собой, но подковы и подковные гвозди обычно заготавливал сам хозяин у здешних кузнецов или покупал на окружном базаре²³⁶. Подкова – «лан» в переводе с чеченского означает «место, плоскость, выдерживающая основную **нагрузку, тяжесть**». Идентичный смысл имеет термин «лание» (с корнем «лан»), встречающийся и в чеченской топонимике²³⁷. Инструментов было не так уж много, но

²³³ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – С. 311, 319, 381.

²³⁴ Там же. – С. 201.

²³⁵ Там же. – С.231, 398.

²³⁶ ПМА, 1988 г.

²³⁷ См: Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Грозный, 2006 - С. 85, 90, 128, 130, 138, 146, 153, 184,192, 247, 268, 269, 360.

каждый из них был не заменимым в работе: «лиена хьостамаш» (подковные гвозди), «лиена морзах» (ковочные клещи), «лиена жлов» (ковочный молоток), «лиена макху» (ковочный острый предмет) и другие. Ковочные инструменты хранили отдельно в специальном мешочке и время от времени смазывали курдючным жиром, в другом деле их обычно не применяли. Однако есть одно исключение: мастера по подкове лошадей, обычно являлись признанными «стоматологами». Никто из лекарей так удачно не удалял зуб как мастер подковщик – «лиена пхьар». Главное в этом деле, поясняет информатор, искусное умение пользоваться инструментом²³⁸. А кто лучше лошадиного мастера владеет клещами? Всё, что связано с лошадьми, вплоть до ковочных инструментов, у чеченцев являлось эпитетами в лирических песнях, так в одной из них девушка, решившись выйти замуж за любимого, поёт:

Лан морзух бага, лан хьостам санна,

Везачун кера-мера со йоьда ала.

Как подковный гвоздь попадает в пасть ковочных клещей,

Так я иду в руки-объятия любимого²³⁹.

Таким образом, подковочные работы велись специализированными мастерами. Необходимый для этого инструментарий изготавливали местные кузнецы, включая подковные гвозди.

В хозяйственной деятельности горцев большое значение имело **таврение скота**. Б. А. Калоев считает, что таврение скота на Северном Кавказе связано с коневодством, впервые это зафиксировано на Северном Кавказе у кабардинцев в XVI в. По мнению Харузина, изучавшего во второй половине XIX в. обычное право чеченцев, чеченцы и ингуши заимствовали эту традицию у кабардинцев. Тамги получили широкое распространение на Северном Кавказе вплоть до того, что тамгой метили не только скот, но их наносили и на бытовые предметы, ворота, межевые столбы – там, где

²³⁸ПЭМА: информатор Мачигов М., село Керла-Юрт

²³⁹ПЭМА: информатор Абдурзакова Неби, село Керла-Юрт.

требовалось отличие своего от чужого. На стенах, дверях, коновязях и оконных рамах оставляли тамги гости в знак благодарности хозяину за гостеприимство. Тамги наносили на дарственные предметы: рукояти холодного оружия, кнуты, посохи. Тамги, служившие своеобразными знаками отличия, со временем дополняются художественным смыслом.

Слово «тамга» по общепринятому мнению имеет тюркское происхождение и означает «знак», «отпечаток», «тавро», «клеймо» для метки лошадей и скота. Термин получил широкое распространение преимущественно в странах Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, на Северном Кавказе и Закавказье и т. д., так как был активно заимствован многими народами у тюрков. По мнению И. Ю. Алироева, «необходимость меток домашних животных возникает с распадом первобытнообщинного» строя и появлением частной собственности. Особенно при общественном выпасе животных и при отгонном животноводстве яйлажного типа, которое стало практиковаться уже в ранний период железного века на Кавказе, в том числе и на территории Чечено-Ингушетии²⁴⁰.

Кавказские тамги интересовали многих исследователей, таких как Д. Кантемир, С.М.Броневский, Ф. А. Коленати, К. Костенков, Е. Т. Соловьёв, Н. Н. Харузин, П. С.Паллас, Н. А. Караулов и др., но начало целенаправленному научному изучению тамг положено в работе В. П. Пожидаева²⁴¹. Увлечённый темой исследования В. П. Пожидаев даже написал, что кавказские тамги и сарматские знаки Северного Причерноморья положили начало глаголическому алфавиту древних славян, что послужило причиной некоторой полемики в научной среде²⁴². Кавказские тамги изучали Б. А. Калоев, В. П. Невская, И. М. Шаманов, Э. И. Соломоник, Ш. Ш. Хуранов. Уникальная работа кавказоведа Л. И. Лаврова включает около 1400 кавказских тамг. Автор выделяет такие функции, как «производственное

²⁴⁰ Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. – С. 70-71.

²⁴¹ Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга//УЗКНИИ. 1948. №4. - С. 239-265.

²⁴² Мафедзев С. Х. Очерки трудового воспитания адыгов (19 – начало 20 века). - Нальчик, 1984. – С. 86.

клеймо», а также относящиеся к сфрагистике и геральдике²⁴³. В чеченском языке действительно есть слово «тамгла», что означает отпечаток, размыты, пятно, рисунки. Это слово заимствовано чеченцами у других народов. У чеченцев метка скота называлась другим чеченским словом - «х1уост», с нахской этимологией, заимствование которого отпадает по некоторым причинам. «Х1уост» (чеч), «фуост» (инг), по свидетельству информаторов, у вайнахов изначально делали для обозначения породы животных – «х1у» (чеч.), фу (инг) - железным инструментом «сто» (долото) в селекционных целях. На самом деле, у вайнахов - «х1уост»/ «фуост» - изначально - это название инструмента «х1у сто», которым делали метки, так и названных, как сам инструмент. Долото («сто») заказывали у местного кузнеца, он представлял собой заготовку в виде железного стержня с расплюснутым концом, которому кузнец придавал нужную хозяину форму – «з1ок» (клюв), «церг» (зуб), «кав» (ворота), «кеп» (форма), «марс» (серп) и другие, при чём они имели разные размеры и разновидности. Значение имело также, где поставлена метка: с краю, снизу, сверху; и на какой стороне. Образцы «х1уостов» находились в мастерской кузнеца, где наводили справки в случае необходимости²⁴⁴.

По мнению информатора, если всё-таки традиция таврения изначально восходит к коневодству, то это вполне вероятно, потому что коневоды всегда старались сохранить чистую породу лошадей или улучшить слабую породу²⁴⁵.

Если взять во внимание, что домашний скот нуждается в укрытии, загонах и специальных **строениях**, которыми обеспечивали владельцы скота, несмотря на своеобразный ландшафт кавказского края, то относительно Чеченской республики, этот вопрос представляется недостаточно изученным.

²⁴³ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. - Л., 1978.

²⁴⁴ ПЭМА: информатор Абдурахманов М., с.Керла-Юрт

²⁴⁵ ПМА, 1987 г.

Ценные сведения по исследуемой теме приводит профессор Б.А. Калоев, долго изучавший скотоводство народов Северного Кавказа²⁴⁶. На некоторые параллели в животноводческой лексике чеченцев и ингушей указывает филолог М. Султыгова²⁴⁷.

В связи с реализацией Программы экономического и культурного возрождения горных районов Чеченской Республики очень актуально изучение многовекового опыта строения хозяйственных помещений для скота и использования для этих целей ландшафтных удобств края. Ведь успех приносит только модернизация на базе традиций собственного народа, как отмечает Т. А. Мазаева²⁴⁸.

Издревле у народов Кавказа под стойбище скота использовались естественные и искусственные пещеры, а также разнотипные строения. Искусственные пещеры образовывались в результате добычи в древности медной или железной руды. Пещеры – «хьех» - служили жилищами, культовыми, погребальными и хозяйственными помещениями. Описывая географию и перечисляя племена Северного Кавказа, Страбон констатирует: «Есть тут некие троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах²⁴⁹. При пастушеском скотоводстве люди и скот находились в одном помещении, о чём свидетельствуют археологические находки. Исследователи Г. Вертепов и Семёнов Л. П. указывали на использование скотоводами естественных пещер в горной Ингушетии, в частности на склонах Столовой горы²⁵⁰. Пещеры вмещали в себя несколько тысяч голов мелкого рогатого скота, и использовались как зимнее помещение и для укрытия в непогоду летом. Пещера, обследованная нами в Макажое, не

²⁴⁶ Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времён до начала XX века. – М. 1993.

²⁴⁷ Султыгова М.М. Животноводческая лексика ингушского языка. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. - Махачкала, 2002. – С. 13.

²⁴⁸ Мазаева Т.А. К вопросу о будущем этнических культур Северного Кавказа. //Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова. – Махачкала, 2010. – С. 273.

²⁴⁹ Цит. по: Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана. – М., 2008.- С. 167.

²⁵⁰ Калоев Б. А. Указ. соч. – С. 171-172.

большого размера, но, по свидетельству жителей, в любое время года используется под стойбище скота, улучшая некоторыми приспособлениями, о чём свидетельствует несколько суженный вход для удобства при счёте поголовья скота²⁵¹.

В Чечне, также как и во всём Кавказе, практиковались под стойбище скота естественные ограды - скалы, ущелья, овраги.... Встречаются естественные ограды из скал по периметру пастбища, где на случай непогоды овцы могут укрыться в небольших скальных пещерах. В другой ситуации, односторонняя скала дополнена оградой из камней, оторвавшихся от той же скалы, или другими приспособлениями, - прекрасное стойбище для скота.

Б.А. Калоев указывает, что в равнинной зоне Северного Кавказа широкое распространение получили турлучные, саманные, каменные и плетнёвые строения, которые восходят к эпохе бронзы, а войлочные кибитки и шатры являются наследием, прежде всего, скифо-сарматов²⁵².

По мнению Е.И. Крупнова, начиная с VII века до н.э. вплоть до XVI в. наиболее активно в горах строились башни²⁵³. Первый этаж жилой башни использовали, как правило, для содержания скота, но когда наступала опасность, скот вместе с семьёй перемещали и в боевую башню.

Исследователи К. Ф. Ган и Н. С. Иваненков отмечали в горной Чечне двухэтажные постройки – жилые комплексы, на первом этаже которых содержали скот²⁵⁴.

Термины, обслуживающие хозяйство скотовода, ясно указывают на назначение строений, загонов, укрытий, предназначенных для скота. Сарай: для крупнорогатого скота – «божала», мелкорогатого – «жобла» («джиело»). Загон для скота – «дахни киерт». Соответственно подразделяются и навесы – «тхов к1ело», «раг1у».

²⁵¹ ПЭМА: информатор Умисат из Макажоя.

²⁵² Там же. – С.173.

²⁵³ История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т.1. – Грозный, 2008. – С. 91.

²⁵⁴ Калоев Б. А. Указ. соч. – С. 178.

Исследователь М. М. Султыгова пишет, что термин «керт» относится к кругу «культурных» слов, а соответствующие лексемы представлены в целом ряде кавказских языков: «керт» - изгородь (чеч.); «карта, калт1а» - огороженное место для скота (груз.); «карт» - двор (осет.). Со ссылкой на Абаева В.И. указанный термин она относит к древне - иранскому «крта» - сделанный, построенный²⁵⁵.

Особого внимания заслуживают изученные нами овчарни подземного и полуподземного типа – «жен жобланаш», из которых в данное время большинство полуразрушены или полностью разрушены. Они представлены как: 1. «кхай» (подземная), 2. «т1унжобла» (подземная каменная), 3. «нартол жобла» (арочная, полуподземная каменная). Это помещения квадратной или прямоугольной формы. Первые два вида покрыты многослойной кровлей, опирающейся на деревянные или каменные столбы, которые расположены на определённом расстоянии друг от друга. Третий вид имел каменную кровлю, опирающуюся на каменные столбы. Средние размеры помещений – 5 на 5 м. или 6 на 4 м., – и больше; высота – 1.6 – 1.8 м. Длина более крупных помещений достигала до 13 метров. Самым древним из этих помещений для овец является «кхай». Позже, когда появилось надземное жилище – «кхиерч», за ними закрепилось значение «сарай». Именно в этом качестве данный термин зафиксирован в сс. Итум-Калинского общества.

У второго вида овчарни - «т1унжобла» (каменная овчарня) - стены сложены из камня, они зафиксированы в достаточном количестве, частности, на хуторе Чубахкенорой (нижний Чаберлой), в с. Макажой, Хой (верхний Чабирлой), Шикъарой, Хъакъмадой (Шарой) и т. д. При кладке камня для связки использовали раствор из глины. Внутри овчарни возводили столбы – «когаш» - на расстоянии 1 – 1.5 м. друг от друга. Затем прокладывали брёвна, которых заранее заготавливали в лесу или в начале XX в. обменивали

²⁵⁵ Султыгова М.М. Указ. соч.- С. 13.

штучно – одну овцематку за три штуки. Опиравшиеся на стены и столбы, они служили надёжной основой для последующих слоёв кровли. Поперёк брёвен накладывали палки длиной до 2 метров – «ч1ерганаш», поверх них – ветки («генаш»). Третьим слоем служили сено или солома. Затем все слои тщательно утрамбовывали землёй - «г1иба дар» - при помощи тяжёлой каталки – «керчолг» в результате чего крыша сравнивалась с поверхностью земли. Окно для проветривания помещения оставляли в крыше. В середине XIX в. строительство каменной овчарни площадью 5 на 5 и высотой 1.8 м. хозяину обходилась в 16 – 18 голов овец, в том числе по одной овце за кладку каждого внутреннего столба. Количество столбов составляло от 4 до 6 штук, а в более крупных овчарнях – от 6 до 8 штук. Известным мастером-каменщиком в Восточной Чечне был Тазабай из Нижнего Чеберлоя. Этому мастерству, по сведениям информатора Ибрагимова Х., он научился в селе Ц1еса, что находится в Шаройском обществе.

Арочный вид овчарни – «нартол жоьла» – относится к полуподземному каменному строению. Техника строения отличалась тем, что от столбов плавно отходили по четыре свода – «коррош», напоминающие винтообразные бараньи рога, которые в итоге соединялись, образуя арку – «нарто». Ещё раз заметим, что отходящие от столбов своды называются также как и винтообразные бараньи рога, т. е. «коррош» (мн. ч.) или «кур» (ед. ч.) И только тот участок, который образует арку в результате соединения с другими, называется - «нарто». В результате выходила арочная кровля из камня, которую закрепляли уже не глиняным, а известковым раствором. Поверх крыши набрасывали сырую землю и утрамбовывали во избежание образования трещин тем приспособлением – каталкой «керчолг». Окна для проветривания, в данном случае, оставляли с боку. Такая овчарня обходилась хозяину дороже (до тридцати голов овец) по той причине, что кладка частей «кур» и «нарто» требовала особого мастерства и стоила в два раза дороже, но зато овчарня окупала себя надёжностью и тем удобством, что в небольшом отсеке подобного строения - «1иело» (чабир.), при необходимости, жили

наёмные пастухи. Разумеется, строительство таких овчарен было под силу только крупным овцеводам. В начале XX века в селе Ціеса (Шарой) были арочные овчарни, которые являлись образцом архитектурного мастерства.

Одна из арочных овчарен, обследованных нами в 2009 году в с. Макажой является двухрядной, высота до купола составляет 2,08 м. при длине больше 12 метров и ширине около 5 метров. В 70-ые годы её отреставрировал известный мастер по кладке камня, уроженец этого села Шуайп Шавхалов, будучи уже в старческом возрасте. По той причине, что она отреставрирована, особенно её арочная часть, именно эта часть овчарни и выглядит слишком правильной. Говорят, что в подлиннике она имела вид неправильной арки, т.е. несколько приплюснутый. В Чеберлое жил до недавнего времени потомственный мастер – реставратор – Алгириев Биалал, который сумел спасти от окончательного разрушения несколько строений такого рода. Особенно много таких хозяйственных строений в сёлах Шикъара, Хъакъмада (Шарой), Хой (Чебирлой). В селе Хъакъмада у хозяйки Марем жилой дом расположен прямо на крыше этого арочного сарая, который сильно пострадал во время военных действий²⁵⁶.

По мере необходимости, овчарни использовали для жилья или убежища, о чём свидетельствуют выходящие дымоходы и внутренний интерьер. По свидетельству информаторов, в 60 – ые годы XX века, по возвращении жителей из Казахстана, в этих овчарнях были отделены сектора, стены их были обмазаны и побелены для гигиены и утепления, и в них жили, пока строились жилые дома.

Каменные подземные и полуподземные строения для скота, в особенности арочные, являются памятниками архитектуры. Строительство овчарен с арочной кровлей является следствием эмпирического опыта, накопившегося в течение столетий. Строения с плоской крышей, которая, как правило, служила двором жилого строения, испытывали определённое давление сверху, поэтому легко проваливались. Под провалившейся крышей

²⁵⁶ Полевые материалы автора. 1990, 2013 гг.

часто калечилась и гибла часть баранты. Поэтому, как объясняет информатор, стали делать дугообразные кровли и выравнивать их землёй, и они не проваливались²⁵⁷.

Как известно, ровное место старались использовать под пашню. А подобные строения были не только приемлемы, но и выгодно удобны своим расположением внутри возвышенности, т.к., во-первых, тем самым сэкономили земельные угодья и строительный материал, во-вторых, их не надо было утеплять, в-третьих, легко было охранять.

На равнине, в сёлах Притеречного района, с развитым овцеводством, строили за селом длинные полуподвальные помещения – «Глуота» - с отсеками для баранов, овцематок, ягнят, поскольку такие строения не помещались во дворе дома. А в зонах разведения буйволов, как Гудермес, Курчалой, Урус-Мартан, практиковалось строительство утёплённых помещений, так как это прихотливое животное плохо переносит стужу.

В настоящее время появились новые виды строений и загонов для скота. Богатый строительный материал – камень, плетни, брус, саман, доски, жжёный кирпич, шифер, шиты, металлические листы, бетонные плиты, шлакоблоки, – всё кроме красного и белого кирпича, - используют сегодня для стройки хозяйственных помещений. Широкое применение для ограды находит сетка металлическая, приспособливают под сарай ветхое или разрушенное жильё.

Зажиточные животноводы на равнине в последнее время практикуют строительство комплекса: закрытое односкатное или двускатное помещение с секторами и кормушками, от которого отходит невысокий односкатный навес, соседствует со скотным двором, где также размещаются сектора и кормушки. Высокие навесы для хранения растительного корма строятся чуть подальше.

Таким образом, издревле на территории Чеченской республики практиковалось строительство хозяйственных помещений, что объясняется

²⁵⁷ ПМА, 1990 г.

высоко поставленной хозяйственной деятельностью чеченцев. Чеченцы использовали как естественные удобства (пещеры, овраги, ущелья), так и сооружённые строения (башни, жилые комплексы, подземные и полуподземные овчарни, турлучные, саманные, каменные, плетнёвые строения) для содержания скота. Особого восхищения заслуживают арочные каменные овчарни – «нартол жоьла», являющиеся образцом архитектурного мастерства. Богатая терминология, отражающая, в том числе, и технику строения, с ярко выраженной нахской этимологией, а также их функциональное назначение вполне соответствующее их востребованности, в связи с высоким уровнем развития животноводства, начиная с древности, здешний строительный материал и удачно вписывающаяся в ландшафт края архитектура, показывают, что эти строения имеют местную природу. А народная память сохранила имена известных мастеров.

Скотоводческая деятельность чеченцев сопровождалась выделением «врагов» и «друзей» хозяйства, т. е. установлением значения волков и собак для сохранения целостности скота. В этом смысле главным врагом для скотовода считались волки. Тем не менее, само нападение волков на стадо было принято считать как признак гнева высших сил, по воле которых действуют волки. Б. Долгат даже приводит предание, согласно которому вайнахи считали, что по воле Всевышнего в каждом стаде имеется волчья доля, с потерей которой следует мириться без огорчений²⁵⁸. Такое смирение следует рассматривать как осознание естественной гармонии, должной быть между человеком и животным миром. Животные нападают на человека только тогда, когда они защищаются от человека или ведут борьбу за своё существование, вообще²⁵⁹.

По общепринятому мнению, волк – хищник, наводящий ужас, и является олицетворением кровожадности, жестокости, зла и коварства. В то же время мы понимаем, что первым помощником человека на пути к

²⁵⁸ Долгат Б. Первобытная религия чеченцев //Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 год. Вып. 3.Кн. 2. Владикавказ, 1893. – С.129.

²⁵⁹ ПМА, 1990 г.

цивилизации стал волк, который сам приблизился к нему, питаясь пищевыми отходами вокруг стоянки, ещё в каменном веке 10-15 тыс. лет назад. Генетики установили, что домашняя собака произошла в результате одомашнивания волка, таким образом, собака и волк разделились. В искусстве хорошо известна волчица, вскормившая Ромула и Рема. Почитание волка, как священного животного, мы находим у тюркских народов, римлян и в Скандинавии. Наряду с такими животными, как олень, баран, бык, орёл, сокол, козёл, у вайнахов пользовался почитанием и волк. Однако, исходя из археологических находок в виде фигурок оленя, оленьих подвесок и амулетов, М. Б. Мужухоев находит, что особым почитанием с тотемической первоосновой у вайнахов пользовался олень²⁶⁰. В пользу такого мнения выступают многочисленные изображения оленей на бытовых предметах, скульптурные изображения и фигурки оленей, характерные для Кавказа, в том числе и Чечни (Химой, Шарой, Ножай-Юрт)²⁶¹.

Устное народное творчество чеченцев располагает легендами, сказками поговорками и пословицами, восхваляющими независимость, гордость, стойкость, мужество, мстительность и даже честность волка. Согласно одной легенде, записанной нами, утверждается, что волк начал посещать ночью овчарни по вине самого человека после одного случая, произошедшего с ним, в знак мести коварному обидчику²⁶². В любовной магии использовали волчий хвост, снятый якобы до того, как он успел его укусить – это весьма важный момент, потому что, как доносит народная молва, волк сразу же после ранения кусает свой хвост, забирая тем самым магическую силу. В

²⁶⁰ Мужухоев М. Б. О тотемических воззрениях далёких предков чеченцев и ингушей // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 152

²⁶¹ Кривицкий В. В. О значении образа оленя в религии и искусстве древнего Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 254.

²⁶² ПЭМА: Записано 1980 году со слов Мастаева Алу, 1920 г/р, с. Керла – юрт, ЧИАССР.

другой магии для уличения вора использовали волчью жилу. Заранее обществу сообщали, что хозяин в такой-то день будет сжигать жилу, чтобы виновный скорчился. Обычно вор через доверенных лиц возвращал украденное, или тайно подбрасывал хозяину украденное.

Непосредственное отношение к хозяйственной деятельности человека имеет приручение собаки, относящееся ко времени охоты и собирательства. В частности, на Кавказе её потребность в хозяйстве была высокой, что связано с развитием скотоводства, начиная с бронзового века, это подтверждается археологическими данными. Собака надёжно охраняла не только стадо, но и жилище человека. Большой любовью у пастухов пользовалась знаменитая кавказская овчарка. Как известно, её принято считать отдалённым потомком догообразных собак Тибета, которые сначала попали в Монголию, а затем в Месопотамию, Среднюю Азию и т.д., претерпевая на своём пути небольшие изменения. Вот что пишут Корабельниковы в своей статье «Легенды и быль. Собаки – пастухи»: «Азиатские овчарки распространялись на запад вместе с восточной культурой. Со скотоводческими племенами азиатские сторожевые собаки дошли до Кавказа. Другие природные условия, климат, а также влияние местных пород собак несколько изменили овчарок. Так образовалась порода кавказских овчарок». Владельцы скота высоко ценили исключительные бойцовские качества кавказской овчарки.

Профессор С. Н. Боголюбский различал собак на пастушьи и овечьи. Если пастушьи собаки охраняли стадо и жильё хозяина, то овечьи собаки, менее сильные, но ловкие, помогали пастуху управлять стадом. Чеченцы различали сторожевую собаку – «хан жІали», пастушью – «жен жІали», охотничью – «толлу жІали». Более надёжного и преданного друга пастуха, чем собака, история не знает. Пастух это понимал в полной мере и оценивал соответственно. При перекочевках вместе с другим немногочисленным скарбом присутствовала собачья кухня – посуда «жІале гуй» и, кроме

прочей, жидкая пища для собаки «диешо». Пастух мог себе отказать в пище, но собаке – никогда. Хорошая собака и хозяин понимали друг друга. Самые разнообразные клички носили собаки – Борг1а (без примесей), Борза (волк), Майра (храбрая), Турпал (герой), Кханда (тяжеловесная) Ларча (берущая след), Пхарча (жилистая), Турча (мечообразная), Кхиммир (мордастая), Къула (незаметно нападающая), Дари (злая), Сами (бдительная), Дарча (сердитая), Чавли (наносиющая раны), Гирг1и (оскал), Арг1уот (необузданная, неуправляемая), Давли (скандальная), Ланча (выдерживающая основную тяжесть при охране и защите), Чайра (похожая на медведя), Дази (ценная), Г1алха (лающая), Цхъуогал (лиса, но подразумевалась, хитрая) и многие др. За исключением четырёх первых – Борг1а, Борза, Майра, Турпал – сегодня эти клички собак, а заодно их смысловое значение, вышли из обихода, взамен пришли современные, не чеченские клички – Борзик, Тузик. Мухтар, Лайка, Казбек и т.д.

Собаку называли по своей кличке, но, вызывая просто любую собаку, хозяин кричал: «Кхоло, кхоло ...». В этой позывной, как видим, выступает формант «кх», явно указывающий на освоенную, обрабатываемую землю – «кха». Переводится «кхоло» со смыслом, как «прирученная к этой земле». С раннего возраста щенят различали по полу: самца называли – «пхъу к1ези», самку – «зуд к1ези». Уход за ними поручали в семье младшим из мужского пола, обычно это были мальчики 6 - 13 лет.

Собаки были под защитой хозяина, последний также нёс ответственность за действия своей собаки. Увечье, нанесённое собаке, понималось как оскорбление, нанесённое лично хозяину. Угон скота, при этом ранив собаку, намного отягчало перемирие в случае поимки виновных. Это увечье чуть ли не приравнивалось к увечью самого хозяина, потому что на тот момент собака выполняла функции хозяина и защищала его интересы.

Характеризуя собаку, хозяин, прежде всего, отмечал её бойцовские характер, а затем способность понимать и оценивать ситуацию - «сихьир

хилар», черты характера, рост, масть и т.д. Черты характера собаки, особенности её поведения, скажем, при исполнении своих обязанностей, отражались в кличке собаки. Случалось, в раннем возрасте щенку давали одну кличку, - ту в которую хозяин вкладывал своё желание видеть в собаке конкретные качества, получалось, что кличку меняли, так как обнаруживали другие. У опытного хозяина была даже методика обучения собаки.

При всём этом, собаку не пускали в дом, избегали прикосновения к ней, особенно женщины, и она считалась грязной. Собака являлась эпитетом ругательского слова во время ссоры. Нецензурную брань называли «собачьим языком», а вредного человека – собакой.

Таким образом, скотоводство в Чечне являлось ведущей формой хозяйства в горной зоне и одной из ведущих форм хозяйства на равнине. Благодаря скотоводству, люди имели калорийную пищу и необходимое сырьё для домашних промыслов, тягловую силу и транспорт. Развитие скотоводческого хозяйства требовало совершенствования мастерства в строительном деле, подковочном искусстве и таврении скота. Полуподземные и подземные строения для мелкого рогатого скота являются архитектурными строениями с арочными сводами. «Врагов» из дикой природы (волков) определяли степень угрозы для скотоводческого хозяйства, верность «друзей» из домашних животных (собак) оценивалась пользой для охраны хозяйства. Зоонимика отражала подлинные характеристики, присущие пастушьим и сторожевым собакам, приручение которых связано, прежде всего, со скотоводческим хозяйством. Неравенство во владении скотом стало развиваться по мере втягивания Чечни в орбиту общероссийской экономической системы.

3.3. Домашние производства и промыслы

Исследование данных указывает на то, что народы Северного Кавказа, очень рано освоив высокогорные районы мест своего обитания,

приобщились к хозяйственным занятиям, связанным с земледелием и скотоводством. Это подтверждается и выводами академика Н. Вавилова, который относил Кавказ к переднеазиатской области становления земледелия и скотоводческого хозяйства. На базе столь ранних форм хозяйственной деятельности получили быстрое развитие многие виды домашних производств. В условиях отсутствия фабрично-заводской промышленного, народы Кавказа, в том числе и чеченцы, удовлетворяли свои потребности изделиями собственного производства. Об этом в своё время писали дореволюционные авторы О. В. Маркграф, А. С. Пиралов, Г. А. Вертепов, Е. Максимов и др. Отрывочные сведения о промыслах чеченцев оставили У. Лаудаев, А. П. Берже, К. Самойлов, С. Иванов. Из местных исследователей к теме обращались Н. П. Гриценко, А. И. Хасбулатов, Т. А. Исаева, Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов, З. И. Хасбулатова, С.-М. А. Хасиев, Г. А. Горчханова и др.

По сведениям О. В. Маркграфа, на Северном Кавказе наибольшим числом промыслов, занималось коренное население²⁶³. Как заметил профессор Н. П. Гриценко, для Чеченской Республики были характерны все виды ремесла: домашнее, на заказ и на рынок²⁶⁴.

Наиболее объёмным и широко распространённым был шерстеобрабатывающий промысел, однако были и другие промыслы: по обработке металла, овчины, кожи, камня, дерева, глины, рога, кости и др.

В традиционном обществе чеченцев, по сложившемуся обычаю коллективной взаимопомощи, было принято оказывать помощь во время сезонных сельскохозяйственных работ и при выполнении производственных операций дома.

²⁶³ Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М., 1882. – С. XXVIII.

²⁶⁴ Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861 – 1900). – Грозный, 1963.

Обычаи народов Кавказа, в том числе и чеченцев, были объектом внимания многих исследователей, изучавших Кавказ²⁶⁵. В своих оценках они также указывали на причины, что способствовали появлению обычаев, которые, как правило, скрываются в социально-экономической жизни.

Обычай взаимопомощи зародился в глубокой древности, в своеобразных географических условиях, к которым люди гармонично приспосабливались, и имел на Кавказе большое экономическое значение. По свидетельству исследователей, к указанному обычаю взаимопомощи прибегали повсеместно²⁶⁶, когда надо было, в сжатые сроки, справиться с сельскохозяйственными работами, что приходило в годовом цикле на летне-осенний период. Обычай взаимопомощи на чеченском языке называется «белхи» от слова «болх», т. е. работа. Поскольку работали круглый год, то и к взаимной помощи население прибегало в течение всего года, хотя основная нагрузка приходилась на период уборки урожая, заготовки сена и стрижки овец, обработки шерсти, шелушения кукурузы. При строительных работах также поощрялось обращение к этому обычаю. В зимнее время, как правило, устраивали «белхи» по обработке шерсти, который был полностью сосредоточен в руках женщин, а шерстеобрабатывающий промысел включал в себя несколько видов, что вносило живое разнообразие в работу. Шерстеобрабатывающий промысел имел также большое экономическое значение в жизни семьи.

²⁶⁵ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1-2. М. тип. А. И. Мамонтов и К. 1880; Швецов В. Очерк о кавказских горных племенах с их обрядами и обычаями в гражданском и домашнем духе. М. Унив. тип., 1856. 76 с.; Саламов Б. С. Обычаи и традиции горцев. Что это такое. Как они возникают. Что в них хорошего и что плохого. Орджоникидзе, 1968.; Мадаева З.А. Обычаи и обряды вайнахов, связанные с животноводческим бытом (XIX – начало XX вв.). // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный, 1984. – С. 152-156.

²⁶⁶ Мусаева М. К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Агиева Л.Т. Основные хозяйственные занятия ингушей в XVI-XIX вв. // Вопросы истории Ингушетии. Вып.3 Магас, 2005. – С.24.

«Белхи» включал ряд обязательных правил: 1. В традиционном обществе не разрешалось устраивать «белхи» ремесленникам, которые поставляли свою продукцию на рынок. 2. Не разрешалось устраивать какие-либо помехи в организации «белхи». Если происходила «накладка», хозяевам следовало мирно согласовывать вопрос между собой. 3. Близкие родственники, особенно зятья и снохи, должны были приходиться на «белхи» без приглашения, их только ставили в известность. 4. Со стороны хозяев должно было быть щедрое угощение для участников «белхи».

На «белхи» приходили по приглашению со стороны хозяина, кроме тех случаев, которые мы отметили выше. Приглашённый мог не прийти на помощь, но это случалось редко и по уважительной причине, потому что все нуждались во взаимной помощи. Если с просьбой пришли в дом к вечерней трапезе «Пхьор», то выполнение её было обязательным. Но было исключение: приглашённый мужчина мог отказаться в том случае, если в это время в его помощи нуждались тесть или дядя по матери.

Угощение со стороны хозяина дома включало обязательное блюдо - свежее варёное мясо с бульоном. Заготовка хмельного напитка для мужчин также входило в обязанности хозяина. Остальные блюда готовились на усмотрение хозяйки дома – пироги, халва и т. д. Хозяйки заранее заготавливали сыр, колбасу.

«Белхи» - мероприятие, где не только работали, но и веселились, как на празднике, поэтому приходили сюда с приподнятым настроением, нарядными, может, не в лучшей одежде, но далеко не в старой. Девушки одевали украшения. Молодые люди знакомились, общались между собой и в такой непринуждённой трудовой обстановке лучше рассматривали друг друга. Например, девушкам разрешалось во время работы засучить рукава платья, немножко приподнять подол платья, свободно завязывать платок и даже смеяться. Молодому человеку разрешалось находиться рядом с девушкой во время работы и вместе с ней выполнять какие-то операции работы. Например, когда избранница молодого человека наносила на стены

массу, заранее приготовленную из глины и соломы, то её ухажёр мог подносить и подавать ей на вилах эту массу.

Работа во время «белхи» часто приостанавливалась, и начинались весёлые танцы. Танцевали все желающие. На танцы «белхи» все приходили с удовольствием, потому что, в отличие от чеченской свадьбы «ловзар» и вечеринки «синкьерам», здесь царил простая неофициальная обстановка. Сюда также подходили старые и пожилые люди: кто-то давал полезные советы, кто-то присматривал трудолюбивую невестку или добротного зятя.

Сытное угощение начиналось в обеденное время, при этом котёл с мясом обслуживали мужчины. Хозяева не имели право чрезмерно перегружать приглашённых работой, и уже ближе к вечеру их следовало отпустить домой, однако считалось хорошим правилом, если начатая работа к тому времени завершена.

Таким образом, обычай взаимопомощи «белхи» был своеобразным мероприятием, на котором не только трудились, но и веселились. «Белхи» - это и труд, и праздник. Он включал ряд правил и организационных моментов. Однако со временем этим обычаем стала спекулировать богатеющая верхушка чеченского общества.

а) Шерстеобрабатывающий промысел

Шерстеобрабатывающий промысел был одним из самых распространённых в Чечне, так же как на всём Кавказе. Он включал в себя несколько видов, каждый из которых имел экономическую значимость. Войлочно-валяльное производство. Одно из важнейших технических свойств шерсти – превращаться в войлок – было использовано ещё в глубокой древности. На Кавказе, в Средней Азии и Казахстане, т. е. в местах с изобилием основного сырьевого материала – шерсти, производство войлока было поставлено на высокий уровень. Археологических свидетельств, относящихся к раннему периоду производства войлочно-валяльных

изделий, наука, по известной причине не сохранила, но этнографический материал отличается своеобразием.

Чеченский язык и некоторые его диалекты сохранили несколько названий войлока, как-то: 1. БийгIиг – это почти самосвоявшийся, без особых усилий, низкокачественный войлок из мягкой шерсти; 2. Бото – древний вид войлока, полученный в запланированном технологическом процессе; 3. Истанг – качественно новый вид войлока.

У ингушей фиксируем следующие названия войлока: «бIиегIг» и «ферта». Последним термином одновременно называют и войлочный тип одежды – бурку. Заметим, что обозначение «бIийгIиг» у вайнахов распространяется и на шкурку, просушенную до одеревенения. В определении примитивных ранних изделий из войлока – шапки, ноговиц, чувяков, а также низкосортных подстилок – сохранилось именно это наименование, например, шапка – «бIийгIиг куй», войлочные ноговицы – «бIийгIигаш».

Второе наименование войлока – «бото», «буото» – находим в названиях турлучных помещений, футлярах для холодного оружия – «буот»; древних видах брони – «шуотбото», «оршотбото»; накидке на тело в форме плаща, с разрезом впереди – «бото варт», обуви – «ботиш». Этимология слова, возможно, восходит к процессу уваливания шерсти – «батор» – или к названию формы – «буот».

Третий термин «истанг» вводится в оборот, когда речь идёт о качественно новом виде войлока с несколько усложнённым процессом производства. В свою очередь, они подразделяются по качеству, но именно среди них мы находим образцы крашенных войлоков, с художественной отделкой и декоративных войлочных образцов.

Отметим также вид войлока, который отличался не только низким качеством, но и грубостью – «чорда бото», в состав которого вносили растительное волокно, и «чорда истанг», сваленный из грубой шерсти.

В дореволюционной литературе производство войлочно-валяльных изделий на Кавказе подразделяется на три группы: 1. Полстяно-ковровый; 2.

Производство мелких войлочных изделий; 3. Бурочный ²⁶⁷. Первые две группы в начале главы мы объединили, сохранив за третьей самостоятельность, ввиду того, что бурочный промысел в Чечне был широко популярным.

Среди местностей наибольшего распространения производства авторы особо выделяют Большую Чечню Грозненского округа Терской области и Кумыко-Чеченский район, лежащий в двух округах Терской области: Хасав-Юртовском и Грозненском, с центрами Хасав-Юрт и Аксай.

Полстяно-ковровое производство. В Чечне не было ни одного села, где женщины не занимались бы изготовлением войлока. Другой дело, что разными были степень развития промысла и ассортимент изделий. В этой группе следует выделить следующие подгруппы войлоков: 1. Ходовые естественных тонов; 2. Крашенные, которые делятся на: а) однотонные; б) с бахромой; с) декоративные.

Характерные для них размеры колебались от 0,7 x 1,5 до 2 x 3 метров. Когда это производство приняло широкий товарный характер, популярными стали войлоки размером 1,5 x 2 м.

Качество войлока определялось качеством сырья и тщательностью его обработки, гладкой поверхностью, художественным достоинством и отделочными работами. В этом отношении особо ценились лёгкие, плотные, орнаментированные войлоки «кърза истанг». Изготовление полстяно-ковровых изделий является трудоёмким производством, а один из его процессов – уваливание – прямо изнурительным. Тем не менее, на Северном Кавказе, Средней Азии и Казахстане им занимались исключительно женщины²⁶⁸. Единственное исключение находим у лезгин, живущих в Дагестане, о чём свидетельствует С. С. Агаширинова: «Мастерами войлочного производства у лезгин были мужчины, а женщины принимали

²⁶⁷ Маргграф О. В. Указ. соч. – С. 19; Пиралов А. С. Указ. соч. – Тифлис, 1900. – С. 20.

²⁶⁸ Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. – М., 1981. – С. 126.

участие лишь во вспомогательных процессах, в то время как у аварцев и лакцев это занятие являлось исключительно женским»²⁶⁹. У народов Закавказья изготовление войлоков считалось традиционно мужским занятием²⁷⁰.

Сырьё подбирали в зависимости от назначения будущего изделия. Шерсть, достаточно подготовленную в процессе обработки, аккуратно раскладывали на грубом войлоке – «чорда истанг» в 2 – 3 слоя, причём худшую часть пускали в средний слой. В равнинных сёлах «чорда истанг» заменяла камышовая циновка – «черт». Главное требование, предъявляемое к качеству войлока – это равномерность уложенного слоя. Процесс требовал много времени, терпения и опыта, поэтому доверяли его хорошей мастерице, ей обычно помогала одна из молодых. Самые искусные мастерицы Нахч-Махка, позднее поверх шерсти расстилали фабричное сукно и раскатывали массивную ровную палку, тем самым, уплотняя заготовку и выявляя «ямы». На такую работу уходили не меньше одного рабочего дня. Побрызгав заготовку горячей водой или сывороткой, её аккуратно сворачивали в рулон, который, перевязав в нескольких местах, оставляли на некоторое время, обычно на ночь, в тёплом месте. На этом процесс «истанг диллар» считался завершённым.

Технологические приёмы заготовки и катания войлока у разных народов имеют свои особенности. У мастериц-казашек, по свидетельству М. Муканова, они сводились к следующему. На развёрнутую циновку раскладывают взбитую шерсть ровным слоем. Женщины, расположившись в ряд, специальными палочками теребят шерсть до тех пор, пока она не станет пушистой. В результате этого процесса шерсть принимает компактную форму. После чего заготовку опрыскивают горячей водой, сворачивают вместе с циновкой в рулон, который перевязывается в нескольких местах, и

²⁶⁹ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – XX в. – М., 1978. – С.162.

²⁷⁰ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского Края. – Т.2. – Тифлис, 1886. – С.183.

начинается катание ногами. Этот процесс продолжался в общей сложности около двух часов с некоторыми периодами. Далее валяние продолжалось руками, кистями, локтями, предварительно освободившись от циновки.²⁷¹ Автор также сообщает, ссылаясь на И. Русанова и С. Руденко, что в старину у северных казахов и их соседей – башкир – бытовал способ катания войлочного рулона по полю лошаадьми²⁷². А хакасы и алтайцы не обходились при этом без длинного шеста.

Некоторые элементы самобытности находим относительно вышеописанных приёмов у лакцев. Шерсть не мыли, располагали равномерно в три слоя на паласы, определяя худшую в средний слой. Сверху набрасывали прутики, чтобы при скручивании шерсть не перемешалась, обрызгивали тёплой водой. Мяли, отталкивая и притягивая, затем две женщины хватали свёрток и били о землю. После свёрток заворачивали в ещё один палас и переносили на покатоое место, где все женщины, участвующие в уваливании, становились на него в ряд и мяли ногами. Сверхизнурительный характер работы можно объяснить тем, что применяемая шерсть очень трудно поддавалась уваливанию в виду низкого содержания пуховых волокон. Высокое содержание пуховых волокон намного облегчает процесс уваливания, но войлок выходит тяжёлым. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением А. Пиралова, что войлочный промысел в крестьянской семье представляет то преимущество, что тут качество шерсти не имеет никакого значения: для него используется грубая, негодная для тканых изделий шерсть, к тому же техника промысла чрезвычайно проста.²⁷³ Самым практичным во всех отношениях получается войлок из шерсти с 30%-ым содержанием мягкого волокна, что доказано практикой.

Процесс катания изготовления в рулоне – «датор» – чеченские мастерицы начинали медленно руками, не прибегая к лишним усилиям. Если главная

²⁷¹ Муканов М. С. Казахские домашние художественные ремёсла. – Алма-Ата, 1979. – С.37.

²⁷² Там же. – С.41.

²⁷³ Пиралов А. С. Указ. соч. – Тифлис, 1900. – С. 24.

мастерица была в преклонном возрасте, она садилась рядом и только руководила работой. Первые 4-5 циклов продолжительностью до 20 минут – «метта далор», т. е. когда «приводят в себя» – носили ненапряжённый характер. Женщины обменивались информацией, шутили, смеялись. В таком режиме завершалась вступительная часть, за которой следовал основной объём работы, который также носил циклический характер. Далее продолжалось катание локтями, оказывая давление всем корпусом тела. Рулон периодически разворачивали, обрызгивали горячей водой, постоянно корректировали форму и поверхность, и снова сворачивали. Время от времени, разговоры прекращались, достигалось полное взаимопонимание между мастерицами, и все работали в одинаковом напряжении для достижения равномерности, чего требовало основное правило производства. И так продолжалось до определённого момента. «Состояние войлока невозможно передать, – объясняла информатор Атабаева Баянт, – его должны чувствовать руки. И не дай, Бог, чтобы помешали в этот момент или сглазила одна из работниц: войлок уже не получится, его придётся катать и второй и третий день, и всё равно, он будет не таким». Мы попытались разобраться, в чём дело. А в том, что к концу этого процесса завершается основное уплотнение войлока и «выплывают» все «грешки», допущенные, начиная со взбития шерсти, равномерности раскладки и уваливания, до температурного режима, который важно было поддерживать одновременно на всей площади полотна.

Далее следуемый процесс – «дерзор» – стадия завершения, проводимый уже без завернутого материала, привносил некоторые дополнения к основному. Уваливание обычно завершали за день. После чего войлок стирали в проточной воде. Затем, туго натягивая и подбивая форму, его накатывали на массивную палку, и, перевязав в нескольких местах, рулон ставили на один-два дня куда-то в угол: вода стекала полностью, войлок принимал устойчивую окончательную форму. Этот процесс, называемый – «досторо дар» (чабир.), означал, что все основные производственные работы

завершены и наступила развязка. Войлок разворачивали во влажном состоянии и далее сушили в развёрнутом виде во дворе, после чего опять накатывали на палку и откладывали, уже как готовую продукцию.

«Терские казаки валяли однотонные полсти и занимались этим исключительно мужчины, – свидетельствовал мне старый казак Цымлянский Иван Яковлевич из ст. Наурской, – на большие «полсти» ровным слоем укладывали шерсть, смачивали горячей водой, сворачивали в трубу и валяли рубелем. Потом, когда в наших краях появились переселенцы из Воронежа, это ремесло перешло к ним. Их называли полстевалами, они делали также и валенки. У казаков была шерсть, а у них хорошие руки». На углу полсти было принято вваливать инициалы. Это подтвердили Безбородова Арепина Даниловна, 1905 года рождения, из станицы Ищёрской, и Буравлёва Надежда Ивановна, 1927 года рождения, со слов своей матери. Казачье население, безусловно, занималось изготовлением полстяных изделий, но уровень производства был сравнительно ниже, чем у чеченского населения. Поэтому позволим себе не согласиться с мнением многоуважаемого О. В. Маргграфа, утверждавшего, что казаки Терской области «почти вовсе не производят этого рода изделий»²⁷⁴. Ситуация изменилась лишь позднее, когда здесь появилась дешёвая рабочая сила в лице переселенцев с Украины, в связи с разразившейся там засухой и затянувшимся голодом. Вот что сообщила по этому поводу Есенникова Марья Ивановна, 1904 года рождения, из станицы Наурской: «Делали и полсти, и валенки... и всё делали. А казачки пили, гуляли, давили вино, рукоделием не занимались».

Из Притеречных районов в производстве войлоков и войлочных изделий особо выделялись мастерицы села Шеди-Юрт, где этот промысел сохранил активную форму вплоть до 50-х годов XX в.²⁷⁵.

Подобные войлоки естественных тонов служили и у чеченцев, и у казаков для покрытия полов, а также и в качестве постельных принадлежностей. При

²⁷⁴ Маргграф О. В. Указ. соч. – С.19.

²⁷⁵ Список населённых мест Чечавтообласти. – Грозный, 1925. – С. 1.

желании их красили, как в яркие, так и приглушённые тона, но у казаков это как-то не привилось.

Ко второй половине XIX в. в Чечне оформились центры по производству крашеных войлоков, особенно в предгорных районах. В селах функционировали специальные красильные мастерские, куда с войлочными рулонами на вьючных животных подходили многочисленные клиенты.

Подобных войлоков в Терской области производилось на 800 тыс. руб. в год, для чего перерабатывалось 47 тыс. пудов шерсти, тогда как в Дагестане войлоков производилось на сумму 275 тыс. руб.; на Кубани – 52 тыс. руб.

Войлоки, подвергающиеся окрашиванию, изготавливали исключительно из белой шерсти. Причём нигде не зафиксировано окрашивание шерсти.

Особенно хорошо было поставлено производство декоративных войлоков «кърза истанг», выполненных методом аппликации. С начала XX века, в связи с ростом торговых отношений, увеличивается число мастериц, которые работали исключительно на рынок. По образному выражению ногойской учёной О.И. Казакбиевой, возникает новое явление – активное участие капитала в войлочном производстве²⁷⁶. Так, известная мастерица из Центороя Эльмурзаева Айшат за месяц изготавливала пять пятицветных декоративных ковриков-намазлыков, при этом обрабатывала 15 рун шерсти средней овцы и заготавливала до 50 метров ручной плетёной тесьмы из нити. При уваливании ей помогали только свои домочадцы, так как прибегать к помощи соседок считалось не приличным, если изделие предназначалось на рынок.

Изготовление ковра требовало художественного вкуса. Войлоков заготавливали несколько штук и красили в разные тона, порой до пяти. Главным художественным достоинством ковра являлась умело подобранная вязь элементов орнамента. Многие зависело и от творческого воображения мастерицы. С наиболее удачных вариантов снимали выкройки – «бустам» – на кожаном или войлочном материале и хранили в семье, передавая из

²⁷⁶ Казакбиева О.И. Войлочные изделия ногойцев в XIX-начале XX века. Автореф. дисс...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С. 19.

поколения в поколение. Мастерницы очень ревниво относились к своим выкройкам, в них обычно присутствовали их любимые мотивы орнамента. Например, мастерница из Джаглулды Кубиева Хурзадай предпочтению отдавала мотиву «крылья», которым изобиловали её ковры. Мастерницы предпочитали свои выкройки не показывать и не отдавать никому, тем не менее, желающие умудрялись с лучших ковров снимать копии выкроек и продавать их на рынке за одну среднюю овцу. Одну из выкроек орнамента Эльмурзаевой Айшат на базаре в с. Ведено купил отец, когда ей было 14 лет. Мастерница изготовила более 100 штук декоративных ковров больших и малых: 9 штук для себя, шесть из которых до замужества в качестве приданого; 4 штуки – сыновьям, каждому по одному; остальные – по заказу и на рынок.

«Из войлочных изделий особого внимания заслуживают ковры разноцветные сшивные – арлекины, – пишет О. Маркграф, подразумевая кумыко-чеченский район производства войлочных изделий, – каждая невеста, например, должна сделать для себя в приданое 2 – 3 арлекина и от 10 до 20 намазлыков»²⁷⁷.

По свидетельству наших информаторов, декоративный войлочный ковёр пяти тонов размером 1,5 х 2 м на рынке оценивался в стоимость одной средней коровы и свободно на неё обменивался. Стоимость работы по исполнению заказа из готовых покрашенных войлочных полотен заказчика, мастерницы оценивали в одну овцу.

Декоративные войлочные ковры служили самым богатым украшением стены в жилище. Инструментарий мастерницы включал в себя лишь ножницы шарнирные, но чаще ножницы для стрижки овец, а также острый нож типа «мокху».

На войлочную заготовку накладывали выкройку рисунка – «бустам», влажной тряпочкой выравнивали и увлажняли края, затем кукурузной мукой – «ахьар» – их обсыпали. И так столько раз, сколько цветов планируется в

²⁷⁷ Маркграф О. В. Указ. соч. – С. 50.

ковре. Ножницами или острым ножом вырезали аппликации и, переставляя, вшивали их, закрепляя с обеих сторон. Отделочные работы проводили заранее заготовленной белой плетёной тесьмой из нити. Каждый элемент орнамента выделялся чётким контуром, и в то же время вписывался в общую вязь. Края украшали бахромой – «к1инч1», «к1инж» (чабир) – или обшивали по периметру тканью, что называлось «жужуп лацар» (чабир).

Особенно красиво смотрелся ковёр с аппликациями на расстоянии. Центрами производства художественных ковров в Чечне были сс. Шали, Центорой, Дуба-Юрт, Чишки, Элистанжи, Ачхой, Ведено, Старый-Юрт, Шатой; в Ингушетии – Альтиево, Барсуки, Гамурзиево. В указанных центрах также наметились специализации по уваливанию, крашению, раскрою и изготовлению тесьмы.

Технология изготовления однотонных войлоков была относительно простой: мастерицы красили в желаемые цвета полотно, промыв и тщательно просушив, накатывали на каталку, через пару дней разворачивали и приступали к отделочным операциям, смысл которых сводился к тому, чтобы обшить по периметру тканью или украсить бахромой. Последние оценивались выше, чем обшитые. Бахрому делали, выдёргивая толстой металлической иглой косицу, в течение одного дня. Одноцветные истанги производили активно в селах обществ Шарой, Чаберлой, Итум-Кале, в которых, кстати, не зафиксировано производство декоративных ковров в изучаемый период. Но на базарах в сс. Шора (Шарой), Макажой (Чаберлой), Итум-Кале они были неизменным товаром, поставляемым из предгорных и равнинных сёл. Например, в каждый базарный день в с. Итум-Кале, по свидетельству информаторов, жители местной округи приобретали до 20 декоративных ковров.

Таким образом, изготовлением войлока являлось очень распространённым занятием среди чеченских женщин. Войлоки подразделялись на несколько видов особо ценились художественные

войлочные ковры «кърза истанг». Процесс уваливания проходил в несколько этапов Терские казаки валяли однотонные полсти.

Ко второй половине XIX в. в Чечне, преимущественно в предгорных районах, оформились центры по производству крашенных войлоков, среди них выделялись Шали, Центорой, Ведено, Старый-Юрт, Шатой. Одноцветные истанги производили активно в высокогорных районах.

Производство мелких войлочных изделий. Не менее важную значимость имело в жизни горцев изготовление мелких войлочных изделий, широко востребованных в быту: шляпы, чувяки, сапожки, ноговицы, потники под седло лошади, подкладки под кувшин-водонос, футляры для ружей и холодного оружия и т. д. По подсчётам О. Маркграфа, их ежегодно производилось сумму 51 тыс. руб.

Изготавливали их, как из отходов войлочного и бурочного производств, так и в отдельном самостоятельном производстве. К последним относились, прежде всего, шляпы – «лаба» и шапочка в виде тюбетейки – «пес», производство которых получило широкое распространение в Притеречных районах Чечни и оформилось в активное ремесло. При этом использовали хорошо обработанную, мягкую и эластичную шерсть ягнят ранней стрижки. Обычно одного руна было достаточно на одну шляпу. С работой свободно справлялась одна мастерица без чьей-либо помощи за один-два дня. На первом этапе работы – «ваьшта дар» – получали слабоуваленный кусок войлока круглой формы – «ч1епалг», который переносили на болванку, имеющую форму головы, и аккуратно натягивали на неё. Побрызгав горячей водой, начинали процесс, который носил одновременно троичный характер: круговыми движениями пальцев уваливали шерсть, ладонями разглаживали поверхность и оформляли полы шляпы. Исход работы, как и во всех случаях, касающихся промыслов, зависел от опыта мастерицы. Так и оставляли шляпу на болванке до полного высыхания, но предварительно плотно обвязав шнуром. После заворачивали вверх поля и обтягивали сукном. Через пару дней приступали к отделочным операциям. Шляпа – «лаба» – считалась

излюбленным головным убором косарей за то, что удачно защищала голову от палящего солнца. По этой причине их делали исключительно из белой шерсти. В других случаях допускались чёрный, серый и коричневые тона, а также отсутствие полей.

Для ноговиц и сапожек уваливали войлок прямоугольной формы с таким расчётом, чтобы длина изделий соответствовала ширине войлока. Красили предпочтительно в чёрный цвет. Сложив в двойную войлочное полотно, мастерица вырезала форму ноговиц – «пезагаш», сапожек – «б1оржамаш», затем сшивала, в некоторых случаях последние украшала плетёной тесьмой или кожаной аппликацией.

Конские потники – «ишпак» – представляли собой войлочные отрезки трапециевидной формы чёрного или другого приглушённого цвета, изготовленные из одного руна средней овцы. Они делились на простые ходовые и украшенные, производство которых приобретало характер ремесла. Работы, связанные с художественной орнаментацией, проводили шнуром или тесьмой, тона отличались сдержанностью, хотя и являлись украшением нарядного седла. Это было под силу далеко не каждой хозяйке, поэтому войлок она могла заготовить сама, а для его орнаментирования – «кечдар» – можно было прибегнуть к услугам более искусной мастерицы, за что делилась с ней материалом – шнурами и тесьмой. Если они были заготовлены у другой мастерицы, то с ней делилась нитями.

Подкладки под кувшин-водонос – подушки «глайба» или просто «юкьеюьллург» – имелись в каждой семье. Известно множество их разновидностей: простые, одноцветные, разноцветные, украшенные тесьмой или шнуром, а также с декоративным вшивным орнаментом и контуром тесьмы. Их применяли и в том случае, если кувшин привязывали к спине красочным ремнем. Молодые горянки, не смотря на то, что в горных условиях крайне неудобно подниматься вверх или спускаться вниз с полным кувшином, предпочитали нести его не на спине, а на плече, что делало их ещё стройнее и изящнее. При встрече со старшей женщиной или беременной

с пустым кувшином, привязанным к спине, девушки умело переливали родниковую воду со своего кувшина, не снимая его с плеча.

Производство разноцветных подкладок под кувшины-водоносы активизировалось с производством декоративных войлочных ковров. Они также входили, наряду с коврами, в приданое невесты.

Войлочные чехлы для ружей и холодного оружия – «буот» – у чеченцев сохранили древнее название войлока. Изготавливались они из отходов, сшиваемых в нужной форме, при чём занимались этим и мужчины. Украшение сводилось к закреплению линейных швов кожаными галунами. Это считалось занятием, доступное каждому, к которому привлекали и подростков.

Таким образом, мелкие войлочные изделия - шляпы, чувяки, сапожки, ноговицы, потники под седло лошади, подкладки под кувшин-водонос, футляры для ружей и холодного оружия и т. д - были широко востребованы в быту чеченцев. Они делились на простые ходовые и нарядные. Их производство приобрело характер ремесла и дольше сохранилось в домашнем хозяйстве.

в) Бурочное производство. Воинственная жизнь кавказских горцев в своеобразных географических и исторических условиях выработала такой специфический тип одежды, как бурка. Она была настолько популярна на Кавказе, что иные народы не представляли себе кавказца без этой характерной только для них одежды. Универсальность бурки, её вид, необычный способ изготовления – всё это привлекало внимание писателей, поэтов, художников, а также исследователей кустарных ремёсел. По этой причине, она довольно хорошо изучена и местными учёными многих народов Северного Кавказа – Дагестана (Гаджиева, Агаширинова), Кабарды (Мамбетов), Осетии (Калоев, Магомедов), Чеченской Республики (Хасиев, Хасбулатов, Гарсаев).

В одно время чеченцы производили лучшие бурки на Кавказе и с особым почтением относились к бурке – «верта» (чеч.), «ферта» (инг.)

Изюминкой «княжеской свадьбы» садоевцев – «алие ловзар» (чабир.) – в этническом обществе Чабирлой считался момент, когда, якобы случайно, чтобы посмотреть издали, появлялся почитаемый старец и обязательно в бурке. Его сразу замечали и усаживали на почётное место, все при этом вставали в знак уважения. Через некоторое время он произносил поучительную речь, которую слушали очень внимательно, и покидал свадьбу, чтобы долго не сковывать молодёжь. Но перед этим, он в танцевальном шаге делал несколько кругов, не снимая бурку, и все опять дружно вставали, отдавая почтение старости, защищавшей своего владельца бурке, и тому, кто умеет вовремя приходить и уходить.

Лучшему другу на Кавказе, в том числе и в Чечне, издавна дарили бурку.

И всё-таки, чтобы лучше представить себе бурку, мы должны остановиться на её древних видах, изученных нами на примере общества Чабирлой.

Древние виды бурок. При изучении древних видов бурок терминология дана исключительно на чабирловском диалекте чеченского языка. Поскольку этот диалект, по свидетельству профессора Арсаханова И. А. «сохранил наиболее древние формы чеченского языка... и сумел последовательно отстоять свой вокализм от влияния, так называемого, вторичного чередования»,²⁷⁸ надеемся, что эта терминология характерна и для других обществ, где в древности производили бурки.

К сожалению, в силу специфики сырьевого материала – шерсти – в природных условиях Кавказа древние образцы бурок не сохранились.

По мнению А. Кавказова, чёрные плащи, упомянутые Геродотом, который посетил прикавказские страны более чем 2300 лет назад, являются бурками. «Греки так и называли этот народ «чёрными плащами», т. е. «меланхленами» – пишет он²⁷⁹. Вполне возможно, что греческий историк слово «плащ» применил потому, что обозрел прилежно изготовленный тип одежды, которым на Кавказе могла быть и бурка, являющаяся самой совершенной в

²⁷⁸ Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. – Грозный, 1969.

²⁷⁹ Кавказов А. Северный Кавказ. – 1930. № 1. – С.26.

своей конструкции из всех видов войлочной одежды. Но «плащом» могла быть и любая накидка из ткани, производство которой приходится на этот период.

В истории известны типы одежд, бытовавшие у разных народов и племён, которые были незаменимыми в своеобразных природных условиях. Например, индейцы племени маках с мыса Флатери делали плащи из перьев, они играли двоякую роль: служили защитой от дождя и украшением, подчёркивающим ранговое положение человека в племени. Рядовые гавайцы (рыбаки и земледельцы) в непогоду накрывались травяными плащами. Китайцы южных провинций в этих целях практиковали соломенные плащи. Изготавливали их на основе техники плетения²⁸⁰.

Интересные сведения, полученные от информаторов, приводит учёный-этнолог Л. М. Гарсаев о том, что у вайнахов бытовала в прошлом, наряду с другой, и камышовая одежда, которая «во время ходьбы и работы была неудобной, но зато в жару – прохладной, а в холод – тёплой»²⁸¹.

Общепринятое название бурки у всех чеченцев – «верта», «варти» (чабир.) – относится к более позднему периоду. Самое древнее название бурки – «буото», «бото» – мы находим в диалекте языка чеченцев общества Чабирлой. Оно происходит от названия некачественного войлока – «бото» – именуемого, скорее всего, по главному процессу его производства – «батор», т. е. уваливать шерсть.

По свидетельству наших информаторов, войлоки типа «бото», возможно, изготавливали из собранной естественно слинявшей шерсти до появления здесь ножниц для стрижки овец. Они служили и постельными принадлежностями и накидками от непогоды. Из него делали особый вид войлочной обуви – «ботиш» и турлучное подобие помещения – «буот». Войлок «бото» в качестве брони – «шотбото» – привязывали к грудной части

²⁸⁰ Семёнов С. А. Коробкова Г. Х. Технология древнейших производств. - Л. 1983. – С. 108, 105.

²⁸¹ Гарсаев Л. М. Вайнахская женская одежда (конец XIX-начало XX в.). – Грозный, 2005. – С.42.

тела, им опоясывали часть тела, начиная от нижнего ребра почти до колен, в качестве дополнительной защиты – «оршотбото».

Подобные войлоки изготавливали очень примитивным способом: немного расщепав, шерсть слоем раскладывали на разновидности плетёнки – «да1ир», увлажняли, скручивали в рулон и топтали ногами, процесс назывался – «г1и дар», т. е. что-то уплотнять, сжимать. Следующий процесс, называемый – «бото хьивш» – т. е. месить войлок, больше напоминал вытирание ног о войлок. Порой войлок долго отлёживали в помещении, перебрасывая из угла в угол. Использовали его и для сиденья. В результате всего этого и «рождался» войлок, процесс назвался «бото тивш», «тивш» на чаберловском диалекте означает: кажется, думаю, считаю. Вспомним, что весной слинявшая шерсть, очень легко поддается уваливанию. Намного позднее, когда появились качественно новые виды войлоков – «истанги» – чтобы упрекнуть хозяйку в неумении их делать, говорили: «Она умеет делать только бото».

В войлоке, предназначенном для накидки, примерно в 1/3 части продевали ленту – «валти» – через проёмы – «ватим». Она пролежала обязательно выше пояса, а при необходимости ее концы стягивали. Такова была самая древняя бурка – «буото» – мало напоминающая свой сегодняшний оригинал. В принципе, это очень мягкий войлок из мягкой шерсти с ремнем – «валт», который затягивали при накидке на тело.

Заметим, что термин «валт» утвердился и в земледельческой культуре, обозначая на местности поперечную линию раздела, образуемая при этом «валтиш»: верхняя – «лакхара валта», нижняя – «лахара валта».

Усовершенствованный вид древней бурки назывался – «буото варти», но чаще – «буорти», наверное, как словообразование из двух слов: буото + варти. С первым словом всё понятно – это войлок. Но что такое «варти»?

Впервые термины «варт», «варта», «варти» были нами зафиксированы при изучении одежды из шкур животных и зверей в процессе, называемом «варт дар», суть которого сводилась к следующему. Шкуру с убитого животного

или зверя снимали, сохраняя мешкообразную целостность, по той причине, что назначений у неё было много. В иных случаях делали разрез – «варт», проводимый снизу вверх, образуя при этом две равные половины – «варта», и спинку – «боло». Если разрез был произведён не спереди, а с боку, то части назывались: передняя – «хьалхара варта», задняя – «т1иехьара варта», название спинки, как видим, опускается. Название разреза «варт» сохранилось и в войлочной накидке, когда они активно сменили первые. Словом, «буорти» – это войлок с разрезом или с равными половинами, образовавшими при этом. Термины «варт», «вартто», «вартанг» утвердились и в земледельческой культуре в качестве раздела местности на две части с ориентацией на какое-то изголовье. Изголовьем могли быть гора, холм, лес, родник и т.д.

Таким образом, «буорти» – это уже специально сконструированный из войлока вид бурки, со слабо выраженными плечиками, мало обозначенной конической формой и равными частями края. По своей сути, она повторила форму накидки из шкур – «биекх», «биекхуо» (чабир). Была легка, сподручна в производстве для женщин, поэтому быстро стала популярной, отодвинув на второе место одежду из шкур. Но мягкая бурка «буорти», так же как и её предшественница «буото», в отличие от накидок из шкур, имела один недостаток: впитывала в себя природные осадки.

В то же время, в связи с возрастающей потребностью в шерсти, естественно слинявшего сырья, видимо, в хозяйстве не хватало и приходилось добывать его другим путём. В противном случае, горцы не научились бы выдёргивать шерсть со шкур убитых животных и зверей при помощи примитивного специального орудия – «тхаду», по другим данным – «каду». По всей вероятности, его изобретение относится к периоду, когда металлических ножниц для стрижки овец, появление которых датируется эпохой бронзы, ещё не было, а в развивающемся хозяйстве уже нужны были более прочные изделия, но наличие сырья не удовлетворяло этот запрос.

Название орудия – «тхаду» – впервые зафиксировано в Чабирлое, а за тем в Итум-Кале – «тхади». Насколько нам известно, орудие состояло из двух предметов природного материала естественной линейной формы, длиной 40-45 см., шириной 4-5 см., как-то прилегающих друг к другу. Планки скреплены между собой в одном конце волокном растительного или животного происхождения. Орудие не стригущее, а выдёргивающее, и в то же время это не щипцы.

Шкуру сворачивали и откладывали до исчезновения первой свежести. Через некоторое время, специфический запах напоминал о том, что пора делать «тхадар» – так назывался процесс отделения от шкуры шерсти при помощи рассматриваемого орудия. Суть его заключалась в том, чтобы двумя линейками орудия крепко зажать полосу косицы и дёргать к себе. Работу начинали против направления шерсти, по мере продвижения работы плоский тяжёлый камень, придерживающий шкуру, отодвигали назад. На первом этапе свободно выдёргивалась длинная грубая косица. Процесс повторялся несколько раз.

Эксперименты с реконструированным орудием показали, что применение его целесообразно: оно повышает производительность труда и отделяет от шкуры, прежде всего, косицу одинаковой длины, что очень важно до появления здесь другого орудия шерстеобработки с металлическими стержнями – чесалки. Однако его применение требует сильных массивных рук, поэтому, навряд ли, этим процессом занимались женщины. Видимо, это было мужским занятием, впрочем, как затем и стрижка овец.

В древней рифмовке, переданной из поколения в поколение, где перечисляется, чуть ли не весь домашний скарб чаберлоевца, это орудие стоит в ряду самых значимых предметов: «... Тхадаре тхадунце, кхадаре кхадунце, вантунце, диертунце, бакхунце...» и т. д. Оно сыграло положительную роль в развивающемся хозяйстве горцев.

Снятую таким методом грубую косицу со шкур, смешивали с мягкой, естественно слинявшей, шерстью. При уваливании мягкая шерсть хорошо

уплотнялась, а грубая выписывалась, вытеснялась на поверхность в виде короткого ворса – «чо», – который дополнительно вычёсывали веникообразным орудием – «чобу». Изготовленный таким методом войлок назывался – «чобуото», из него конструировали бурку с разрезом – «чобуорти», т. е. с ворсом. Она была прогрессивна тем, что восполнила недостаток прежних видов: не впитывала природные осадки, так как вода стекала вниз по ворсу. Но это была далеко не та бурка с косицей, которую мы представляем себе сегодня. Таким образом, в значительной мере вытеснив одежду из шкур животных и зверей, бурка «чобуорти» становится главной верхней мужской одеждой горцев.

Исключительно для известных охотников делали бурки из войлока со звериной косицей. Если при заготовке была внесена только медвежья косица, то получалась – «чабуорти» – (ча + буорти), т. е. медвежья бурка. А если внесено все, что имеется – медвежья, волчья и т. д., то её просто называли «бурси», т. е. суровая. Процесс соединения и смешивания разных видов шерсти назывался – «хор дар», полученная при этом заготовка – «хорру», а часть, предназначенная для производства – «хоррути». Обувь, сделанную из отходов такого войлока, называли – «бурсиш» или «бурсикиш». Владельца таких вещей звали – «Бурсиг» – суровый. Не все имели право их носить.

Путнику и пастуху категорически запрещалось надевать одежду из категории суровой, так как, по поверью, она безжалостно притягивала зверей и врагов.

К вартам суровой бурки, с изнаночной стороны снизу прикрепляли клыки и зубы, когти и клювы убитых зверей. Чем их больше, тем суровее и ценнее бурка. Изначально, таким способом охотник просто фиксировал количество жертв, со временем этот момент обогатился магическим и эстетическим содержанием.

Состав шерсти в бурке также старались зафиксировать: из самой дефицитной сучением ладонями заготавливали короткую нить, которую продевали, создавая линии с образами воображаемых зверей или орудий охоты, клыков или ногтей. Смысл последних со временем обогащался.

Самой мирной и интересной была пастушеская бурка – «1убуорти». К её спинной части прикрепляли рога годовалой козочки – «австу». Это к тому, чтобы козёл-вожак отары всё время держал «связь» с пастухом – и в туман, и при переходе. По поверью, козёл-вожак себе «подругу» выбирал по рожкам, которые вскоре оказывались на спинке бурки пастуха. Рога, как видим, играли здесь роль «антенны».

Козёл-вожак – «бошто» – пользовался огромным почтением у горцев Чечни, его чуть ли не обожествляли. Его название используется и как имя собственное – «Бошто». Самым обозримым украшением в местах их проживания являлись перекрещенные саблевидные козлиные рога – «хоро ма1аш», т. е. соединённые. По утверждению наших информаторов, в далёком прошлом в высокогорных условиях в стадах преобладали козы. Выносливые и ловкие, они проще доставали себе корм, и приплод у них выше, чем у овец. Но козья шерсть очень мягкая, с высоким содержанием пуховых волокон, не практичная для хозяйственных нужд, запросы которых с каждым днём возрастали. Вспомним, как без особых усилий производили древний войлок, что могли даже процесс пустить на самотёк, тогда как в начале XX в. это изнурительный труд. Зачем надо было устраивать погоню за грубой косицей и изобретать специальное орудие, чтобы его отделять от шкуры, а затем вводить её в мягкую шерсть? В пользу этого утверждения можно привести и тот факт, что сильно высушенная шкурка, а также один из видов войлока, вид шапки и ноговиц, называются – «б1ийг1иг», а в обществах Итум-Кале, Галанчож, Маълхисты молодые козы и козлята называются – «б1ийгаш»

Состав стада активно меняется в сторону овец, на наш взгляд, с развитием ткацкого ремесла, по той причине, что овца давала шерсть более высокого качества – от грубой до мягкой, в зависимости от возрастных особенностей. Симпатии постепенно переходят к овце: украшением хозяйственного быта горцев наряду с саблями козлиных рог, становятся винтообразные бараньи рога – «кан ма1аш». Эти оба случая отражаются в попытке художественного осмысления на вартах пастушеской бурки.

Упомянем ещё об одном виде охотничьей бурки – «*malá buorti*», бурка с рогом. Мы считали, что рог здесь упомянут как степень её превосходства над всеми. Но выяснилось, что это несрезанный, вернее, несрубленный верхний угол. Такую бурку обычно обкуривали дымом, чтобы «убить» человеческий запах, носили её рядовые охотники. «Рог» служил защитой на случай нападения зверя: если нападение совершено сзади, он защищал шею и голову, если спереди, надо было просто успеть натянуть угол на лицо. Но в обоих случаях важно вовремя присесть и не шевелиться. Зверь покрутится вокруг, понюхает и, удивлённый внезапной переменой, удалится.

В своей работе Розен Р. Ф. как-то отмечал, что «в обществе племени чеченского Чабуртло бурки продавались в небольшом числе андийцам и соседним другим народам, кои ближе сношениями своими или к Грузии или к Кумыкскому владению»²⁸². По общему мнению, он имел в виду общество Чабирлой. Но Чабуртло – это вообще общество производителей бурок. Для аварцев близлежащих обществ, восточные чеченцы были известны, прежде всего, как производители и носители бурок – борти, чоборти, чаборти. Аварцы называли чеченцев – бурти, а бурку – буртина. Эти названия сохранились и в современном аварском языке. Однако не следует путать понятия *бото* и *буорти* с *бурти* и *буртина*. *Бото* и *буорти* имеют вышеприведённые значения, но *бурт* означает шерсть, правда, на армянском языке.

Если в основе этнонима Чабуртло, приведённого Розеном Р. Ф., лежит название бурки – «чаборти», где суффикс «л» означает принадлежность к его производителям или носителям, то получается прямо по Геродоту. Но вполне возможно здесь и присутствие термина «бурт», т. е. шерсть.

Что касается этнонима Чабирлой, то на чаберловском диалекте чеченского языка «*ч1аба*» означает что-то голое, открытое, натуральное. В дословном переводе, Чабирлой – это жители голой, открытой, натуральной

²⁸² Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана, 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. – М., 1958. – С.285.

местности. При этом не исключена возможность, что компонент – *ur* - есть трансформированный –*ур*- , в таком случае, здесь речь идёт об обществе, что по сути не искажает смысла этнонима.

Производство ранних видов бурок, конструируемых из войлочных заготовок, зародилось и развивалось до определённой степени в горной части Чечни. Но постепенно оно уходит в близлежащие соседние и низлежащие чеченские общества, где и приходит к своему расцвету. За горной зоной прочно укрепляется роль поставщика сырья. В позднем названии бурки – «верта» – больше старались утвердить особенность её конструкции, которая учитывалась уже при первом же процессе производства – раскладке сырья, что являлось качественным скачком в её производстве.

Бурки – «верта». Исследователями кустарных промыслов на Северном Кавказе выделено три крупных бурочных центра: Кабардинский, Чеченский и Андийский. Чеченский располагался в Грозненском округе Терской области и занимал площадь до 5000 квадратных вёрст. Если коснутся ареала распространения промысла, то в северной части он ограничивался рекою Терек, за которой проживало казацкое население, не занимающееся бурочным промыслом. На востоке и юге промысел доходил до Кумыкской плоскости и альпийской Чечни, а на юго-западе резко прерывается в районе Сунженской линии. На западе через ингушские общества он плавно сливается с районом бурочного промысла Кабарды. Местность, которую мы обозначили, является равнинной и заселена чеченцами. По мнению С. А. Хасиева, О. Маркграф, а вслед за ним и А. Пиралов и другие в составе Чеченского центра бурочного промысла совершенно не учитывали Надтеречный участок, по самым скромным подсчётам составляющий 0,5 тыс. кв. вёрст. Малый бурочный район был сосредоточен в сс. Аду-Юрт, Кень-Юрт, Шеды-Юрт, которые поставляли свою продукцию, в основном, казацкому населению за Терек, у них же закупали шерсть. Об этом свидетельствовал наш добрый друг, казак Цымлянский И. Я из станицы Наурской: «Бурки мы не делали. Бурки делали за Терек чеченцы. Наши

кунаки. Им продавали и просто отдавали шерсть. Делали и с космами, чтобы стекал дождь. Такие красивые...».

Производство бурок в указанных сёлах Надтеречного участка сохранилось вплоть до 50-х годов XX в. В то же время, в Большой Чечне, оформляется крупный бурочный район с центром в селе Старый-Юрт Грозненского округа, производивший в год до 21000 штук бурок. Староюртовские бурки пользовались спросом на таких значительных рынках, как Владикавказ, Тифлис, Аксай, Хасав-Юрт, Грозный, Моздок. Итак, в общей сложности, чеченский бурочный район, составлял примерно 5,5 тыс. кв. вёрст, производство доходило до 22 тыс. штук в год. Шерсть закупали в горных районах, Ингушетии и у казацкого населения.

Чеченские бурки отличались плотностью, тониною и наряду с кабардинскими бурками, продавались по сносной цене от 3 до 8 руб., удовлетворяя широкий спрос населения Северного Кавказа. Дагестанские бурки, особенно андийские, считались лучшими. Особенно дорого ценились нарядные бурки с косицей, как андийские, так и кабардинские и чеченские.

Производство бурок в Чечне распространилось в местах со щелочными источниками и другими удобствами для стирки бурочных изделий. По подсчётам Маркграфа О. в Большой Чечне 3% дворов из 16,4 тыс. занимались производством бурок, а в самом центре производства – Старом-Юрте – каждая четвёртая семья. В Кабарде соответственно – 5% и 30%, в Андийском районе – 60 %. Каждая семья в среднем за год изготавливала 15 бурок. В селе Старый-Юрт насчитывалось 492 двора, занимающихся изготовлением бурок, и в них 1230 душ работниц, в конце XIX века их производство достигало до 8 тыс. бурок в год.²⁸³

Во втором издании своего исследования (1913 г.) А. Пиралов отмечает, что производство бурок наибольшего развития достигает у туземцев Северного Кавказа и Дагестана, а в Закавказье оно сопутствует войлочному

²⁸³ Маргграф О. В. Указ. соч. – С. 33.

производству, т. е. они у всех низкого качества. Тем не менее, он выделяет четыре района бурочного производства: Кабардинский, Дагестанский (Андийский), Чеченский и Имеретинский.

По мнению А. Пиралова, кабардинские мастера считаются лучшими на Кавказе, и изделия их ценятся на рынке выше. Этот район производит ежегодно до 30.000 штук бурок стоимостью от 10 до 25 р. Лучше других этот промысел сохранили карачаевцы.

В Андийском округе Дагестанской области бурочное производство отличается крупными размерами и достигает 35.200 штук в год. Ворсовые виды андийских бурок не имеют аналогов на Кавказе.

Ссылаясь на сведения Тифлисского Биржевого Комитета, А. Пиралов приводит цифры по селениям Чеченского бурочного района: Старый-Юрт – 10.000 штук, Шали – 300 штук, Зибир-Юрт – 2.000 штук, Умахан-Юрт – 1.000 штук, Илисхан-Юрт – 500 штук, Гермичи – 200 штук и другие селения области до 6.000 штук. Автор подчёркивает, что район производит наиболее дешёвые ходовые бурки по цене от 5 до 7 руб. с годовым производством до 21.000 штук. При этом автор не упоминает о том, что в таком крупном бурочном районе, как Чеченский, да ещё расположенном вблизи со щелочными источниками, производили на заказ и нарядные образцы бурок. Во всех трех важных районах развития бурочного промысла ежегодно производится, по данным А. Пиралова, приблизительно 86 – 90 тыс. штук бурок на сумму 900 тыс. руб.

Имеретинский район, расположенный в Кутаисской губернии был малозначимым; производство не имело сдвигов в сторону прогресса, так как базировалось на покупной шерсти, и к тому же возникло оно сравнительно недавно²⁸⁴. С 1888 года бурки стали готовить на Тифлисской паровой войлочной фабрике²⁸⁵.

²⁸⁴ Пиралов А.С. Указ. соч. – СПб., 1913. – С.36.

²⁸⁵ Энциклопедический словарь. Т. V. – С-Пб., 1891. – С. 38.

По сообщению Р. Ф. Розена в 30-х годах XIX века бурки в Грузию поступали из чеченского общества Чабуртло²⁸⁶.

В начале XX века, например, «в июне месяце 1906 года...на базаре в Итум-Кале были... бурки плохой работы 4 – 6 руб., хорошие 10 руб.»²⁸⁷, следует понимать местного производства. Но в дальнейшем, по многочисленным сообщениям наших старожилов из Итум-Кале, Ингушских обществ, а так же Маълхисты, Галанчо́ж, они приобретали бурки, поступавшие, в основном, из Грузии. В сёлах обществ Чабирлой, Шарой, Ичкерии в тот период их также не производили, а приобретали или заказывали, в основном, в Дагестане, а так же на базарах, куда поступали бурки из многих бурочных центров Кавказа. Бурочный промысел, который зародился и развивался до определённой степени в горных условиях, с усилением его товарного характера, постепенно уходит, в частности в Чечне, в равнинные сёла. За горной зоной закрепляется роль крупного поставщика сырья.

Высокий спрос на бурки в XIX веке объяснялся военной обстановкой, которая сложилась на Кавказе на протяжении всего века. Как пишет профессор Н. П. Гриценко, в бурки одевались не только горцы, но и офицеры царской армии²⁸⁸. Они также требовались и для казачьих войск²⁸⁹.

Технология изготовления бурок не отличается от общеизвестной на Кавказе, тем не менее, постараемся уловить какие-то элементы самобытности.

Предварительно заготовленное для этого производства сырьё раскладывали слоями на циновку, на которую нанесён древесным углем ровный конический контур будущего изделия с учётом усадки при уваливании, стирке и крашении (до 33%). Мету́ одной бурки называли – «к1ажг»²⁹⁰. Раскладывали шерсть в три слоя очень равномерно и аккуратно, занималась этим лучшая из мастериц с помощницей в течение одного дня. На верхний и

²⁸⁶ Розен Р. Ф. – Там же.

²⁸⁷ Терский сборник. Вып. VII. – Владикавказ, 1910. – С. 125.

²⁸⁸ Гриценко Н. П. Указ соч. – Грозный, 1961. – С. 62.

²⁸⁹ Гриценко Н. П. Указ. соч.- Грозный, 1972. – С. 98.

²⁹⁰ Хасиев С. А. Указ. работа. – С. 24.

нижний слой употребляли шерсть добротного одинакового качества. На средний слой годилась и короткая шерсть худшего качества. Заметим, что плохую шерсть, в прямом смысле этого слова, в этом производстве не применялась, согласно его специфике. Производить, а также покупать бурку некачественную было невыгодно, в силу трудоёмких процессов производства, хотя это не значит, что по качеству изделия не подразделялись. Таким образом, разложенную шерсть обрызгивали горячей водой, проводили каталкой по поверхности, неоднократно контролируя равномерность слоя, и сворачивали циновку вместе с заготовкой в рулон. Традиционно было принято на ночь его откладывать в тёплом месте, но активизация рыночных отношений, как известно, вносит коррективы не в пользу традиций, поэтому уваливание могли начинать тут же. Обычно это делали 3 – 4 женщины, выбрав место с небольшим скатом.

Процесс уваливания не отличается от процесса описанного нами в войлочном производстве, присутствует та же терминология, тем не менее, в данном случае, он более сложен. Дело в том, что конусообразная заготовка шерсти включает дополнительные технологические неудобства: мастерицам приходилось чаще разворачивать рулон, чтобы соизмерять варты, уваливать не только в длину и ширину, но и по диагонали, постоянно корректируя форму. Больше хлопот доставляло изготовление бурки с косицей: для неё шерсть раскладывали также в три слоя, только на верхний слой шла специально заготовленная на гребне косица. На нижний слой – хорошо взбитая шерсть, из которой вычесалась эта косица. На средний слой – короткая шерсть, отнесённая к третьему сорту.

Во время уваливания, которое носило циклический характер, продолжительностью в 10 – 15 минут, после процесса, называемого «ваьшта дар», мастерицы начинали параллельно другую операцию – «к1инч1 яккхар». Суть её заключалась в том, чтобы веником из корней конопли регулярно вычёсывать косицу из уплотняющего полотна. Таким образом, один процесс одновременно включал три операции: уваливание войлочной основы,

вваливание туда косицы и её вычёсывание. Все операции завершали к достаточному уплотнению войлока. Последний процесс – «дерзор» – протекал отдельно от завёрнутого материала, в нём большое внимание уделялось корректированию формы.

Стирали бурку в проточной воде, что особенно удачно получалось у щелочных источников. Применение моющих растворов или мыла зависело от качества бурки и её назначения. Относительно пастушеской бурки ограничивались лишь простым промыванием.

В бурочном производстве большим спросом пользовалась чёрная шерсть, но при её недостатке белые бурки окрашивали в чёрный цвет. А в Андийском округе Дагестана разводили особую породу овец, шерсть от которой получали не путём стрижки, а путём выдёргивания, она отличалась высокими качествами и цветом «воронова крыла». Лучшие сорта бурок изготавливали из такой шерсти.

Сложность отделочных операций зависела от вида бурки: пастушеская, ходовая, бурка с косицей и нарядная – «кечдина верта». Особо выделяли белую нарядную бурку с косицей, изготавливаемую на заказ. Главное отличие – плотность, лёгкость, в меру уложенная длинная волнистая косица – всё это достигалось правильной обработкой сырья и опытом мастера. В принципе, эти требования распространялись и на другие виды бурок, но достигались по-разному, что отражалось на цене, которая колебалась от 4 до 50 рублей.

К отделочным операциям относились: 1. Опаливание внутренней стороны; 2. Художественная отделка; 3. Закрепление плечиков; 4. Укладка косицы. Четвёртый момент присутствует в том случае, если бурка изготовлена с косицей. В период массового производства в дешёвых образцах опускали и художественное орнаментирование углов варт, тогда как в выходных и нарядных бурках оно являлось обязательным моментом.

Опаливание – «марц дар» – традиционно проводили на большом костре: бурку раскладывали на плетёнку, последнюю раз-два проносили над огнём. Возможно, за этим скрывается ещё и древний обычай – «ц1е туохар» – когда

бурку, в присутствии её владельца, три раза проносили над огнём, чтобы она впитала дух семейного очага, и получала, скажем, юридический статус и имя. Орнаментировали «крылья бурки» тесьмой или нашивной аппликацией контрастных тонов. Элементы орнамента подбирали в зависимости от назначения бурки, в частности, мотивы, связанные со скотоводческой культурой, охотой и оборонительной темой.

Для укладки косицы – «клинч1 тояр» – бурку подвешивали полами вверх и прочёсывали косицу вниз. В тёплой воде разводили воск – «балоз», собранный с деревьев, и веничком из соломы, сена или гривы обрызгивали косицу. Тут же бурку снимали и раскладывали. Накручивая на указательный палец косицу, мастерица старалась этот момент как-то зафиксировать, а затем её укладывала. Если косица была равномерно заложена и правильно вычесана, то после укладки она имела вид естественной волны шерсти – «улх», что придавало бурке богатый художественный эффект. В укладке косицы чеченскими мастерицами мы находим ряд самобытных моментов. Секрет его таится в том, что они использовали менее грубую шерсть, более легко поддающуюся уваливанию, и длинная косица принимала вид волны, а хорошее выщелачивание, всё равно, делало их и лёгкими. Тем не менее, по свидетельству наших информаторов, вопреки мнению Маркграфа О., чеченские бурки отличались от знаменитых андийских более тяжёлым весом, что принято было считать их недостатком.

Плечики закрепляли суровой нитью, срезав верхний угол, и подогнав под форму плеч. На этом отделочные работы считались завершёнными.

Как известно, самые нарядные и высококачественные бурки – «буртина» – изготавливались в андийских обществах Аварии. Профессор С. Гаджиева приводит основные приёмы изготовления дагестанских бурок, которые мы можем сравнить с вышеописанным способом. Шерсть по качеству равномерно раскладывали на циновке в 2-3 слоя, низ равняли при помощи колышка и верёвки, обрызгивали горячей водой и, свернув вместе с циновкой, начинали катать и мять руками. Прибегали к разным способам,

лишь бы только уваливать. Расчёсывали щёткой из стеблей льна, внутреннюю сторону опаливали на лёгком огне, чтобы уничтожить лишние волоски²⁹¹.

У абхазов при изготовлении войлоков и бурок использовался снаряд под именем «чачаби», сделанный из рисовых стеблей, сообщает нам профессор Ш. Д. Инал-Ипа. Расчёсанную шерсть клали на «чачаби» в нужной форме, сворачивали, обливали периодически кипятком и катали. Затем изделие обсыпали золою, обливали холодной водой и продолжали катание до полного уплотнения. В конце изделие «варили» и мыли холодной водой.²⁹² Вот такие контрастные технологические приёмы находим мы у этого народа. Золю применяли в качестве моющего средства.

Исследователь Пожидаев В. П., описывая технологию изготовления бурки с косицей, подчёркивает, что всё время – и в процессе уваливания, и мойки, и сушки – вытягивают ворс, подравнивают, укладывают, расчёсывают, так как он придаёт ей вид и служит одним из главных показателей мастерства²⁹³. Самыми практичными считались чёрные бурки, при недостатке чёрной шерсти их окрашивали исключительно в чёрные цвет, потому что другие тона, в отличие от войлочных ковровых изделий, в этом производстве не допускались. Но методы и приёмы крашения оставались одинаковыми для всего шерстеобрабатывающего промысла, в том числе и войлочно-валяльного производства.

Таким образом, следует отметить, что чеченцы, так же, как и все народы Кавказа, издревле занимались войлочно-валяльным производством, о чём свидетельствует богатый этнографический материал, включающий, прежде всего, лингвистические данные. Войлоки и войлочные изделия следует подразделять на древние и современные. В их производстве

²⁹¹ Гаджиева С. Ш. Указ. работа. – С.26 – 27.

²⁹² Инал – Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965. – С.263.

²⁹³ Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. – М.-Л., 1926.

употребляют качественно разное сырьё, процессы обслуживания разный терминологический словарь, отличаются они и по назначению

Термин «варт», «варти» изначально проходит в древних видах одежды из шкур животных и зверей и означает линию разреза снизу вверх, с ориентацией на середину и изголовье. Механически это название было перенесено на войлочный тип одежды. Бурки «верти», «варти» конструируются таковыми ещё в процессе раскладки сырья. Этот прогрессивный момент утвердился в дальнейшем в названии бурки и указывал на его качественную сторону. Немаловажную роль в этом сыграли новые орудия, применяемые в процессах обработки шерсти – ножницы для стрижки овец, чесалка, лучок. Иначе говоря, к своему качественному скачку войлок типа «бото» пришёл к типу одежды «верта», поэтому, в иных случаях, последний термин может говорить и о хорошем качестве войлока.

Первые признаки орнаментирования шерстяных изделий появляются на древних видах бурок. Процессы уваливания древних видов войлока давались очень легко, вплоть до того, что их пускали на самотёк. Шерсть отличалась высокой способностью превращаться в войлок. Так и изыскивали способы внести в сырьё грубую косицу или растительное волокно. Изобрели орудие для добычи косицы со шкур зверей – «тхаду» Поэтому возникает версия, что наши предки в наличии имели преимущественно козью шерсть. Среди ранних орнаментов в качестве украшений мы находим переkreщенные козлиные рога – «хора малаш», параллельные – «хири малаш». Затем они активно сменяются винтообразными бараньими рогами – «кан малаш», «кош». Видимо симпатии сменились в сторону овцы, когда в хозяйстве возросла потребность в качественном сырьё – овечьей шерсти, что было обусловлено активизацией ткацкого производства.

Бурочное производство, которое зародилось и развивалось в горной части Чечни, постепенно утверждается в близлежащих сёлах Дагестана и низлежащих равнинных сёлах Чечни, где в середине XIX – начале XX века приходит к своему расцвету. За горной зоной закрепляется роль основного

поставщика сырья. На равнинной территории, в частности, в Большой Чечне, плюс к нему Надтеречный участок, оформляется крупный район бурочного промысла. Получило широкое распространение производство войлочных полотен, лучшая часть из которых представлена декоративным искусством, истоки которого находятся в формах хозяйственной деятельности чеченцев.

Уровень производства войлочно-валяльных изделий, включающий и мелкие войлочные изделия, в Чечне оставался высоким. Исследователи кустарных промыслов Кавказа отмечали искусство чеченских мастериц в этом виде производства, выделяя целый кумыко-чеченский район. Промысел исключительно был сосредоточен в руках женщин.

Войлочно-валяльный промысел на Северном Кавказе представлял большую значимость для экономического состояния населения, составляя доход на одну семью в среднем: валовой – 445 руб., чистый – 250 руб. В конце XIX века в Терской области на продажу было произведено войлочно-валяльных изделий на сумму более 1,3 млн. рублей²⁹⁴. По степени развития этот промысел в изучаемый период стоял выше суконного.

Ткацкое ремесло чеченцев.

Носители Северокавказской культуры издавна занимались домашним ткачеством, о чём свидетельствуют многочисленные археологические находки на древних поселениях, как-то: проколки, шилья, гребни, пряслица, отпечатки тканей на глиняных сосудах. В отличие от простого сучения и плетения, ткачество является более сложным производством, основанным на принципе переплетения нитей основы и уточной. В нём участвуют не просто отдельные орудия труда, а совокупность приспособлений, соединённых между собой в строгой последовательности – это ткацкий стан, который сыграл поистине революционную роль в истории человечества.

Чеченцы, как и другие народы Северного Кавказа, очень рано приобщились к ткацкому ремеслу, тому свидетельство, прежде всего, богатая

²⁹⁴ Маргграф О. В. Указ. соч. – С. 281, 283.

терминологическая база, обслуживающая промысел. Термины имеют ярко выраженную нахскую этимологию и относятся к древнему пласту нахских языков. Все процессы и приёмы производства системно отработаны. Зафиксированы ткацкие станы двух видов, один из которых в изучаемый период относился к ряду универсальных.

На ткацком стане универсального назначения чеченские женщины ткали грубое сукно для одежды и постельных принадлежностей, а также паласы и ремни разных назначений. Безворсовые ковровые полотна производили на другом стане, конструкция которого несколько отличалась от первого.

Изучение тканых изделий в данной главе мы построили в следующей последовательности.

Суконный промысел. По своему качеству и степени распространённости суконный промысел чеченцев в дореволюционное время занимает четвёртое место после дагестанского, осетинского и кабардинского и стоит выше, чем у кочевников, русских переселенцев и казаков. Особо выделены Грозненский округ и Кумыкская плоскость (с центром Хасав-Юрт), поставляющие сукно, главным образом, Затеречному и Сунженскому казачеству, а горское население этих мест само производило сукно для собственного потребления²⁹⁵. Сукно подразделялось на четыре вида: для одежды (черкеска, женское платье, башлык), для стёганных одеял, накидок для пастухов и разновидностей мешков хозяйственного назначения. В этой последовательности можно судить и о качестве суконного материала.

Во второй половине XIX века в каждой горской семье ткали сукно. Популярное название домашнего сукна – «маша» – переводится как паутина, что совпадает с его общепринятым сравнением, намекая на качественный момент. Но в сёлах обществ Итум-Кале и Галанчож было зафиксировано ещё и другое, на наш взгляд, более древнее название, относящееся ко всем тканым изделиям из шерсти – «я1 тларг1а», переводится как что-то из

²⁹⁵ Маргграф О. В. Указ. соч. – С.60, 67, 103.

сучёных нитей. В других обществах существовали отрывочные сведения о бытовании в прошлом более архаичного названия тканых изделий и упрощённых приёмов их изготовления, но сукно всё же предпочитали обозначать, как «маша».

Сукно ткали естественных тонов из белой, чёрной и серой шерсти – общепринятое правило в этом промысле. Большим спросом пользовалось серое сукно, которое преобладало в горском костюме, а серой шерсти явно не хватало. В таком случае, ранее смешивали белое и чёрное сырьё, получая серое; чуть позднее допускалось и окрашивание, и то только в женском костюме. А в период активного проникновения фабричных товаров, присутствие в костюме домотканого сукна являлось признаком принадлежности к бедным слоям. Стараясь как-то эстетизировать бедность, сукно для женского платья красили в разные приглушённые тона: коричневый, синий, зелёный. В иных случаях, подражая фабричному сукну, ткали в полоску и клетку из предварительно окрашенной пряжи. С усилением имущественной дифференциации выделились богатые, к которым нанимались мастерицы из бедных семей и ткали для них сукно и другие тканые изделия, необходимые в хозяйстве: накидки для пастухов – «тлекхулли маша», мешки – «машти», ремни разных назначений – «бухку». Работу ткачихи оплачивали шерстью. По завершению осенних работ, до наступления морозов, наёмная мастерица могла соткать два куска сукна – один хозяину, другой – себе. При этом она перерабатывала до двадцати рун шерсти.

Один товарный кусок сукна, поставляемый на общий рынок, представлял собой 16 аршин (в разрезанном виде) при ширине 10 вершков. Но на внутренних рынках местного значения прослеживается другая ситуация: стандартные размеры кусков, обычно устанавливаемые с расчётом на мужскую черкеску и женское платье, были разные при одинаковой ширине. В обществах Чаберлоя и Ведено – 16 аршин, Шароевском – 16 – 17, в сёлах Итум-Кале, Хилдехарой, Тлерла, Блавла – 18 аршин. Если в первом случае

мастерицы заготавливали на один кусок сукна шесть верётен пряжи, то в третьем – семь и более, из неё выходило соответственно – более 11 м. (16 арш. х 0,71 м.) и около 13 м. (18 арш. х 0,71 м.) сукна. Разница, примерно, в 1,5 м., в этом выражалась разница в росте и ширине плеч жителей этих обществ.

Ткачиха заготавливала для сукна одинарную пряжу, предпочитая лучшую для основы, называемой – «тха», худшую – для уточной нити – «1а», в одинаковом количестве. При чём при тканье ранних изделий вида «я1 т1арг1а» основа называлась – «1у», этот термин в древних промыслах проходит со значением активного начала действия с логическим продолжением. Термин «1а» (уток) тоже означает действие, но не активное, а пассивное. Вот это устойчивое отношение «1у – 1а», как «активное – пассивное» нашло отражение и в раннем искусстве чеченцев. Обозначение основы «тха» введено в ткацкое производство с появлением качественной настриженной шерсти, чтобы отметить этот прогресс.

Предварительно заготовленные нити переносили в два слоя на ткацкий стан, который размещали под навесом. Заряжать ткацкий стан умела не каждая женщина, а ткать умели все. Предпочитали, чтобы одну зарядку нитей, длиной в 30 – 40 локтей, соткала одна мастерица, не меняя свой стиль. Женщины одной семьи старались выработать один почерк и общие навыки при тканье, чтобы избежать самого заметного недостатка, который невозможно было скрыть и уваливанием. По этой причине не принято было устраивать вечер взаимопомощи – «белхи». За один рабочий день поздней осенью хорошая ткачиха могла соткать 7 – 8 локтей сукна, что составляло от 3,5 до 4-х метров. Работу завершала за 4 – 5 дней. Отношение к своей работе у неё было настолько серьёзное, что присутствие плохого человека и ленивой женщины было не желательно, их под любым поводом старалась проводить, а если сделать это было неудобно, то ткачиха на некоторое время откладывала работу.

Во второй половине XIX века среди чеченских мастериц наблюдается специализация на ткачих и швей, последние закупали готовое сукно и реализовывали в близлежащих рынках сшитые из него готовые изделия – черкески, башлыки, ноговицы. Из одного куска сукна шили одну мужскую черкеску или женское платье, из 3-х аршин сукна – один башлык – «башлакх» (чеч), «палчакх» (инг), из 1,5 аршин сукна – пару ноговиц.

О назначении сукна должны были знать мастерицы ещё во время обработки шерсти и заготовки пряжи, а при тканье – тем более, даже если она не имела отношение к конечному результату, и сукно уходило на рынок. Это правило. Плохой приметой считалось, если сукно использовано не по назначению. Очень расстраивалась ткачиха, когда по уважительной причине приходилось переносить заряженный стан на другое место, как бы аккуратно это за неё не сделали. А когда терялось одно из вспомогательных орудий – жди падения мастерства.

Полный цикл образования ткани состоит из таких операций, как прокладывание уточной нити – «1а диллар» – через раздвоенные нити основы, что называется «дест дар» – зевобразованием, и уплотняя их прибором – «тохар». Затем идёт перемещение наработанной ткани и основы.

Процесс ткачества включал в себя несколько этапов, отделяющихся друг от друга на 2 – 2,5 аршина по длине полотна, каждый из них имел также своё наименование, а при беседе сразу можно было определить, какая часть работы проделана. Термины имеют нахскую этимологию, как-то: «юьхь» – начало; «юьхь яьккхина» – начало покорено; «юкье» – к середине; «юкь» – середина; «юкь яьккхина» – середина покорена; «берзош» – к завершению», «дуьхьал кхочуш» – к стыковке.

Судя по многочисленным информациям, которыми мы располагаем, особое мастерство в ткацком промысле следует отметить у женщин Веденского общества, Нахч-Махка.

По свидетельству известных мастериц в прошлом Газгириевой Бахи, 1907 года рождения, и Чигаевой Кесиры, 1889 года рождения из села Бамут, в

сёлах, где проживали маълхий, аьккхий, кей, мержой, хьархарой, цлечой тоже были хорошие мастерицы, которые на напольном ткацком стане делали все тканые изделия. Из него выделяли – «чокхена маша» – сукно для черкески, пряжу для которого заготавливали из шерсти каракулевой породы овец – «исхар уьстхий» и ягнят – «тхие». Мастерицы соревновались между собой, лучшей признавали ту, чьё сукно можно было протащить без особых усилий через кольцо, что носят на пальце. Из некачественного сукна делали накидки для пастухов, но такую работу хорошим мастерицам не поручали. При уваливании работали и веселились.

Профессор Гриценко Н. П. отмечает, что, по утверждению исследователя Исламова А. А., «этим видом ремесла отличались женщины горных аулов и сёл Чечни – Ножай-Юрта, Ведено, Харачоя; Ингушетии – Яндиево, Базоркино»²⁹⁶.

Сотканное сукно снимали со стана, не разрезая, и по кругу общивали суровой нитью («лол тохар»), чтобы сохранить форму.

Уваливание, по общепринятому мнению, считалось трудной и объёмной работой, поэтому устраивали «белхи», но только в том случае, если сукно не предназначено для рынка, впрочем, как и в валяльном промысле. Сукно расстилали на разновидности плетёнки «заьлар», расположенном ближе к углу, и обливали горячей водой. Девушки босыми ногами поочерёдно становились на плетень, упираясь спиной в угол, и в то же время, опираясь на палки, что держали в обеих руках, топтали сукно, как бы вытирая ноги. Уваливание одного куска сукна завершали 10-12 работниц за одну ночь. При этом сукно садилось в длину на один локоть с десяти локтей, а в ширину уменьшалось на ширину одной ладони руки. Это обстоятельство заранее учитывалось. Уваливание давалось очень трудно, если шерсть оказывалась грубее, а порой носило изнурительный характер. Обычно из грубого сукна делали одежду и накидки для пастухов. В целях облегчения процесса

²⁹⁶ Гриценко Н. П. Указ. соч. – Грозный, 1972. – С. 197.

уваливания, женщины прибегали к разным способам. К примеру, в Чаберлое с давних пор добавляли процеженную жижу с высоким содержанием жира – «до» – припасённую ещё во время стирки шерсти. Известны так же и другие растворы – это сыворотка, обогащённая жиром.

Стирали сукно два раза: первый раз в ёмкости с применением раствора из золы, а второй раз – в проточной воде. Щелочной раствор для стирки – «кха» – готовили следующим образом: одну чашку («сахь») древесной золы просеивали, добавляли на один кувшин кипящей воды и варили то время, за которое можно было подоить корову. Раствор отстаивали и процеживали. Он имел цвет слабого чая. «Сейчас, когда я стираю шерстяную вещь государственным мылом, оно превращается в тряпку, а когда мы жили у себя дома (т. е. в горах – Т. Ш.) и стирали их в растворе золы, они становились мягкими и блестели», – отмечала информатор Ханзаева Таи из села Нагорное.

По свидетельству Газгириевой Бахи из села Бамут ингушские мастерицы стирали в сыворотке тот кусок сукна, который предназначался для изготовления башлыка.

Простиранное сукно растягивали, выпрямляли и очень туго наматывали на скалку, которую обвязывали и ставили в угол. В Большой Чечне, Малой Чечне, Чаберлое это называлось «достора биллар», а в сёлах обществ Итум-Кале, частично в Шарое, Ингушетии – «гел тохар». Оба термина имеют нахскую этимологию: в первом случае указано на завершение производственных процессов, а во втором – на формовку.

Через 1,5 – 2 суток сукно разворачивали, сушили, и оно считалось готовым.

У каждого народа Кавказа в этом плане, наряду с общим приёмами, бытовали свои особенности. Лезгины сукно «тщательно мыли тёплой водой, затем опускали в кипящую воду (если сукно следовало красить, то красили) через 5-10 минут вынимали и приступали к вялению».²⁹⁷ Вяление считалось делом исключительно женским. Разглаженное и просушенное сукно закатывали в

²⁹⁷ Агаширинова С. С. Указ. соч. – С. 66.

трубки. Как видим, лезгины мыли сукно до вяления, хотя по общепринятому правилу в шерстеобрабатывающем промысле принято уваливать изделие до стирки.

Лакцы как бы совмещали эти два процесса. После изготовления сукна было принято производить «дарклан». В корыте с водой кусок сукна мяли двое мужчин, тем самым его стирали и уплотняли. Процесс требовал больших физических усилий, поэтому его совершали мужчины. Затем сукно вынимали и растягивали следующим способом: к одной стороне куска привязывали грузы, а с другой стороны в петли просовывали два параллельных стержня, за которые тянулось сукно, что одновременно способствовало его глажению.²⁹⁸

Абхазские мастерицы готовое сукно держали периодически в кипятке, затем снимали и топтали, и это продолжалось до тех пор, пока материя не приобретала желаемую плотность.²⁹⁹

По приблизительным расчётам Маркграфа О. В., в 3-х округах Дагестана, у осетин, кабардинцев, чеченцев и кумыков производством сукна занято 51 тыс. рабочих. Они производили в год 272 тыс. кусков сукна на 2 млн. 151 тыс. руб. Тот же автор подчёркивает, что при производстве чеченского сукна интенсивное разделение труда на прях, ткачих и швей наблюдается выше, чем у осетин. Однако Хасиев С – М. А. считает, что нет точных данных по количеству производимого и продаваемого сукна, так называемого, чеченского рынка. «Безусловно, ясно одно, – уточняет он, – что производили сукна гораздо больше, чем выносилось на рынок».³⁰⁰ По мнению названного автора, исследователи игнорировали внутренний рынок, а учитывали только то количество сукна, которое поставляли Терскому и Сунженскому казачеству. Не учтены такие моменты, как специализация и дифференциация

²⁹⁸ Булатова А. Г. Указ. соч. – С. 63.

²⁹⁹ Инал -Ипа Ш. Д. Указ соч. С. 263.

³⁰⁰ Хасиев С. А. Указ. работа. – С. 66.

занятий, имевшая место внутри кумыко-чеченского рынка, которые в конечном итоге приводят к торговле.

Расцвет домашнего суконного производства приходится на середину XIX века, а со второй половины начинается его спад, хотя оно сохранялось в быту горцев на незначительном уровне вплоть до 20-х годов прошлого столетия. Интересно отметить, что домашнее сукно было вытеснено, прежде всего, из женского платья, затем – нижней одежды мужчин, а потом – постельных принадлежностей. Наконец, из него стали шить только рабочую одежду, накидки для пастухов, мешки и т. д.

Стёганные одеяла из грубого сукна, заправленные шерстяными отходами, в изучаемый период являлись не столь широко популярными в быту, как, например, матрацы и одеяла из паласов. Тем не менее, они представляют интерес. Сукно разрезали на куски по три аршина и сшивали по длине, образуя большое полотно. На одной части распределяли шерсть, покрывали второй частью и обшивали по периметру суровой нитью. Дальше делали узловое укрепление, чтобы шерсть не расходилась. Это занятие называлось «лолли дар», а результат этой работы – одеяло – «тларгlim», что переводится, как покрывающий или защищающий. Впрочем, так называли и паласное одеяло, заправленное шерстью. Для набивки паласных матрасов, кроме шерсти, использовали сено и солому. «Лоллами» могло быть и подобие рисунков, в которых нужно видеть попытку стилизованного осмысления окружающей действительности. Рисунки отличаются от орнамента войлочных ковров и стёганных одеял из фабричной ткани тем, что не составляют на полотне единой композиции, а также очевидна их архаичность.

Дольше всех домашнее сукно для одежды было представлено, как это ни странно, в башлыке. Ни одна фабричная ткань не подходила так удачно для повседневного ходового башлыка, как сукно «маша». Башлык согревал уши, шею, пояс. Когда его надевали поверх шапки в непогоду, влага стекала

по ворсинкам на косицу бурки. Поэтому горцы долго сохранили симпатии к башлыку из кустарной ткани, отдавая должное его практичности.

Ингушские женщины носили особо нарядные белые башлыки из козьего пуха. В Чечне и Дагестане это в моду не вошло.

Накидки для пастухов не утратили свою значимость в хозяйстве горцев вплоть до начала 30-х годов прошлого столетия, опять-таки из-за своей практичности. Наёмный пастух всегда имел личную накидку, которой его обеспечивал хозяин баранты, заказав у наёмной мастерицы, оплачивая её труд шерстью или овцой. Кроме того, в любом хозяйстве всегда было под рукой 1-2 изделия такого рода.

Разновидности мешков разных размеров – «тюрмиг», «гали», «машти» – сшивали из сурового сукна. На «машти» использовали весь кусок и выходил огромный мешок, в котором обычно хранили шерсть. Потребность в таких мешках из грубого сукна в овцеводческом хозяйстве горцев оставалась всегда высокой. В каждом хозяйстве их насчитывалось от 2 до 10 штук, включая и те, что выкраивали из паласного материала.

По свидетельству информатора Ибрагимова Хонкара, родом из села Цёса (Шарой), в тот период, когда хорошее сукно для одежды уже не пользовалось спросом, и его не ткали, на рынке цены на грубые накидки для пастухов возросли до двух овец за одну накидку, когда раньше можно было обменять за одну годовалую овечку.

Тем не менее, суконный промысел угас. Свои традиции ткацкое ремесло лучше сохранило в производстве тканых изделий другого рода, которые мы рассмотрим ниже.

Разновидности тканых изделий. В данный раздел мы включили паласные ткани, ремни из ткани и ковровые полотна, иначе именуемые, как безворсовые ковры. Первые два вида изготавливались на том же горизонтальном ткацком стане, что и сукно. Разница состояла лишь в том, что в этих видах изделий используемая пряжа была более грубой, предварительно сдвоенной и окрашенной в разные цвета, в зависимости от

их назначения. По этой причине они подразделялись на простые и декоративные изделия. Безворсовые ковры изготовляли на вертикальном ткацком стане. В принципе, техника тканья и способы заготовки пряжи оставались одинаковыми, но станы отличались размерами и расположением. Паласами устилали пол, украшали стены. Сшивали их в постельные принадлежности: матрацы – «гоь», «велтеш» (Итум-Кал.), одеяла – «тарглим», а также перемётные сумы – «таьлсаш», потники – «ишкап», большие прочные мешки – «машти», «маштай».

Тканые ремни представлены двумя видами: «к1удала бухку» – для кувшина-водоноса и «мехьа бухка» – для перевоза грузов. Их тоже сшивали, соображая разные виды изделий, в частности, кисеты и мешочки. Из всех перечисленных предметов можно выделить ходовые и нарядные. К последним следует отнести: паласы для украшения стен, перемётные сумы, потники и ремни для кувшина.

Производство паласов требовало меньших физических затрат в том плане, что отсутствовал изнурительный процесс уваливания, а с падением суконного производства это искусство улучшается.

Заготавливали сдвоенную пряжу, переводили в мотки и окрашивали в разные цвета. На ткацкий стан ее переносили, чередуя цвета в желаемой последовательности. Уточную нить обычно прокладывали двух тонов. Расход пряжи был в два раза выше, чем в суконном производстве, а производительность труда – в 1,5 раза. Стандартные размеры кусков колебались: в длину – от 12 до 18 локтей – для паласов и от 5 до 25 локтей – для ремней, в ширину – 10 вершков (паласы) и 1 вершок (ремни). Из одного куска паласа сшивали по одному предмету постельной принадлежности, один или два мешка, две перемётные сумы, четыре потника. Из них нарядные «конские» предметы орнаментировали простыми тесёмками и шёлком – «инзаш», ими украшали коней в торжественные дни.

В день свадьбы, самый разгар веселья, появлялся всадник, который пытался ворваться в дом. Когда конь, подстёгиваемый джигитом и эмоциями

собравшихся, переступал порог жилища, выходила навстречу невеста или одна из родственниц жениха. Они дарили всаднику что-нибудь из приданого невесты, припасённого на этот случай: кисет из ткани, красочный мешочек-намордник для коня или перемётную суму.

В сёлах Ингушетии и Маълхисты, молодые мастерицы ко дню окончания уразы ткали что-то подарочное для первого, кто придёт поздравить её с этим днём, и выставляли изделие на самое видное место в доме, чтобы об этом быстро становилось известно в селе. Молодые джигиты старались первыми попасть в тот дом, тем более, подарок вручала сама мастерица. В конце дня подводили итоги, чей подарок был лучше. Каждый хвалил «свою» мастерицу.

Красочные лентообразные ремни «бухка» имели в хозяйстве, как бытовое, так и эстетическое назначение, и ткали их с учётом этих особенностей.

За один заряд стана можно было соткать 5 м. ходового ремня, из которого при желании получали 2 одинаковых ремня.

Самые яркие и качественные из них составляли обязательную часть приданого невесты: каждая девушка заготавливала до десяти и более разноцветных ремней в качестве подарков для родственников мужа.

Если декоративные войлоки «кърза истанг» производили не во всех сёлах и обществах Чечни, то красочные паласы и ремни являлись в этом плане исключением. Разноцветная гамма этого промысла вносила оживление в быт каждой крестьянской семьи. При обмене на рынке паласные ткани оценивались в стоимость сукна, при этом брали во внимание одинаковый расход пряжи, а процесс уваливания приравнивался к двум процессам – сучению двойной пряжи и её крашению. Особо красочно-пёстрые паласы шли по более высокой цене.

Исследователи кустарных промыслов Кавказа не приводят каких-либо данных по производству этого вида тканых изделий. Относительно Чечни они так же отсутствуют. Но мы попытались в какой-то степени решить эту задачу. Если взять четыре общества – Веденское, Ножай-Юртовское, Итум-

Калинское и Чаберлоевское, то в начале XX века (примерно 1910 год) семья из категории «юкъяра нах», т. е. со средним достатком, имела: палас напольный – 2 шт., палас настенный – 2 шт., матрацы и одеяло – до 10 шт., ремни – 4 шт., мешки паласные – 6 шт., перемётные сумы – 2 шт., конские потники – 2 шт. Итого 28 шт., не включая такие мелкие вещи, как мешочки-кисеты и т. д. На производство вышеназванного количества изделий требуется более 132 верётен пряжи, для её окрашивания – не менее 20 напёрстков красителя.

Таким образом, значимость такого рода изделий в хозяйстве была высокой. По декоративности они уступали художественным войлочным коврам, а по своей практичности были востребованы на уровне широкого потребления.

Производство безворсовых ковровых полотен по степени распространенности уступало производству вышеописанных изделий. В высокогорных районах оно вообще не практиковалось. Мастерицы этих мест отдавали приоритет изделиям, производимым на универсальном стане, чтобы не заряжать два стана. Конструкция вертикального стана такова, что на практике он более хлопотлив и имеет узкое назначение. Преимущественная зона его бытования – предгорная, в частности, сёла Веденского и Ножай-Юртовского обществ. Размеры ковра закладывали одновременно при установке нитей, разумеется, что сшивать отдельные части изделия уже не приходилось, что особо учитывалось при ценообразовании. Производили ковры только с декоративными мотивами, выраженными клеточным и линейным орнаментами. Цветовую гамму подбирали до пяти и более тонов, в зависимости от их назначения.

Ткацкие станы: установка и технология тканых изделий

Ткацкие станы, практикуемые издревле в домашнем хозяйстве, представляют собой совокупность приспособлений, соединённых между собой в определённой последовательности. В результате этого достигается принцип,

на котором основано ткачество: пересечение нитей основы и утка, образуя при этом элементы ткани. Изобретение ткацкого стана поистине сыграло революционную роль в истории человечества, что в своё время отмечали и классики марксизма – ленинизма.

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, ткали на станах архаической формы. К сожалению, их образцы не сохранились ни в одном селе, последние из них исчезли даже из музейного фонда в 50-ых годах прошлого столетия по известной причине. В начале 90-ых годов в дипломной работе нами был реконструирован универсальный вариант ткацкого стана чеченцев по эскизам, составленным по многочисленным информации наших старожил. Тогда ещё живы были известные в прошлом мастерицы: Кубаева Сахет, Закриева Сайхат, Басханова Хурма, Атабаева Баянт, которые дали высокую оценку этой работе. Таким запомнился им последний вариант ткацкого стана. Не трудно проследить и то, как он усовершенствовался от наипростейшего состояния до такого оригинального. Лучшая из мастериц Кубаева Сахет мне передавала свой практический опыт и при этом один раз сказала: «Теперь можно и умереть!». Как известно, мастерицы сами не занимались изготовлением ткацких приспособлений, но они хорошо помнили их формы и знали функции.

Универсальный ткацкий стан чеченцев был горизонтальным и состоял из 16 основных и вспомогательных предметов, соединяемых между собой во время установки пряжи. Заряжать стан умела не каждая женщина, поэтому прибегали к услугам главной мастерицы. К ней также обращались и в процессе работы, когда появлялись неполадки.

Все детали стана и вспомогательные орудия обозначены терминологией с ярко выраженной нахской этимологией.

Четыре больших кола – «г1ораш» – служили для укрепления основы стана.

На две перекладыны – «кегий г1ораш» – наматывали нити, при этом к нижней перекладыне прикладывали тростинку. Две детали – «гажарш» – имели вид перевёрнутых рогаток, соединённых между собой перекладыной,

на которой, закрепляя узлами, сооружали сплетение из суровой нити. В качестве прикладного элемента при этом использовалась так же тростинка, прикрепляемая к перекладине.

Сплетение, в котором происходило перекрещивание нитей основы, называлось – «толлу». Этимология слова связана с такой формой хозяйственной деятельности, как охота. «Толлу» сучили из нитей сухожилий, женских волос или грубой длинной косицы шерсти на массивном веретене – «г1ери урчукх», «г1ари урчукх» (чабир.). Куда желательней было для этой цели использовать молодую конскую гриву, но мужчины категорически запрещали подобным образом оскорблять достоинство коня. Применение грубой косицы было продиктовано в период расцвета ткацкого ремесла, когда явно не хватало двух первых видов сырья – сухожилий и женских волос.

Деталь «диест» служила для образования зева, что и отразилось в её названии.

В своей эволюции она прошла три этапа: от лёгкого бруска прямоугольной формы до рамки с прикреплёнными ручками, которые уменьшали расстояние между мастерицей и бердом. Благодаря ручкам, мастерице не приходилось так сильно наклоняться или часто смещать основу, что повышало производительность труда. Устанавливали «диест» между раздвоенными нитями основы.

К вспомогательным приспособлениям следует отнести, прежде всего, орудие – «хъани1», его длина соответствовала ширине основы, применялось для того, чтобы не сворачивалась сотканная часть основы. Оно также претерпело ряд изменений: от тонкой тростиночки до планки с раздвижным устройством в середине. Название восходит к названию шкуры скотины – «ниел1», которая служила, так называемой, дверью в жилище, а по серединке её всегда держали палку для растяжения, иначе она сворачивалась бы. «Дверь» открывали, поднимая шкуру вверх – «хъала». Деталь «хъани1» по

значимости ценилась наравне с основными деталями ткацкого стана. При тканье узких ремней не применялось из-за ненужности.

Орудие «тур» служит для уплотнения уточной нити и действительно напоминает меч, но только имеет две рукоятки. Отполированный до блеска грубым войлоком, при спешке он мог служить и для разрядки нитей.

Орудие «карс» имело специальное назначение – разряжать нити, оно зафиксировано двух видов. Первый представлял собой кисточку, наподобие той щётки, что над копытами у лошади. Материалом для изготовления второго вида служил маленький рожок козлёнка. Рожок очищали, во внутрь загоняли мягкий лёгкий кусочек дерева и полировали. Название имеет нахскую этимологию и состоит из двух слов: «ко» – рог, выступ и «арс» – плоскость, ограниченная с одной стороны кривой, «ко» + «арс», образующие «карс», переводится, как кривой рог. Карс – кривой рог.

Гребень «ехк» служил для выравнивания нитей основы. Частота зубцов соответствовала плотности нитей. Сверху имел закруглённую форму, удобную для выполнения функциональной операции.

Таким образом, двенадцать основных и четыре вспомогательных предмета участвовало в ткацком производстве. Более того, они имели соответствующие пропорции и, соединённые между собой без винтиков и болтиков, а только лишь пряжей, составляли единый механизм, образуя ткацкий стан.

Заряжали ткацкий стан этого вида обычно во дворе, под навесом. Четыре кола вбивали в землю приближённо к стандартным параметрам предполагаемого изделия. За ними устанавливали перекладины со средними размерами 70 – 75 см. длиной и диаметром 5 – 6 см. В два ряда натягивали нити основы – «тха», закрепляя на нижней тростиночке, приложенной к перекладине. При этом две женщины находились в разных концах и передавали клубок друг другу, главная из них находилась у активного начала – «1у». Отступив на 1/3 от активного начала, устанавливали детали «гажарш», на которые надевали перекладину. На ней, в свою очередь,

закреплялась тростиночка с узлами сплетения «толлу», где происходит пересечение нитей основы после прокладки уточной нити. Разделив нити основы на чётные и нечётные, устанавливали между ними деталь «дест». При её движении к себе нити основы натягивались и переплетались, тут же прокладывали уточную нить – «1а». Уточную нить заготавливали заранее на палочках длиной 10 – 12 см., диаметром 1 см. При её движении от себя, пряжа расслаблялась и верхняя половина нитей уходила вниз, а нижняя – поднималась. После каждого перекрещения нитей основы, прокладывали уточную нить и уплотняли. В таком режиме продолжался цикл тканья до полного завершения. В процессе ткачества мастерица работала на коленях, подложив под них мягкую подушечку – «миндар». Многое зависело от её опыта и старания. Мастерицы ткали с такой быстротой, что глазу трудно было уловить движения рук. Лучше всех по этому поводу сказал один из исследователей кустарных промыслов Кавказа А. С. Пиралов: «При описании техники местных промыслов возникают особые затруднения ясно и точно описать самые процессы обработки; это затруднительно потому, что весьма многие результаты достигаются неуловимыми движениями рук, ног и всего корпуса»³⁰¹. Если говорить о технике ткачества, то здесь заложен один принцип: идёт пересечение раздвоенных нитей основы и прокладывается уток. Все народы во все времена его соблюдали. Что касается способов реализации этого принципа на ткацком стане, то их конструкции несколько отличаются, хотя, по образному выражению Гаджиевой С. Ш., некоторые кавказские ткацкие станы напоминали друг друга. Ткацкий стан кумыков напоминал осетинский ткацкий стан или станок широко известный в литературе под названием дагестанского ткацкого стана. Ногайский ткацкий стан напоминал кумыкский, осетинский или черкесский станки³⁰². Лезгинский ткацкий стан относится также к типу осетинского или дагестанского ткацкого стана.

³⁰¹ Пиралов А. С. Указ. соч. Тифлис, 1900. – С. 58.

³⁰² Гаджиева С. Ш. Кумыки. – М., 1961. – С.78.

Изученный вариант ткацкого стана чеченцев напоминает многие горизонтальные станы народов Кавказа, в частности, даргинцев, арчинцев, аварцев и лакцев. При этом одну из деталей «гажарш» находим в горизонтальном ткацком стане для тканья ворсового ковра у казахов. Впрочем, и узконавойный ткацкий стан казахов не удивляет своим отличием от кавказских станов, не говоря о вспомогательных инструментариях, которые, по сути, идентичны.

Вертикальный ткацкий стан чеченцев представляет собой массивную раму прямоугольной формы. Средний размер – 1,5 х 1,8 м., рассчитанный на выход изделия в размере приблизительно до 1,4 х 3 м. Устанавливали его в доме или под навесом, приставив к стене, в состоянии наклона – «ми». Боковые брусья назывались «дохьарш», а те, что составляли нижнее и верхнее основания – «г1ораш». На них наматывали нити. На верхней перекладине делали узловые переплетения для прохождения нитей основы. Между раздвоенными нитями основы помещали распорку. Прокладывали уточную нить, которую затем уплотняли. Вертикальный ткацкий стан чеченцев, особенностью которого является рама, мог эксплуатироваться и как горизонтальный стан, имел он свои большие и уменьшённые варианты. Но дело в том, что станы из этой серии не практичны для тканья сукна, скажем, 16 – 18 аршин, длинных ремней и т. д. Их редко заряжали для тканья широкого коврового полотна. Универсальный ткацкий стан был практичен и долгое время очень популярен по той причине, что на нём можно было производить все виды тканых изделий. Вертикальные станы в раме с горизонтальными вариантами стали популярными после падения суконного промысла, преимущественно в предгорной зоне.

Стан, описанный И. Ю. Алироевым, с массивным основанием и управляемым гребнем³⁰³, давно и хорошо известен в кавказоведческой

³⁰³ Алироев И. Ю. История и культура чеченцев. – Грозный, 1994. - С. 125.

литературе как кумыкский³⁰⁴ и, как известно, сочетал в себе черты осетинского и дагестанского станов. Он не является чеченским. Возможно, в соседствующих районах был заимствован чеченцами по причине его широкой популярности на Кавказе.

В литературе описано множество ткацких станков народов Кавказа.

Широкую популярность имел станок типа осетинского, которым пользовались на всём Северном Кавказе. По свидетельству Б. А. Калоева, в самой Осетии каждая семья имела свой ткацкий станок³⁰⁵. На станке этого образца ткали и в некоторых ингушских обществах.

Таким образом, ткацкий стан чеченцев удачно вписывается в семью ткацких станов народов Кавказа. Известны станы двух видов: универсальный и вертикальный в раме, один из вариантов которого является горизонтальным. Ареал распространения последнего преимущественно прослеживается в предгорной зоне. Все детали стана и вспомогательные орудия обозначены терминологией с ярко выраженной нахской этимологией, наприме: диест, толлу, хьани¹, карс и т.д., - термины связаны с формами хозяйственными деятельности

Искусство окрашивания изделий.

Первые сведения о применении минеральных красителей на Северном Кавказе получены из поселения Чохской археологической культуры, датируемой VIII-VI тысячелетием до н. э. Поселенцы использовали разноцветную охру – красную, жёлтую и коричневую. Здесь же обнаружены обломки сферосидеритов, которые после обжига растирались на тёрках из речной гальки. Такие краски, смешанные с жиром, применялись для раскрашивания тела при совершении ритуальных и магических обрядов, а также раскрашивали деревянные и костяные

³⁰⁴ Гаджиева. С. Ш. Кумыки. – М., 1961. – С. 78; Она же. Материальная культура кумыков в XIX – начале XX в. – Махачкала, 1960. – С. 99-100.

³⁰⁵ Калоев Б. А. Осетины. – М., 1971.

изделия³⁰⁶. Люди Чохского поселения оставили наскальные изображения животных и солярных кругов, выполненных краской. Рисунки предположительно относятся к эпохе мезолита. Наивысшего расцвета искусство крашения достигло на Востоке, далее, проникая в другие края, оно удачно приспособлялось к местной сырьевой базе.

Первые сведения об искусстве крашения, полученные в Египте, датируются III тыс. до н. э. Здесь найдены настенные человеческие изображения в цветной одежде. Красители, как животного, так и растительного происхождения известны также с давних времён. Первое упоминание о красителе животного происхождения - пурпуре, изготавливаемой из морских моллюсков, встречается в древнеегипетских рукописях, датируемых II тыс. до н. э. Однако широкое распространение имели красители растительного происхождения, особенно марена красильная (*Rubia tinctorum*), с корнями, насыщенными красящим пигментом – ализарином. Упоминание о ней встречается в Талмуде³⁰⁷. Само название «ализарин» происходит от названия корня марены - «лизари», «ализари», который так называли в странах восточной части Средиземного моря (Леванта).

В данном параграфе автор ставит своей целью изучить вопросы традиционного восприятия цвета и приёмы крашения, принятые в практике народных мастериц чеченцев в прошлом. Слабую изученность этой темы в исторической литературе мы попытаемся восполнить этнографическими сведениями, собранными в 90 – ые годы в сёлах горной Чечни.

В обществе всё больше возрастает интерес к народным изделиям и традиционной технологии производства и крашения. Возрождение лучших национальных традиций чеченцев сегодня нельзя представить без

³⁰⁶ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шахсаидов А.Р. Указ. соч. – С. 22.

³⁰⁷ [Электронный ресурс]. <http://www.eleven.co.il/> (дата обращения: 15.02. 2011).

возрождения забытых народных промыслов, которые являются частью народной культуры.

На Кавказе марена появилась намного позже, но активно культивировалась вплоть до появления искусственных красителей. Просторные маренные плантации были в районе Дербента и Шуши на Кавказе. По свидетельству Гюльденштедта, марена произрастала на правом берегу Терека в районе Брагунов. Отсюда вывозилось и продавалось до 5 тыс. пудов сушёной или 20 тыс. пудов сырой марены. Известный краевед и этнограф А. Сулейманов отмечает, что в Чечне встречаются целые мареновые рощи – «ц1ийдаран боъра», а в лесных массивах – мареновые заросли. Из корней марены добывали красильное вещество, которое широко использовалось в хозяйстве чеченцев.³⁰⁸ Чеченское название марены – «ц1адарш» хорошо перекликается с такими словами, которые восходит к древнему пласту чеченского языка, как «ц1ий» (кровь), «ц1ие» (красный) «ц1е» (огонь, имя), «ц1а» (дом), «ц1аста» (медь), содержащими компонент «ц1» со значением красного, багряного. Представляется, что предки чеченцев были знакомы с этим растением издавна.

Корни марены продавали на внутренних рынках местного значения, а также на крупных рынках городов Кизляра, Моздока, Дербента, Грозного. Причиной её популярности в тот период является практическая значимость марены для окрашивания шерстяных изделий, в производстве которых отличался этот регион. Кавказская марена имела большой спрос со стороны текстильной промышленности России. На 40-70-ые годы XIX приходит особый расцвет этой отрасли. До 1874 года из трёх округов Кавказа – Кумыкского, Кизлярского и Грозненского – ежегодно вывозили до 80 тыс. пудов сырой марены. Вступив в конкуренцию с Европейской мареной, она полностью вытеснила её с рынка. Мареноводство являлось

³⁰⁸ Сулейманов А. С. Топонимия ... Т. IV. - Грозный, 1985. - С. 89, 165.

выгоднейшей отраслью хозяйства. Не зря говорили, что «сеять марену – сеять золото».³⁰⁹

В то же время, учёные давно интересовались необычными свойствами корня марены. В 1826 году учёные Робике и Колэн из корня марены получили ализарин в чистом виде, а в 1869 году в научной среде произошло нечто сенсационное: немецкие химики К. Грэбе и К. Т. Либерман проникнув в тайну строения ализарина, установили, что он является производным углеводорода антрацена. При накаливании цинковой пылью ализарин имеет свойство переходить в антрацен – углеводород, содержащий в каменноугольном дёгте, а также его можно обратно превратить в ализарин. Словом, был получен искусственный ализарин, который вскоре, вопреки усилиям мареноводов, проник в Россию и совершил «убийство» марены. Корни марены так и остались в земле невыкопанными. Экономический ущерб, например, мареноводам Дербента в Дагестане составил более 16 млн. рублей.³¹⁰

Исследователь кустарной промышленности кавказского края А. А. Алибегов, считал, что туземные способы крашения имеют многовековой опыт, что подтверждает скрупулёзная и технологически сложная процедура изготовления растительных красителей. Старые мастерицы, долго не признавали искусственные красители, называя «нечистыми» и упорно продолжали готовить растительные. Но менее хлопотливые, яркие и легко доступные анилиновые красители всё же одержали верх, а их качественный недостаток как-то поглотил рост торговых отношений.³¹¹

В 1874 году на страницах газеты «Тифлисский Вестник» развернулось обсуждение вопроса о судьбе кавказской марены. Автор статей С. Ходжаев пытается выяснить может ли марена существовать рядом с искусственным ализарином. Он приводит заключение известного химика А. М. Бутлерова,

³⁰⁹ Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. - Махачкала, 1970. - С. 118 -121.

³¹⁰ Там же. - С. 133

³¹¹ Труды первого съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. - Тифлис, 1913. - С. 137.

который прямо сказал, что теперь потребление её должно сильно ограничиться, а со временем она будет вытеснена из промышленности. Не утешительный прогноз дал Г. Волков, а Г. Дидковский продлил «жизнь» марене при условии недостатка искусственного ализарина и заметил, что это открытие освободит большие площади земли, занятые плантациями³¹². Химики были убеждены не только в практической выгоде, но и в качественном превосходстве искусственного ализарина. Как показала жизнь, в этом они глубоко ошибались. Анилиновые красители далеко уступали в прочности растительным красителям. Краски легко обесцвечивались, не содержали той богатой цветовой гаммы, характерной растительным красителям.

Изготовление растительных красителей и сам процесс крашения, действительно, доставляли больше хлопот, чем искусственные. Осенью начиналась заготовка сырья, его ассортимент зависел от географической полосы и окружающего села растительного мира. Но в любом районе в качестве растительного сырья для крашения, особой популярностью пользовалась марена красильная (*Rubia tinctorum*), которая давала множество цветов на красной основе. За ней следовали следующие: две разновидности зверобоя (*Hypericum*) – «лаждаран буц»; кора дуба (*Quercus cortex*) – «ножан ковст»; кора ольхи (*Alnus*) – «маъ»; скорлупа грецкого ореха (*Juglans regia*) – «блора буот»; трава чебреца (*Thymus*) – «хьожа йогла буц»; плоды шиповника (*Rosa*) – «муьргаш»; крапива (*Urtica*) – «нитташ».

Известный исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маркграф отмечал, что на первом месте были местные растительные красители, готовые привозные краски употребляются редко. Закрепители тоже преимущественно местные³¹³.

³¹² «Тифлисский Вестник». 1874. № 77. - С. 2; № 86. - С. 1-2.

³¹³ Маркграф О. В. Указ. соч. - С. 127.

Заготавливаемое растительное сырьё сушили под навесом, избегая прямого попадания солнечных лучей. После сушки сырьё дробили на мелкие кусочки. При крашении сырьё погружали в большой медный котёл и заливали водой в соотношении – 1:10. Одни мастерицы предпочитали оставить такую заготовку на несколько суток (1-3), другие сразу варили её в несколько приёмов, охлаждая попеременно. После чего туда погружали предварительно протравленное изделие, подвергающееся окрашиванию. Это универсальный рецепт, к которому в итоге прибегало подавляющее большинство чеченских мастериц. Но в разных сёлах горных районов республики зафиксировано ряд самобытных вариантов.

Мастерицы Чаберлоя чаще всего окрашивали войлоки и пряжу. Для этой цели они заготавливали кислые ягоды, измельчали их ступкой, заливали холодной водой и оставляли в течение нескольких дней. После чего туда погружали изделие для протравы и так же оставляли на пару дней. В следующем цикле, в медном котле, попеременно охлаждая, варили просушенную кору ольхи, в полученный раствор погружали протравленное изделие, которое по истечении нескольких дней выжимали, промывали в обильной воде и сушили, выбрав солнечное место.

У мастериц общества Шарой имел широкое распространение рецепт, записанный у информатора Муртазовой Забинат. Сырую заготовку коры варили в растворе золы 4-5 часов, Затем кору вынимали и сушили, а в раствор погружали изделие и оставляли там до тех пор, пока не высушится отделённая кора. Высушенную кору дробили и добавляли в ту же ёмкость, и опять откладывали на некоторое время. Потом выжимали, промывали в обильной воде, сушили на ветру и солнце. По мнению информатора, это была самая прочная краска на свете. Согласно технологии следует, что сначала из коры активно выводили при помощи щелочного раствора красящее вещество, а затем в процессе сушки кора окислялась, и ею же закрепляли краситель.

В получении зелёного цвета мастерицы испытывали определенные затруднения, так как особых растений не было. Исследователь кустарных промыслов Кавказа А. Пиралов отмечает, что на Кавказе для получения зелёного цвета мастерицы в индиго окрашивали изделия, предварительно выкрашенные в жёлтый цвет.³¹⁴

Зафиксированный в Нижнем Чаберлое способ, который, на наш взгляд, является очень давним, проще решал эту проблему. Зелёную траву, крапиву, ягоды – всё, что имеет естественный зелёный цвет, тщательно перетирали, добавляя солевой раствор высокой концентрации. Затем в эту жижу погружали окрашиваемое изделие и откладывали на 5 – 6 дней до окисления. Стирала в проточной воде и сушили на солнце. Лачки из соседнего Дагестана в подобной ситуации предпочитали раздробленные зелёные ягоды заливать холодной водой, а затем в этой ёмкости прокипятить изделие или пряжу, протравленные в течение 15 суток в моче крупного рогатого скота³¹⁵.

Вот как описывает способ окрашивания изделий у кистинских мастериц (кисты - этнические чеченцы, проживающие в Грузии – Т. Ш.) профессор Л. Ю. Маргошвили. Описывается способ окрашивания войлока в чёрный цвет корой чёрной ольхи. Красят обычно в больших котлах, кору тонко нарезали и помещали в котёл, куда опускали и окрашиваемый войлок. Сверху войлока опять клали слой коры, затем всё содержимое заливали водой и кипятили до тех пор, пока вода не выкипит до половины. Затем войлок доставали из котла, а в котёл вносили 3-4 стакана купороса и добавляли воду, доводили до кипения, после чего опять опускали войлок и варили до тех пор, пока уровень воды не опуститься почти до дна.³¹⁶ Разумеется, после такой 2-х цикличной операции с внесением закрепителя,

³¹⁴ Пиралов А. С. Краткий очерк ... - С-Пб., 1913. - С. 31.

³¹⁵ Булатова А. Г. Лакцы. – Махачкала, 1971. – С. 63.

³¹⁶ Маргошвили Л. Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX- нач. XX в. (кисты Панкиси). - Тбилиси, 1990. - С. 120.

краска была очень стойкой. Обращают на себя внимание, казалось бы, такие малозначительные моменты: в первом случае войлок варили до тех пор, пока вода не выкипит до половины, а во втором – пока уровень воды не опустится почти до дна.

Мы здесь наглядно видим следующие, заложенные в технологии, процессы, во-первых, крашения, а во-вторых, совмещённые - закрепления красителя и запарки изделия, которые применяются и в современных художественных промыслах, но только в других производственных и технологических условиях.

Войлоки и пряжу, предназначенную для красочных ремней, а также детские вещи, чеченки окрашивали в разные цвета, в том числе и яркие. Пряжу для сукна красили только в серый цвет, а бурки – исключительно в чёрный. Мастерницы соблюдали следующее правило: сначала окрашивали в яркие тона – красный, жёлтый, затем – в чёрные. После эти растворы обычно соединяли и выходили цвета с коричневой основой, называемые «хора бос», т. е. полученные в результате соединения, смешивания, представляющие два компонента. Для окрашивания крупных изделий несколько мастерниц объединяли свои усилия.

С получением анилиновых красителей технология крашения намного упростилась. Крупные изделия красили также в больших котлах. Самой распространённой мерой измерения красителей являлись: «тара» – наперсток, «ахкана» – полгорстни и «кана» – горсть. В качестве закрепителя использовали квасцы – «ачов», медный купорос – «готтуош» или соль в том же измерении. Дагестанские мастерницы, к примеру, при закреплении красильных пигментов, кроме названных веществ, использовали кислое молоко и мочу домашнего скота.

Самым большим мастерством в искусстве крашения, как растительными, так и искусственными, считается достижение ровности окрашивания. Избегая этих недостатков, мастерницы прибегали к разным приёмам, в частности, добавляли плоды шиповника и бузины.

В начале XX века в Чечне красильное дело оформляется из домашнего промысла каждой семьи в ремесло. В таких сёлах, как Дуба-Юрт, Ведено, Старый-Юрт, Нойбери Шали, Старые Атаги появились специализированные красильные мастерски, в которых работали по 3 – 5 красильщиц. К примеру, крупная красильная мастерская с. Дуба-Юрт, кроме своей округи, обслуживала ещё и Шатойское общество. По сведениям наших информаторов, за «горячий сезон» (поздняя осень – ранняя весна) в этой мастерской окрашивали до 500 войлочных полотен мастерицы только из Шатойских сёл. О. В. Маркграф, отмечая разделение труда в красильном деле в Кумыко - чеченском районе, пишет, что там есть семьи, которые имеют свои котлы и красильные материалы, к ним приходят желающие покрасить свои изделия сами за сносную сумму. Обычно окрашивают готовое изделие, а не шерсть ³¹⁷. Такие специализированные красильные мастерские были широко известны на Северном Кавказе, в частности, они активно функционировали в крупных сёлах Дагестана, как Акуша, Цудахар, Хаджал-Махи ³¹⁸.

Большое значение придавали мастерицы цветовому решению своего искусства. «Семема «цвет» в нахских языках передаётся исконным словом *буос*, от основы *бас* в результате характерной лабиализации корневой гласной *a* в закрытом слове» ³¹⁹, - пишет А. Вагапов.

В паласах, декоративных коврах преобладали красные тона («ц1ие»), с которыми они связывали представления о кровном родстве, общинном огне, здоровом цвете лица. Но в одежде его допускали только детской. Изделия, что украшали мужскую половину дома, отличались приглушенными тонами, там недопустимо было присутствие красного

³¹⁷ Маргграф О.В. Указ. Соч. - С. 128.

³¹⁸ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаев А. Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. - С.197.

³¹⁹ Вагапов А. Лексика цветообозначения в нахских языках//Материалы Всероссийской научной конференции «Интеграция науки образования и производства – решающий фактор возрождения экономики и социальной сферы в посткризисный период. – Грозный, 2003. – С. 452.

цвета. В мужской одежде были позволительны только три цвета: белый, чёрный и серый. Предпочтение отдавали серому. Для женского пространства находим некоторые смягчения, в зависимости от возраста. Относительно красного цвета, указанный автор правильно находит связь понятия красного с огнём и кровью. Тушинская форма позволяет ему восстановить правахский *цIеген*, восходящее к *кIеген*, т. е. чеч. *кIега* (раскалённый уголёк, жар)³²⁰.

Под синим цветом («сийна» или «стигал буос – цвет неба»), как это ни странно, чеченцы в прошлом имели в виду и зелёный: сийна стигла (голубое небо) и сийна аре, сийна гIа (синяя поляна, синие листья). Синие цвета связаны с мирным небом, чистой водой флорой, – в общем, с положительными эмоциями, но в то же время синий цвет упоминается наряду с чёрным в отрицательном смысле – «сен велла» (посинел).

Зелёный цвет («баьццара») обозначается в изделиях, как цвет травы («буц»), покрывающей землю, несущей смысл полноценной жизни, однако отдельно траву чеченцы опять таки называют не зелёной, а синей. Дело в том, что в первом значении слово «буц» означает «поздний».

Чёрный цвет («Iаьржа») несёт при характеристике, в основном, негативный смысл, тем не менее, он всегда преобладал в одежде народов Кавказа. Самой богатой, плодородной и желанной была чёрная земля. Чёрную землю и синее небо воспевали в песнях, ими клялись.

Жёлтый цвет («муожа») в искусстве чеченцев символизирует солнце, спелость и свет, но в то же время с ним связывают увядание природы и болезненное состояние человека.

В декоративных войлочных коврах, изготовленных в технике аппликации, присутствовало до пяти цветов – носители определённого смыслового содержания. Заметно предпочтение жёлтому цвету - символу солнца, которому поклонялись чеченцы. Любимыми сочетаниями цветов были: «жёлтый – зелёный» («солнце – растение»); «белый – чёрный» («день –

³²⁰ Вагапов А. Там же. – С. 453.

ночь»); «синий – чёрный» («небо-земля»). Совершенно отрицательный смысл вкладывали в сочетание «чёрный - красный» («земля-кровь»; «земля-огонь»).

В подобном изделии мастерицы Кубиевой Хурзадай как раз встречаются четыре цвета из перечисленных нами цветов – все, кроме красного. В нём заложен чудесный смысл на языке искусства: над чёрной плодородной землёй простирается голубое мирное небо, на Земле – полноценная жизнь, что олицетворяет зелёный цвет. Над всеми этими кругами возвышается сравнительно малый, но очень значимый для всех остальных, жёлтый круг – это Солнце, дающее свет, тепло и радость. По краям ковра мы видим абстрагированные крылья птиц, как стилизация вечного стремления к высоте, миру, счастью и свободе.

Цветовое решение в искусстве народных промыслов имело большое значение, потому что являлось не только эстетической стороной вопроса, но и носителем смыслового содержания, вкладываемого в понятие цвета. По цвету определялось практическое назначение изделия.

«Бытует мнение, что орнамент ковров – зашифрованное послание прошлых поколений будущему человечеству. В ковровых узорах обычно встречаются стилизованные изображения солярных знаков, сюжетов «рога», «древо жизни», человека, животных, орудий труда и т. п., причём, многие из них выполнены в манере изображения части вместо целого (вместо человека – рука, вместо животного – лапа, голова и т.д.)»³²¹.

Однако со временем мастерицы несколько отошли от ранних правил цветового решения, и о них просто стали забывать. Искажалась внешняя форма элементов орнамента. С усилением товарно-денежных отношений, когда производство декоративных войлочных ковров было, в основном, ориентировано на рынок, для мастериц главное заключалось в том, чтобы создать товарный эффект от сочетания цветов и элементов орнамента, чем сохранить смысловое содержание.

³²¹ Сефербеков Р. И. Аграрные культы табасаранцев. – Махачкала, 1995.- С. 41

Богатая цветообразующая лексика чеченцев обозначает оттенки, присутствующие в естественной природе и природных явлениях по принципу подобия – цвет земли, неба, солнце, родниковой воды, цветов, снега и др.). Цветовая гамма передавалась в связи с покровом диких и домашних животных - цвет волка, медведя, лисы, кошки, голубя, ворона и др. Для точной передачи цветовой палитры изделия чеченцы могут использовать сложное сочетание слов, типа – «ц1ен - сийна – можа», т. е. красно – сине – жёлтый, при этом соблюдая очерёдность преобладающего цвета. Имеют место обозначения: цвет – «буос»; однотонный – «буоси»; цветной – «босо»; бесцветный – «беси», когда окончание слова и даже произношение меняют его смысл. Кроме этого, яркие – «сирла»; жгучие – «чехка», тёмные – «таь1на»; тяжёлые – «г1ора»; спокойные – «тора»; компонентные – «хора», которые дают дополнительную информацию о цвете. А. Вагапов приводит интересное название голубого цвета – «айсийна». Как мы понимаем «айсийна» есть краткая форма от «айна сийна», т. е. светло – синий. По мнению А. Вагапова, нахские прилагательные цвета делятся на исконные и заимствованные. К исконным он относит прилагательные, служащие для обозначения основных цветов спектра³²².

О. В. Маргграф высоко ценил искусство крашения кустарей Северного Кавказа применительно к шерсти и сафьяновым козам, и ставил его выше, чем у русских кустарей. Но в то же время он отмечал, что по дереву, кости, камню окраска встречается у них очень редко и не достигает той степени искусства как у русских кустарей. Тем не менее, по его же свидетельству, туземные деревянные изделия окрашиваются охрою или мумией в кирпичный цвет или раскалённым железом выжигают коричневые пятна и полосы³²³.

³²² Вагапов А. Там же. – С. 458.

³²³ Маргграф О. В. Указ. соч. – С. 127

Как видим, в народных промыслах чеченцев широко практиковалось искусство окрашивания изделий. Тщательно отработанная технология окрашивания и богатая база цветообразующих терминов убеждает нас в том, что чеченцы издревле были знакомы с искусством крашения.

Итак, шерстеобрабатывающий промысел был очень распространенным в Чечне, так же как на всём Кавказе, этому сопутствовала хорошая сырьевая база. Благодаря экономической значимости промысла он был хорошо представлен на рынке. Традиционно промысел считался женским, так как был сосредоточен в женских руках.

В настоящее время планируется возрождение шерстяного промысла на сувенирном уровне: бурки с косицей, декоративные войлочные коврики, разноцветные ремни, ручное ткачество, искусство стегани, искусство крашения растительными красителями – всё это может быть не только забытой прошлой страницей из истории нашего народа, но и настоящей реальностью, украшающей нашу жизнь.

б) Керамические изделия.

Домашнее производство включает ряд промыслов, традиции которых уходят в глубокую древность. К этому ряду относится и гончарное производство. Начало керамического производства на Кавказе связывают с эпохой неолита - V тыс. до н.э. В Гинчинской археологической культуре эпохи энеолита представлена кухонная керамика, которая изготавливалась с большими примесями дресвы. Она лепилась в рогожьих, матерчатых формах или ленточным способом. Встречается керамика с ангобом, подвергнутой лощению³²⁴. Изготовление керамических изделий в Чечне имеет также давние традиции. Богатые залежи глины разного цвета и хорошего качества способствовали зарождению и развитию гончарного производства в Чечне, об этом свидетельствуют многочисленные находки изделий. Керамика

³²⁴ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шахсаидов А.Р. Указ. соч. – С. 39.

представлена во всех археологических культурах, имевших место в Чечне. М. Х. Багаев со ссылкой на В. И. Марковина отмечает, что керамика каякентско-харачоевской культуры своими формами и элементами орнамента обязана всему предшествующему развитию, прототипы этой керамики можно обнаружить в местных памятниках IV - II тыс. до н. э.³²⁵.

Чеченское название керамики «кхийра», по нашему мнению, имеет нахскую этимологию, связанную с древним названием общеобщинного очага - «кхие». По преданию, вокруг такого очага обжигалась сырая земля, приобретая охристо-красную окраску и, окаменевшая глина с золотистым колером, производила своеобразное впечатление на обитателей общины. Кусками её снимали с очага и использовали в разных целях, даже магических в целях устрашения. Называли такой камень - «кхийра», т. е. взятый из огня, очага. Под «кхийра» нужно понимать камень, получившийся из глины в результате обжига её огнем, словом, - это обожженная глина.

Вполне логично предполагать о заимствовании другими народами слова «керамика» из языка нахоязычных племён. Греческое слово «керamos» также напоминает другое чеченское слово - «кхерам», т. е. опасность (от «кхераму», где «му» - особенность, признак на чеберл. диалекте), которое переводится, как обожженная глина с признаком. Остаётся также предполагать, что такой камень ассоциировался с некой опасностью.

В технологии производства керамики желательно выделить два момента:

1. «Кхийра т'улг» - керамический камень, соответствующий вышеприведенному определению «кхийра».
2. «Т'улга кхийра» - каменная керамика – чисто технологическое определение, указывающее на высокое содержание в черепке дресвы - истолченного камня. Позднее эти понятия смешались, что привело к толкованию «кхийра», как камня и керамики.

На керамических сосудах и обломках самого раннего периода замечена художественная отделка, представленная искусством орнамента - налепного, вдавленного, врезного, штампованного и т.д. Наносили также

³²⁵ Багаев М. Х. Культура горной Чечни.....- С. 46

ангоб. Орнамент подчеркивал конструкцию изделия, выражал элементы окружающей среды и отличался своей простотой. Орнаменту обычно отводилась небольшая часть поверхности сосуда.

В местах производства гончарных изделий были участки земли, облюбованные гончарами, откуда на гужевом транспорте или мешках приносили глину. В изучаемый период гончарное ремесло получило большое развитие и приобрело рыночный характер. Посуду делали на гончарном круге, разных форм и объёмов, как-то: кувшины, горшки, чашки, кружки, крупные хумы для хранения зерна и жидкости. Мастера делали трубы для водопроводов, пряслица и фигурки животных. Гончарами в Чечне были исключительно мужчины. По некоторым сведениям, чеченские гончары делали не только коричневую, но и чёрную керамику, которая имела большой спрос на рынке. «Не успевали моргнуть глазом, как изделия, говорят, разбирали покупатели, несмотря на то, что она была на расчёт дороже коричневой. Свой секрет гончары не раскрывали, тем не менее, известно, что мастера в смесь добавляли бронзу. Местному населению хорошо была знакома ещё одна привычка гончаров: они всё время ходили и собирали куриные яйца, особо не объясняя, зачем и для чего это делается, на куриные яйца они также обменивали свои изделия» - свидетельствует информатор³²⁶.

Исследователи считали, что успех чеченским гончарам приносили и качественный обжиг, и хорошая полива, что вполне соответствовало действительности, в частности, О. В. Маркграф дал описание гончарного круга чеченских умельцев и, оценивая мастерство, отметил качественный обжиг и хорошую поливу, за что «чеченская глиняная поливная посуда охотно разбиралась на ярмарках и базарах». Ремесло это значительно было развито на плоскости – в сёлах Шали, Старый- Юрт, Новый – Юрт, Ташкичу, Старые Атаги, Бердыкель и др.³²⁷. Обжиг производился в специальных

³²⁶ ПЭМА: Шерипова Анисат со слов своей матери, которая была родом из с. Хал-келой.

³²⁷ Маркграф О. В. Указ. соч. - С. 275

керамических обжигательных горнах или печах. Посуду украшали орнаментом, представленном в виде углублений, кривых и волнистых линий, насечек и наклепного орнамента.

В любом доме хватало керамической посуды, женщины охотно дарили её друг другу. Относились к ней бережно. Кувшины были разных объёмов, в них хранили молочную продукцию, сыпучие, а также заливали воду. Старые женщины очень сердились, когда молодые разбивали кувшин, что случалось чаще в каменистой местности. Мы располагаем информацией, когда разбитый кувшин мог послужить причиной ссоры в доме и наказания детей старшими. Так, в одной информации сообщают, как младший брат разбил кувшин, а сестра взяла вину на себя, хотя знала, что её, как будущую хозяйку, ждало более суровое наказание. Вторая информация доносит, как злая невестка назло свекрови разбила кувшин, ударив его об фундамен. В другом случае, причиной расстройства сватовства явился факт, что девушка за один год разбила три кувшина. Это рассматривалось как грубость и неосторожность. Таких девушек в народе называли «борша йо1», т.е. «девушка мужского пола»³²⁸. Гончарами в Чечне были мужчины, хотя гончарные изделия, за исключением черепицы, труб и хум для хранения фуража, полностью предназначались в женскую сферу деятельности.

Лучшие традиции производства гончарных изделий в Чечне возрождали в Советское время на Дубаюртовской керамической фабрике ЧИАССР. В настоящее время гончарное производство в Чеченской Республике возрождается.

в) Выделка овчины и обработка кожи

Этот промысел относится к числу древнейших промысловых занятий, поскольку первый тип тёплой одежды изготавливали из шкур, ими утепляли помещения, из них делали мешкообразные предметы. Название шкур в

³²⁸ ПЭМА: информаторы Шавлаева Чачи, Басханова Хурма. Записано в 1983 году.

чеченском языке зависит от видов животных: шкуры овец и баранов называются «кхакха», коз и диких животных – «цIуока», крупного рогатого скота, в том числе и буйволов, - «наьI», лошади – «совра».

Среди археологических находок мустьерской эпохи около селения Кезеной – Ам имеются скребки с ретушью. Они использовались для соскабливания жира со шкур животных³²⁹. Информация доносит, что скребки, называемые «ванто» были с выемкой и напоминали полусогнутую ладонь. Сами шкуры в земле не сохранились. Выделка кожи – явление намного позднее. Чеченцы из овчины шили тулупы, шубы, безрукавки, разные мужские головные уборы, ноговицы, напольные шкурки и т. д., востребованные в местных природных условиях. Из одежды наиболее популярными были овечьи шубы – «кетар» - разного покроя и длины. Шуба, сшитая из овчины наизнанку, называлась «биекх». Шапки (куй) из овчины представлены разных форм: «гури куй», «горга куй», «муцIур куй». «Гури куй» - это пышная шапка, сшитая из овчины, шерсть которой имеет наилучшее качество, далее следовало бы ожидать ухудшение, спад этого качества. «Горга куй»- шапка невысокая и стриженная для ровности ворса. «МуцIур куй» - шапка, имевшая коническую форму. Безрукавки были двух видов: 1. «болох юллург», 2. «пхьуьшаш доцург». К первой относили короткие безрукавки, захватывающие верхнюю часть спины («боло»), начиная от нижнего ребра, и плечи. Ко второй относились длинные безрукавки, доходящие до бёдер. Из сыромятной шкуры крупного рогатого скота, включая буйволов, изготавливали обувь – «наьIар мачаш».

Технология обработки шкуры мало отличалась от общеизвестной на Кавказе

Снятую с животного или зверя шкуру, предварительно посолив, на некоторое время откладывали до следующего этапа работы, за это время она набирала некое необходимое качество, - весь этот процесс назывался «Iала дар». Обработка овчины и выделка кожи, являвшиеся более тяжелыми занятиями, выполнялись исключительно мужчинами. Все виды работ,

³²⁹ История Чечни с древнейших времён до наших дней. Т. 1. - Грозный, 2008. - С. 14.

связанные с изготовлением одежды из овчины, считались обязанностью женщин. Однако, если мужчина, перешагнувший молодой возраст, брался за пошив головных уборов, это только приветствовалось, с учётом, что у кавказцев, в том числе и чеченцев, особое отношение к этому одеянию. Из кожи изготавливали обувь, ремни, разновидности поясов, предметы конской упряжи. Из кожи вырезали лекало – «бустам» - с мотивами орнаментов, делали различные тесёмки и чехлы для огнестрельного и холодного оружия. К этой работе привлекали детей, особенно мальчиков. Особенно ценились футляры, сделанные из лошадиной кожи, в которых хранили знаменитые тонкие сабли «ревушая обезьяна» - «терс-маймал тур». По этому поводу в чеченском фольклоре находим:

«Совр баттахъ ва долу терс-маймал дуткъа тур»³³⁰.

(«Находящаяся в футляре из лошадиной кожи тонкая сабля «ревушая обезьяна»). Мастера знали технологию выделки и крашения кожи. Особенно ценилась кожа из козьих шкур, так как выделка сафьяна и окрашивание его растительными красителями требовали большого мастерства. Из сафьяновых лент делали шнуры, пояса, чехлы для амулетов, подушки для швейных игл.

Таким образом, производство изделий из овчины, было продиктовано их потребностью в повседневной жизни.

В настоящее время в Республике есть мастера по выделке овчины, однако в технологии выделки они используют современные химические препараты. За последнее время в Республике наблюдается заметно возросшая популярность таких изделий как накидки из овчины для водительских сидений, используемых даже в дорогих автомобилях. Водители объясняют такое обстоятельство целебным воздействием овчины на спинную часть тела, поэтому у оживлённой трассы города Грозного можно увидеть продавцов таких накидок. Среди них иногда бывают и сами мастера, к примеру,

³³⁰ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. - С. 223

известный мастер по обработке овчины Боршигов Насруддин из Новогрозного.

г) Металлообработка и ювелирное дело

Обработка металла у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, является наиболее древним ремеслом. Известно, что территория Центрального Кавказа являлась одним из крупнейших центров металлопроизводства в Европе, начиная со II тыс. до н.э. На территории современного Дагестана и Чеченской Республики (в районе села Зандак) найдены глубокие следы металлопроизводства. У окраин с. Хакмадой, Шарой обнаружены остатки металлоплавильных мастерских. Местная сырьевая база способствовала развитию этого ремесла.

Чеченским ремесленникам были хорошо известны металлы: медь, бронза, свинец, железо, сталь, золото, серебро и др. Мастера хорошо владели технологическими приемами обработки металлов, как производство, литье,ковка, сварка, термическая обработка.

К середине XIX в. в Чечне было много кузниц (пхьалг1анаш), в которых трудились мастера (пхьераш) и наблюдалась специализация на кузнецов, оружейников, ювелиров и углежогов. Мастера кузнечного дела изготавливали лемеха пашенных орудий и весь сельхозинструментарий, а также посуду и другие предметы. Заводские металлические изделия долго не выдерживали конкуренции с кустарными, так как последние были качественнее и лучше приспособлены к местным условиям.

Были целые династии высококвалифицированных потомственных кузнецов, например, в селениях Хакмадой, Верхний Туга, Старые Атаги, Джугурты, Цеча-Ахк, Шуани и др.

Существовала также отлаженная и развитая практика найма общинного кузнеца сельским обществом, которое отводило кузнецу участок земли из общественного надела, предоставляло ему право выпаса личного скота на

общинном выгоне, освобождало от натуральных повинностей. Кроме того, с каждого двора ему выплачивали по две меры кукурузы или деньгами по 50-60 коп с каждого двора³³¹. Сверх этого заказчик обязан был кормить кузнеца, помогать ему в непосредственной рабочей деятельности (доставлять уголь, раздувать меха кузнечных печей и др.) Существовала предельная норма заказов кузнецу от каждого члена общества.

При археологических раскопках на территории республики частыми находками являются металлические украшения, в том числе и из цветных металлов, а также украшения из камней (Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова, М. Х. Багаев). Украшения впервые представлены в Восточном Кавказе в артефактах Гинчинской археологической культуры. В могильниках древности и средневековья Северо - Восточного Кавказа изобилуют, к примеру, серьги: с удлинённой подвеской, крюкообразные, с напускной бусинкой; бусы из янтаря, стекла и гагата (Дай), поясные наборы (Хорочой, Дай); подвески – медальоны (Гуни, Сержень - Юрт, Дуба – юрт, Элистанжи); браслеты (Центорой, Хорочой)³³².

Это доказательство о бытования издревле на территории республики ювелирного производства. По свидетельству А. Вагапова подавляющее большинство известных металлов и камней, используемых в ювелирном деле, имеют на чеченском языке свои названия: деши – золото; дети – серебро; борза – бронза; цIаста/цIиеста – красная медь; чIиж – янтарь; жовхIар – жемчуг; ангали – стекло³³³ и др. Чеченские ремесленники-ювелиры традиционно из золота и серебра производили мужские и женские пояса; мужские кольца – печатки и газыри; женские нагрудные украшения – «туьдаргаш», пряжки – «чаьрпаз», серьги, браслеты, медальоны. Изделия выполнялись в кавказских традициях, но заметно влияние элементов

³³¹ Вертепов Г.А. Общинные кузнецы в Чечне// Терские ведомости. - Владикавказ, 1898. № 137.

³³² Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в до н.э. - XII в. н.э). - М., 2008. - С. 426, 405, 385, 428, 434-435.

³³³ Вагапов. А. Происхождение названий металлов и веществ в чеченском языке. Часть 1. <http://vaynach-vu.livejournal.com>.

соседствующих культур. Мастера владели техникой чернения, золочения и зерни. Центрами развитого ювелирного дела в Чечне являлись сёла Шали, Урус – Мартан, Атаги, Ведено, Шатой, Макажой, Шарой. К примеру, известным ювелиром в Чеберлое был Али, сын Зары (Зарай 1али) по имени матери. Его изделия были настолько популярны, что их ласкательно называли – «зареш». О них слагали песни, и каждая девушка мечтала их иметь. «Специалисты по золоту и серебру были в Ведено в тайпе Тахиевых, в Урус-Мартане – у Абдуллаевых, в Атагах – у Нинциевых и др.»³³⁴, - пишет Л. М. Гарсаев.

Изящный женский костюм горянки в обязательном порядке требовал дополнения в виде украшений, которых носили в ушах, на шее, на груди, на талии, на руках³³⁵, поэтому ювелиры были востребованы и ценимы в чеченском обществе. Г.А. Вертепов высоко ценил мастерство горских ювелиров: «Прочность огневой позолоты, кавказская «чернь» и своеобразная узорчатая резьба выделяют их из общей массы однородных изделий»³³⁶. Иной раз металлические нашивные украшения заменялись шёлковой отделкой, о чём свидетельствуют найденные в Цой-Педа женские платья-рубахи³³⁷.

В 1886 году в 21 селении Грозненского округа Терской области на 17 280 человек мужского пола приходилось 158 ремесленников, из них 11 человек были серебряниками³³⁸. Ювелирное производство выдвинулось в результате наметившейся специализации в таком развитом производстве, как обработка металла.

³³⁴ Гарсаев Л. М. Вайнахская женская одежда (конец XIX-нач. XX в.). - Грозный, 2005. - С.101.

³³⁵ Он же. Одежда чеченцев и ингушей XIX-начала XX веков. - Саратов, 2009. - С.192.

³³⁶ Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. - Владикавказ, 1897. Вып. 1. - С.25.

³³⁷ Абдулвахабова Б. Б.Средневековый костюм вайнахов как историко-культурный феномен//Чечня на рубеже веков. Материалы научно-практической конференции. Т. I I.. – Грозный, 2004. – С. 91.

³³⁸ Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) – Грозный, 1984. - С.10. Составитель Акиева Х.М.

С проникновением фабричных изделий, промысел по обработке металла пришёл в некоторый упадок, однако мастера по металлу всегда были уважаемы и востребованы в чеченском обществе, тем более они умело приспособливали свои изделия под фабричную форму. Такие хозяйственные орудия, как мотыга, грабли у кустарных мастеров получались намного прочнее, чем заводские, и всегда дороже заказывали у них даже при наличии заводских.

Таким образом, обработка металла у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, является наиболее древним ремеслом. На территории современного Дагестана и Чеченской Республики (в районе села Зандак) найдены глубокие следы металлопроизводства. У окраин с. Хакмадой, Шарой обнаружены остатки металлоплавильных мастерских. Местная сырьевая база также способствовала развитию этого ремесла.

В изучаемый период в Чечне было много кузниц с мастерами по металлу, которые изготавливали весь необходимый инструментарий, включая сельхозинвентарь. В результате специализации из кузнецов выделились оружейники, ювелиры и углежогги. Мастера по металлу были уважаемы и востребованы в чеченском обществе и после того, как проникли фабричные изделия, потому что изделия были более прочными, а заводскую форму умели копировать.

В настоящее время промысел по обработке металла в Чеченской Республике не относится к ряду исчезнувших промыслов. Особенно ярко представлен этот промысел в художественной обработке металла, в частности, изготовлении железных ворот. Мастерскими по изготовлению железных ворот особенно изобилует село Нойбиера Гудермесского района Чеченской Республики.

д) Обработка камня, дерева, кости и рога

Каменное зодчество в Чеченской республике представлено уникальными строениями – это, прежде всего, защитные каменные стены, высокие боевые, полубоевые и жилые башни, мощные архитектурные комплексы и другие жилые, хозяйственные и культовые сооружения³³⁹. Ценный вклад в изучение архитектурной культуры чеченцев внесли исследователи Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, С. Ц. Умаров, М. Б. Мужухоев, Х. М. Мамаев, И. Д. Магомадов, Д. Ю. Чахкиев, Л. Ильясов и др., которые считают, что период расцвета каменного зодчества вайнахов приходит на средневековый период³⁴⁰. Однако известный археолог Д. Чахкиев пишет, что, согласно преданиям, башенные комплексы были сооружены зодчим по имени Чочкар из селения Туга и в начале XX века. Вайнахские мастера славились во всём Центральном Кавказе. К таковым относится искусный мастер Мути из общества Хачара, который построил некоторые жилые и боевые башни Аргунского ущелья. В обществе Майста проживали зодчие Эта, Гаспар, Чочкар, Азшер и Багат³⁴¹. Мастера хорошо владели техникой рычага, своё мастерство они передавали из поколения в поколение. При сооружении башенных строений соблюдали строительные традиции, заложенные ещё в средневековый период.

Исследователь С. Ц. Умаров приводит некоторые предания о чеченских средневековых башнях и замках, из которых явствует, что в строительстве придерживались высокой организации труда и дисциплины. Среди мастеров – строителей имела место специализация - на зодчих и каменщиков. Заказчики, как правило, были состоятельные люди и выплачивали мастерам крупную сумму (50 – 70 коров). На строительство боевой башни с

³³⁹ Ильясов Л. Тени вечности. – М., 2004. – С.371-382.

³⁴⁰ Ильясов Л. Тени вечности. – М. 2004.

³⁴¹ Чахкиев Д. Ю. Мастера – строители у вайнахов в XVII – XIX в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987. - С. 100

пирамидально-ступенчатой крышей имел право только самый «лучший дом» из поселения³⁴².

Относительно башен с пирамидально-ступенчатой кровлей известно мнение Т. А. Мазаевой о том, что каменные башни Чечни поразительно напоминают обелиски, в частности, обелиски древнего Египта, символизирующие застывший луч солнца. Такое поразительное сходство (и некоторые другие причины – Т. Ш.) дают ей основание полагать, что каменные башни с пирамидально-ступенчатой кровлей на самом деле являются не боевыми, а культовыми сооружениями, посвящёнными верховному богу языческого пантеона чеченцев – богу солнца Дела³⁴³.

Как отмечает профессор Ш. Б. Ахмадов, в наше время ученые сходятся во мнении, что все строительные сооружения - жилые и боевые башни, а также склепы и святилища являются образцами местного строительства³⁴⁴.

Камень служил не только строительным материалом, из него делали и другие бытовые предметы – огромные ёмкости чашеобразной и линейной формы, пряслица, мельничные жернова, коневязи, массивные каталки для утрамбовки глиняного покрытия на крышах. Камень использовали для надмогильных плит.

Наблюдалась специализация на камнедобытчиков и камнерезчиков. Орудия труда у мастеров были примитивные. Камнедобытчики пользовались тяжёлыми металлическими ломками и кувалдами. Камень являлся достоянием общины, и его добычу регулировали определёнными правилами. Орудиями труда камнерезчиков были разновидности молотков и резцов.

Камнерезчики изготавливали надмогильные стелы – «чурты», на которых искусно высекались различные изображения в зависимости от пола

³⁴² Умаров С. Ц. Исторические предания о чеченских средневековых башнях и замках// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 97.

³⁴³ Мазаева Т. А. Каменные башни Чечни. К вопросу об интерпретации архитектурной формы. Вестник Чеченского государственного университета. 2010 г., вып.2. – С. 122-124.

³⁴⁴ Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. - Грозный, 2002. - С. 139.

погребённого и рода занятий: изображениями являются орнаменты и узоры, предметы мужской и женской одежды, быта, оружия, орудий труда. Такая традиция прослеживается и у других народов Кавказа³⁴⁵. «В надгробных памятниках искусство местных мастеров обладает художественной выразительностью, хорошей техникой и умением связывать чисто декоративные мотивы текстом, искусно переплетённым с орнаментацией, включённым в общую систему декоративного ансамбля»³⁴⁶. Однако с утверждением ислама уменьшились «чурты» с такими изображениями. Больше делали надписи – изречения из священного Корана.

Образцы надмогильных памятников доисламского и раннеисламского периодов в хорошей сохранности встречаются в Чечне, а также в вайнахских сёлах ущелья Панкиси Грузии. Многие каменные «чурты» сделанные искусно местными мастерами являются образцами декоративно-прикладного искусства вайнахов.

В настоящее время камень востребован в качестве строительного материала. Изготовление надмогильного памятника в национальных традициях и с вязью религиозного содержания, также является частью погребальной культуры чеченцев в настоящее время. Следовательно, промысел по обработке камня не относится на данное время к исчезнувшим промыслам.

Обработка дерева была особенно развита в зоне лесной полосы, что соответствует предгорью. «Если в работах XVIII века, начала и середины XIX века на значительной территории отмечены густые и непроходимые леса (Бронеvский, Норденстам, Самойлов.....), то после 70-х годов XIX века

³⁴⁵ Ализаде Айна-ханум. Лагич. - Баку, 2010. – С. 230.

³⁴⁶ Хизриев Х. А. Отражение религиозных верований и орнаментального искусства на надмогильных памятниках// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С.95.

подчёркивается уменьшение лесного покрова (Верлин, Дубровин, Ольшевский....)»³⁴⁷.

Насколько древни традиции этого ремесла, трудно установить из-за специфики материала. Поскольку дерево является строительным материалом, а также служит для изготовления различных хозяйственных орудий и предметов бытовой утвари, средств передвижения, орудий шерстеобработки, ткацкого производства, музыкальных инструментов и т. д., следует понимать, что они очень древние. В средневековый период в крае получили распространение токарные станки, на которых выполняли отделочные операции – «цлухар». Р. Даутова сообщает, что в период позднего средневековья особенно было развито изготовление деревянной посуды в горных обществах Маьлхисты и Майсты³⁴⁸. Токарная посуда различных форм орнаментирована линейными полосами, тамгами, часть из них украшена зооморфными ручками. Анализ деревянной посуды показывает, что налаженное массовое производство деревянной посуды токарной работы носило характер специализированного ремесленного производства, расцвет которого приходится, по мнению автора, на XV-XVI вв. – время значительных перемен в социально-экономическом развитии общества³⁴⁹.

Отдельные предметы мебели, сохранившиеся в частных руках, а также в школьных музеях, свидетельствует о том, что в зоне лесной полосы были квалифицированные мастера по обработке дерева. К примеру, в музее Махкетинской средней школы Веденского района хранятся, кроме многочисленных образцов деревянной посуды, различных мерок, предметов

³⁴⁷ Ахмедова К. С. История ботанических исследований на территории Чечни и Ингушетии за период с начала XVIII века по 60-ые годы XX века // Флористические исследования Северного Кавказа. – Грозный, 2011. – С. 44.

³⁴⁸ Даутова Р. А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983.

³⁴⁹ Даутова Р. А. Деревянная посуда из позднесредневековых склепов Малхисты и Майсты (Чечено-Ингушетия) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 215.

мебели, сельхозинвентаря, ткацкого инструментария, такие отдельные интересные образцы, как стул, изготовленный без единого гвоздика, т. е. вырезанный из цельного бруска дерева. Из мощных стволов дерева методом выдалбливания внутренней части изготавливали ёмкости, напоминающие современную ванну, - «*васхал*». Другим распространённым видом ёмкости, изготавливаемой таким же способом, являлась ёмкость «*нуой*», которая отличалась от «*васхал*» и формой, и более крупными размерами. В обработке дерева применяли такие примитивные орудия: аста, ванто (скребок), диерто (рубило), з1око (клювовидное орудие)

Профессор Ш. М.-Х. Арсалиев обращает внимание на то, что из хороших пород дерева делали минбар, который украшали орнаментальной резьбой или росписью или изречениями из Корана. Минбар - высокая кафедра в мечети, своеобразная трибуна с лестницей, ведущей на неё³⁵⁰.

Дерево и в настоящее время остаётся очень востребованным материалом и как строительный материал, и как материал для изготовления мебели и производства художественных изделий.

Обработка кости и рога было распространено среди чеченцев, издревле. Первое изделие из кости, найденное на Северном Кавказе, – чаша из кости мамонта, обработанная кремневым орудием, датируется верхним палеолитом. Так археолог Л. П. Семенов писал, что ремесло представляет большой интерес для освещения вопроса о зарождении орнаментального искусства³⁵¹. Из кости делали пряслица – богатые находки женских захоронений. В изучаемый период из кости и рога делали рукоятки кинжалов, пороховницы, накладки на луки, наконечники стрел, наборы для поясов, газыри, гребни, иглы и другие острые предметы. Из трубчатой кости делали музыкальный инструмент, а так же предметы принадлежности для детской люльки – «сиппа» (мочеотводы), в технике изготовления которых предусмотрено назначение по половому признаку. Предмет из козьего рога –

³⁵⁰ Арсалиев Ш. М.-Х.. Этнопедагогика чеченцев. – М., 2007. – С. 180.

³⁵¹ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг. - Грозный, 1963. - С. 114.

«карс» служил для разрядки нитей в ткацком производстве. Из кости делали красивые чётки, а чтобы придать им коричнево - красный оттенок, в течение нескольких часов их варили в жире. Такие чётки в народе назывались «висуриш». Костяные альчики, служившие для игровых развлечений детей и даже взрослых, наоборот, красили в разные цвета³⁵².

В настоящее время мы не располагаем сведениями о бытовании в Республике мастеров косторезного искусства, поэтому этот вид промысла мы относим на данный момент к числу исчезнувших промыслов.

е) Шелковое производство, изделия плетения, стегани и вышивки. Орнамент «Древо жизни»

В равнинной Чечне в конце XIX в. производилось более 800 пудов шелка-сырца.³⁵³ Чеченцам было хорошо известно как производство шелка, так и его обработка. На рынке Грозного, Хасав-Юрта и других торговых центров края чаще поступал шелк-сырец, который удовлетворял главным образом местные потребности. Исследователь Л. М. Гарсаев пишет, что из шелковичных коконов получали нить – «чиллана тай», из которой ткали шёлк для одежды, шапки, канты для украшения носков – «клинж», позументы – «хьаса». Продукция имела широкое рыночное предназначение³⁵⁴. Источник из Кунсткамеры указывает, что шёлк попал на Кавказ по Великому Шёлковому пути, а из тканей распространение получили, как привозные шёлковы ткани, так и шёлк местного производства. Более того, горские евреи из аула Мюгюджа обеспечивали всю восточную часть Кавказа шёлковыми нитками, которую сновали на прядильных станках.

³⁵² ПЭМА: информация получена от Абдурахманова Мусты, жителя села Керла-Юрт, в 1987 году.

³⁵³ Гаджиева С. Ш. Кумыки. - М., 1961. - С. 79.

³⁵⁴ Гарсаев Л. М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков. – Саратов, 2009. – С. 63.

Изделия плетения, стегани и вышивки играли важную роль в традиционном хозяйстве чеченцев. Б. Б. Абдулвахабов приводит ценные сведения о том, что материалы, извлечённые из средневековых погребальных памятников, представлены образцами золотошвейного искусства. Вышивали женскую, детскую и даже мужскую одежду шёлковыми, хлопчатобумажными и другими нитями³⁵⁵. По свидетельству этого же автора, туникообразные мужские платья-рубахи, относящиеся к периоду XVI – начала XIX века, украшались вышивкой шёлковыми нитями в линейный орнамент. По древним поверьям, вышивка была магическим оберегом от зла и болезней и располагалась в одежду там, где открывался доступ к телу³⁵⁶. Доподлинно известно, что жена героя Кавказской войны – Ача, была мастерицей по золотошвейному искусству.

Плетение является одним из древнейших видов производств после прядения, самым простым способом которого являлось сучение – все они предшествовали ткацкому ремеслу. В чеченском языке присутствует термин, обозначающий способ скручивания отдельных предметов в один – «далар»/ «ялар» и т. д. (в зависимости от классного показателя существительного). Нити животного и растительного происхождения, прутики, а также кожаные шнуры, верёвки скручивали для придания им надёжной прочности, что являлось отдельной, чрезвычайно важной, производственной операцией. Плетение, «дуцар», «юцар» и т. д. (также в зависимости от классного показателя) подразделяется у чеченцев на некоторые виды, простейшим из которых является тот, при котором изделие делают путём поочерёдного пересечения продольных и поперечных линий. К более сложному относится вид, предусматривающий сплетение двух поперечных линий, обходящих

³⁵⁵ Абдулвахабов Б. Б. Золотошвейное искусство чеченцев. Лавровский сборник: Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг. - СПб.: МАЭ РАН, 2009. - С. 228.

³⁵⁶ Она же. Традиционная одежда чеченцев XVI – начала XIX века.//Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития Российского государства. – Хасав-Юрт, 2009. – С. 22.

вокруг вертикальной. В самом сложном виде плетения, практикуемом, в основном, в плетении тесьмы, лент, шнуров, кнутов и т. д. используется от трёх до восьми линий. Мастерицы владели техникой плетения, степень сложности которой определялась по количеству линий, участвующих в плетении.

Плетёные изделия играли важную роль в хозяйстве чеченцев, к примеру, циновки («черт») из камыша служили для стеления на пол; корзины из прутьев («тускар») являлись важным сельхозинвентарём; в больших и малых сапетках («дуо») хранили кукурузу в початках; плетни из гибких прутьев («забар») – материал для жилых, хозяйственных строений, ограждений и перекрытий различного рода. Строения с плетнёвой основой являются самыми практичными, надёжными и несложными для реконструкции строений при частых природных катаклизмах, особенно землетрясениях. Довольно популярный мужской промысел по изготовлению огораживающих плетней, особенно был развит в зоне лесной полосы республики.

Широко практиковалось в быту чеченцев производство плетёных шнуров и верёвок из сырья растительного и животного происхождения; кнутов из кожного материала и, что особенно ценно, изготовление тесьмы, которая имела не столько утилитарное назначение, сколько эстетическое. Тесьмой двух разновидностей – «тлийриг» и «инзаш» – украшали женскую одежду, бурки, башлыки, черкески, газырницы, конские потники; из тонкого вида делали своеобразные пуговички и застёжки для одежды – «вета-хета». Тесьмой скрывают шов при художественной доработке всех изделий методом аппликации, особенно в декоративных войлочных коврах: она как бы выделяла и завершала линию, придавала изделию более ярко отражённую нарядность и в то же время строгость, что особенно характерно было для декоративно-прикладного искусства вайнахов. Работы, связанные с художественной отделкой шнуром или тесьмой были под силу далеко не каждой хозяйке,

поэтому войлок она могла заготовить сама, а для его орнаментирования прибегнуть к услугам более искусной мастерицы, за что делилась с ней отелочным материалом. К более ранним видам тесьмы следует отнести шнуры – «чинчурга» и «шуончурга», как плоской, так и круглой формы. В названии – «шиенчарг», «шуончарг» – сохранилась их органическая связь с природной средой – «шиен», «шуон». В особых случаях, где требовались сверхнадёжные шнурки, их изготавливали из разных по виду волокон, в том числе и волокнистых нитей сухожилий. Процесс комбинирования разных видов волокон называется «хатт дар». Комбинируются, как правило, волокна растительного и животного происхождения, но с каким-то общим свойством, в данном случае, это их волокнистое строение. Способ плетения, при котором одну ветку нити отделяли от остальных, чтобы ввести его обратно через какой-то цикл перебора, назывался – «чоха дар». Таким образом, разные виды плетёных изделий, представляющие одно из древнейших производств, и способы их изготовления, обозначенные терминами с ярко выраженной нахской этимологией, свидетельствуют о том, что с глубокой древности чеченцы владели производственными навыками, а приведённые нами термины восходят к очень глубокому пласту нахских языков.

Тесьму типа «тлийриг» и «инзаш» следует отнести к категории художественных изделий. Их изготовление также широко практиковалось у народов Кавказа. В период массового производства декоративных войлочных изделий, в наиболее крупных центрах Чечни наметилась специализация по изготовлению тесьмы. Предпочтение отдавали белой тесьме. Занимались этим промыслом преимущественно девушки. В технике плетения тесьмы использовали сложенные нити, на одном конце которых делали петлю, накидываемую на закреплённый на постороннем предмете крючок. Старые женщины крючков избегали и накидывали петлю на большой палец собственной ноги, несмотря на то, что, уплотняя тесьму разводами нитей, много раз приходилось наклоняться. Таким

образом, мастерица могла изготовить за один рабочий день до десяти метров тесьмы. Самой распространённой являлась пятипалая плоская тесьма, далее – пятипалая круглая, в производстве которых участвовали два пальца правой руки и три пальца левой, или наоборот. Техника плетения плоской тесьмы от шнуровой отличалась тем, что в первом случае мастерицы вторым пальцем своей одной руки снимала виток с четвёртого пальца другой руки, а во втором случае, делала это всё наоборот. Для украшения особо нарядных изделий изготавливалась шёлковая тесьма, как плоская, так и круглая, которые отличались от других видов тесьмы, своей декоративностью. В технике плетения декоративной тесьмы мастерица дополнительно использовала две параллельно натянутые нити, желаемой длины и толщины, закреплённые в обоих концах доски. В верхнем конце доски закрепляли и витки нитей, набрасываемые на пальцы в том же порядке, что описано выше. Процесс плетения отличался тем, что снятые с пальцев витки, каждый раз проводили через эти параллели нитей. Изготовленную, таким образом, тесьму в двух концах закрепляли узелком и сворачивали в клубки.

При декоративной отделке войлочных ковров применялась исключительно плоская тесьма. Техника плетения на пальцах художественной тесьмы владела каждая женщина, включая и девочек подросткового возраста. Её изготавливали очень много для отделочных работ декоративно – войлочных изделий. В двух чеченских обществах – Веденском и Ножай-Юртовском – особо активных в производстве подобного рода изделий на рынок – производили за год до 700-800 штук декоративно-войлочных изделий в каждом. Для художественной отделки каждого войлока требовалось от 5 до 30 метров тесьмы, в зависимости от размера полотна и сложности орнамента. Исходя из этого, за один товарный сезон в этих обществах мастерицы методом ручного плетения изготавливали более 26,2 тыс. метров отделочной тесьмы³⁵⁷. Чеченцам

³⁵⁷ Шавлаева Т. М. Указ. соч. - С. 86.

издревле была знакома техника стегани - «ахар», т. е пахать. Видимо, процесс стегани ассоциировался с прокладыванием борозды пахотным орудием, что свидетельствует о давности этого занятия в хозяйстве чеченцев. Не случайно сучёная шерстяная нить, которой стегали изделие, называется «ахниг»/ «аьхниг»/ «охунг», с корнем слова из ряда «ахар», - делающая пахоту. Стеганием изготавливали постельные принадлежности – матрацы и одеяла, предметы одежды: безрукавки короткие – «болохюллург», длинные – «пхьуьшашдоцург», тёплые ноговицы – «б1оржамаш», тёплые рукавицы – «каранаш», мужские тёплые штаны.

Интересно отметить, что на стеганых матрацах на определённом расстоянии друг от друга делали узлы, называемые «лоллами». Расстояние в один «лолл» приравнивалось расстоянию между указательным и большим пальцем средней руки, что совпадает с данными мастеров земледельческой культуры: это расстояние соблюдалось во время сева злаковых, зёрна при разбрасывании должны были ложиться также «лоллами» друг от друга, что достигалось мастерством сеяльщика. Можно сделать вывод, что появление стёганых подстилочных изделий относится к первобытному периоду развития земледелия, когда разбросанные зёрна отправляли в землю заострённой палочкой. На стёганых одеялах мы видим уже непрерывный «лолл» (борозду), ассоциируемый со вспахиваемой землёй, т. е. более поздним периодом в развитии земледелия. «Лоллами» на одеялах могли быть космогонические, геометрические, растительные, зооморфные и антропоморфные рисунки, не составляющие на полотне единой композиции, но расположенные примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Они являлись и своеобразным украшением постельной принадлежности. Пока нельзя точно указать период, когда произошло соединение отдельных рисунков

в единый орнаментальный мотив: до или после того, как нахская культура попала под влияние культуры кочевников – скотоводов степной зоны. О полном заимствовании кавказцами большинства элементов орнамента, в частности, роговидного, активно присутствующего в искусстве кочевников, на наш взгляд, не следует утверждать. Такой орнаментальный мотив выработали кочевники не потому, что они были кочевниками – степняками, а потому, что они были скотоводами, поэтому такой же элемент орнамента вполне мог появиться и в среде кавказских горцев, которые, как известно, интенсивно занимались скотоводством. Исходя из этого, следует вывод о том, сходные черты в хозяйственной деятельности разных народов способствовали формированию в определённой степени сходство и в духовной культуре.

Полного расцвета искусство стегани достигает в технике изготовления шерстяных одеял, размеры которых колебались от 1 х 1,5 м. до 1, 5 х 2, 20 м. Их производство активизировалось с поступлением в регион ткани фабричного производства со второй половины XIX века. Структура фабричной ткани, в отличие от паласного полотна, применявшегося в качестве одеял, удачно подходила для создания единого орнаментального мотива из отдельных рисунков, которые, как мы отметили выше, в ранних одеялах при их изготовлении служили не только закрепляющими узлами, но одновременно и украшением.

Исследуя декоративные войлочные ковры, мы видим повторение элементов орнамента, присутствующих в стёганных шерстяных одеялах, однако, на наш взгляд, последние являются более архаичными, потому что такие рисунки как «хуор» (соединение), «нуо» (разветвление), «злюко» (клюв), «седа» (звезда), «кан малаш» («бараньи рога») и т. д. раньше фиксируются в производстве других стеганых изделий. Признавая древнее происхождение производств войлока на основе обработки шерсти, необходимо заметить, что отделочные работы, тем более, связанные с

орнаментированием тесьмой или шнуром, зависели от других производств, более близких к искусству стегани.

Дешёвое фабричное производство стёганых одеял с геометрическим и несложным линейным орнаментом, оказало негативное влияние на домашнее производство этих изделий. Так в настоящее время, даже при наличии дешёвого сырья – шерсти, хозяйки очень редко заказывают стёганое одеяло у пожилых женщин, которые и то стегают их лёгким ромбовидным рисунком, избегая сложных мотивов орнамента. При полевых исследованиях, информатор объясняет, что таким образом мастерицы сокращают время производства, да и удобно распускать швы в случае загрязнения изделия, чтобы после стирки ткани застегать заново. Молодым хозяйкам, разбалованным достижениями современной бытовой химии и парфюмерии, не нравится специфический запах, исходящий от натуральной шерсти. Кроме того, сегодня они не входят в приданое невесты и подарочные наборы важным дамам – свекрови, тётушкам; не складываются в доме на табуретках, наряду с коврами, в качестве показателя состоятельности семьи. Однако в горной местности, в условиях повышенной сырости, самыми практичными являются постельные принадлежности из натуральной шерсти. Изученные нами различные современные, в том числе ватные, а также синтетические (пледы), используясь в быту, становились тяжёлыми и сырыми, а ночью в такой постели, кроме неприятного ощущения, возникает ещё и озноб от сырости.

Вместе с тем, матрацы и одеяла из местной шерсти всегда лёгкие и тёплые, потому что живая шерсть не впитывает лишнюю влагу, благодаря естественной сальной оболочке на волокнах. Примером могут быть бурки – своеобразные шерстяные войлочные плащи, а также башлыки – вид головного убора из домотканого шерстяного сукна, или простая накидка для пастухов из того же сукна, которые надёжно защищали горца от любой непогоды. Бурки и башлыки были настолько популярны, что иные народы

даже не могли себе представить кавказца без этого одеяния. Таким образом, практичность изделий из натуральной шерсти в горных условиях очевидна.

О давнем бытовании у чеченцев искусства вышивания свидетельствуют, прежде всего, следующие древние термины в чеченском языке: «ж1амар», «т1амар» - узор; «бустам» - орнамент; «тикма» - узор из серебристых или золотистых ниток (на платье, башлыке)³⁵⁸; «тир» - вышивка. Глагол «дага» (с кратким ударением на гласные) есть «насекать, нашивать, делать узоры, делать складки на одежде»³⁵⁹, - пишет А. Вагапов.

В грунтовом захоронении Галайтинского могильника, датируемого VI в. до н. э. – IV в. н. э. на территории Чеченской республики, была найдена бронзовая игла длиной 4, 3 см. с очень хорошо сохранившейся проушиной. Острые иголки не сохранились³⁶⁰. Ценные сведения приводит известный этнограф Б. Б. Абдулвахабова о том, что в позднесредневековых погребениях — склепах Чечни (Коротх, Цой-Педа) — часто находили женские «сумочки», внутри которых были кусочки тканей, шелковые, льняные, шерстяные и металлические (золотые и серебряные) нити, иголки в футлярах, наперстки и т.д. Технические приемы шитья не отличались от тех, что известны у соседних северокавказских народов: шитье «в прикреп», «гладь», тканье галуна и басонных изделий. По свидетельству того же автора, в Чечню поступали восточные и западноевропейские товары, в том числе, судя по материалам Кизлярской таможни, среди прочего товара, приобретаемого чеченскими купцами, было 25 «цевок» пряденого серебра³⁶¹. Вышивание золотными нитями считалось престижным мастерством.

В изчаемый период изготавливали все перечисленные плетёные и стёганые изделия, тесьму, шнуры; занимались сучением нити и вышивкой.

³⁵⁸ Исмаилов А. Слово. Размышления о чеченском языке. - Элиста, 2005. – С. 892, 265, 778.

³⁵⁹ Вагапов А. Указ. работа. – С. 7.

³⁶⁰ Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. - М.: Наука, 2008. – С. 63.

³⁶¹ Абдулвахабова Б. Б. Золотошвейное искусство - С. 228.

Материалом для них служило весьма разнообразные вещества, как животного, так и растительного происхождения. В настоящее время в сельских районах предгорья имеет место производство плетней из прутьев размером 2 x 1,5 м., их покупают для огораживания участков, а также в качестве основы для глинобитных строений. Плетни можно заказать и купить на внутренних рынках местного значения; среди пожилых женщин встречаются мастерицы по стеганию одеял, но за веретено берутся редко, чтобы сделать сучёную нить. Ручная вышивка почти исчезла.

Таким образом, у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, существовали традиции утилитарного производства плетёных, стеганых и вышитых изделий. Плетению предшествовало прядение и сучение, как древние виды производств, до возникновения ткачества. Плетёные изделия из любого подручного материала – прутьев, волокон животного и растительного происхождения и т. д., были востребованы в производящем хозяйстве чеченцев. В зоне лесной полосы большое распространение имело изготовление плетней для жилых и хозяйственных строений, а также производство предметов сельхозинвентаря. Женщины изготавливали большое количество шнуров, тесьмы, жгутов, веревок, включая и декоративную тесьму, которой украшали как одежду, так и предметы быта. Стёгаными были некоторые предметы одежды и постельные принадлежности. В искусстве стегания прослеживается глубокая связь с культурой возделывания земли, что свидетельствует о давности этого производства. Вышивка появилась намного позже. Самые ранние сведения, которые приводит Б. Б. Абдулвахабов, относятся к средневековому периоду. Технология всех приведённых изделий сопровождается терминами с ярко выраженной нахской этимологией. В данное время производство подобных изделий исчезло, за исключением изготовления плетней, стегания одеял и сучения нити на веретене.

Особо следует выделить известный орнаментальный мотив «**Древо жизни**», который присутствует в искусстве стегания одеял и аппликациях

войлочных ковров, но нам посчастливилось его зафиксировать и в чеканке металлических листов, что покрывали поверхность домашней печи, в селе Макажой у хозяйки Умисат³⁶². Орнамент «Древо жизни» представляется нам в этносознании чеченцев как органическое единство деятельности и сознания, он доносит до нас очень глубокую информацию. Тема «древа жизни» нашла воплощение в искусстве многих стран и народов. Первые представления о нём восходят к IV – III тысячелетию до н. э. - в Междуречье вокруг населенных пунктов зеленели финиковые пальмы, называемые «деревом жизни». На Северном Кавказе «древо жизни» в различных изобразительных воплощениях представлено на керамических кувшинах VII – VIII вв. Урцекского и Таргунского городищ Дагестана³⁶³.

«По традиционным представлениям (чеченцев и ингушей – Т. III.) мир един в своей воздушной, водной и земной ипостаси, ограниченном в определённом пространстве. И человек спокоен, счастлив, когда это вечное триединство гармонирует между собой», – пишет исследователь С-М. А. Хасиев. И далее: «В центре (декоративного войлочного ковра – Т. III.) изображено известное «Древо жизни», единственное, что способно пронизать все три сферы»³⁶⁴.

Орнаментальный мотив «древо жизни» имел множество вариантов и являлся наиболее любимым мотивом в искусстве народных мастериц. Обычно помещали его крупным планом по бокам или в центре изделия, что находит наглядное подтверждение в войлочных коврах известных чеченских и ингушских мастериц в прошлом – П. Лалахоевой из Назрани, Ч. Бисултановой, С. Хасиевой, А. Хутаевой из Шали, З. Мусаевой из Ведено³⁶⁵. Творческие фрагменты рисунка представлены в ковровых аппликациях

³⁶² Полевые материалы автора. с. Макажой, 2008 г.

³⁶³ Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. - Махачкала, 1989. - С. 250 – 251.

³⁶⁴ Хасиев С- М. А. Шерстяное и суконное производство чеченцев и ингушей. Плановая годовая работа за 1980 год. – Архив ЧИНИИИСФ, О.1, д. 65.

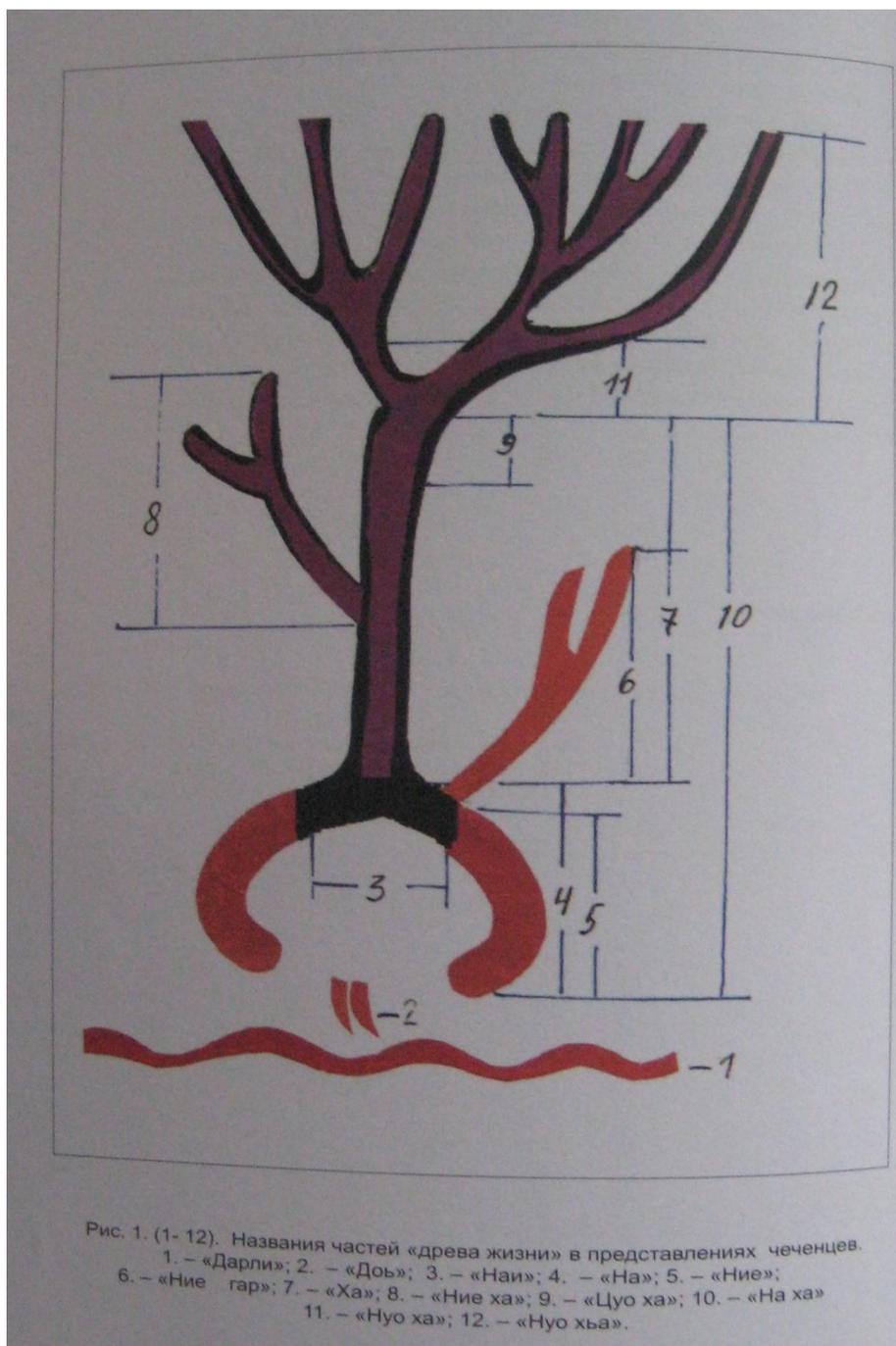
³⁶⁵ Декоративно – прикладное искусство Чечено – Ингушетии. Грозный, 1974.

мастерицы Латаевой Серижи из пос. БухIун – Юрт и изделиях стегани мастерицы Дети из села Махкеты³⁶⁶.

Таким образом, мы находим, что растительный орнамент «древо жизни» присутствует в декоративно-прикладном искусстве чеченцев и ингушей. Чтобы лучше осмыслить их представления об этом орнаменте, рассмотрим его составные части.

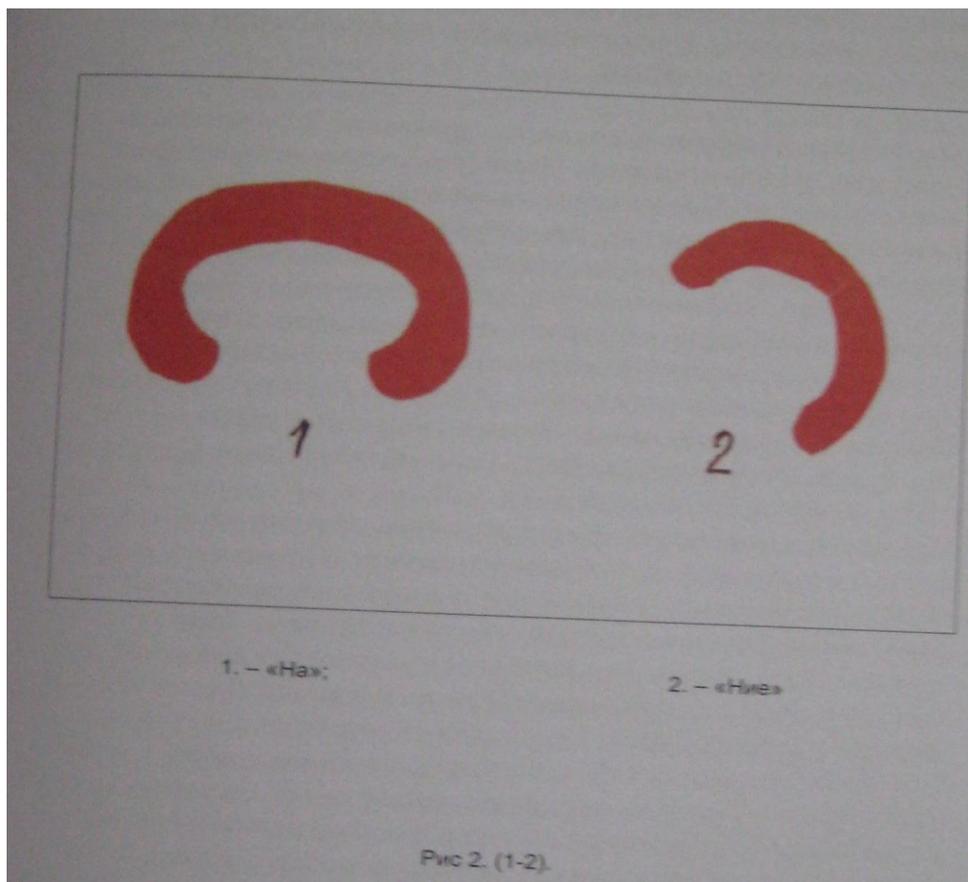
По данным наших полевых материалов разных лет, полученных от старожилков и народных мастериц, традиционное представление о «Древе жизни» (рис. 1.) у чеченцев связано, прежде всего, с мощным стволом – «Ха», устремлённым к высоте от Праматери – «На». В соединении с ней, образует ствол «На ха» - **Праматерь берегущий**, представляя силу Праматери на Земле и оберегая её. Одновременно он является символом опоры, могущества, защиты – «хан санна» и символом течения времени. Набирая силу и **мощь во времени**, в «Древе» происходят могучие и объективные процессы – «ха-ха», - подготавливающие раздвоение, разветвление ствола – «нуо даккхар» (ед. ч.), «Ной» (мн.ч.), которые можно рассматривать как первую стадию расширения его пространства. Часть ствола, в которой происходит **накопление** качества, предшествующего раздвоению называется – «Цуо ха». Отрезок от **зоны разветвления** до появления веток считается – «Нуо ха». С появлением веток начинается – «нуо гар». Затем исходит **богатое разветвление** – «Нуо хья», как символ освоения большого пространства и мира. На разветвленных ветках мы находим его плоды – «Наша». «Наша» - это культурный растительный плод в период сочного налива, склонный к спелости. В целом, плодоносящее дерево у чеченцев издревле именуется – «Наша ха», его художественная

³⁶⁶ Информация получена от Латаевой Табарик из села БухIун-юрт.

Шавлаева Т. М. Древо жизни в этнознании чеченцев в прошлом//Кавказ. Археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. – Баку, 2009. – С 352.

стилизация, осознание смысла и вознесение в этнотрадициях совпадают с «древом жизни». В переносном смысле – это плодоносящая земля, Райский уголок, Праматерь природы.

Шавлаева Т. М. Древо жизни в этносознании чеченцев в прошлом//Кавказ. Археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. – Баку, 2009. – С 353.

Чеченская традиция доносит, что первые представления о «начале» нас уводили к Праматери – «**На**» («**Наи**»), связанными или с одной из природных стихий, или с определённой (или неясной) частью земли. Присутствие у основания рисунка «Древо жизни» волнистой линии – «дарли», «дари дарли» позволяет считать, что этой стихией являлось **бурное водяное пространство**, а присутствие ломаной линии – «**сано**», «**саноли**» - наталкивает на мысль, что за «начало», за отсчёт взяты не темы стихии, а конкретный объект – «**угол**» (**часть**) **земли**, т.е. «сано».

Праматерь «**На**» («**Наи**») в своём начале единственна и многомерна. Тем не менее, под знаком, объясняющим Праматерь, всегда подразумевается присутствие сущности – «**доь**», даже тогда, когда оно не зафиксировано на плоскости. Собственно термином «**Наи**» называют центральную часть в рисунке, от которого, как бы сильным толчком, произрастает ствол «**Ха**».

Боковые части именуется чуть иначе – «**Ние**», поэтому её отдельное изображение выглядит с некоторым наклоном (рис. 2. 1-2), но разного восприятия **сущности** – «**Дюь**» - не отмечается. На стыке этих частей Праматери, или от части «**Ние**», берёт своё начало, менее по мощности в сравнении со стволом, ветка – «га», разветвление которой даёт понятие – «гар», составляя в соединении с «ние» - «**Ние гар**». Таким образом, «**Ние гар**» - это ветка, берущая начало на стыке двух частей или от боковой доли Праматери, не отделяющаяся от одной общей сущности. Заметим также, что боковой ствол, дающий ответвление от главного ствола **до его раздвоения**, является – «**Ние ха**».

По нашему мнению, в этносознании чеченцев «древо жизни» отражает начало и становление человеческой цивилизации. Прежде всего, оно показывает его единое происхождение от одной Праматери. Но под процессами раздвоения, разветвления, расширения – «**Нуо**» (ед.ч.), «**Ной**» (мн.ч.) - следует понимать только те, которые произошли в главном стволе, идущего от Праматери. Ответвления, идущие от ствола того же начала, но до его разделения, – есть «**Ние ха**», а от несредней части своего начала – «**Ние гар**». Названия частей «Древа жизни» в представлениях чеченцев включают следующие понятия:

1. – «Дарли» - гидроним, водная стихия; 2. – «Дюь» - сущность; 3. – «Наи»; 4. – «На» - Праматерь; 5. – «Ние» - другой, второстепенный; 6. – «Ние гар» - другая ветка; 7. – «Ха» - ствол, опора, время, мощь, сила; 8. – «Ние ха» - другой ствол, не главный....; 9. – «Цуо ха» - накопление: в стволе, во времени, мощи, силе; 10. – «На ха» - Праматерь берегущий, главный ствол 11. – «Нуо ха» - разветвление в стволе; 12. – «Нуо хьа» - богатое разветвление.

Мудрость философии «Древа жизни» такова, что она показывает нам зримое, сравнимое с объективными процессами, происходящими в «Древе», течение времени. Время, как и ствол, постепенно набирает мощь и силу. Как видим, каждый участок ствола имеет своё название и значение.

ё) Безотходные технологии

В домашних производствах чеченцев мы находим безотходные технологии, выработанные в течение длительной трудовой практики. Это относится и к переработке пищевых продуктов животного и растительного происхождения, и к домашним промыслам, где практически всё сырьё находило целесообразное применение. Не менее выгодное применение находило в хозяйстве чеченцев и вторичное сырьё. Рассмотрим это явление на примере применения такого вторичного сырья, как навоз.

В скотоводческом хозяйстве накапливались животные отходы, смешанные с растительными отходами, - это навоз крупного рогатого скота, овечий помёт и конский помёт, которые находили широкое применение в хозяйстве. Перепревший навоз крупного рогатого скота – «кхиелла» - являлся отличным органическим удобрением – дуьш, который аккуратно выносили на участки в специальных корзинах и приспособлениях, приготовленных для этой цели. Из свежего навоза, смешивая с растительными отходами, заготавливали кизяк – «кьюьхк» («кьюхик» – чебер.), который являлся отличным топливом преимущественно в тех местах, где испытывали недостаток дров. Навоз убирали хозяйки каждый день и откладывали в отдельное для этого место, чтобы в тёплое время делать из него кизяки. Овечий помёт отличается от навоза крупного рогатого скота зернистостью и сухостью. Накапливаясь под овцами в течение всего стойлового периода, он регулярно покрывался новым слоем из отходов сена, уплотнялся и превращался в кизяк – «г1ий». После выгона овец на пастбище его срезали квадратными брикетами и откладывали для сушки, после чего складывали в пирамидообразную форму со ступенчатой кладкой. Вид кизяка «г1ий» в качестве топлива не уступал лучшим сортам древесины. Из оставшейся золы, в том числе и древесной, варили щелочной раствор – кха, которым стирали вещи, мыли волосы и тело. Такое экологически чистое

мыло, сваренное из перегоревших животных отходов, имело целебные свойства, благоприятно действовало на кожу лица и тела, дезинфицируя и очищая её.

Кизяк использовали в качестве строительного и подстилочного материала для временных и небольших курятников, к примеру, для цыплят, выведенных ранней весной и поздней осенью, так как подобное строение не нуждалось в утеплении. Конский помёт – *пхъаж*, смешанный с глиной являлся отличной штукатуркой, поэтому его не пускали в топливное сырьё.

Таким образом, рациональное использование природных ресурсов и вторичного сырья являлось следствием длительной адаптации горцев к окружающей природной среде.

Принцип безотходных технологий, в частности, по отношению к пищевым продуктам, когда всё находит применение в хозяйстве и ничего не выбрасывается без пользы, сохраняется в настоящее время в сельской местности. Пищевые отходы идут на корм для скота и птицы. Если их нет в хозяйстве, что в селе бывает редко, хозяйка отдаёт соседям. Бывают случаи, когда молодые, которые предпочли жить в городе, привозят домой оставшиеся куски несвежего хлеба, чтобы отдать живности.

Животные отходы и птичий помёт используют для удобрения земельного участка. Правда, в районах с развитым животноводством, к примеру, с-з «Грозненский молочный - 15» Грозненского сельского района, появляются большие излишки навоза, который они весной сжигают. Конский помёт был востребован для штукатурки той стены в доме, с которой соединялась печка (до газификации), - стена не давала трещин даже тогда, когда сильно нагревалась.

3.4. Пища как соединение форм хозяйственной деятельности и домашнего производства

В последние годы в связи с нарушением экологии возникла необходимость обратиться к традиционному питанию, в надежде, что оно благотворно

скажется на здоровье и продолжительности жизни, как отдельных людей, так и этнических общностей³⁶⁷.

На тесную связь форм питания и видов пищи с хозяйственно - культурным типом правильно указывает С. А. Арутюнов: «...Весь ХКТ народа в значительной степени определяется тем набором пищевых продуктов, которые этот народ производит, и тем способом, которым он их производит».³⁶⁸ Пища – этот тот элемент материальной культуры, в которой более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддаётся заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям³⁶⁹.

Чеченское название пищи «кхача» содержит компонент «кха», ясно указывающий на обрабатываемую землю – «кха», а это значит, что первые представления о пище у чеченцев были связаны с культурой земледелия. Народам Кавказа было характерно земледельческое понятие пищи, в частности, у народов Дагестана, относящихся к нахо-дагестанской языковой группе³⁷⁰.

Пища чеченцев была двух видов: животного и растительного происхождения. Основой для пищи животного происхождения являлись мясо – «дилха», «жизиг» и молочная продукция – «маша». Из мяса выделяли мясо дичи – «экха жижиг» и рыбу – «ч1ара», их ставили на второе место после баранины и говядины. Пища животного происхождения была напрямую связана с развитым животноводством, а также с такими промыслами как охота и рыболовство.

³⁶⁷ Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001.– С. 6

³⁶⁸ Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России//Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001.– С. 14.

³⁶⁹ Арутюнов С. А. Указ. соч. – С. 10

³⁷⁰ Материальная культура аварцев. - Махачкала, 1967. – С.147; Рамазанова З. Б.. Пища народов Южного Дагестана (народности лезгинской группы) в XIX-начале XX вв. Махачкала, 2009. - 180 с.; Рамазанова З. Б.. Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в в XIX-начале XX вв. Махачкала. 2011. – 285 с.

Пища растительного происхождения – «наша» состояла, прежде всего, из зерновых – «кенан ялта». И. Ю. Алироев отмечает древность такой зерновой культуры, как ячмень – «мухх», в пользу этого суждения он приводит «аналогичные его названия в кавказских языках: дарг. мухьи, лезг. мух., цезск. махъа. Не менее древним является и название пшеницы (к1а) и проса (буорц), последнее имеет место и в бацбийском языке, где другие названия зерновых отсутствуют - пишет он. В XVIII веке в Чечено-Ингушетию проникает кукуруза, которая за короткий промежуток времени стала самой популярной культурой на всём Кавказе»³⁷¹.

К производству муки из зерновых имеют непосредственное отношение, кроме самих злаков, водяные мельницы, которых в те времена в Чечне было предостаточно. Так, по данным 1889 года,³⁷² на 10 участков Грозненского округа, не включая Грозный, с населением 173375 душ обоего пола, составляющих 3271 дворов, приходилось 983 мельниц, т. е., 1 мельница – на 176,4 душ населения, или же – на 33,3 дворов.

Из нижеприведённой таблицы видно, что наибольшее количество мельниц приходилось на горные и высокогорные районы 6-го, 5-го и 7-го участков – в среднем 1 мельница на 20,3 дворов. А в высокогорном 6-ом участке (Галанчожский и Итум-Калинский районы) 1 мельница доставалась на 15, 2 дворов. Ситуация, на наш взгляд, объясняется тем, что в этих местах были определённые трудности с перевозкой груза, поэтому водяные мельницы строили на любом удобном месте. Ближе к равнине ландшафтные условия позволяли строить мельницы несколько отдалённо друг от друга. На 10-ом участке (Надтеречный район) зафиксирована всего лишь 1 мельница на 55, 6 дворов. Наименьшее количество мельниц приходится на 4-ый участок (Гудермесский) – 1 мельница на 61, 4 дворов.

³⁷¹ Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. – С. 64.

³⁷² Статистические таблицы населённых мест Грозненской области. Т. II. Вып. VII. Грозненский округ. – Владикавказ, 1891

№ участка	Кол-во душ	Кол-во дворов	Кол-во мельниц	1 мельн. на кол-во душ	1 мельн. на кол-во дворов
1	32835	5630	140	234,5	40, 2
2	19947	4066	122	163, 5	33, 3
3	18274	3595	116	157, 5	31,0
4	16189	3626	59	274,3	61, 4
5	8659	1576	74	117, 0	21, 3
6	15528	2593	170	91, 3	15, 2
7	12352	2150	88	140, 3	24, 4
8	17396	3552	102	170, 5	34, 8
9	12553	2361	48	261, 5	49, 1
10	19644	3562	64	306, 9	55, 6
Итого	173375	32711	983	176, 3	33,2

Составлено из: Статистические таблицы населённых мест Грозненской области. Т. II. Вып. VII. Грозненский округ. – Владикавказ, 1891.

Таким образом, выясняется, что по мере усложнения горного ландшафта и уменьшения пахотной площади, увеличивается количество мельниц на душу населения, но они, как правило, были мелкие. В то же время на ближайшую округу приходила и мощная мельница, к ряду таких мельниц относилась мельница в селе Хорочой, которую сам сделал и обслуживал до старости местный мастер Сайды. Говорят, мастер Сайды обладал поистине инженерной мыслью, его мельница отличалась высокой производительностью, поэтому клиентами этой мельницы были жители Махкеты, Хоттуни и даже близлежащих сёл Дагестана³⁷³.

³⁷³ ПЭМА: информатор Закаев Зайнды, 1936 г/р. Записано 8. 08. 2008 года в селе Хорочой Веденского района.

Место, где располагалась водяная мельница, называлась – «Хьера-эшка» (ущелье мельницы). Мельницы строили сами местные мастера. В горных массивах были места специально отмеченные для добычи удачных мельничных жернов. Ремонтировали и обслуживали мельницу мужчины - мельники (хьархой). Инструментарий мельника включал такие предметы: жюв (молоток), морзах (щипцы), сто (долото), биел (лопата), нуй (веник), стокач и аста (другие инструменты). Мельники были уважаемы в селе и считались своего рода механиками. К ним часто обращались за советами, когда ситуация требовала технического решения вопроса³⁷⁴.

Мельницу называли по имени мельника, который был не только строителем, но и владельцем мельницы. Однако, по свидетельству местных жителей, в селе ШаИми-юрт в прошлом жили крупные владельцы нескольких мельниц – Алсабек и Хаджи, которые сами не принимали участие в производстве, а нанимали мельников, выполнявших все работы по обслуживанию мельницы, но мельниц всё равно называли по имени владельца. Вместе с мельниками на мельнице работали члены их семей³⁷⁵.

В то же время, почти в каждом хозяйстве имелась ручная мельница, удобная в том случае, когда надо было, на быструю руку, промолоть небольшое количество зёрна. Основой для такой мельницы служили небольшие каменные жернова, которые вращали вокруг собственной оси.

В пищевой рацион также входили фрукты, из которых выделяли ягоды – «цІазамаш»; далее следовали овощи – «хасстоьмаш», включающие клубни – «орамстом». К растительной пище мы также относим разные дикорастущие травы, употребляемые в традиционной кухне. В особом ряду среди пищевых продуктов стоит готовый к употреблению высококалорийный сладкий продукт - пчелиный мёд, который ценился не только по пищевым, но и целебным качествам.

³⁷⁴ ПЭМА: хранится у автора

³⁷⁵ ПЭМА: хранится у автора

Традиционное занятие горцев скотоводством было обусловлено выгодной эксплуатацией горной местности, что вовсе не означало отсутствие в горах пашенного земледелия и садоводства, речь идёт лишь об интенсивном хозяйственном занятии горцев. На равнине были развиты как животноводство, так и земледелие. Поэтому трудно сказать о какой-то существенной разнице в рационе пищи жителей основных хозяйственных зон - равнины, предгорья и гор, во-первых. Во-вторых, внутренние этнические общества Чечни, а также близлежащие районы России, Дагестана, Грузии и др., не были изолированными друг от друга и народы в целом не враждовали между собой, поэтому вопросы, связанные с неадекватностью области питания и области производства, разрешались без особых усилий путём натурального обмена. Источник указывает, что внутренняя торговля населения Чечни сосредотачивалась в основном в нескольких равнинных, предгорных и горных аулах – Чечен-ауле, Алды, Гехи, Гудермесе, Дарго, Шатое, Чеберлое. Торгово-экономических связи Чечни с соседними народами осуществлялись по ряду путей и дорог: мичкизская, андийская, османовская, черкесская, грузинская и др.³⁷⁶ К примеру, академик Н. А. Бердзенишвили отмечает, что между народами Северного Кавказа и Закавказья с древнейших времён существовали тесные взаимоотношения, которые продолжали быть и тогда, когда политическое и экономическое положение феодальной Грузии достигает своего наивысшего расцвета³⁷⁷.

Нельзя игнорировать региональным и сезонным характером пищи. В домашней кухне успешно отражаются материальное положение, статус и духовная культура хозяев. Очень интересны запреты (и поощрения) в пище, связанные с гендерными и возрастными особенностями.

Отрывочные сведения о пище чеченцев мы находим в работах дореволюционных авторов У. Лаудаева, К. Самойлова, М. Ковалевского, М. Я. Ольшевского, А. Н. Зиссермана, А. Ф. Ляйстери, Г. Ф. Чурсина. Из

³⁷⁶ История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. - Грозный, 2008. - С. 144.

³⁷⁷ Бердзенишвили Н.А. История Грузии. - Тбилиси, 1959. - С. 240.

современных исследователей к изучению пищи обратились исследователи И. Ю. Алироев Л. и Дадаев в работе «Пища вайнахов». Продолжением этой темы можно считать статью Б. Б. Абдулвахабовой «Пища чеченцев: традиции и новации». Тем не менее, пища чеченцев изучена слабо.

Мы попытались проследить наиболее древние традиции в чеченской кухне на примере общества Чеберлой, расположенного на юго-востоке Чечни, это чеченское общество сумело, в силу разных исторических причин, сохранить древние формы не только в языке, но в бытовой культуре.

В кухне чеберлоевцев преобладала мясная пища, которую они готовили как из свежего, так и сушёного мяса. Мясо отваривали большими кусками, а если это мясо мелкого рогатого скота - целыми частями туши. На куски мясо делили после варки, обычно это делал старший в семье мужчина, а при его отсутствии – старшая из женщин. Галушки делали крупными и круглыми. Как это ни странно, самый вкусный продукт – бульон, отдавали псам, погрузив туда кости, оставшиеся после трапезы, или превращали в помои – «диелариш». Позже, когда в «моду» вошло употребление бульона, он был включён в рацион пищи социально неактивной части населения – стариков, женщин не фертильного возраста, детей. Молодых, как-то умудрившихся «скушать бульону», при случае называли «шинара», т. е. годовалой скотиной, пьющей бульон. В древней кухне не готовили супы, и такого слова в языке чеченском не имеется. Ныне существующее чеченское название бульона и супа «чорпа» является немного перефразированным тюркским «шурпа». В родственном ингушском языке сохранилось слово «дила» (бульон), видимо, это есть общенахское название бульона.

По мнению чеберлоевцев, употребление жидких блюд расширяет желудок («зорха»), портит осанку, нагоняет лень, подавляет активность, делает частые и неуместные позывы кишечника и мочевого пузыря – всё это уподобляет мужчину с неуклюжим волом. Правило гласило: фекалии мужские должны быть зернистые, как речные камушки, настоящий мужчина – кьонаха - не должен ходить с туалетом в теле.

Исследователи С. Броневский, М. Я. Ольшевский, О. Евецкий, Н. Дубровин отмечали умеренность чеченцев в пище, а некоторые из них добавляли, что при этом они весьма ловки и сильны.

Однако есть и другие сведения, относящиеся к середине XIX века, тогда на Кавказе побывал великий русский хирург Николай Иванович Пирогов, которого, по его же свидетельству, встретили крайне гостеприимно. Врач был несколько удивлён, что чеченцы едят так много мяса, и никто не жалуется на боли в желудке. Но, увидев, что гостям всегда подают чаши с бульоном, успокоился: «Ну, раз запивают бульоном, могут есть мяса сколько хотят»³⁷⁸.

Мясо заготавливали в прок несколькими способами, самым древним из них, наверное, является «кIаро», суть его заключается в том, что в угли, оставшиеся после огня, укладывали целые туши дичи и животных, и оставляли на несколько дней. Обуглившиеся тушки, покрытые толстым слоем угля, хранили долго, наряду с другими предметами, в специальном отсеке. Интересно отметить, что при употреблении в качестве пищи, уголь особо и не снимали, как и особо не снимали его с чурека, и вообще углем не брезговали: просто встряхивали или пару раз наносили удары чем-то твёрдым, а ещё проще - ударяли обо что-то. Известны также магические свойства, приписываемые древесному углю, например, от сглаза. С древнейших времён в погребальном обряде населения Северо-Восточного Кавказа сохраняются пережитки культа очага в виде угольков, взятых из собственного очага усопшего³⁷⁹. Изложенное выше свидетельствует об особом отношении к углю – это и часть пищи, и предмет культа.

Вторым способом заготовки мяса являлся «кЪули», его делали поздней осенью – на зиму и ранней весной – на лето, потому что с ранней весны до

³⁷⁸ Алироев И., Дадаев Л. Пища вайнахов. [Электронный ресурс]. <http://zhaina.com/> (дата обращения 23. 07. 2011).

³⁷⁹ Хасиев С. А. О возможной интерпритации некоторых черт погребального обряда у древнейшего населения Северо-Восточного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. – С. 154.

поздней осени шли непрерывные циклы хозяйственных работ: подготовка сельхозинвентаря, пахота, боронование, сев, прополка, стрижка овец, жатва, сенокос и т. д. Помимо всего этого не прекращались и ремонтно-строительные работы хозяйственных и жилых помещений. Поговорка даже гласила: *хотя осенний кьюли лучше, но весенний – вкуснее*, подразумевая под этим, что весенняя заготовка предназначалась на самый напряжённый период хозяйственных работ.

Искусство изготовления «кьюли» заключалось в том, чтобы «раскроить» тушу так умело, чтобы оно составляло единое полотно, не теряя связки конечностей. Для этого отделяли от туши шейную часть, кости конечностей и лопатки. После выдержки в соляном рассоле, «кьюли» прибавали небольшими трёхгранными колыями (зайл) к стене в отапливаемой комнате, чтобы высушить. Итак, на всю стену получался мясной «ковёр», по мере высыхания которого выявлялось его «художественное» достоинство и даже вырисовывались какие-то образы, производившие своеобразное впечатление на хозяев и гостей. Красное мясо приобретало темно бардовый цвет, где местами выступали белые отложения соли, а белое жирное - под воздействием тепла - багряный оттенок, и сияло жиром, что считалось признаком его готовности. Согласно традиции, кусочек от «кьюли», в размер ладони, надо было отнести родителям, дедушкам и бабушкам, если таковые не имелись, то дядям и тётям, т.е. старшим родственникам первого круга.

Третьим способом заготовки мяса являлся обычным и универсальным, он практикуется до сих пор у чеченцев и остальных народов Северного Кавказа: после томления в соляном растворе, мясо сушится вблизи огня в проветриваемом помещении или на ветру во дворе, на чердаке и т. д. Единственное, что в настоящее время опускают одну операцию: не покрывают мясо слоем кукурузной муки в целях защиты от «деятельности» мух, так как появились другие средства защиты, в частности, сектора, сделанные из мелкой синтетической или металлической сетки.

Сушили, кроме мяса, курдюк, вымя коровы. Внутренний жир, посыпав солью, заворачивали в узелок, эта операция называлась – *муохь ехкар*. Курдюк сушёный традиционно являлся пищей воинов и косарей. Внутренний жир добавляли в тесто при выпечке чурека, а печень и почки жарили сразу же на углях после разделки туши. Рубленным ливером фаршировали кишки, в результате чего получались колбасы. Примерно так описывает известный Дагестанский этнограф М. К. Мусаева способы заготовки впрок мясных продуктов у народов Западного Дагестана³⁸⁰

На втором месте в пищевом рационе чеберлоевцев были молочные продукты, из которых ценились сыр из овечьего молока и топлёное масло из коровьего молока. Сыр готовили внутренним способом, т. е. в сычуг животного, где есть природный фермент, способствующий свёртыванию молока, заливали тёплое молоко, через некоторое время отделялась сырная масса. Такой сыр назывался «наЧхи» («наЧохи»), хранили его в рассоле небольшими кубиками. Позднее сыр стали делать и из коровьего молока и более производительным способом: молоко уже не заливали в сычуг, а, наоборот, в молоко вносили рассол, в котором мочили сычуг с ферментом, и так же отделялась сырная масса. Но этот сыр уже назывался «наХчи» («наХачи»). Такой сыр хранили в рассоле большими дольками. После того, как возросло производство «нахчи», сыр «начхи» стал лакомством, которое припасали на особые случаи. Таким образом, в одном из древнейших производств, как изготовление сыра, мы сталкиваемся с двумя технологиями: «наЧохи» и «наХачи». Эти два термина с корнями – чох - и – хач - явно указывают на два способа производства: внутренний и внешний.

По своим питательным свойствам сыр и топлёное масло считались равноценными, а при натуральном обмене шли один к одному, на стол подавали, как с сыром, так и как самостоятельное блюдо. Иной раз в кувшин откладывали маленькие кубики сыра и заливали охлаждённым маслом до

³⁸⁰ Мусаева М. К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана. – Махачкала, 2003. – С.112.

того, как оно затвердеет. Чеберлоевцы охотно употребляли в пищу все молочные продукты (кислое молоко, сыворотку, патоку), кроме сливочного масла и сметаны. Употребление в пищу сливочного масла и сметаны считалось позорным даже в детской среде, называя съевшего их «цициг» (кошка), а взрослым данное действие грозило потерей авторитета в обществе. Видимо, эти два продукта рассматривались как конкретное сырьё для получения топленого масла, особо ценимого в чеберлоевской кухне, и преждевременное употребление их в пищу рассматривалась как неумеренная прожорливость, нетерпеливость, ненасытность, характерные голодным варварам «с грязной кровью», которые пришли не созидать, а урвать и скрыться. До 70-х годов XX века среди чеберлоевцев старшего поколения, как мужчин, так и женщин, встречались такие, что ни разу не пробовали сметану и сливочное масло, однако они уже не осуждали тех, кто ест эту пищу.

Из растительной пищи чеберлоевцы отдавали предпочтение картофелю, фасоли и тыкве, очень любили жареные зерновые – «цай». Во время перебора кукурузы отбирали кочаны с редкими зёрнами на кочерыжках – «бабай царгиш» (бабушкины зубы), чтобы потом, длинными ножами, варить, жарить и печь на углях у очага.

Из прожаренного зерна кукурузы делали толокно – «цу», которое употребляли с молочными продуктами, а также смешанным с маслом с добавлением творога – «цун мажиргиш», эту пищу обычно брали в дорогу, считая очень сытной и лёгкой. Толокно приготавливалось также «из молотых жареных зёрен ячменя, проса, ржи»³⁸¹. Изготовление толокна считается первым этапом в освоении мучных блюд³⁸². Появление толокна, к примеру, в

³⁸¹ Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. – С. 136.

³⁸² Алимова Б. М. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре южных кумыков и дагестанских азербайджанцев (XIX-начале XX вв.). – Махачкала, 2007. – С. 135.

Дагестане, связывают с широким распространением зернотёрок, что относится к эпохе энеолита³⁸³.

На десерт подавали: пчелиный мёд в чистом виде и в сотах; масло, смешанное с мёдом; толокно, заправленное мёдом; галушки в мёде; мочёные фрукты, а также напиток «наша хи» - кислую воду с мочёными фруктами, подслащенную мёдом.

Когда из сливочного масла получали топленое масло, оставался вкусный осадок – «йюбкаш», куда вносили муку и жарили до готовности, в итоге получался новый продукт – «дайттах», иной раз подслащиваемый опять - таки мёдом – всё это свидетельствует о наличии в Чеберлое достаточного количества мёдовой продукции.

О широком развитии пчеловодства в Чечне писали многие исследователи (С. Броневский, Р. Ф. Розен, И. И. Норденстамм, Н. Ф. Дубровин и др.). Исследователь К. Самойлов отмечал превосходное качество здешнего мёда³⁸⁴. Профессор Ш. Б. Ахмадов приводит свидетельство Я. Штелина о том, что «мёд и воск чеченцы и ингуши добывали в огромном количестве». Далее автор указывает на показания, данные в Кизлярской гражданской канцелярии, о положении дел в Чеберлоевском обществе, где, отмечая экономическое положение горцев, некий уздень А. Агаев отметил, что «горцы весьма богаты пчёлами»³⁸⁵. Исследователь А. П. Берже писал, что обитатели низменных аулов в обмен на свой хлеб получали от горцев мёд, шерсть, шкуры, сафьян³⁸⁶. «В грамоте Ших-Мурзы, переданной им через своего племянника Батая в ноябре 1588 года в Посольский приказ царю, также указывается мёд, дарованный им Терским воеводам»,³⁸⁷ - указывает исследователь Т. А. Исаева.

³⁸³ Агларов М. А. Пища аварцев // Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967. – С. 276.

³⁸⁴ Самойлов К. Заметки о Чечне. - М., 2002 (переиздание). – С. 67.

³⁸⁵ Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX века. - Грозный, 2002. – С. 107.

³⁸⁶ Берже А. П. Чечня и чеченцы. - Грозный, 1991 (переиздание). – С. 70.

³⁸⁷ Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ, Т.9. Ч. 3. Вып. I. - Грозный, 1974. - С. 37.

Вообще, на Северном Кавказе пчеловодство, благодаря местной богатой флоре, всегда находилось на высоком уровне. В позднем средневековье только через черноморские рынки вывозилось в год до 640 тонн мёда и до 80 тонн воска³⁸⁸.

Мнение иностранных путешественников и исследователей сводится к утверждению о сдержанности народов Северного Кавказа в потреблении хмельных напитков, что не следует понимать как отсутствие хмельных напитков вообще. Не являются исключением в этом отношении и чеченцы, в том числе и чеберлоевцы, у которых мужчины готовили из ячменя и проса брагу – «ниха» и пиво – «йий», иначе называемые «шайтан-хи» (чёртова вода), а также крепкий квас – «чIагIо ко». Эти напитки являлись исключительно мужскими, и мы не располагаем такими этнографическими сведениями, где обстоятельства допускают (или оправдывают) употребление женщинами хмельных напитков. Вот что сообщает информатор из села Макажой Байсултанов Байсу: «Мне наши старшие рассказывали, что к началу пахоты всё общество собиралось и устраивало праздник. Обязательно резали бычка или овец, и готовили напиток «чIагIо ко» (крепкий квас). Пили только мужчины, молодые и среднего возраста, хотя в мероприятии участие принимало всё село»³⁸⁹. Однако дагестанские исследователи указывают на бытование и женских хмельных напитков, но они были намного слабее, чем рекомендованные мужчинам³⁹⁰.

Следует отметить, что в изготовлении хмельных напитков кавказские народы имели хороший опыт. Особенно славились на Кавказе армянские, грузинские и абхазские вина, а также осетинское пиво³⁹¹. Традиция осуждала, когда употребление напитков не выдерживало меру, поэтому хмельные

³⁸⁸ Айларова С.А., Тебиева Л. Т. Культура и хозяйство: взгляд Северо-Кавказских просветителей (кон. XVIII – XIX вв.). - Владикавказ, 2008. – С. 23.

³⁸⁹ ПЭМА: информатор Байсултанов Байсу, Макажой. 2008 год.

³⁹⁰ Мусаева М.К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана. – Махачкала, 2003. – С. 115-116.

³⁹¹ Уарзиати В. Избранные труды. Книга первая. – Владикавказ, 2007. – С.301-339.

напитки были веселящими и бодрящими - полезными. Культура пива, занесённая из Осетии, имела место и у ингушей, и у чеченцев до принятия ими ислама. Об этом свидетельствуют большие медные пивоварные котлы, похожие на осетинских³⁹².

В качестве приправы чеберлоевцы употребляли траву просушенного чабреца, дикий укроп, которые отличались душистым запахом. Из дикорастущих растений были популярны - «нитташ» (крапива), «ч1имаш» - (купырь лесной - растение со съедобным стеблем), «нохцаш» (не переводится).

Пища была повседневная, праздничная; похоронно-поминальная; гостевая; для рожениц, детей и стариков; для воинов и косарей; лечебная и т.д. Повседневная пища включала чурек и молочные продукты, реже мясные, картофель, тыкву, фасоль. Праздничная пища включала, кроме мяса, халву, курятину, мёд, ягоды и лесные орехи, пироги с сыром, тыквой. Надо отметить, что курятина являлась большим лакомством в горных районах, где, по причине нехватки зерновых, птицу держали гораздо меньше, чем овец. Похоронно- поминальная пища включала мясо с бульоном, несладкую халву, сжатая в комок в размере кулака средней женской руки, и чурек, а позднее - лепёшки тонкие без сыра и подслащенную халву.

Традиция требовала, чтобы почётному гостю подавали свежееотваренную грудинку, баранью голову, а затем только мясо. Гостевая пища включала также блюдо из птицы, мёд, орехи, овечий сыр, пироги с начинкой, брагу, если гость – мужчина.

Детям готовили каши, бульоны, яичницу, мёд в сотах предпочитали отдавать детям и старикам; роженицам – различные каши, заправленные топлёным маслом.

Самую калорийную и в то же время лёгкую пищу готовили воинам, пахарям, путникам и косарям: сушёный курдюк в мучной «шубе» и толокно

³⁹²Калоев Б. А. Осетины. – М., 2010. – С. 264.

(цу), заправленное творогом с топлёным маслом, овечий сыр, чурек, мёд. Косарям давали ещё и брагу.

Вечерняя трапеза приёма пищи называлась «*пхьор*», она обязательно включала горячее свежее блюдо, приготовленное на ужин, к которому вся семья старалась быть дома. Поощрялось, если на вечернюю трапезу заходил сосед, родственник или просто знакомый. Если на вечерней трапезе ожидалось что-то вкусное, хозяин мог их просто пригласить, «чтобы было веселей». Трапеза включала ряд обязательных правил: семья должна была быть в сборе, а после трапезы члены семьи опять могли расходиться по своим делам. Вечерняя трапеза являлась нечто большим, чем ужин: до и после трапезы обсуждались последние новости, намечались планы на следующий день, хотя во время трапезы смеяться, много разговаривать, переждать не принято было. Правило гласило: культурный человек у себя дома даже ест как гостей («Оьздачу стага шен цлахь а, хьошалглахь волуш санна юу хлума») ³⁹³. Считалось крайне неприличным, если кто-то пришёл к трапезе в чужую семью с какими-то претензиями и омрачил настроение семьи. Плохие вести для семьи не сообщали, пока не закончится в доме вечерняя трапеза. И, наоборот, самые радостные и важные вести старались донести к вечерней трапезе. Если к вечерней трапезе пришли с просьбой, не принято было отказывать. В народе рассказывают: Якуб обиженно спросил у друга Дауда, почему тот пошёл помогать Ахмаду, когда он ещё вчера утром предупредил его о том, что ему нужна его помощь в сенокосе. Дауд ответил: «Но Ахмад пришёл ко мне с просьбой на вечернюю трапезу, я не мог ему отказать». Якуб простил друга ³⁹⁴. Пришедший в чужой дом во время трапезы, должен был обязательно принять в ней участие, иначе это понималось как пренебрежение к той пище, которая приготовлена на ужин.

В чеченском фольклоре в диалоге отважных молодцов часто упоминается «красно-белое мясо» («бордаха дилха»), наряду с ним «резвый

³⁹³ Нохчийн фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990. – С. 190.

³⁹⁴ ПЭМА: записано в январе 2007 года.

напиток» («маса малар»)³⁹⁵, «городской напиток («Галара малар») ³⁹⁶, «светлая водка» («сирла къаркъа») ³⁹⁷. По сведениям из фольклора, за столом, накрытым мясом и хмельным напитком удалыцы весело проводили время.

С. А. Арутюнов выделяет систему питания, которая предполагает модель питания. Даже в архаичном Чеберлое, не говоря о равнинной Чечне, мы находим полноценную систему питания наличием таких составляющих, как набор основных продуктов и типы блюд, дополнительные компоненты, способы обработки продуктов и приготовление блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приёмом пищи; и модель питания, наличием основного продукта, который обеспечивает основную калорийность³⁹⁸. Три главные компонента пищи - белки, жиры и углеводы присутствовали достаточно в пищевом рационе чеченцев.

Ещё с давних времён у чеченцев существовал обычай «куьйгаха», т. е. от руки. Суть его заключалась в следующем: за общей трапезой, которая включала свои правила, сидящие как бы ухаживали друг за другом. Считалось плохим правилом, если трапезник увлекался только собой, уподобившись голодной собаке, не замечая, в чём нуждается рядом сидящий. Что бы не подавали к столу - мясо с галушками, галушки с творогом, смешанным с маслом, чурек с сыром и кислым молоком – всё же попадаетея какой-то лакомый кусочек. Съесть этот лакомый кусок самому считалось обжорством и невоспитанностью, он должен был его собственноручно подать гостю, старшему или просто рядом сидящему. «Почему ты сам не ешь? – обычно принятый в таких случаях вопрос задавал принимающий. «Я хочу, чтобы ты съел...», - отвечал подающий, или подносил к его рту и вежливо просил съесть. В итоге, к концу трапезы все получали «от руки» смачный кусочек. Если рядом сидящий замечал, что другому попался,

³⁹⁵ Нохчийн фольклор – С.233.

³⁹⁶ Там же. – С.399.

³⁹⁷ Там же. – С. 330.

³⁹⁸ Арутюнов С. А. Указ. соч. – С. 12.

скажем, неудачный кусок мяса (не сварившийся и т. д.), он находил повод, чтобы отдать ему свой.

В обычае «куыйгаха», как в зеркале отражаются внутренняя культура чеченцев, взаимное уважение, склонности к единению и дружбе, характерные народу с глубокими духовными ценностями.

Такие красивые традиции сохранялись в Чечне долго – до середины XX века. Летом 1929 года в Чечню приехал русский писатель А. С. Серафимович. Хозяин, у которого он остановился, настолько обрадовался визиту гостя, который к тому же ещё и пишет книги, что заставил А. Серафимовича съесть из его рук несколько ложек мучной каши, сваренной на молоке, хотя до этого было сытное угощение, и в знак уважения уже зарезали барана, чтобы подать баранью голову и грудинку. Писатель правильно понял, что это действие, имело какое-то символическое значение³⁹⁹. Белая пища, как и белая ткань, является в чеченской традиции символом чистоты и дружбы от чистого сердца.

Пища чеченцев имеет очень глубокие традиции, она формировалась, как и у других народов Кавказа, в тесной связи с преобладающим среди них хозяйственно-культурным типом, который представлял собой пашенное земледелие с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством⁴⁰⁰.

Основу питания народов Северного Кавказа и Дагестана составляли мясомолочные и зерновые продукты, соотношение которых могли меняться в тот или иной исторический период вследствие изменения профиля хозяйства, появления новых культур и приёмов агрообработки⁴⁰¹.

Таким образом, пища, как устойчивый элемент материальной культуры, лучше сохраняет традиционные черты, хотя активно поддаётся заимствованиям и новациям.

³⁹⁹ Алироев И., Дадаев Л. Указ. соч. [Электронный ресурс]. <http://zhaina.com/> (дата обращения 23. 07. 2011).

⁴⁰⁰ Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001. – С. 7.

⁴⁰¹ Сергеева Г. А. Традиционная пища народов Северного Кавказа и Дагестана в XX веке// Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001. - С. 139.

Подводя итоги третьей главы, отметим природные зоны Чечни, которых достаточно много на сравнительно небольшой площади Республики. Многообразие орудий полеводства, включая и пахотные орудия, объясняется наличием земледельческих зон, разных по уровню сложности. Высокое развитие горного животноводства и интенсивный характер равнинного земледелия вовсе не были взаимоисключающими, наоборот, они в разной степени дополняли друг друга. Развитое террасное земледелие в высокогорной Чечне и подсечное земледелие в восточной части горной Чечни являлись следствием нехватки пахотных земель. Земледельческая зона Чеченской равнины была продуктивной и обеспечивала хлебом не только горные районы Чечни, где не хватало собственной зерновой продукции, но и поставляла в значительном количестве хлеб в другие края.

Скотоводство в Чечне получило большое развитие в горной зоне, также являлось одной из ведущих форм хозяйства на равнине. Скотоводство давало не только калорийную пищу, но и сырьё для домашних промыслов, тягловую силу и транспорт. Благодаря развитию скотоводческого хозяйства совершенствовались строительное и подковочное мастерство, искусство таврения скота. Полуподземные и подземные строения с арочными сводами являются по сути архитектурными строениями. «Врагов» и «друзей» из природы определяли степень угрозы или пользы для скотоводческого хозяйства, таковыми являлись волки и собаки. Зоонимика как раз отражала характеристики, присущие пастушьим и сторожевым собакам, приручение которых связано со скотоводческим хозяйством. В пореформенный период, по мере втягивания Чечни в орбиту общероссийской экономической системы, стало развиваться неравенство во владении скотом.

Домашние производства чеченцев базировались на формах хозяйственной деятельности и развивались, приспособившись к окружающему ландшафту. Археологические свидетельства о домашних производствах на Кавказе относятся к эпохе неолита. Гинчинская и Чохская

культуры, характерные для всего Северного Кавказа, богато представлены архетипами производственной деятельности. Большое количество орудий труда обнаружено также на самых ранних поселениях, зафиксированных на территории Чеченской Республики в районе озера Кезеной-Ам, Хой, Ведено.

Домашнее производство имело большое значение для национальной экономики, оно представлено всеми видами производств, что было характерно для народов Кавказа.

Большую значимость, как в экономическом, так и в эстетическом отношении имел шерстеобрабатывающий промысел. Исследователи особенно выделяли в этом отношении войлочно-валяльный промысел. Суконный промысел чеченцев в дореволюционное время занимал четвёртое место. Особо отмечены Грозненский округ и Кумыкская плоскость (с центром Хасав-Юрт). Сукно ткали на ткацких станах, которые имели горизонтальную и вертикальную форму. Все детали стана, вспомогательные орудия, технологические операции имеют свои названия. Тканые изделия включали разный ассортимент изделий, включая безворсовые ковры.

Искусство окрашивания, как растительными, так и анилиновыми красителями было поставлено на высокий уровень, что не осталось без внимания исследователя кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграфа. Достаточно богата и цветообразующая лексика чеченцев.

Керамика представлена во всех археологических культурах, имевших место в Чечне. В изучаемый период керамическое производство отличалось богатым ассортиментом и носило рыночный характер. Исследователь кустарных промыслов О.В. Маркграф высоко оценивал мастерство чеченских мастеров. Информаторы донесли некоторые технологические секреты, в частности, изготовления чёрной керамики, которые мастера предпочитали держать в тайне.

Производство изделий из овчины, было продиктовано их потребностью в повседневной жизни. Обработка шкуры, а позднее выделка кожи, входили в обязанности мужчин. Из овчины делали предметы одежды, мешки. Из

кожи делали, кроме одежды и деталей к одежде, детали предметов вооружения, конской упряжи, сумки, вырезали лекало для орнамента.

Обработка металла у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, является наиболее древним ремеслом.

В изучаемый период в Чечне было много кузниц с мастерами по металлу, которые изготавливали весь необходимый инструментарий, включая сельхозинвентарь. В результате специализации из кузнецов выделились оружейники, ювелиры и углежоги.

В настоящее время промысел по обработке металла в Чеченской Республике не относится к ряду исчезнувших промыслов.

Камень служил не только строительным материалом, его стали обрабатывать до того, как стали делать каменные строения. Свидетельством являются многочисленные каменные орудия труда, предметы бытовой утвари, а также надмогильные памятники.

Специфика изделий из дерева, кости и рога такова, что они плохо сохранились в земле и среди археологических находок наличествуют слабо, но существование ряда домашних производств в древности указывают на то, что в хозяйстве без них не обходились. Дерево, как и камень, является строительным материалом, более того, из него изготавливали самые практичные орудия труда, средства передвижения и музыкальные инструменты.

У чеченцев существовали традиции утилитарного производства плетёных, стеганых и вышитых изделий. Плетёные изделия из любого подручного материала были востребованы в производящем хозяйстве чеченцев. В зоне лесной полосы большое распространение имело изготовление плетней для жилых и хозяйственных строений, а также производство предметов сельхозинвентаря. Женщины изготавливали большое количество шнуров, тесьмы, жгутов, веревок, включая и декоративную тесьму. Стёгаными были некоторые предметы одежды и постельные принадлежности. В искусстве стегани прослеживается глубокая

связь с культурой возделывания земли, что свидетельствует о давности этого производства. Вышивка появилась намного позже. В данное время производство подобных изделий исчезло, за исключением изготовления плетней, стегания одеял и сучения нити на веретене.

В течение длительной трудовой практики чеченцы выработали технологии, где практически всё сырьё, в том числе и вторичное, находило целесообразное применение в хозяйстве.

В пище, прежде всего, отражается хозяйственно-культурный тип, характерный народу, и уровень домашнего производства. Пища, как устойчивый элемент материальной культуры, лучше сохраняет традиционные черты, хотя активно поддаётся заимствованиям и новациям. Народам Кавказа, в том числе и чеченцам, было характерно земледельческое понятие пищи. Пища чеченцев была двух видов: животного и растительного происхождения. К производству муки из зерновых имели непосредственное отношение ручные и водяные мельницы. Интересно подчеркнуть, что количество мелких водяных мельниц возрастало по мере усложнения горного ландшафта из-за неудобств перемещать грузы на большое расстояние. В пище чеченцев присутствовали все необходимые компоненты: белки, жиры и углеводы. Она была повседневная, праздничная; похоронно-поминальная; гостевая; для рожениц, детей и стариков; для воинов и косарей; лечебная и т.д. Известны напитки и приправы. В домашней кухне отражаются материальное положение, статус и духовная культура хозяев. Имели место запреты и поощрения в пище, связанные с гендерными и возрастными особенностями. При обработке пища проходила несколько этапов: сырьё, полуфабрикат, снедь и блюдо, что соответствует классификации, данной С.А. Арутюновым.

ГЛАВА IV. Хозяйственная деятельность как основа формирования народных знаний и антропонимики

4. 1. Отражение хозяйственной деятельности в народном календаре

Появление календаря правильно связывают с началом трудовой деятельности, которая имеет давние традиции, относящиеся к неолитической эпохе. Народные календари являются своеобразным отражением не только трудовой деятельности, но и духовной жизни народа, включая мифологические, метеорологические и астрономические знания. Становление хозяйственного календаря, наряду с другими видами – это длительный путь накопления хозяйственного опыта и эмпирических знаний, передаваемых из поколения в поколение. Видимо, через это прошли все народы, в том числе и чеченцы.

Первые сведения о чеченском календаре оставили исследователи У. Лаудаев, Б. Долгат, Е. И. Крупнов, А. Шимилёв. Из современников к изучению этой немаловажной темы обращались этнографы М. Кантариа, С. А. Хасиев, М. Р. Ужахов и З. А. Мадаева. Последний автор приложила много усилий для изучения вайнахского календаря и календарных праздников

В данном параграфе мы попытаемся изучить наиболее значимый аспект в чеченском календаре - хозяйственный, отражённый в потребной гармонии с природными явлениями.

Знарок народного календаря народов Дагестана А. Г. Булатова указывает, что изучение календаря в связи с хозяйственной деятельностью любого народа, представляет большой интерес не только в познавательном плане, но и в чисто научном для раскрытия ряда вопросов по таким сложным

проблемам, как происхождение народов, вопросы их древней истории, выявление этапов развития мировоззрения и многие другие⁴⁰².

В настоящее время, когда в Чеченской республике нацелена программа возрождения горных районов и традиционных форм хозяйственной деятельности, знание народного календаря будет только способствовать лучшему освоению новой среды.

Раздел написан на большом полевом этнографическом материале, собранном нами в течение многих лет преимущественно в горных районах Чеченской республики.

Название года – «шо» - до сих пор этимологически не представлено, но оно является, по нашему мнению, компонентом древнего слова «шуон»/«шиен», что означает «природа». Правда, М. Р. Ужахов находит, что истинная неделя вайнахов до христианского влияния, оказываемого со стороны соседней Грузии, была 5-дневной и называлась «шу», потому что так называют расстояние от большого пальца до мизинца в раздвинутой пятерне руки. Со временем это название перешло на название года, поскольку понятие длины во времени и длины в пространстве для тогдашнего человека не были различны⁴⁰³.

Как отмечает З. Мадаева, в прошлом вайнахи, как и многие народы мира, год делили на две части, что было связано с важнейшими фазами сельскохозяйственных работ и климатическими условиями. Первая часть начиналась с наступлением тепла и была временем полевых работ, выгона скота на летние пастбища и ухода за урожаем, а вторая - с наступлением холодов связана с домашними работами. Деление года на четыре сезона находит объяснение в переходе к более интенсивному сельскохозяйственному производству⁴⁰⁴. Видимо, слово «б1аьсте» (весна), происходит от слова «б1аст»/«б1ост» и переводится, как

⁴⁰² Булатова А. Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи, и обряды народов Дагестана. - СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. - С. 3.

⁴⁰³ Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979. - С. 77.

⁴⁰⁴ Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990. - С. 10

«противоположность». После холодной и мрачной зимы, весна («б1аьсте») действительно представляла собой явную противоположность, что могло отразиться в названии. Однако вполне логично и рассуждение М. Р. Ужахова, что «б1аьсте» - сложное слово. Вторая его часть «сте» (чеч), «се» (инг.) называет все существа женского пола. «Б1а» может означать «глаз», а сочетание двух этих слов, по его мнению, даёт эротический смысл, так как почитание культов плодородия и фаллоса приходилось именно на весну⁴⁰⁵.

Лето называется на чеченском языке «аьхке», слово происходит, на наш взгляд, от «ах кие», т. е. полкруга (половина круга). Если вайнахи, которые, как отмечено выше, изначально год делили на две части, то лето, точно, считали завершением первой половины года.

Слово «гуьйре» (осень) берёт своё начало от древнего чеченского слова «гури», приближённым переводом которого может быть «кульминация». «Гури» - есть тот момент (или явление), когда завершилось становление и наличествует всё самое лучшее, дальше уже начинается упадок, ухудшение, увядание. Например, «гури куй» есть шапка, сделанная из овчины, когда шерсть имела самое лучшее качество, за которым уже следует стадия ухудшения, так как становится грубой и тусклой. «Гури стаг» - мужчина в расцвете сил – далеко не молодой и не старый, но за этим возрастом должно ожидать не расцвет, а наоборот, старение, упадок.

В нашем случае, называя этим словом осень, вайнахи учли не только щедрость осени, но и следующее за ним увядание в природе.

В названии зимы («1а») отражён, прежде всего, пассив по отношению к некому активу, например, в ткацком производстве таковым является поперечная нить, которая является пассивом по отношению к продольной нити, т. е. – активу. Названием сообщается пассивное состояние времени по отношению к остальным периодам.

⁴⁰⁵ Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979. - С. 69.

Нахская календарная терминология безупречно отражает отношение человека и природы, знание законов природы, через постижение которых деятельность людей становилась продуктивной. В календаре присутствует четыре времени года, каждая в свою очередь делится на три периода: «юхь» (начало), «юкь» (середина), «дух» (конец), в итоге получалось, что чеченцы год делили на 12 частей, что соответствует пониманию 12 - ти месяцев в году, каждый месяц имеет своё название.

Таким образом, крестьянин с необходимой ему точностью мог вычислить, когда ему целесообразно заниматься тем или иным видом хозяйственной работы, к примеру, выражение «Б1аьстенан юкь екьна шоллаг1чу декъа 5 де даьлча (на 5-ом дне 2 - ой части середины весны) даёт достаточное представление о нужном времени, не называя даже месяца.

В названии месяцев вайнахов долго не было единообразия, но они были тесно связаны с хозяйственными занятиями и религиозными воззрениями чеченцев. К языческим пантеонам богов относятся месяц Тушоли, т. е. месяц богини Тушоли, с которым связывают благополучие и плодородие. Месяц Сели – месяц бога грома, относящегося к небесным явлениям и т. д. В то же время в вайнахском календаре присутствуют названия, отражающие хозяйственные занятия народа, к примеру, месяц молотьбы – ардар бутт; месяц покоса – мангал бутт; месяц вторичного покоса – тау бутт и т. д. Подобное явление характерно и другим народам Северного Кавказа. Например, по свидетельству М. Б. Гимбатовой, у ногайцев существовали названия месяцев, связанные с хозяйственной деятельностью, выполняемой в определённые месяцы: время с марта по апрель называли «сабан ай» (время плуга), время с мая по август – «пишен шал» (время сенокоса)⁴⁰⁶ и т. д.

В чеченском календаре нашли отражение и локальные варианты, поскольку зависимость форм хозяйственной деятельности от географического ландшафта общеизвестна и календарь фиксировал те виды хозяйственных занятий, которые преобладали в данной местности. Поэтому в

⁴⁰⁶ Гимбатова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2005.

названиях месяцев нашли отражение все хозяйственные занятия вайнахов: земледелие, скотоводство, пчеловодство, шелководство и другие⁴⁰⁷. В горных районах, где традиционно преобладали отрасли животноводства и все промысловые занятия, связанные со скотоводством, календарь больше был ориентирован на фиксацию тех периодов, когда начинались и завершались эти хозяйственные занятия.

Тем не менее, к концу XIX - началу XX века в чеченских обществах, как равнинных, так и горных, утвердились названия 12 месяцев, которых приводит в своей работе З. Мадаева⁴⁰⁸.

В народном календаре чеченцев обязательно два раза в год (до сих пор) появляется актуальное слово «чилла», которым обозначают самый знойный период лета - 40 дней – «аьхкена чилла», и столько же самый морозный период зимы: «1аьнан чилла» (зимняя чилла). Слово «чилла» переводится с чеченского языка как «шёлк», но слово имеет свой первый смысл – «в чистом виде» и употреблялось тогда, когда надо было подчеркнуть, что в тот момент явление (ситуация, случай и т. д.) не содержит в себе влияний ни прошлого, ни будущего, т. е. оно в чистом виде. Очевиден философский смысл термина, отражающего суть как вещи в «чистом виде».

По мнению профессора Ю. Д. Дешериева на современном недельном счете времени в календаре чеченцев очень сильно отразилось христианское влияние, которое шло, по-видимому, из Грузии⁴⁰⁹: четыре дня недели: понедельник (оршот), пятница (п1ераска), суббота (шот), воскресенье (к1иран де) - явно заимствованы из грузинского языка, а чеченские названия сохранили лишь три дня; вторник (шинара), среда (кхаьра), четверг (еьра), обозначающие порядковые числа - второй, третий, четвертый.

М. Р. Ужахов, ссылаясь на дореволюционного автора У. Лаудаева, приводит свидетельства о том, что до принятия ислама пятница называлась

⁴⁰⁷ Мадаева З. А. Указ. соч. - Грозный, 1990. - С. 13

⁴⁰⁸ Мадаева З. А. Указ. соч. - С. 11-12.

⁴⁰⁹ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. - Грозный, 1963.

«пхьэра». т. е. пятый, как порядковое число. Грузинский ученый Котэ Чрелашвили сообщает, что бацбийский язык, якобы, сохранил в сочетании с грузинским «оршот» исконно чеченское название «цхъана», - «оршобат цхъана». Так восстанавливается у вышеуказанного автора пятидневная неделя, бытовавшая у чеченского племени в древности; цхъара, шинар, кхаъра, еъра, пхьэра - все как порядковые числа, - а шестого и седьмого дней не имеется⁴¹⁰.

Как утверждает чеченский этнограф А. Сулейманов во всех случаях с основой на «-кхо-», «-кхоъ-», «-кхе-», т. е. «три» подразумевается христианская «Троица», и третий день-среда-день Селы, Бога Грома и Молнии и, возможно, Огня⁴¹¹.

Таким образом, можно констатировать, что у древних чеченцев был пятидневный недельный счет времени, однако нет сведений о том, какую же смысловую нагрузку несут календарные термины, обозначенные порядковыми числами. Кроме того, у современных чеченцев существует семидневный недельный счет времени, из них, якобы, четыре дня заимствованы из грузинского языка, а из остальных трех дней один – «кхаъра» - подразумевает под собой «Троицу». Содержание опять-таки остается непонятным. Как видим, недельный счет времени календаря, являющийся по форме связанным с фазами луны, по содержанию остается, к сожалению, непонятным по сей день.

Если обратиться к некоторым локальным вариантам, выясняются интересные детали. В обществе Чеберлой, известного в прошлом архаичными элементами в культуре, за днями в недельном счёте календаря скрываются действительные явления, предметы и занятия, отражающие реальную деятельность общества, а не их вымышленные воображения. Зафиксированная неделя является семидневной. Приведем её ниже:

1. Тахъа - понедельник; 2. Шиен-на - вторник; 3. Кха-а - среда; 4. Хор (хlor) -

⁴¹⁰ Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979. - С. 44.

⁴¹¹ Сулейманов А. Топонимия ... Т. IV. – Грозный, 1985. - С. 212.

четверг; 5. Пха (пхие) - пятница; 6. Шуот - суббота; 7. Кларо (?) - воскресенье.

Седьмой день - кларо - все же остается под вопросом, ибо точно известно, что было занятие такого рода, но не возможно утверждать, что именно оно отражено в недельном счете. Здесь мнения информаторов расходятся.

Все термины, обозначающие счет недели, имеют, на наш взгляд, понятную этимологию. Например, Тахья означало день, свет, тепло, а все вместе взятое - Солнце. Видимо, определение, сложилось из двух компонентов: «та» + «хья», переводимых соответственно, как тепло и благо. Сравните: «тав» - жара, «та-а хан» - светлое, теплое время дня; «хьяв» - благо, «хьял» - богатство.

Определение солнца звучит как нечто благое, светлое и теплое, что является следствием глубокого осознания его действительной значимости.

Шиен-на. На диалекте чеченского языка обозначает совокупность всего, что обеспечивает существование человека, осознавшего себя в окружающей природной среде. Проматерь всего сущего - «На». Данное слово включает в себя понятие территории как географической категории и в последующем определяющей хозяйственную деятельность общества. Приведем несколько выражений, зафиксированных нами с термином «шиен»: «Шиензи мотт» - место, которое не обеспечивает существование кого-то; «Шиен дуохар» - ухудшение обстановки; «Шиенжа» - что-то очень нужное и полезное, т. е. жа/джа, находящееся в природе; «Шиен лахар» - поиск (другой) среды обитания; «Шиенах кхиэта» - изучить обстановку. «Шиенар» - ландшафт места, природные условия; «Шиенно вуй?» (перен.) - справляешься? «Шиен дуй?» (перен) - есть смысл? «Шиен кха» - участок земли в благоприятном, удобном месте. В недельном счете слово «шиен» («шие-на») стоит на втором месте после Солнца.

Что касается годовалой скотины (шинара), которая «пасется» в нашей неделе, то с точки зрения этимологии слова на диалекте будет правильно «шиена - ру», что переводится, как представляющая все достоинства «шиен», т. е. полезной для человека части природы, дар природы.

«Кха» является определением участка земли как хозяйственная категория. Это - подготовленные участки земли для хозяйственной деятельности, связанные с такими формами как земледелие и скотоводство. Их наличие свидетельствует о том, что в пределах границ общества есть поселение, а также источники воды, огонь, посеvy, пастбища. Третья форма - охота - связана с другой категорией земли – «акхе» - не освоенной, дикой. День «кха» пользовался особым почитанием у чеченцев: не разрешалось уходить за пределы поселения, отдавать угли из очага другому лицу. Это было ничто иное, как выражение своего рода почитания к земле - «кха» и родному очагу - «кхие», подчеркивая тем самым «кровное» родство с ними.

Таким образом, как видно из примеров, в недельном счете реально отразилась хозяйственная жизнь, связанная с использованием земельного ресурса.

«Хор» (xlor) - четвертый день недели, что означает соединить, смешивать, получить новое качество, воспроизводить. Активная трансформация слова от «хор» (xlor), до «хорру» (xlorru), «хоррути» (xlorruti). Объясняется тем, что смысл первого слова всесторонне обогащался по мере роста производительных сил, приобретая значение повседневной перспективы многосторонней смешанной деятельности.

Термин «хор (xlor) дар» впервые был зафиксирован нами при изучении процесса обработки шерсти в шерстеобрабатывающем промысле, очень древнем на Кавказе и в Чечне.

В географических названиях местностей данное выражение означает смешанный ландшафт - «хорочо», в земледелии - разнородный состав почвы - «хорокха»; в хозяйстве - сезонные работы, связанные с перспективой его воспроизводства «хорйару». Не исключено, что позднее в недельном счете оформился именно этот случай в качестве дня недели «еъра», освободившись от первого компонента. День этот был всеми почитаемым, т. е. поощрялось приобретение чего-то, проведение сева, заключение брачных союзов. Убивать,

резать, охотиться- уменьшать и ухудшать в этот день запрещалось. Приветствовалось лишь соединение.

Пха (пхие) - предмет охоты, а точнее, тетива, символизирующая охоту как форму хозяйственной деятельности, и занимает пятое место в недельном счете. Почему тетива, а не лук или стрела. Видимо, потому, что исход охоты больше зависел от качества тетивы, а её изготовление требовалось особого мастерства.

Шуот (шуоти). В переводе с чаберлоевского диалекта означает защита и укрепление.

Впервые с термином «шуот» («шуоти») мы столкнулись при изучении древней одежды из овчины и шкур животных; это есть грубо сплетенная веревка типа планки, которой укрепляли верхний небольшой разрез одежды - «чет», чтобы не рвался. В то же время, в другом варианте,- это кусок овчины или шкуры, привязанный к грудной части туловища для её защиты. Такой же предмет, но только из войлока, назывался «шуотбото», где «бото» - древний вид войлока. Последнее упоминание о «шуот» («шуоти») мы находим в железной броне - щите - «ашке шуот». В земледелии под этим названием понимали полосу земли с небольшим изгибом изнутри. В мощном веретене – «г1ери урчукх» сечение для закрепления нити называется «шуот ха», когда в лёгком веретене это же сечение обозначали термином «вениз/ваниз».

Таким образом, в шестом дне недельного счета, по нашему мнению, донельзя ярко утвердилась оборонительная тема.

К1аро. Повторюсь, что нет единого мнения в том, что именно об этом занятии идет речь в недельном календаре. Тем не менее, все заготавливаемое впрок в Чаберлое называлось «к1аро». Главным в том «отсеке» были продукты питания, а точнее, маленькие и большие тушки дичи и животных, обугленных в горячих углях на большом родовом костре, вплоть до образования на поверхности толстой корочки угля. Такое мясо из категории «НЗ» пригодно было для длительного хранения.

Древесный уголь играл не последнюю роль в домашней кухне чеберлоевцев, находил применение и как медицинское средство, а также в магических обрядах - всё к тому, что это вещество занимало в быту горцев важное место. Не исключено, что это и отразилось в недельном счете времени календаря.

Единодушное мнение авторов (Дешериев, Ужахов, Мадаева) об идентичности слов «к1ира» (чеч.) и «к1вири» (груз.) с заимствованием у грузин, можно понять. Но в чеченском языке же тоже есть слова: «к1ир» - белая глина, т. е. часть природных залежей, используемая, в частности, для побелки; «к1ора» - уголь, т. е. часть дерева, которая остаётся после сгорания; «к1ара» - отсек, т. е. часть хлева, куда отделяли ягнят, телят и всё остальное, что надо было изолировать.

Как видим, грузинское «к1вири» - неделя, т. е. часть месяца, заимствование которого относят к чеченцам, имеет смысловую схожесть с вышеприведёнными чеченскими словами. Создаётся впечатление, что все они, включая и такие как «боло» - горб (груз.); верхняя часть спины (чеч.) - происходят от одних слов, которые имели хождение, как в грузинской, так и вайнахской среде.

Таким образом, недельный счет времени в древности у чеберлоевцев являлся реальным отражением действительности в жизни и деятельности общества, без вымышленных воображений. Люди фиксировали то, что ощущали, видели и делали в повседневной жизни.

Как известно, название пятницы «п1ераска» восходит к христианской святой Параскевии, которой активно поклонялись на Руси и Грузии в средний века. Заменить христианское название пятницы на арабское джума, якобы, в своё время не принесло успеха⁴¹². В любом случае, в лексеме «п1ераска» нахской этимологии мы не находим, не имеет оно ничего общего и с исламской религией. Данный факт указывает на глубокие хозяйственные и

⁴¹² Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979. - С. 47.

культурные связи чеченцев с христианским миром, но создаёт мнение об отсутствии названия этого дня недели на родном языке. В этой связи хотелось бы заметить, что было бы справедливо восстановить истинное нахское название пятницы – «пхьэра де», как соответствующее объективному содержанию вайнахской недели и лучше вписывающееся в общий контекст - ...кхаъри де, еъри де, пхьэри де....

Суммируя вышеизложенное, хочется подчеркнуть, что развитие календаря вайнахов, как и других народов, объясняется хозяйственными надобностями, календарь совершенствовался с улучшением методов хозяйствования. В народном календаре чеченцев нашли отражение хозяйственные занятия и духовные воззрения народа. Изучение календаря несёт интересную информацию о метеорологических знаниях народа и взаимовлиянии соседних культур.

4. 2. Историческая метрология чеченцев

Традиционные метрические измерения, как правило, характерные всем народам, связаны с практическим освоением окружающей среды в процессе хозяйственной деятельности.

В работе посвящённой традиционной метрологии народов Северного Кавказа, исследователь В. А. Дмитриев обратился и к народной метрологии чеченцев. Названный автор, известный учёный-кавказовед, достаточно глубоко изучил единицы измерения северокавказских горцев, соединённых между собой единством территории, общностью культуры и хозяйства. Тем не менее, нам представляется, что историческая метрология чеченцев может быть изучена самостоятельно, даже выделив в ней несколько тем.

Целью данного параграфа является изучение мер веса объёмов и вместимостей разного рода, имевших место в традиционном хозяйстве чеченцев. По мере возможности, постараемся проследить параллели с мерами измерений у других народов Кавказа.

Поскольку отдельно взятой работы по этой теме нет, мы, в основном, опираемся на полевые этнографические материалы, собранные в 90-х годах XX в. преимущественно в горных сёлах Чеченской республики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение традиционной метрологии даёт представления о хозяйственной деятельности народа и народных знаниях, показывает становление математического мышления народа и отношений товарного обмена.

Для осуществления проекта Программы возрождения традиционных форм хозяйственной деятельности будут полезны знания по народной метрологии, зарождение которых в своё время были обусловлены особенностями традиционного хозяйства и быта в определённых географических условиях.

а) Вместимости и объёмы условно можно разделить на следующие виды: 1. Мешкообразные; 2. Деревянные и плетёные; 3. Емкости для жидкости или сыпучих тел. Кроме этого есть разные пучки, связки, кучи и т. д., участвующие, благодаря своему объёму, в системе метрических измерений.

Мешкообразные вместимости преимущественно были изготовлены из материала животного происхождения – шкур домашних животных и тканого шерстяного полотна, отличающиеся немалым разнообразием.

«Плӕлдига» - мешок из шкуры для хранения и транспортировки жидких и сыпучих тел. Внутри мешка помещали ещё и маленький мешочек для соли или толокна (до 1 кг.), называемый «плӕлдигана плӕлдита». Мешки из шкур мелкого рогатого скота имели широкое хождение во всём Кавказе, например, у азербайджанцев они назывались «даргарчыги». ⁴¹³

«Тлӕрмиг» - это сумка или мешочек из кожи или паласного тканого материала, вместимостью от 3 до 32 кг. «Гали» - мешок, вместимостью зерновых от 32 до 64 кг. «Машти» - большой мешок для хранения шерсти,

⁴¹³ Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк /Академия наук Азербайджана, институт археологии и этнографии; - Баку, 1998. – С. 72.

куда откладывали её сразу после стрижки овец и хранили до наступления товарного сезона. Перемётные сумы для лошадей – «таьлсаш» - из домашней кожи или тканого паласного полотна служили для упаковки необходимой поклажи и перевозки груза в среднем 64 кг. в обоих секторах.

Широко бытовали лошадиные намордники - кормушки для овса (1 пригоршня) из тканого материала; кисеты разных размеров для табака, сшитые из тканых ремней, являлись необходимой принадлежностью мужского аксессуара.

Ёмкости, участвовавшие в метрическом измерении, включают предметы: кит (бурдюк), нуой (корыто), яй (кастрюля), цлоло (металлическая ёмкость плоской формы для жарения кукурузы перед помолом), кад (чаша), чами (ковш), кхаба (кувшин), гиба (керамический вид ручной маслбойки), куьйр (деревянная маслбойка), суьрийла (сосуд с узким горлышком), клудал (кувшин-водонос), хедир (тарелка), шун (большая круглая тарелка), буога (большая металлическая чаша), таькх (деревянная большая тарелка для замешивания кукурузной муки), чара (большая металлическая ёмкость), лайг (металлические ложки разных размеров), чада (деревянные ложки разных размеров), глумгла – кувшин для омовения,

Ёмкости традиционно делали из камня, дерева, кости, керамики, меди, бронзы и железа. Самые большие из них «чиерма» - бочка ёмкостью до 200 литров и более. Шелиг - бочонок ёмкостью до 100 литров. Тиекх - кадка ёмкостью до 20 литров. В кувшинах измеряли масло и мёд, а снятые с молока сливки – в кувшинах и маслбойках.

Исследователь В. А. Дмитриев пишет, что обмеры ёмкости по категориям «кубки», «чаши», «ковши», «миски» показали существование (независимо от типа сосуда и техники изготовления) постоянных ёмкостей в границах 5-200, 300-600, 800-1500 и свыше 2000 куб см.⁴¹⁴

⁴¹⁴Дмитриев В. А. Традиционная метрология народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - М., 1987. - С. 12.

Для малого количества жидкости использовали ёмкости из рога (стера mala (рог вола), газана mala (козий рог), ёмкости от 0,05 л. до 0,1 л.), а также предметы природного происхождения - «этмаьлиг» (5 мл.), т. е. улитка, входившая в аптекарский сосуд для разогретого топленого масла, которое в лечебных целях заливали больному в ухо, горло или нос.

Представляется, что первой мерой сыпучих и жидкости у чеченцев всё же была горсть, потому что такая ёмкость как чаша – «кад» даже формой и своим названием напоминает горсть - «кана» и «кара» т. е. ладонь и пальцы, сложенные так, что образуют некую ёмкость или ограниченную плоскость.

Заметим также, что у табасаранцев горсть – это «карк»,⁴¹⁵ у грузин есть мера для сыпучих тел и жидкости – «коди».⁴¹⁶ В фонде этнографического отдела в историческом музее Армении в Ереване под № 2536 хранится мерка зерна «кlotla» и равнялка поверхности «хлартич» (№ 2779). Большими ёмкостями для хранения зерна и жидкости служили «к1вери» (грузин.), «карасы» (арм.). Все ёмкости имели определённые размеры, а также форму, называемые – «киеп» (чеч.), собственно, по этим параметрам они и отличались друг от друга.

В истории также хорошо известны следующие клинописные надписи на камнях, имеющие прямое отношение к мерам, найденные в Еребуни, построенном в I тысячелетии до н. э.: «Величием бога Халди Сардури, сын Аргишти, это зернохранилище насыпал; 10 тысяч 100 капи здесь»; «Руса, сын Эрмины, это зернохранилище наполнил. Здесь 6848 капи зерна». Надписи свидетельствуют о количестве зерна и размерах зернохранилищ, имевших место в хозяйственной жизни города. По летописям известно, что годовой сбор урожая ячменя в период наивысшего расцвета Урарту,

⁴¹⁵ Материалы по метрологии народов Дагестана//Вопросы истории Дагестана (досоветский период). - Махачкала, 1974. – С. 179.

⁴¹⁶ Джапаридзе Г. Очерк по истории грузинской метрологии (IX – XIX вв.) - Тбилиси, 1977. – С. 166.

составлял округлённо 1, 2 млн. капи, а самый большой объём зернохранилища вмещал в себя 19 тыс. капи.⁴¹⁷

К сожалению, значение меры «капи», применявшей в Урарту, остаётся неизвестным. Бесспорно одно, что капи – это ёмкость для измерения зерна, и эта ёмкость должна иметь удобные габариты и форму, как для переноса и подъёма, так и для засыпки зерна в место хранения.

Однако в период феодальной раздробленности Руси (XII - XV вв.) была зафиксирована древняя русская мера «капь», о размере которой стало известно благодаря договору Новгорода с немецкими городами и Готландом 1269 года, он приравнивался 4 пудам или 65, 52 кг.⁴¹⁸

В Чечне имели распространение глиняные ёмкости «хуланаши» местного производства, а также глиняные широкогорлые сосуды «хумы», хорошо известные на Северном Кавказе, Средней и Малой Азии.

Мерой жидкости у чеченцев выступал глоток воды – «кьурд» (25 мл.), была мера – «тлинг» (5 мл.), а также капля – «т1адам» (1 мл.).

Для измерения малого количества сыпучих тел использовали наперсток – «базара т1ара» (с кратким ударением на гласные), т. е. тот, которым пользуются на базаре. Например, на рынке покупали красители для окрашивания пряжи и войлочных полотен в напёрстках, с расчётом 1 наперсток красителя на 1 – 3 ведра воды, в зависимости от желаемой концентрации красящего раствора. Порох измеряли в газырях.

Своеобразной мерой для измерения и перевозки жидкостей служили бурдюки разных величин – «кит». В домашнем хозяйстве больше практиковали бурдюки вместимостью от 3 до 15 литров, сделанные преимущественно из козьей шкуры. В равнинной Чечне в больших бурдюках, ёмкостью до 200 литров, из шкур крупного рогатого скота,

⁴¹⁷ Эребуни, древний город государства Урарту [Электронный ресурс]. <http://forum.jigurov.net/> (дата обращения: 19. 04. 2011).

⁴¹⁸ Лекции по истории Древней Руси. Меры веса. [Электронный ресурс]. <http://www.websib.ru/>. (дата обращения: 15. 04. 2011).

транспортировали керосин и нефть. Исследователь мусульманских мер и весов В. Хинц отмечает, что ещё в 1300 году на Востоке была установлена мера «хик» (бурдюк), равная 33,3 литра.⁴¹⁹

В первую очередь для измерения сыпучих тел служили руки: тlара (с ударением на первое гласное) – ладонь, значить то, что можно поместить на ладони руки. Далее идёт «кана» (340 г. зерновых) – горсть в две ладони; «ахкана» - полгорсти в одну ладонь; «буй» - масса, помещающаяся в один кулак или 1/7 часть от объёма «кана»; «цинц» - щепотка, которую можно взять пятью пальцами; «цинциг» - щепотка, которую можно взять тремя пальцами; «цlинцlолиг» - двумя пальцами. Таким образом, в метрической системе веса задействованы рука и все пальцы руки.

Между мерами веса и объёма наблюдается некоторое несоответствие, например, в ёмкость объёмом в 100 литров помещалось 70 кг. ячменя. Зерновые культуры и фасоль измерялись, как и на Востоке, в объёмах.

Популярными мерками – «юстург» были такие деревянные ёмкости, как «гирда» (12 кг.), «герд» (инг.); «мазала» (24 кг.), «мозал» (инг.); «сахь» (8 пригоршней или 2, 7 кг.). Мастера по дереву изготавливали их из достаточно просушенного бруска дерева путём выдалбливания стружек специальным вогнутым приспособлением. Остальную часть выжигали огнём.

Всё большее значение приобрёл «пунт», т. е. пуд (16 кг.). В. А. Дмитриев отмечает, что с развитием на Северном Кавказе сети меновых дворов в традиционную метрологию проникает русский пуд в 16 кг., приводя к появлению соответствующей объёмно-весовой единицы. С ней конкурировала мера 12 кг. распространённая в восточной части края, в Чечне, Дагестане, она была известна как гирда.⁴²⁰

⁴¹⁹ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. - М.: Наука, 1970. – С. 61.

⁴²⁰ Дмитриев В. А. Указ. работа. – С. 10.

Весьма практичной мерой веса на Кавказе служил русский фунт (400 г.), называемый у чеченцев «герка», грузин – «гирванки».⁴²¹ В многонациональном Дагестане: агулы, табасаранцы, цахуры называли фунт – «гирванка»;⁴²² даргинцы, лакцы – «гилавка»;⁴²³ жители села Ицари Дахадаевского р-на – «чириванка»;⁴²⁴ у жителей пограничного с Чечнёй селения Дылым была своя приближённая к фунту мера – «йакъийа»;⁴²⁵ В. А. Дмитриев предполагает, что эта мера пришла из русской метрологии через восточное посредничество.⁴²⁶

Хозяин также мог заранее заготовить их эталоны - взвешенные камни. Подобные камни имели место и в Закавказье. В частности, Р. О. Варданян пишет, что Н. Я. Марр в работе «Реестр предметов древности из VI – ой (1907 г.) археологической компании в Ани» описал найденные при археологических раскопках Ани круглые камни разного размера и веса, т. е. образцы равновесов, на каждом из которых были один или несколько знаков.⁴²⁷

У чеченцев имела распространение мерка для измерения сыпучих «чептар» (100 г.) - четверть русского фунта,⁴²⁸ называемая у даргинцев – «четбер»,⁴²⁹ у лакцев – «чатвар»,⁴³⁰ табасаранцев – «четвер», лезгин – «черек»,⁴³¹ который выступает одновременно четвёртой частью меры веса и длины.

Существовали и другие мерки сыпучих малого, среднего и большого размеров: «чами» - ковшики (от 0,5 – до 2 кг.); «кад» (1-3 кг); «чада» - деревянные ложки (1/5 - 1/3 пригоршни); 3 пригоршни равнялось 1 кг.

⁴²¹ Джапаридзе Г. Указ. соч. – С. 164.

⁴²² Материалы по метрологии народов Дагестана – С. 167, 179, 181.

⁴²³ Там же. – С. 168, 178

⁴²⁴ Там же. - С. 168, 178

⁴²⁵ Там же. - С. 176

⁴²⁶ Дмитриев, В. А. Указ. раб. – С. 10.

⁴²⁷ Варданян Р. О. Метрологические единицы Армении (V-XV веках). - Ереван, 1988. – С. 325.

⁴²⁸ Алироев, И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. – С. 172.

⁴²⁹ Материалы по метрологии народов Дагестана – С. 170.

⁴³⁰ Там же. – С. 178.

⁴³¹ Там же. – С.17.

Малой мерой измерения веса у чеченцев считались куриное яйцо, птичье яйцо, а также «мискъал», последний имел широкое распространение на Востоке и Кавказе. Чтобы особо подчеркнуть, что человек не сделал даже мизер чего-то (хорошего или плохого) говорили: «Мискъал заррат ца дина» (мизер не сделал).

Как известно, канонический «мискъал» равнялся 4,464 граммам, а за его основу был взят римско-византийский солид. Однако на Северном Кавказе, на бытовом уровне, «мискъал» не имел стандартного значения, потому что в соседнем Дагестане мы находим «мискъал», равный и 50 г. (у даргинцев) и 1/360 часть герванки, т. е. чуть больше 1 г. По отрывочным сведениям чеченский бытовой «мискъал» приравнивался к весу 10 зёрен ячменя.

Как отмечает В. А. Дмитриев, в группе мер веса также можно выделить меры, порождённые способностью человека или тягловых животных переносить грузы.⁴³² Тяжесть груза определяли и по тому, какие части тела его выдерживают: пальцы, руки, плечи или спина. Мера спинного груза называлась – «гин муохъ», таковым обычно являлись сено, солома, дрова, зерно, мука, переносимые на спине. Одна охалка сена, соломы и дров называлась «муор», которая составляла 1/3 груза «муохъ». В соседнем Дагестане, у лакцев, крепко укатанная охалка сена, уместающаяся между раздвинутыми руками мужчины, называлась – «али».⁴³³

На внутренние и внешние рынки в широком ассортименте поступала шерсть, которую измеряли у чеченцев поштучно рунами – «тхонка». Руно служило и мерой стоимости при обмене, например, одно руно на базаре обменивали на одно веретено («урчук») или орудие для разрыхления шерсти – «лад» (лучок). У агулов, например, «единицей измерения при

⁴³² Дмитриев В. А. Указ. раб. – С. 11.

⁴³³ Материалы по метрологии народов Дагестана.....- С. 178.

купле-продаже шерсти был «хей» - это свёрнутая в жгут шерсть, снятая с одного барана». ⁴³⁴

Количество сена измеряли такими мерами: «киес» (травя скошенная за один день); копна – «глама», сложенная из скошенной травы 7 - 9 захватом вилами; литта – стожок, сложенный из 9 копен; «хуола» - стог сена, сложенный из 3 – х стожков; «раг1» - скирда сена, имеющая, в отличие от стога, продолговатую форму.

Сено, солому измеряли и охапкой - «муор». Один сноп, называемый «цлов», соответствует одной охапке кукурузных стеблей, зерновых колосьев (ячменя, пшеницы), которых срезают серпом «марс», захватывая свободной рукой, и откладывают так ровно в кучу, чтобы концы обязательно были в одну сторону. Скошенные стебли связывали в снопы – «цлов» до восхода солнца, предварительно дав им немного отлежаться. 3 снопа составляли «оьс». Через некоторое время их складывали в конусообразный стог – «такхор».

К примеру, у азербайджанцев количество колосьев, которое жнец мог захватить одной рукой, назывался «десте» или «тутам». Из пяти «десте» связывалась «бафа», а из четырёх бафа – «дэрэ» (сноп). Приготовлением завязок (бендеме, бэнд) для связывания снопов занимались рано утром, пока держалась роса. Из десяти снопов (дэрэ) составляли один «пенче» или «хара». Хара из 20 снопов называлась «Гоша – хара», а из нескольких сотен снопов – «кюлхара»⁴³⁵.

У чеченцев существовала мера измерения зерна, дров, тыквы, картофеля и др., находящихся в куче – «оьла», большой и малой, отличающихся по занимаемой площади, весу и объёму. К примеру, из большой кучи «йоккха оьла» выходило 20 – 25 «мазала» зерна. Дрова измеряли в телегах и санях.

⁴³⁴ Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И., Мазанаев Ш. А. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 2008. - С. 207.

⁴³⁵ Азербайджанцы..... – С. 75.

Заготовленный кизяк измеряли так: длину и ширину шагами, а высоту - рядами.

В хозяйстве чеченцев практиковали плетёные сапетки из гибких прутьев - «дуо» для хранения кукурузных початков, а также плетёные корзины - «тускар», которые иной раз тоже являлись мерой измерения: 4 «тускар» початок кукурузы приравнивалось к 1-му «гирда» зерна. Из сапетки «дуо» в 60 «тускаров» получали 15 «гирда» зерна кукурузы, которых жарили перед помолом в специальных печах – «куьрк». Из этого зерна кукурузы после прохождения всех требуемых операций выходило 7 «мазала» кукурузной муки. Одна мера засыпки для жарения так и называлась – «куьрка барам», приравниваемой к одному «мазала», т. е. 24 кг.

При сборе трав мерой измерения выступал подол платья – «куйча юх». Как правило, все хозяйки заготавливали траву чабреца по одному подолу платья, так как она была традиционно востребована в домашней кухне чеченцев. При связке в пучки трава уже переходила в другую меру - «курс», малый и большой. Малый - сколько помещалось в окружность, полученной при соединении большого пальца с указательным или средним. Большой – при соединении больших и указательных (или средних) пальцев обеих рук. В «курсы» связывали стебли укропа, траву зверобоя, а также зелёный лук и чеснок. Лук и чеснок для хранения измеряли в связках – «кочар», больших и малых, которых, в свою очередь, измеряли в аршинах - «аьрши» (72 см) или локотях - «дол» (50 см.). Початки кукурузы сушили, как в гирляндах – «кочар», так и в пучках «курс» (от 3 до 12 штук). Табак сушили большими гирляндами, после чего их превращали в связки весом в один подъём, придавая им установленную форму, - «киеп».

Дети и подростки мужского пола обычно собирали лесные орехи в шапке – «куй», поэтому шапка, также как и обыкновенный женский платок (или кусок материи), в некоторой степени, служили мерой сыпучих тел.

Таким образом, меры объёма, веса жидкости и сыпучих тел сложились у чеченцев в глубокой древности, поскольку были востребованы в хозяйственной деятельности и бытовой жизни. В мерах объёма активно участвовали ладони рук, сложенные в форме объёма. Затем появились специальные мерки из природного и производного материалов. Меры объёма и веса развивались и изменялись по мере развития производительных сил, более того, испытывали постоянное взаимовлияние. По этой причине находим, что в народной метрологии чеченцев присутствуют собственные меры измерения объёма и веса (кана, мазала, кочар, чами, буога, оьла и др.) и чужеземного происхождения (мискъал, гиерка), последнее свидетельствует о связях чеченской метрологии с древними культурами. Встречаются идентичные названия у разных – кад (чеч.), коди (грузин.), коти (арм.); гирда (чеч), гуерди (груз), гиба (чеч.), гоби (грузин.).

Меры измерения жидкости и сыпучих тел, связанные с кувшинами (кхаба, гиба, к1удал и др.) и деревянными мерками (гирда, мазала и др.) в настоящее время в быту не сохранились, их заменили литры (литар), измеряемые в банках и бутылках. Однако ёмкости – буога, сахъ, кад (большие и малые чаши), чийлик (ведро) не истратили своего метрического значения. К примеру, в сельской местности, в домашнем хозяйстве, урожай картофеля, фруктов и овощей измеряют в вёдрах; ягод, орехов и фасоли – чашах; молоко – в вёдрах; сметану и масло – в бидонах (3 – 6 кг.). В сёлах, где проживают горцы, которые традиционно занимаются животноводством, зерно, большей частью ячмень, закупают во время жатвы бункерами, затем его распределяют в металлические ёмкости от 200 кг до 3 - 5 тонн. Мерой веса устойчиво утвердился килограмм - «кийла».

Чеченская народная метрология неразрывно связана с традиционным хозяйственным бытом чеченцев, она развивалась и изменялась в едином культурном пространстве народов Кавказа, испытывая естественное влияние соседствующих культур.

б) Меры длины, расстояния и площади. Термин "мера" связан не только с понятием измерения, но и с понятием нормы, (стандарта) для измерения; этот термин несет в себе некий философский смысл, заключающийся в том, что следует не просто измерять, но и искать оптимальную практику измерения, вырабатывая соответствующую ей норму. Эти два понятия - "мера" и "измерить" - нашли ясное отражение и в терминах чеченского языка - "барам" и "юста". Это свидетельствует о том, что чеченцы с давних времен были знакомы с системой мер и измерений, которая сказалась в хозяйственных занятиях и домашних промыслах вайнахов.⁴³⁶

Хозяйственная деятельность народов Кавказа складывалась в сходных природных и исторических условиях, чем объясняется близость видов хозяйственных занятий, с которыми неразрывно связаны метрические единицы. Поэтому наши цели таковы: изучить традиционные единицы измерения длины, расстояния и площади, принятые у чеченцев в прошлом и, по мере возможности, выявить черты сходства чеченской исторической метрологии с исторической метрологией других народов.

Данная тема представляется важной в связи с тем, что народная метрология, являясь результатом хозяйственной деятельности и следствием накопления большого опыта, показывает, как шло становление научной исторической метрологии. Представляется, что изучение народной метрологии только улучшит наши знания в области ведения традиционного хозяйства.

В целом, в кавказоведении данная тема хорошо разработана. Непосредственному изучению исторической метрологии народов Северного Кавказа посвящено достаточное количество работ известного кавказоведа В.А. Дмитриева. Народная метрология Кавказа исследована в работах Г.И. Джапаридзе, М.О. Ханыкова, Л.А. Чибирова, П. У. Аутлева, Т.Д.

⁴³⁶ Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979. - С. 17

Алибердова, Г.А. Гулиева, М.О. Варданяна и др. Интересные материалы по традиционной метрологии мы находим в этнографических трудах ученых Б.А. Калоева, Г. Х. Мамбетова, С.Ш. Гаджиевой, А.Г. Булатовой, С.А. Лугуева, М. К. Мусаевой и др. Сведения о метрических измерениях, принятых у чеченцев, содержатся в работах И.Ю. Алироева, С.-М.А. Хасиева и Р.А. Ужахова.

Данный параграф написан на полевом этнографическом материале, собранном в селах Чеченской республики в 1990-е годы, а также в статье приведены результаты лабораторных работ автора, проведенных совместно с информаторами.

Раньше меры длины у всех народов, в том числе и у чеченцев, имели антропометрический характер, то есть в качестве мер длины использовались части человеческого тела. Самой распространенной мерой измерения у чеченцев была - "ше". Это расстояние от кончика большого пальца до кончика мизинца. Известны две разновидности "ше": малое и большое, в основе которых лежат расстояния между этими пальцами в женской и мужской руке. Назывались они соответственно "жима ше", около 19-20 см. и "йоккха ше", равное приблизительно 22-23 см. В Итум-Калинском и Галанчожском обществах Чечни их длины составляли порядка 21-22 и 23-25 см., что было связано с тем, что кисти рук у жителей этих обществ - крупнее.

Ко второй половине XIX в. установился средний эталон, принимаемый за "ше": малый - 20 см., большой - 22 см. Отметим, что за основу меры брали кисть руки человека среднего телосложения.

Кроме "ше", у чеченцев бытовала мера "ге" - расстояние от кончика большого пальца до кончика указательного пальца- 15 см. Подобная мера у грузин называлась "цида"⁴³⁷; у аварцев - "цедер",⁴³⁸ у агулов - "черек",⁴³⁹ у

⁴³⁷ Джапаридзе Г. И. Указ. соч. – С. 166.

⁴³⁸ Материалы по метрологии народов Дагестана- С. 175

⁴³⁹ Там же – С. 167.

табасаранцев - "ч1ив",⁴⁴⁰ у даргинцев - "ч1им"⁴⁴¹ и т. д. Расстояние от кончика большого пальца до нижнего сустава указательного пальца считалась условно половиной "ге" - "ахге", т. е. 8 см.

Исследователь метрологии народов Северного Кавказа В.А. Дмитриев правильно отмечает, что одним из самых распространенных приемов измерения у народов Северного Кавказа было использование малой пяди (расстояние от большого пальца до указательного) и большой пяди (расстояние от большого пальца до мизинца).⁴⁴²

То, что В.А. Дмитриев называет малой пядью, у чеченцев носило самостоятельное название - "ге" (ветка), но пяди действительно были двух видов: "малая" и "большая". Малая пядь у чеченцев традиционно называлась женской. Она использовалась в традиционно женских промыслах, связанных с измерениями различного рода.

Дальше в систему измерения вступали длина и ширина ладони руки - "кара" ("киере"), соответственно равные- 20 и 10 (22 и 11) см. Интересно заметить, что 1 ше = 1 "киере". "Кара" - это расстояние от конца среднего пальца и до сустава кисти руки. "Кара" делилась на четыре части: 1. "Карана бухь" - первая фаланга (3 см.); в ширину включали только ширину двух пальцев - среднего и безымянного (4 см.). 2. "Карана юьхь" - вторая фаланга среднего пальца - 3,5 см.; шириной являлось расстояние между вторыми суставами мизинца и указательного пальца - 7 см. 3. "Карана юкь" - расстояние от основания указательного пальца до основания большого пальца - 7,5-8 см.; в ширину входила линия третьих суставов - 7,5 см; 4. "Карана дух" - расстояние от основания большого пальца до сустава кисти руки - 5, 5-6 см. Ширина отсчитывалась от второго сустава большого пальца - 10-11 см.

⁴⁴⁰ Там же – С. 180

⁴⁴¹ Там же – С. 169

⁴⁴² Дмитриев В. А. Указ. работа. – С. 7.

Для измерения использовали также длину (12 см.) и ширину (10 см.) кулака-"буй". Ширина кисти ладони и ширина кулака считались равными. При измерениях учитывали ширину пальцев: одного - "цхъа пѣлг" - (2 см.), двух - "ши1пелг" - 4 см. и т.д.

Для измерения толщины жирного мяса на реберной части туши использовали высоту пальцев или ладони руки. Нормальной считалась толщина жира в "одну высоту" пальца, т.е. 1,8-2 см. В качестве народной меры применялись "букир ше" и "букир ге", когда измеряющий делал большим пальцем кувырок - "букир" (что означает "с бугорком"), в результате чего добавлялось в малой пяди до 7 см., а в большой - чуть больше, выходило, что эти пяди становились равными 27 и 29 см соответственно.

В Древней Руси тоже употребляли пядь, называвшуюся "пядь с кувырком". Б.А. Рыбаков, изучавший меры длины XI-XV вв., подтвердил ее существование, изучив размеры древнерусских кирпичей. Эта пядь была равна малой пяди плюс два сустава указательного или среднего пальца и была равной 27 или 31 см.⁴⁴³.

Весьма широкое распространение имела мера "дуол" (локоть), за основу которой принято расстояние от конца среднего пальца до локтевого сустава, равная 50 см. Выделяются два подвида этой меры: 1. "жима дуол" (малый локоть), равный разнице полного локтя и длины кисти руки, т. е. 30 см. ($50 - 20 = 30$); 2. "доккха дуол" (большой локоть), равный сумме полного локтя и длины большой пяди "ше", т. е. 72 см. ($50 + 22 = 72$). Именно этот вариант некоторые мастерицы приравнивали к "аьрши", т.е. к "аршину". В.А. Дмитриев пишет: "У адыгов и осетин пядь равна 1/4 аршина, у чеченцев 1/2 локтя".⁴⁴⁴

Эти приемы измерений были особенно распространены в женских промыслах -ткацком и войлочном производстве, искусстве стегани,

⁴⁴³ Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI—XV вв. // Советская этнография. 1949, № 1. - С. 69-71.

⁴⁴⁴ Дмитриев В. А. Там же.

процессах кройки и шитья. К примеру, в ткацком производстве делали зарядку нитей длиной в 30^40 локтей, рассчитанную на выход стандартного отреза сукна. За один рабочий день поздней осенью хорошая ткачиха могла соткать 7-8 локтей сукна.

Расстояние от плечевого сустава до кончиков пальцев вытянутой руки, называемое "тIуод", со временем перешло в "аьрши" (аршин) - 72 см., особо применяемый в суконном производстве. Например, процесс ткачества включал в себя несколько этапов, отстоящих друг от друга на 2-2,5 аршина по длине полотна, каждый из них имел свое наименование. Название этапа содержало информацию и о мере, что было достаточно для того, чтобы узнать, какая часть работы проделана. Один товарный кусок сукна, поставляемый на общий рынок, был длиной в 16 аршинов. Стандартную меру кусков устанавливали исходя из того, сколько сукна необходимо для пошива мужской черкески и женского платья. На внутреннем рынке местного значения длина могла быть различной при равной ширине: в чеченских обществах Чеберлой и Ведено - 16 аршинов, в Шароевском - 16-17, в селах Итум-Кале, Хилдехарой, ТIерла, БIавла - 18 аршинов; это объясняется разным расходом сукна на платье или черкеску, что в свою очередь было обусловлено разницей в росте и ширине плеч жителей этих обществ. Из одного куска сукна шили одну мужскую черкеску или женское платье, из 3-х аршинов сукна - один башлык, из 1,5 аршинов сукна - пару ноговиц.⁴⁴⁵

Далее следуют меры, идущие на расчет больше. Это, например, такая популярная мера длины, как "пхьагIат"⁴⁴⁶, - расстояние между кончиками пальцев вытянутых - каждая в свою сторону - рук, составляющее около 1,7—1,8 м., или 2 аршина с малым локтем. Расстояние от среднего пальца одной руки до середины грудной клетки приравнивали к "ахпхьагат"

⁴⁴⁵ Шавлаева Т. М. Указ. соч. – С. 88-89.

⁴⁴⁶ Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978. - С. 171.

(полсажени), то есть к одному аршину и одной длине ветки указательного и большого пальцев - "ze".

Существовали следующие варианты меры "пхьагIат": "коштIера" (с плеч) - расстояние от правого плеча до кончиков соединенных пальцев - указательного и большого - при вытянутой левой руке, равное 1 м. или 1 аршину с 1 малым локтем; "чIенгера" (от подбородка, с наклоном головы к правому плечу) - расстояние, равное 1 аршину и 1 большой пяди; косая сажень, называемая "ми пхьагIат" (с наклоном) - расстояние по диагонали от левой ноги до кончиков пальцев правой руки, вытянутой вверх, приравняемое к 5 локтям (2, 5 м.).⁴⁴⁷

Некоторые антропометрические меры измерения связаны с ногой. Шаг ("гIулч") бывает малый- 0,8 м., равный сумме локтя и малого локтя; большой- 1м., равный 2 локтям. Двойной шаг- "ши гIулч", малый- 1, 6 м., приравняемый к 3 локтям плюс мера ширины кисти, большой - 2 м., приравняемый к 4 локтям⁴⁴⁸.

Приведенные смешанные меры измерения были приняты при изготовлении войлока. Во время закладки полотно измеряли шагами, затем в процессе уваливания войлок потихоньку садился до 1/3 и мастерицы постепенно переходили на локти, пяди, кисти и ветки пальцев. Такие метрические единицы были широко известны на Руси,⁴⁴⁹ на Кавказе⁴⁵⁰ и в Средней Азии⁴⁵¹.

Широко было распространено у чеченцев определение расстояния на слух по звуку голоса - "сема хьисап" (вычисление на слух). Расстояние "хазе" (откуда слышен голос) - 25 м., т. е. 25-30 шагов, было меньше, чем

⁴⁴⁷ ПЭМА: ЧИАССР, Село Керла - Юрт, Грозненский район, ноябрь 1989 г. (информант: С Кубаева С., 1901 г. р.

⁴⁴⁸ ПЭМА: ЧИАССР, Ст. Алпатово, Наурский р-н, июнь 1991 г (информант: Х. Ибрагимов Х., 1931 г. р.

⁴⁴⁹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. - М., 1975.

⁴⁵⁰ Материалы по метрологии... - С. 166-182.

⁴⁵¹ Каюмова Х. А. Народная метрология и хронология таджиков каратегина, дар-ваза и Западного Памира XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Худжанд, 2009.

расстояние "кхайкхие" - 100-120 м. или 100-130 шагов, отсчитываемое от места, откуда шло сообщение местных новостей. Последнее было меньше, чем "мохь хазе" - расстояние от места, откуда слышен крик - 450-500 м., то есть около 460-530 шагов. "Орца хазе" - расстояние, откуда слышен крик "Орца", призывающий к помощи - 800 м. или 800-880 шагов. Место, откуда подавались сигналы об опасности - "Орцие" - находилось на расстоянии около 1 км., называемом "чаккхарма", что составляло более 1 000 шагов. Разница в расстояниях "мохь хазе" и "орца хазе" объясняется тем, что крик "орца" доносился, как правило, с возвышения и слышен был на большем расстоянии. Подобную меру для расстояния мы находим в метрологии других народов Кавказа, в частности, у ногайцев она называлась - *шакъир*, т. е. "позвать".

Известно также "тарсие" (расстояние, на котором слышно ржанье лошадей) и "ж1али хазе" (место, откуда слышен лай собак) - 400 м. (400-420 шагов). Место, где останавливалась волчья стая и откуда доносился волчий вой, называлось - "уг1ие чие", до 500 м. (500-530 шагов). Сама мера так и называлась - "уг1ие хазие".⁴⁵² Исследователь Л.А. Молчанова пишет: "У финно-суоми была известна мера "пенинкууллуме", что обозначает в переводе "голос пса". Подобное явление мы находим у финно-угорских, славянских, тюркских народов".⁴⁵³ Противоположностью мере "хазе" является абстрактная мера - "ца хазе" ("откуда не слышно". Выражение "ца хазе вахарг" означает "чтобы ушел ты в неслыханное".

Мера "г1аш некъ" (пеший путь) зависела от времени года, когда совершается путь, и местности, где совершается путь - скалистой, горной или равнинной. По имеющимся сведениям, средний эталон "пешего пути" равен 40 км. в период весна-осень. Разумеется, в зависимости от усложнения горного рельефа он имеет тенденцию к уменьшению.

⁴⁵² ПЭМА: ЧИАССР, село Керла - Юрт, Грозненский район, авг. 1993 г (информант: Абдурахманов М. 1910 г. р.

⁴⁵³ Молчанова Л. А. Народная метрология. - М., 1973. - С.14.

Передвижение на вьючных и упряжных животных известно с глубокой древности. На севере это были собачьи и олени упряжи. В Аравийской пустыне - верблюды. На Кавказе в этих целях использовали в основном лошадей, реже - ослов.

Общепринятая мера среднего "конного пути", не предполагающая "лихачества" - это "говрахъ некъ", около 70 км. (в гористой местности средней сложности, со спусками и подъемами, время прохождения - от восхода до захода солнца в мае. В скалистой местности эта мера значительно уменьшается, а в равнинной, наоборот, - увеличивается.

Мера - "бѣаьрги хьисап" (вычисление на глаз) устанавливало расстояние "пешего пути" или "конного пути", но она включала еще абстрактное измерение "бѣаьрго ма лоццу" ("сколько глаз берет").

В связи с этим вспоминается следующая притча: однажды некий юноша, славившийся своими подвигами, объясняясь девушке в любви, предложил ей убежать вместе с ним. Она слушала его, а сама смотрела пристально куда-то в даль. Он удивился и спросил, что она пытается там увидеть. В ответ она мило улыбнулась и ответила: "Да что ты, ничего я не пытаюсь там увидеть. Я просто вычисляю, сколько дней надо скакать всаднику, чтобы одолеть расстояние, которое берет мой глаз". Юноша понял, что в иносказательной форме девушка говорила ему о том, что он не достигнет своей цели так легко и быстро, как он того хочет: надо пройти "большое расстояние" для того, чтобы добиться ее руки и сердца. Капризная девушка набивала себе цену, и вот что он ответил ей: "Спросила бы сразу, не мучая свои красивые глаза и не устремляя взор в даль - я сказал бы тебе. Между тобой и местом, что берет твой глаз, то расстояние, что между мной и моим скакуном". Таким образом, он не был намерен принять ее условия и даже в ее обществе захотел остаться лишь на то время, за которое пройдет самое короткое расстояние - расстояние между ним и его скакуном. Ответив ей так, он вежливо попрощался с девушкой и ускакал. Говорят, что достоинство его поведения произвело на красавицу сильное впечатление,

так что через некоторое время она нашла меру, чтобы "сократить расстояние" и вернуть себе его внимание⁴⁵⁴.

С понятием неопределенной дальности у чеченцев ассоциировались географические объекты: "за горами" - за тремя, за семью, за девятью (*кхаа!ворх\-исс ламанал диехъа*); за морями - "х1ордал диехъа"; за Дон - "Иданал диехъа".

Есть у чеченцев измерение и с помощью сравнения, когда расстояния сопоставляются с длиной чего-либо: "аьгта ц1огганал" - в длину коровьего хвоста; "пхьид кхоссаяллал" - в прыжок лягушки; "маха биллал" - в длину иглы; "к1инч1ал" - в длину косицы шерсти и т. д. Опять-таки, надо заметить, что народная метрология применима к конкретному виду занятия, с учетом его специфики. Она учитывает также тендерный и возрастной аспекты, социальный статус. В мужской среде для сравнения использовалась длина холодного и огнестрельного оружия, предметов брони (кинжал, меч, ружье, щит), конечностей и органов зверей (хвост, ухо, клык), предметов упряжи и погони верховой лошади (седло, уздечка, кнут), т.е. того, о чем часто говорят мужчины.

В крестьянской среде в качестве предмета сравнения подходили "нос сохи" ("нахара мара"), "длина плуга" ("гуотана барам"), "козий рог" ("газана ма1а"), "сосок вымени" ("шима т1ар"), "клюв петуха (курицы, цыпленка" ("н1аьне (куотама, куотама к1орни) з1ок") и др.

В чеченской традиции все площади имели особую функцию и соответственно подразделялись на общие площади - "меттиг", а также посевные площади - "кхаш", сенокосы - "цанаш", пастбища - "даьжийлаш", площади под строительные сооружения - "хьиекхнаш". Метрическую оценку давали им в зависимости от их предназначения.

Название той или иной меры измерения площади было связано либо с тем, что можно разместить на этой площади, либо с тем, что можно на этой

⁴⁵⁴ ПЭМА: ЧИАССР, Село Закан-Юрт, Ачхой-Мартановский р-н, сент. 1984 год (информант: З. Хашагова, 70 лет.

площади сделать.: "ког (кIажа) биллал" (положить ногу (пятку); "кера юккълал" (с ладони); "рема лаллал", "говраш хахкал" (табун погнать, скачки устроить); "бIю хIоттал" (войско поставить); "кхакха тассал" (овчину расстелить); "бухь боггIал" (на носках танцевать), "куй биллал" (шапку положить); "хьиекх яккхал" (под жилище).

Меры измерения посевных площадей связаны с представлениями о том, какое количество зерна необходимо для засева, с результатами полученного или ожидаемого урожая с этой площади, с количеством дней, затрачиваемых на пахоту участка, с количеством человек, задействованных на уборке, с учетом количества дней и т. д. «Население в горах определяло величину пахотных участков временем, на которое хватало им добываемого на них количества зерна, или временем, которое требовалось для пахоты этого земельного участка⁴⁵⁵, - отмечает профессор А. И. Хасбулатов.

Урд - площадь, вспахиваемая за один рабочий день одной упряжкой, равная одной сотке⁴⁵⁶.

Учитывалось также время, затраченное на прополку участка, и даже то, сколько приемов требовал заданный объем работы - "мур". "Мур" - это участок земли, который можно прополоть за одно "включение", т.е. до наступления состояния усталости, требующей небольшого перерыва. После прополки "мура" отдыхают, а потом начинают другой "мур". Если в процессе прополки задействована одна женщина, то это будет участок примерно в 0,3-0,4 сотки. Но если в прополке участвуют 2-3 женщины, разумеется, площадь пропалываемого участка увеличивается. "Мур", таким образом, - это мера площади, но при этом не постоянная, а зависящая от количества участвующих в процессе работы и от состояния почвы. В то же время, «мур» в пути – это этап пути, преодоление которого так же зависит от многих обстоятельств. Обычно "мур" не принято было оставлять

⁴⁵⁵ Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). – М., 2006. – С. 92.

⁴⁵⁶ Хасиев С. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX - начале XX в. Ч. I. - Нальчик, 2004. – С. 12.

незавершенным, только редкий случай мог заставить труженицу прервать работу, не доводя ее до конца. Чтобы подчеркнуть исключительность ситуации, при которой была прервана работа, говорили: *"Болийначохь мур а бутьуи"* («оставив даже начатый "мур"»).

Зерно для посева измеряли в таких емкостях, как мазала (24 кг.), гирда (12 кг.), сахь (8 пригоршней), "чептар" - четверть фунта,⁴⁵⁷ которые служили для измерения сыпучего. Существовали малые меры сыпучего: "чами" - ковш (0,5-2 кг.), "кад" (1-3 кг), "кана" - пригоршня (340 г), "чада" - деревянная ложка (1/3 пригоршни), 3 пригоршни составляют 1 кг. "Чтобы засеять участок в 1 "урд", смело хватало кукурузы в 1 "сахь", - свидетельствует информатор.⁴⁵⁸

Известный исследователь народной метрологии Г. И. Джапаридзе писал: "Как и в странах Ближнего Востока, в Грузии был распространен следующий способ измерения: за основу брали поверхность земли, на которой можно было посеять определенное количество зерна, вместишееся в какой-нибудь мере сыпучих тел (в гриви, кабици, коди, сомари)".⁴⁵⁹

Для сева овощных культур разбивали участки, называемые "хас", средний принятый размер которых равнялся 2,20 x 1,50 м. - тот уголок земли, который можно покрыть (защитить) буркой.

Площадь сенокоса определяли по количеству полученного сена, которое измерялось такими мерами: "киес" (трава скошенная за один день); копна - "Гама"; литта - стожок, сложенный из копен; "хуола" - стог сена; "paŋl" - скирда сена.

В.А. Дмитриев пишет: "Универсальное для многих разновидностей традиционной метрологии преобразование расстояния во время на Северном Кавказе было единственным для оценки пространства вне селитьбы, большие расстояния измерялись в днях путешествия всадника или арбы,

⁴⁵⁷ Алироев И. Ю. Указ. соч. – С. 172.

⁴⁵⁸ ПЭМА: ЧИАССР, Село Алхан - Кала, сентябрь 1984 год (информант: Р. Мусаева, 72 года.

⁴⁵⁹ Джапаридзе Г. И. Очерк по истории грузинской метрологии (IX-XIX вв.). - Тбилиси, 1973.- С. 167.

площадь пашни - в днях пахания или, что особо интересно, в так называемых перестрелах, дистанциях полета стрелы или броска камня"⁴⁶⁰.

Таким образом, чеченская историческая метрология сложилась в глубокой древности, поскольку была востребована в хозяйственной деятельности народа. Как и у всех народов, меры носили антропометрический характер.

Меры объёма, веса, длины и расстояния развивались и изменялись по мере развития производительных сил, более того, испытывали постоянное взаимовлияние.

В народной метрологии чеченцев присутствуют собственные меры измерения объёма, веса, площади, расстояния и меры чужеземного происхождения, что свидетельствует о связях чеченской метрологии с древними культурами. Народная метрология развивалась в едином культурном пространстве народов Кавказа, России, Средней Азии и других регионов.

Народная метрология давно уступила место современным метрическим измерениям, что следует рассматривать как прибавление культуры.

4. 3. Отражение антропонимики в жизни чеченского народа

Чеченская традиция издавна придавала большое значение, как самим именам, так и обряду имянаречения, который, как отмечает известный этнограф З.И. Хасбулатова, сопровождался пиршеством. После принятия ислама в обряд был включен Мовлид⁴⁶¹ - мелодичное чтение куплетов, восхваляющих жизнь Пророка Мухаммеда (с.а.с.).

⁴⁶⁰ Дмитриев В. А. Пространственно - временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. - С. 146.

⁴⁶¹ Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. - Грозный, 1981. - С. 77.

Иной раз вопрос имянаречения обсуждался в семье далеко до рождения ребёнка. Ровесницы беременной между делом интересовались, какие у неё изменения во вкусах по отношению к пище, к какому полу она испытывает симпатии, какие сны видит чаще других, изменилось ли отношение к супругу. Все новости через посредников докладывали более старшим женщинам в доме – в итоге выносили решение о том, кто должен родиться. Информатор свидетельствует, что «опытные женщины» ошибались, но очень редко⁴⁶².

Чеченское название имени – «цІе» идентично с названием огня «цІе», чем объясняется и название надземного жилого строения – «цІа», так как огонь в доме был признаком его существования и полноценности. Включённый сюда формант «цІ» имеет смысл красного – «цІие», отсюда и название крови – «цІий», а также языческого божества – «цІу». Всё сказанное дает основание предполагать, что термин «цІе» (имя) относится к глубокому пласту чеченского языка, а связь имени с такими сакральными понятиями как огонь, дом, кровь, божество – не случайна.

В чеченской антропонимике, как и у других народов, можно выделить имена, которые восходят к древним божествам – Села, Ану, Сата. Затем следуют космогонические имена – Маълха – Аьзни (ж. Солнцеликая), Седа (ж. Звезда), ГІушлакха (м. Высоко над горизонтом);

Особое место в антропонимике занимают вайнахские имена, связанные с деятельностью: а) хозяйственной – Оху (м. пахарь), Іу (м. пастух), ГІама (м. копна); б) воинственной – ТІами (м. воин), ЗІоко (м. орудие труда и войны), ГІера (мощь, сила), БІаьхо (входящий в состав войска); в) социальной – Кали (активный), Кази (неактивный).

Есть имена, характеризующие такие особые черты характера, как твёрдость, надёжность, сдержанность – Берд (берег), Лам (гора), Мокхаз

⁴⁶² Полевые материалы автора. 2011 г. Информатор Аксиной Сулейманова.

(кремень), Дуй (клятва). Имена обозначают: доброту - Эсила (ж.), терпение – Собар (ж).

Некоторое количество имён относится к зооморфным: мужские - Буорз (волк), Ча-Борз (медведь-волк), Буг1а (бык), Олхазар (птица), Куьйра (ястреб), Леча (сокол), Нажа (дуб). Зооморфные (женские): Кокха (голубь), Човка (галка), Полла (бабочка), Зезаг (цветок), Кемси (виноград). Интересно единственное женское имя – гидроним – Шовда (родник). Названия драгоценных камней также отразились в мужских и женских именах: Деши (ж. золото), Дети (ж. серебро), Бирлант (ж. бриллиант), Джовх1ар (м/ж. жемчуг), Буолат (м. булат). Есть имена, обозначающие красоту – Хазраь (ж), мир – Машар. Мужские имена обозначают бесстрашие - Майра, геройство - Турпал, зло - Бурси, пользу - Пайда, здоровье - Могуш. Нами зафиксированы имена-этнонимы – Иаьрби (араб), Турко (турок), Гирман (германец), Япо (японец). Имеются имена - пожелания: Яха (ж), Ваха (м.) – живи, отсюда Яхийта (ж), Вахийта (м) – пусть живёт; Тоита (ж) – хватит, Сацита (ж) – остановись.

Именами «Хватит» и «Остановись» называют исключительно только девочек, тогда, когда рождение девочки в семье больше нежелательно. Подобные имена есть и у других народов, например, «Кхызтоман» у ногайцев, что означает «девочек хватит»⁴⁶³.

Некоторыми именами нарекали и мальчиков, и девочек – Т1аус (м/ж. павлин), Джовх1ар (м/ж. жемчуг), Хьоза (м/ж. воробей), Полла (м/ж. бабочка)

За тем следуют многочисленные заимствованные у других народов имена: мусульманские, славянские, тюркские и другие.

⁴⁶³ Полевые материалы автора. 2009 г. г. Кизляр, республика Дагестан.

По нашим социологическим исследованиям, в данное время на исконно чеченские имена приходится маленькая доля, подавляющее большинство имён (до 80%) исламские, на втором месте европейские, в том числе и славянские. Такие имена (не исламские и не чеченские), как Зина, Рая, Раиса (Лариса), Лиза (Луиза), Зарема, Залина, Соня, Тамара, Адам, Данил и Руслан, некоторые из опрошенных причисляли даже к ряду чеченских имен.

Устойчивую тенденцию к увеличению сохраняют исламские имена, а к уменьшению – чеченские, например, список студентов второго курса исторического факультета (специальность «история», набор 2011 года) включает 18 студентов чеченской национальности, но чеченским именем нарекли только одну девочку – Зезаг (цветок), 14 имён мусульманских, три имени – других народов. В списках студентов первого курса факультета государственного муниципального управления (группа № 1, набор 2012 года) 23 студента чеченской национальности и первого курса исторического факультета (специальность «регионоведение», набор 2012 года) 18 студентов чеченской национальности, но ни один из них не носит чеченского имени. Такая же картина наблюдается и в других группах⁴⁶⁴.

Антропонимическая модель чеченцев включает три компонента: имя, отчество и фамилию. Переход на двухкомпонентную модель в Чечне не приветствуется, поскольку не соответствует ментальности чеченцев, традиция которых издавна обязывала сначала называть имя отца, а потом только личное имя. Иной раз личное имя могло быть и опущено, отметив, который по счёту это ребёнок в семье, но имя отца – никогда. Антропонимическая модель в документе без указания отчества чеченцам не симпатична. По мнению информаторов, отстранение отца разрушает вековые ценности, допускает безответственность родителя, что в свою очередь допускает безответственность детей перед родителем⁴⁶⁵. Это не

⁴⁶⁴ Журнал преподавателя. 2011 – 2012, 2012-2013 уч. г. Хранится у автора.

⁴⁶⁵ Материалы опроса.

соответствует исторически сложившимся моральным устоям народов Российской Федерации, в том числе и народов Северного Кавказа.

У чеченцев не принято переводить на свой манер заимствованные имена, как, например, это принято у якутов: Елена - Олооно, Ирина – Оруне. В целом, у чеченцев сохраняется произношение того народа, у которого заимствовано имя, хотя исключение составляют имена Фаттахь или Фатима, произносимые как Паттахь и Патима по причине отсутствия в чеченском языке звука «ф».

Как мы отметили, в Чечне очень популярны исламские имена, в этом нет ничего странного, так как активная исламизация чеченцев, по сведения историков, началась с 16 века⁴⁶⁶. Предпочтение отдаётся имени Пророка Мухаммеда (с.а.с), именам его близких родственников, даже не имевших отношение к его религиозной деятельности, и сподвижников, названиям месяцев мусульманского календаря (Рамзан, Курбан, Раджаб и т. д.). Имена пророков, переведённые на восточный манер, начиная от Адама, также очень нарекаемы. Следует заметить одну интересную деталь: среди женских имён чаще встречаются европейские имена, чем среди мужских. Наверное, это объясняется тем обстоятельством, что имя женщины, в отличие от мужского имени, слабо представлено в антропонимической модели.

У чеченцев не принято, чтобы супруги друг друга называли по имени. Когда речь заходит о жене, чеченец бывает очень лаконичным, называя её «эта» (х1ара), «которая в доме» (чохь ерг), «сноха моей матери» (тхан ненан нус), «мать детей» (берийн нана), а иной раз допускает иронию – «меня несчастным сделавшая» (со дакъза ваьккхинарг). Жёны называют мужа «он», «этот» (х1ара), «наш человек» (тхан стаг), «отец детей» (берийн да). Если речь идёт о покойнике - «ушедший к Всевышнему» (Далла дуйхьал вахнарг).

⁴⁶⁶ Магамедханов М. М. Дагестанцы. Языковые и социокультурные аспекты самосознания. – М., 2008. – С. 58.

Снохи не называют по имени всех родственников и родственниц мужа, равно как их жён и мужей, включая детей, родившихся до её прихода в дом мужа. Она придумывает разные имена - комплименты, пользуясь тем самым удобным моментом угодить родне супруга, например, сестёр мужа называет «красивыми», «хорошими», «гордыми», «дорогими», даже если это вовсе не так. Младшие не называют по имени стариков, независимо от того, являются они родственниками или нет. К ним обращаются, называя их «Большой человек» (Воккха стаг). Вот этот самый «Большой человек» наделён неписаными правами, например, он любого молодого имеет право отругать, при необходимости, а если посчитает нужным, ударить пару раз посохом. Молодой обязан в ответ улыбнуться и извиниться, иначе он заслужит оскорбительную кличку – «Газа» (коза). В то же время, имя Бошто, т. е. козёл – вожак, несёт в чеченской ономастике положительную информацию. Нарекая таким именем ребёнка, хотят в нём видеть лидера и вожака. Однако имя это, произнесённое на русском языке, будет для чеченца унижительным, потому что в русской традиции козёл является отрицательным персонажем.

В чеченской антропонимике присутствует тенденция к упрощению имени. Отличие упрощённого имени от настоящего в том, что первое имеют право произносить все, в том числе снохи и дети. К примеру, следующие: Абубакар – Абака, Джабраил – Даби, Махьмад – Мама (с кратким ударением на гласные), Аминат - Ама, Байсари - Байса, Салман – Самма, Ширвани – Шива.

Есть личные чеченские имена, которые употребляются вместе с добавлением «хаджи», обозначающего по-арабски человека, который совершил паломничество в Мекку. Однако давно в чеченской антропонимике «хаджи» выступает и как самостоятельное имя, и как составная часть имени, если даже он не совершал хадж.

У чеченцев довольно часто встречаются сложные имена (шалха цЦераш), типа Саид-Магомед, Саид - Ахмад, некогда означавшие имя

собственное и имя отца, где, согласно восточному правилу, имя отца стоит впереди. Постепенно такая формула имени превратилась в личное имя.

Второй царь Картли Саурмаг, как известно, был племянником дзурдзуков. В грузинской ономастике имя Саурмаг не представлено и грузинская этимология имени, в отличие от кистинской, не имеет ясности. По мнению кистинцев, это имя – Совр маг долуш (внешне приятный) - дали своему племяннику дзурдзуки, оно имеет смысл «сверхположительный, сверхправильный, сверхживучивый, т. е. имя, несущее информацию о желании видеть этого ребёнка необыкновенной личностью, с **незаурядной внешностью**, так считают чеченцы Панкиси⁴⁶⁷.

Но известно ряд других мнений, в частности, мнение профессора Явуса Ахмадова, относящее это имя к ираноязычному пласту. Мнение же кистов основано на вайнахской традиции, когда в знак особого восхищения, связанного с рождением наследника, усиливающего узы родства, было принято обращение отцовской стороны ребёнка к материнской стороне, с просьбой «прислать имя» («цIе яитар») и, наоборот, обращение материнской стороны к отцовской стороне, по тем же мотивам, с инициативой «наречения именем» («цIе тиллар»).

Кистинская ономастика в настоящее время представлена богато: в ней присутствуют чеченские, грузинские, исламские, европейские, в том числе славянские, имена. Один кистинец в шутку даже заметил: «Скоро у нас будут и американские имена»⁴⁶⁸.

По тем сведениям, что мы имеем из Турции и Иордании, проживающие там этнические чеченцы сумели сохранить в некоторой степени чеченский язык и чеченские традиции, но национальная антропонимика там практически не встречается. Она полностью исламизирована.

⁴⁶⁷ Полевые материалы автора. 2011 год. Ущелье Панкиси. Грузия.

⁴⁶⁸ Полевые материалы автора. 2011 год. Дуиси. Грузия.

В заключении хотелось бы чуть подробнее остановиться на таком имени, которое чаще других мужских славянских имён встречается в чеченской, ингушской – и вообще в кавказской среде. Это имя Борис.

Исследователь Н. С. Бибулатов приводит известное предположение К. Менгеса, что в основу славянского антропонима Борисъ могло лечь тюркское название волка «бори», тем более, что подобные «звериные имена» у древних тюрков имели распространение, но, не обнаружив видимых причин возникновения имени на алтайской и славянской почвах, он посчитал такую этиологию невозможной. Тем не менее, эта мысль была подхвачена некоторыми тюркологами. В работе болгарского исследователя С. Ильичёва поддерживается тюркская основа имени Борис⁴⁶⁹. Дело в том, что нахское название волка – «буорз» (чеч.), «буарз» (инг.) удачно перекликается с тюркским названием волка – «бори» и, разумеется, с обсуждаемым славянским антропонимом – Борис.

Ингушский этнограф Н. Г. Ахриев и лингвист А. С. Куркиев правильно считают, что имя Буорз (волк) восходит к древнейшей части нахской лексики, к словам основного словарного фонда⁴⁷⁰, однако для убедительности они не объясняют этимологию этого слова.

По нашему мнению, этимология слова «буорз» восходит к нахскому «буо-р-дзе» и означает следующее: буо – одинокий; р – формант, указывающий на принадлежность; дзе – отрицание, где устойчивый звук –з- в слове сохраняется, а неустойчивый –д- выпадает. В итоге дословный перевод выглядит как «одиноко принадлежащий не», «не одинокий», т. е. «стайный». Волк – животное стайное.

Таким образом, в чеченской антропонимике, как и у других народов, присутствовали имена, связанные с космогоническими представлениями народа и отражающие окружающий зооморфный мир. Имена несут сведения о хозяйственной деятельности, социальной и духовной жизни народа,

⁴⁶⁹ Бибулатов Н. С. Чеченские имена. – Грозный, 1991. – С. 6-7.

⁴⁷⁰ Там же. – С. 6

проливают свет на традиции и обычаи, черты характера, которые возникли в определённых природных и исторических условиях. На данный момент чеченская антропонимика представлена разнообразно, но национальные имена в ней занимают маленькую долю. Подавляющее большинство имён (до 80%) исламские, которые, как известно, относятся к арабоязычным именам, а они восходят к арамейским, древнееврейским, тюркским и другим именам. Остальные имена европейские, в том числе и славянские, на долю национальных имён приходит мизерный процент. Национальная антропонимика находится на грани исчезновения.

Подводя итоги четвёртой главы, приходим к заключению, что возникновение и развитие календаря вайнахов, как и других народов, было продиктовано хозяйственными проблемами. Люди, которые пахали, выращивали урожай, занимались скотоводством, развивали производство, не могли обходиться без календарной системы. В календаре чётко нашли отражение: смена дня и ночи (де-буьйса), неделя (кIира), месяц (бутт), год (шо). Год делился по хозяйственным циклам. В календаре чётко обозначены времена года, которые делились на части, тем самым выясняется, что год делится на части, соответствующим пониманию месяцев в году. Каждый месяц имеет своё название. Локальные варианты календаря отражали специфику хозяйственных занятий. Календарь совершенствовался с улучшением методов хозяйствования. В народном календаре чеченцев нашли отражение и духовные воззрения народа.

Историческая метрология чеченцев возникла с необходимостью хозяйственного освоения окружающей среды. Она донельзя правильно отражает отношение природа – человек. Чтобы вести целенаправленную хозяйственную деятельность человек должен сравнивать, измерять, взвешивать, фиксировать. Термины, обслуживающие метрическую систему чеченцев доказывают, что традиционное хозяйство чеченцев было поставлено на уровень хозяйственной культуры. Историческая метрология

чеченцев развивалась в едином культурном пространстве народов Кавказа, России и Востока.

Чеченская антропонимика удачно вписывается в историю антропонимики других народов, она ясно отражает все этапы становления антропонимической модели чеченцев и влияние других культур – восточной, славянской, европейской. Чеченская ономастика на данный момент оказалась настолько интернациональной, что доля собственной антропонимики чеченцев на своей этнической родине оказалась самой малой. Традиционную ономастику сохранили чеченцы Грузии – кисты. Чеченцы, проживающие в Иордании и Турции, сохранили чеченский язык и традиции, но традиционную ономастику, к сожалению, забыли.

Заключение

Подводя итоги данного исследования, отметим, что на Кавказе представлены ранние археологические культуры, включая самую древнюю из них - Олдувейскую. В республиках Закавказья были найдены каменные орудия галечной культуры, сходные с примитивными орудиями Олдувейской эпохи древнекаменного века, являющейся первым этапом в истории человечества (М. М. Гусейнов, Г. Н. Ниорадзе, Б. Ерицян, Б. Гаспарян). Сенсационные открытия, сделанные российскими археологами во главе с Х. А. Амирхановым в Центральном Дагестане, также значительно изменили древние представления о Северном Кавказе. Представленные здесь археологические культуры являются самыми древними для всей территории России. Вполне вероятно, что архетипы Олдувейской культуры присутствуют и на территории других Республик Северного Кавказа, включая Чечню, так как, по мнению специалистов, не исключена возможность, что находятся на пути следования гоминид из Восточной Африки на территорию расселения Евразии.

В чеченском языке нами выявлены названия предметов, которые, на наш взгляд, имеют прямое отношение к древним видам орудий труда, к очень далёкому периоду трудовой деятельности: каменное рубило – «*диерто*»; каменный скребок с выемкой – «*ванто*»; отщепы – «*цкъацкъар*»; клювовидное орудие – «*зюко*»; каменные и костяные острые режущие и колющие предметы – «*макху*» и «*мIачиг*».

Как известно, хозяйственная деятельность народа протекает в естественной и социальной среде. Убеждаемся, что восприятие окружающей действительности у чеченцев происходило с позиции деятельности: Вселенная – *ание*, природа – *Иалам*, материальная часть природы – *джилИалам*, часть природы, из которой берут продукты для поддержания жизни – *шуон*, часть природы, как общество, социум – *уьйре*. Последний

термин донельзя правильно отражает гармонию человека и с обществом, и с природой. Реальная действительность диктовала такой организации общества – уйре, основанного на хозяйственных связях.

В результате освоения окружающей среды чеченцы, как и другие народы Кавказа, накопили хозяйственный опыт, создали производящее хозяйство, выработали хозяйственную культуру, которая стала частью этнической культуры. У них было пашенное, орошаемое и террасное земледелие; пастушеское и отгонное скотоводство; домашние промыслы; хозяйственный календарь, развитая метрология и народные знания; богатое устное народное творчество; монолитный архитектурный тип строений, включая башенные строения; музыка и танцы; уникальная тактика наблюдения и ведения боя; органы, исполняющие государственные функции (регулирование вопросов, связанных с внешними отношениями и внутренним устройством общества) и многое другое - всё это составляющие богатой этнической культуры.

Разумеется, культурное общество «уйре» требовало наличия и письменности. На ранней стадии для передачи информации чеченцы пользовались пиктографами, клинописью (*зайла йоза*), игловым письмом (*меха йоза*), а на позднем этапе - письменностью своих соседей.

Чтобы лучше понять историю развития культуры хозяйственной деятельности мы попытались разобраться в семантическом поле некоторых значимых этнонимов и топонимов. К таковым, прежде всего, относится сам Кавказ.

Название Кавказа, по нашему мнению, связано с активными миграционными процессами, что имели место в этих краях, и оказывали заметное влияние на культуру хозяйственной деятельности. Лексема «Кавказ», как нам представляется, прячет в себе компонент «дзе/дзие», вносящий некое отрицание. Отрицание – это философская категория, присутствующая там, где есть процесс. В слове «Кавказ» компонент «з», оставшийся от «дзе», придаёт смысл «неуспешности с воротами» (Кав –

ворота), что в итоге позволяет перевести «Кавказ», как «*неуспешные, труднопроходимые ворота*». Указанный формант – *дзе/дзие* – присутствует во многих кавказских языках, в частности, адыгском, грузинском, абхазском, осетинском и т. д. и имеет общекавказскую природу. Возможно, он относится к языкам яфетического круга.

Пхьармат находит реальное подтверждение в производственной деятельности, откуда возносится до мифического героя. Слова с основой «*пхья*» восходят к производству, к какой бы сфере деятельности они не относились. Представляется, что производственные артефакты следует искать там, где присутствуют топонимы с основой «*пхья*». Неправильно считать «*пхья*» и «*кхьялла*» простыми поселениями людей, как это принято в литературе (Чокаев, Алироев), в то время, когда «*пхья*» - это поселения, основанные вокруг производственных мест – кузнечных, гончарных, металлоплавительных мастерских, не связанные напрямую с земледелием и скотоводством, но обслуживающие их запросы. Поселения земледельцев как раз у нас назывались «*кхьялла*».

Не могут быть сведены к идентичности слова «*нах*» и «*нуох*», так как их основы несут разные смысловые нагрузки. «*Начха*» («*начоха*») и «*нахча*» («*нахача*») – это **способы производства**, внутренний и внешний, присутствующие в хозяйственной деятельности. Они с таким же успехом могли участвовать и в другой сфере, в частности, этногенезе, как вызванные внутренними («*начха*») и внешними («*нахча*») факторами. Названные способы пришли в социум из хозяйственной деятельности чеченцев, поэтому мы их находим в изготовлении сыра, в металлообработке, гончарном производстве и т.д. Деятельность и сознание, как это известно из теории деятельности С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева, образуют органическое единство. Как внутренние процессы, так и внешние процессы, одинаково важны для достижения конечного результата в любой сфере деятельности.

Чеченцы, как и все народы Кавказа, издревле занимались земледелием, скотоводством и промыслами, что подтверждается многочисленными

археологическими находками и выводами учёных. Благоприятные, хотя и своеобразные, условия Кавказского края, требовали у своих обитателей большого трудолюбия.

Хозяйственная деятельность выдерживала уровень хозяйственной культуры, потому что мы находим целенаправленную деятельность с осознанием пользы и поиском выгоды. Лучшие традиции передавались из поколения в поколение, на них базировались духовные ценности. Такие термины, обслуживающие производящее хозяйство, как *ной* (процесс разветления), *лание* (место, выдерживающее основную хозяйственную или другие нагрузки), *хатт* (комбинирование), *хор* (соединение одинаковых, но разных по качеству) *чох* (процесс изнутри), *хач* (процесс извне), *саро* (гибкость и лавирование), *рига* (естественная форма чего-то, образование формы), *джа* (практичность), *колх* (ремесленник), *изч* (смещение процесса), *уоч* (расстройство процесса), *пиерс* (искривления в процессе). Несомненно, эти термины относятся к глубокому пласту языка, имеют богатые параллели в других языках. Последнее может быть следствием или генетического родства, или длительного периода совместного проживания и культурных связей и взаимовлияний. К какой бы языковой среде (нахской или другой) они не относились, смысл их мы находим в хозяйственной деятельности.

В чеченском обществе довольно влиятельными были гендерные аспекты. В меру своих возможностей, трудились все члены семьи. Все работы в хозяйстве делились на мужскую и женскую. Ещё ранее наметилось разделение труда независимо от гендерной принадлежности. Физически тяжёлую работу выполняли мужчины. В зависимости от гендерной принадлежности были запреты и поощрения в поведении, приёме пищи, цветовой гамме, стиле одежды и т. д. Огромный массив хозяйственных работ чеченцы выполняли сами. Самые тяжёлые работы в хозяйстве: подготовка сельхозинвентаря, пахота, сев, сенокос, уход за скотом,

строительные работы, заготовка дров, а также промыслы, связанные с обработкой камня, дерева, шкур и т. д. - выполняли мужчины. В обязанности мужчин входили вопросы, связанные с социальными вопросами. Трудолюбие кавказской женщины заслуживает, конечно, восхищения, но утверждение, что она занималась изнурительно тяжёлыми работами в то время, когда мужчины бездельничали и пьянствовали (Рейнеггс, Самойлов, Воронов, Ган...), не верно. Сфера деятельности женщины больше была приближена к домашнему очагу. Перекосы в распределении обязанностей были вызваны особыми обстоятельствами.

На примере древнего чеченского общества «Чеберлой» выясняется, какие интересные хозяйственные и культурные традиции были характерны для Чечни. Диалект чебирлойский, сохранивший древние формы чеченского языка, когда литературный чеченский язык испытал на себе большое влияние тюркизмов, аланизмов и славянизмов, арабизмов правильно доносит до нас смысловое содержание многих терминов. Глубоко ошибаются те, кто целенаправленно искажают истину и утверждают, что чеберлойский диалект искажает чеченский язык.

Чеченцы Панкиси (Грузия) сохранили давние хозяйственные традиции чеченцев, находясь в иноэтничном окружении, но также испытали влияние другой культуры.

Отмечая особенности земледелия в Чечне, следует обратить внимание на природные зоны Чечни, которые присутствуют достаточно много на сравнительно небольшой площади Республики. Многообразие орудий полеводства, включая и пахотные орудия, объясняется наличием земледельческих зон, разных по уровню сложности. Высокое развитие горного животноводства и интенсивный характер равнинного земледелия вовсе не были взаимоисключающими, наоборот, они в разной степени дополняли друг друга. Развитое террасное земледелие (*оганаши, учеш*) в

высокогорной Чечне и подсечное земледелие (*ирзу*) в восточной части горной Чечни являлись следствием нехватки пахотных земель. В то же время земледельческая зона Чеченской равнины была продуктивной и обеспечивала хлебом не только горные районы Чечни, где не хватало собственной зерновой продукции, но и поставляла в значительном количестве хлеб в другие края, за что её называли житницей Северо-Восточного Кавказа.

Скотоводство было развито повсеместно. О высокой культуре скотоводства чеченцев, кроме всего, свидетельствуют подземные и полуподземные строения для мелкого рогатого скота – «*джен джобланаиш*», из которых особо следует выделить полуподземные арочные – «*нартол джобланаиш*», являющиеся образцами архитектурного мастерства. Строительство такой овчарни под силу было только крупным барантоводам, она оправдывала себя многими удобствами. Скотоводческое хозяйство обслуживал популярный лексикон, у него даже были свои друзья и враги – собаки и волки, в хозяйстве также сложилась богатая зоонимика.

Домашнее производство чеченцев представлено всеми видами производств, что было характерно для народов Кавказа, они базировались на формах хозяйственной деятельности и развивались, приспособляясь к окружающему ландшафту. Ранние археологические свидетельства о домашних производствах на Кавказе относятся к эпохе неолита. Гинчинская и Чохская культуры, характерные для всего Северного Кавказа, богато представлены архетипами производственной деятельности. Большое количество орудий труда обнаружено также на самых ранних поселениях, зафиксированных на территории Чеченской Республики в районе озера Кезеной-Ам, Хой, Ведено.

В изучаемый период самым распространённым промыслом в Чечне, так же как на всём Кавказе, был шерстеобрабатывающий промысел, благодаря

хорошей сырьевой базе. Он включал в себя несколько подвидов, каждый из них был хорошо представлен и имел экономическую значимость.

Высокий уровень производства войлочно-валяльных изделий отмечали исследователи кустарных промыслов Кавказа, выделяя при этом кумыкочеченский район. В этом производстве были заняты исключительно женщины.

Войлочно-валяльное производство включало полстяно-ковровое производство, производство мелких войлочных изделий, бурочное производство.

Ко второй половине XIX в. в Чечне, преимущественно в предгорных районах, оформились центры по производству крашенных войлоков, среди них выделялись Шали, Центорой, Ведено, Старый-Юрт, Шатой.

Производство бурок широко практиковалось на Кавказе. В своей эволюции бурка прошла несколько этапов от простой войлочной накидки до цельнокроеного типа одежды. Ранние виды бурок – *бото*, *борти*, *чоборти*, *бурси* – предшествовали той бурке (*верта*), которая получила широкое распространение на Кавказе, в том числе и в Чечне. Чеченские бурки отличались плотностью и тониною. Хотя бурки больше были востребованы в горных условиях, но производство бурок в Чечне в изучаемый период распространилось в местах со щелочными источниками и другими удобствами для стирки бурочных изделий. За горной зоной закрепились роль крупного поставщика сырья. Чеченские ходовые бурки считались одними из лучших на Кавказе. Нарядные бурки высоко ценились андийские. Высокий спрос на бурки в XIX веке объясняется военной обстановкой, которая сложилась на Кавказе на протяжении всего века. В настоящее время войлочно-валяльного промысла в Республике не зафиксировано.

Носители Северокавказской культуры издавна занимались домашним ткачеством. В изучаемое время женщины ткали цветные безворсовые ковровые полотна и ремни различного назначения. Сукно ткали, как грубое,

так и тонкое, естественных тонов, позднее, подражая фабричному сукну, ткали в полоску и клетку из предварительно окрашенной пряжи. Стандартные размеры кусков устанавливались с расчётом на мужскую черкеску и женское платье. Во второй половине XIX века среди чеченских мастериц наблюдается специализация на ткачих и швей. Расцвет домашнего суконного производства приходится на середину XIX века, а со второй половины начинается его спад, в связи с активным проникновением на рынки изделий из фабричного сукна.

Ткацкий стан чеченцев удачно вписывается в семью ткацких станов народов Кавказа и напоминает станы народов Кавказа. Все детали стана и вспомогательные орудия обозначены терминологией с ярко выраженной нахской этимологией, на приме: диест, толу, хьани¹, карс и т.д.

В изучаемый период в народных промыслах чеченцев широко практиковалось искусство окрашивания изделий растительными, а затем и искусственными красителями. Тщательно отработанная технология окрашивания и богатая база цветообразующих терминов убеждает нас в том, что чеченцы издревле были знакомы с искусством крашения. Цвета являлись носителями смыслового содержания. Мастерицы придавали значение сочетаниям цветов. Тщательно подбирали цветовой текст.

На Кавказе активно культивировалась марена, которая до появления искусственных красителей являлась рекордсменом среди растительных красителей. В Чечне встречались целые мареновые рощи – *«цIийдаран боьра»*, а в лесных массивах – мареновые заросли.

Обсуждение на страницах газеты «Тифлисский Вестник» показало, что марена не сможет существовать рядом с искусственным ализарином. Вскоре оправдались прогнозы известного химика А. М. Бутлерова, что марена со временем будет полностью вытеснена, и освободятся площади, занятые плантациями.

В начале XX века в Чечне оформилось красильное ремесло в таких сёлах, как Дуба-Юрт, Ведено, Старый-Юрт, Нойбери Шали, Старые Атаги,

где появились специализированные красильные мастерские. С развитием товарно-денежных отношений для мастериц главное заключалось в том, чтобы создать товарный эффект от сочетания цветов, чем сохранить его смысловое содержание.

Гончарное производство на Кавказе имеет давнюю историю, начиная с V тыс. до н.э. Первые керамические изделия в Восточном Кавказе представлены в Гинчинской культуре, датируемой эпохой энеолита. Гончарные изделия представлены во всех археологических культурах, имевших место в Чечне. В изучаемый период керамическое производство носило рыночный характер. Изделия пользовались спросом на рынке, особенно ценилась чёрная керамика, в технологии которой было предусмотрено добавление бронзы. Исследователь кустарных промыслов О.В. Маркграф высоко оценивал мастерство чеченских гончаров.

Производство изделий из овчины, было продиктовано их надобностью в повседневной жизни. Первые свидетельства этого производства на территории Чечни: скребки с ретушью, используемые для соскабливания жира со шкур животных, – относятся к мустьерской эпохе каменного века. Обработка шкуры, а позднее выделка кожи, входили в обязанности мужчин. Время отлёживания, за которое шкура набирала некое необходимое качество, называлось «*Ала дар*». Из овчины делали тёплые предметы разнообразной одежды, а также подстилочные коврики и мешки. Из кожи делали, кроме одежды и деталей к одежде, детали предметов вооружения, конской упряжи, сумки, вырезали лекало для орнамента.

Территория Центрального Кавказа являлась одним из крупнейших центров металлопроизводства в Европе, начиная со II тыс. до н.э. На территории современного Дагестана и Чеченской Республики (в районе села Зандак) найдены значительные следы металлопроизводства. У окраин с. Хакмадой, Шарой обнаружены остатки металлоплавильных мастерских. Местная сырьевая база способствовала развитию этого ремесла.

В изучаемый период в Чечне зафиксировано достаточное количество кузниц, где изготавливали весь необходимый инструментарий, включая сельхозинвентарь. В настоящее время в Чеченской Республике хорошо развита художественная обработка металла, поэтому промысел не относится к ряду исчезнувших промыслов.

При археологических раскопках на территории республики частыми находками являются металлические украшения, в том числе и из цветных металлов, а также украшения из камней (Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова, М. Х. Багаев). Украшения впервые представлены в Восточном Кавказе в артефактах Гинчинской археологической культуры. В могильниках древности и средневековья Чечни (Дай, Гуни, Сержень - Юрт, Дуба – юрт, Элистанжи и т. д.) изобилуют ювелирные украшения.

Центрами развитого ювелирного дела в Чечне являлись сёла Шали, Урус – Мартан, Атаги, Ведено, Шатой, Макажой, Шарой. Ювелиры были востребованы в Чечне, так как национальный костюм требовал к себе дополнений в виде богатых украшений.

Камень служил надёжным строительным материалом, но его стали обрабатывать до того, как стали делать каменные строения. Свидетельством являются многочисленные каменные орудия труда, предметы бытовой утвари, а также надмогильные памятники.

Каменное зодчество в Чеченской республике представлено уникальными строениями – это, прежде всего, стены, ограждения, высокие башни, мощные замковые комплексы и другие жилые, хозяйственные и культовые сооружения.

Издrevле камень служил не только строительным материалом, из него делали и другие бытовые предметы - чаши, пряслица, мельничные жернова, коневязи, массивные каталки для утрамбовки глиняного покрытия на крышах и т. д. Камень использовали для надмогильных плит.

В изучаемый период камень был важным строительным материалом.

В настоящее время камень также востребован в качестве строительного материала.

Обработка дерева была особенно развита в зоне лесной полосы, что соответствует предгорью. Специфика изделий из дерева, кости и рога такова, что они плохо сохранились в земле и среди археологических находок наличествуют слабо, но существование ряда домашних производств в древности, указывают на то, что в хозяйстве без них не обходились. Дерево, как и камень, является строительным материалом, более того, из него изготавливали кухонную посуду, различные ёмкости, самые практичные орудия труда, средства передвижения и музыкальные инструменты.

Дерево и в настоящее время остаётся очень востребованным материалом в Республике и как строительный материал, и как материал для изготовления мебели и производства художественных изделий.

Обработка рога и кости. Это ремесло было распространено среди чеченцев, издревле. Первое изделие из кости, найденное на Северном Кавказе, – чаша из кости мамонта, обработанная кремневым орудием, датируется верхним палеолитом. В изучаемый период из кости и рога делали рукоятки кинжалов, пороховницы, накладки на луки, наконечники стрел, наборы для поясов, газыри, гребни, иглы и т. д. Из трубчатой кости делали музыкальный инструмент, принадлежности для детской люльки и ткацкого ремесла. Из кости делали красивые чётки – «*висуриш*».

У чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, существовали традиции утилитарного производства плетёных, стеганых и вышитых изделий. Плетению предшествовало прядение и сучение, как древние виды производств, до возникновения ткачества. Плетёные изделия из любого подручного материала – прутьев, волокон животного и растительного происхождения и т. д., были востребованы в производящем хозяйстве чеченцев. В зоне лесной полосы большое распространение имело изготовление плетней для жилых и хозяйственных строений, а также

производство предметов сельхозинвентаря – этим промыслом занимались мужчины. Женщины изготавливали большое количество шнуров, тесьмы, жгутов, веревок, включая и декоративную тесьму, которой украшали как одежду, так и предметы быта. Стёгаными были некоторые предметы одежды и постельные принадлежности. В искусстве стегани прослеживается глубокая связь с культурой возделывания земли, что свидетельствует о давности этого производства. Вышивка появилась позже. Вышивкой украшали как женскую и детскую одежду, так и костюм мужчин. Технология всех приведённых изделий вышивки сопровождается терминами с ярко выраженной нахской этимологией – *тир, дага, тикма*.

Из орнаментальных мотивов особого внимания заслуживает философия «Древа жизни», которая нашла воплощение в искусстве многих стран и народов, в том числе и чеченцев. Первые представления о нём восходят к IV – III тысячелетию до н. э. В этносознании чеченцев «Древо жизни» отражает нечто, как начало и становление человеческой цивилизации. Прежде всего, оно показывает его единое происхождение от одной Праматери – «*На*». Части «Древа жизни» имеют свои названия. Орнамент «Древо жизни» очень хорошо представлен в художественных войлочных коврах чеченцев, а также чеканке.

В равнинной Чечне производили шелк-сырец, из шелковичных коконов получали шёлковую нить, из которой ткали шёлк. Продукция из шёлковой нити и шёлковой ткани имела большой рыночный спрос.

В настоящее время производство подобных изделий исчезло, за исключением изготовления плетней, стегания одеял и сучения нити на веретене.

В домашних производствах чеченцев практиковались безотходные технологии, выработанные в течение длительного трудового опыта. Это относится и к переработке пищевых продуктов животного и растительного происхождения, и к домашним промыслам, где практически всё сырьё

находило целесообразное применение. Не менее выгодное применение находило в хозяйстве чеченцев и вторичное сырьё.

Пища является устойчивым элементом материальной культуры. Она продолжает сохранять традиционные черты, хотя активно поддаётся заимствованиям и новациям. Народам Кавказа, в том числе и чеченцам, было характерно земледельческое понятие пищи. Пища чеченцев была двух видов: животного и растительного происхождения. К производству муки из зерновых имели непосредственное отношение ручные и водяные мельницы. Интересно подчеркнуть, что количество мелких водяных мельниц возрастало по мере усложнения горного ландшафта из-за неудобств перемещать грузы на большое расстояние. В пище чеченцев присутствовали все необходимые компоненты: белки, жиры и углеводы. Она была повседневная, праздничная; похоронно-поминальная; гостевая; для рожениц, детей и стариков; для воинов и косарей; лечебная и т.д. Известны напитки и приправы к блюдам. В домашней кухне отражались материальное положение, социальный статус и культура хозяев. Имели место запреты и поощрения в пище, связанные с гендерными и возрастными особенностями. При обработке пища проходила несколько этапов: сырьё, полуфабрикат, снедь и блюдо, что соответствует классификации, данной С.А. Арутюновым. В рационе питания чеченцев, проживающих в горных и равнинных сёлах, не было сильных расхождений, потому что в изучаемое время были хорошо налаженные развитые торговые отношения не только между этими районами Чечни, но и с соседними республиками: Дагестаном, Грузией и Россией.

Чеченский календарь и календарная терминология безусловно отражают отношение человека и природы, знание законов природы, через постижение которых деятельность людей становилась продуктивной. В календаре чётко нашли отражение: смена дня и ночи (*де-буьйса*), неделя (*кIира*), месяц (*бутт*), год (*шо*). Год делился по хозяйственным циклам. Термины имеют нахскую этимологию

В прошлом вайнахи год делили, прежде всего, на два больших сезона, что было связано с важнейшими фазами сельскохозяйственных работ и климатическими условиями. Что касается лета и весны, они были как бы промежуточными между ними, но в то же время и самостоятельными: весна между зимой и летом, а осень между летом и зимой, итого четыре времени года. Каждое время года в свою очередь делилось на три периода, в итоге получалось, что чеченцы год делили на 12 частей, что соответствует 12-ти месяцам в году, каждый месяц имеет своё название с нахской этимологией.

В чеченском календаре нашли отражение и локальные варианты, поскольку зависимость форм хозяйственной деятельности от географического ландшафта общеизвестна, и календарь фиксировал те виды хозяйственных занятий, которые преобладали в данной местности. Поэтому в названиях месяцев нашли отражение все основные хозяйственные занятия вайнахов. В горных районах, где традиционно преобладали отрасли животноводства и все промысловые занятия, связанные со скотоводством, календарь больше был ориентирован на фиксацию тех периодов, когда начинались и завершались эти хозяйственные заботы. Тем не менее, к концу XIX - началу XX века в чеченских обществах, как равнинных, так и горных, утвердились названия 12 месяцев, которые приводит в своей работе З. Мадаева.

До принятия ислама пятница у чеченцев называлась «пхехъра», т. е. пятый, как порядковое число (Лаудаев, Ужахов). С принятием ислама утвердилось другое параллельное название пятницы – «рузбан де» (день пятничной молитвы). Исследователи считают, что такое название чеченской пятницы как «п1ераска», бытующее до сих пор, восходит к христианской святой Параскевии, которой активно поклонялись на Руси и в Грузии в средние века. Это свидетельство о давних хозяйственных и культурных связях чеченцев со многими народами, хотя и создаёт ложное мнение, что в календаре чеченцев отсутствовало собственное название дня недели.

Чеченская историческая метрология сложилась в глубокой древности, поскольку была востребована в хозяйственной деятельности народа. Как и у всех народов, меры носили антропометрический характер. В мерах объёма активно участвовали ладони рук, сложенные в форме объёма. Затем появились специальные мерные эталоны из природного и производного материалов.

Ёмкости для измерения объёма условно можно разделить на следующие виды: 1. Мешкообразные; 2. Деревянные и плетёные; 3. Емкости для жидкости или сыпучих тел. Кроме этого есть разные пучки, связки, кучи и т. д., участвующие, благодаря своему объёму, в системе метрических измерений.

В измерении длины участвовали и руки, и ноги. Расстояние измеряли, как и у других народов, такими категориями: пеший путь, конный путь, на слух, на глаз, на выстрел, на лай собак, ржанье лошадей и т.д. Метрическую оценку площади давали в зависимости от хозяйственных целей.

Меры объёма, веса, длины и расстояния и их названия раз изменялись в соответствии с развитием производительных сил, более того, постоянно находясь во взаимовлиянии. Следовательно, в народной метрологии чеченцев присутствуют собственные меры измерения объёма, веса, площади, расстояния и меры заимствованные, имеющие иноязычную этимологию, что свидетельствует о связях чеченской метрологии с древними культурами. Встречаются идентичные названия у разных – *кад* (чеч.), *коди* (грузин.), *коти* (арм.); *гурда* (чеч.), *гуерди* (грузин.), *гиба* (чеч.), *гоби* (грузин.). По мере вхождения кавказского региона в общий рынок устанавливались единые меры не только объёмов и вместимостей, но и длины, расстояния, площади, как это произошло, например, с аршином или малой и большой пядями. Таким образом, народная метрология чеченцев развивалась в едином хозяйственном и культурном пространстве народов Кавказа, а также России, Средней Азии и других регионов.

Народная метрология давно уступила место современным метрическим измерениям.

Антропонимика чеченцев своими корнями уходит в глубокую древность. Термин «*цIe*» (имя) относится к глубокому пласту нахо-дагестанского языка и имеет связь с такими сакральными понятиями как огонь, дом, кровь. Имена несут богатые сведения о хозяйственной деятельности, о социальной и духовной жизни народа, они связаны с космогоническими представлениями народа и отражают окружающий зооморфный мир. Имена являются непосредственным отражением традиций и обычаев, которые в свою очередь возникли в определённых природных и исторических условиях.

Антропонимическая модель чеченцев включает три компонента: имя, отчество и фамилию. Переход на двухкомпонентную модель в Чечне не приветствуется, поскольку это никак не соответствует ментальности чеченцев, традиция которых обязывала сначала называть имя рода и отца, а потом только личное имя.

В данное время на исконно чеченские имена приходится маленькая доля. Подавляющее большинство имён (до 80%) исламские, на втором месте европейские, в том числе и славянские. Последние преобладают среди женских имён, что, на наш взгляд, объясняется слабой представленностью женских имён в антропонимической модели чеченцев.

Антропонимика чеченцев, проживающих в Панкиси, включает и грузинские имена (*Гурам (м.), Натия (ж.) и т. д.*). Этнические чеченцы, проживающие в Иордании, Сирии, Турции, даже сохранившие язык и некоторые традиции, родную антропонимику, к сожалению, утратили.

Исламские имена, которые преобладают в чеченской антропонимике, относятся преимущественно к арабоязычным именам, а они, в свою очередь, восходят и к арамейским, древнееврейским, тюркским и другим именам, что является следствием культурного влияния.

В результате диссертационного исследования автор пришла к следующим основным выводам:

Изучаемый период был периодом и расцвета традиционной хозяйственной культуры, и упадка, начавшегося после 1917 года с новой политической эрой.

Хозяйственная деятельность чеченцев имеет глубокие корни, её становление прошло все этапы - от примитивного состояния до сложного для своего времени.

Хозяйственная деятельность являлась основой традиционного общества чеченцев «уьйре», которое держалось на хозяйственных связях и взаимопонимании членов общества. Основная этническая масса хозяйственные работы выполняла собственными силами.

Развитые формы хозяйственной деятельности и виды производств обслуживал богатый терминологический хозяйственный словарь с понятной нахской этимологией.

Хозяйственная деятельность стала частью этнической культуры чеченцев и нашла яркое отражение в народных знаниях, устном народном творчестве, искусстве.

Северный Кавказ, в том числе и Чеченская республика - это сложившийся с древних времён огромный хозяйственно-культурный массив.

Изученный материал с очевидностью свидетельствует о глубокой древности культуры хозяйственной деятельности чеченцев, о его богатстве, разнообразии и творческом подходе чеченцев к проблеме жизнеобеспечения.

В результате диссертационного исследования автор делает следующие рекомендации:

1. При археологических изысканиях особое внимание следует обратить на те топонимы, которые включают компонент – «пхья», так как, согласно нашей гипотезе, в этих поселениях должны быть следы производственных

работ – металлообработки, кузнечного и гончарного ремесла, поскольку корень – *пхъа* связан с поселением, основанного вокруг производственных заведений, типа металлоплавильных, кузнечных, гончарных, не имеющих прямого отношения к земледелию и скотоводству, но обслуживающих потребности земледельцев, скотоводов и воинов.

2. В средствах массовой информации и студенческих аудиториях целесообразно рассказывать о традиционных формах хозяйственной деятельности чеченцев, о хозяйственных терминах и исторически сложившихся ролях мужчин и женщин в ведении домашнего хозяйства. Следует изучать историческую метрологию и народный календарь.

3. В республике должны всячески стимулировать ту молодёжь, которая связывает свою трудовую деятельность с земледелием и животноводством. Необходимо рекомендовать им изучение традиционного опыта ведения хозяйства, как наиболее продуктивного в местных условиях.

4. Культуру принятия пищи, которая подразделяла пищу чеченцев на повседневную, праздничную и ритуальную следует регламентировать в соответствии с национальными традициями. Потеря собственных навыков, если даже это происходит в результате столкновения с более развитой культурой, приводит к убавлению культуры.

5. Народные художественные промыслы чеченцев должны быть возрождены на уровне сувенирного производства. Тем более, если мы ожидаем приток туристов. При этом чрезвычайно важно освоить малосерийное производство, чтобы работали индивидуальные мастерицы.

6. Строительство в горных районах должно осуществляться в соответствии с местными традициями. Не следует в горных районах практиковать современные строения из синтетического материала, не соответствующие традициям хозяйственного строительства и разрушающие гармонию природных особенностей и деятельности разумного человека.

7. Необходимо обратить серьёзное внимание на чеченскую антропониимику, которая имеет глубокие исторические корни, но находится

на грани полной деструкции. В чеченской республике истинно чеченских имён меньше, чем европейских и славянских, не говоря о мусульманских, которые восходят к арамейским, древнеарабским, древнееврейским, тюркским и т.д.

9. Необходимо вернуть в чеченский язык нахское слово «уьйре» - общество, т. е. социум, как часть природы, которое ясно указывает, что человек должен жить в гармонии и с обществом, и с природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазины: Историко-этнографическое исследование. - Черкесск, 1989.
2. Абдулвахабова Б. Б. Золотошвейное искусство чеченцев. Лавровский сборник: Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг.: этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ РАН, 2009.
3. Абдулвахабова Б. Б. Традиционная одежда чеченцев XVI – начала XIX века.//Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития Российского государства. – Хасав-Юрт, 2009.
4. Абдулвахабова Б. Б.Средневековый костюм вайнахов как историко-культурный феномен//Чечня на рубеже веков. Материалы научно-практической конференции. Т. I I.. – Грозный, 2004. – С. 91.
5. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – XX в. – М., 1978.
6. Агиева Л.Т Основные хозяйственные занятия ингушей в XVI-XIX вв//Вопросы истории Ингушетии. Вып.3 Магас, 2005. – С.21-29.
7. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII- начале XX века. – М., 1988.
8. Агларов М. А. Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев по XX в.// УЗИИЯЛ. Т. 13. - Махачкала. 1964.
9. Агларов М. А. Пища аварцев //Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967. – С. 276.
10. Агларов М. А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002;
11. Азербайджанцы. Историко-этнографический очерк//Академия наук Азербайджана, институт археологии и этнографии; - Баку, 1998. - 420 с.
12. Айдамиров А. Хронология истории Чечено - Ингушетии. - Грозный, 1991.

13. Айларова С.А., Тебиева Л. Т. Культура и хозяйство: взгляд Северо-Кавказских просветителей (кон. XVIII – XIX вв.). - Владикавказ, 2008.
14. Акаев В. Х. Национальная идея чеченцев. – Грозный, 2005.
15. Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный, 1994.
16. Акиева П.Х. Рождение, свадьба, смерть. Санкт-Петербург, 2014;
17. Ализаде Айна-ханум. Лагич. - Баку, 2010. –
18. Алимова Б. М. Этнокультурные взаимодействия в материальной культуре южных кумыков и дагестанских азербайджанцев (XIX-начале XX вв.). – Махачкала, 2007. – С. 135.
19. Алимова Б.М. Табасаранцы: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1992;
20. Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. -Махачкала, 1993;;
21. Алироев, И. Ю. Нахские языки и культура. - Грозный, 1978.
22. Алироев И. Ю. История и культура чеченцев. – Грозный, 1994.
23. Амирханов Х. А. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). - М., Таус. 2007.
24. Арсалиев Ш. М-Х. Этнопедагогика чеченцев. – М. 2007.
25. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. – Грозный, 1969.
26. Асталов В. А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – нач. XIX вв. Автореф. канд. дисс. – Грозный, 2004.
27. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России//Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001.– С. 14.
28. Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. – М., 2012.
29. Асхабов И. Чеченское оружие. М., 2003.
30. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX вв. – Грозный, 2002.

31. Ахмадов Ш. Б. Культура чеченцев в XVIII веке. // Культура Чечни: история и современные проблемы. - М., 2006.
32. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до конца XVIII века. – М., 2001. – 426 с.
33. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни В XIX – XX веках. – М., 2005.
34. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. - Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009.
35. Ахмедова К. С. История ботанических исследований на территории Чечни и Ингушетии за период с начала XVIII века по 60-ые годы XX века//Флористические исследования Северного Кавказа. – Грозный, 2011.
36. Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. М., 2008.
37. Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии, т. VI. - Тбилиси, 1973.
38. Берже А. П.. Чечня и чеченцы. - Грозный, 1991.
39. Бибулатов Н. С. Чеченские имена. – Грозный. 1991.
40. Булатова А. Г. Лакцы. – Махачкала, 1971.
41. Булатова А. Г. , Исламмагомедов А. И., Мазанаев Ш. А. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 2008. - 280 с.
42. Булатова А. Г. Сельскохозяйственный календарь, календарные обычаи и обряды народов Дагестана. - СПб., 1999.
43. Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003;
44. Броневский С. Новейшие географические известия о Кавказе. Ч. 2.- М., 1829. - С. 176.
45. Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана. - Махачкала, 1940. - С. 243.

46. Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий//Природа. 1936. - №2.
47. Вагапов А. Лексика цветообозначения в нахских языках//Материалы Всероссийской научной конференции «Интеграция науки образования и производства – решающий фактор возрождения экономики и социальной сферы в посткризисный период. – Грозный, 2003.
48. Вагапов А. К происхождению этнонимов чечен и нохчи. – Грозный, 2006.
49. Варданян Р. О. Метрологические единицы Армении (V-XV веках). – Ереван, 1988. – 334 с.
50. Вертепов Г.А. Общинные кузнецы в Чечне// Терские ведомости. - Владикавказ, 1898. № 137.
51. Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. - Владикавказ, 1897. Вып. 1.
52. Вестник Лам. Бюллетень Центра комплексных исследований и популяризации чеченской культуры. № 33.
53. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1966.
54. Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX вв.: традиции и инновации. - М., 1982.
55. Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2005.
56. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. - Махачкала, 1970.
57. Властов Г. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 160.
58. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шахсаидов А.Р. История Дагестана. - Махачкала, 1999.
59. Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков в XIX – начале XX в. – Махачкала, 1960.
60. Гаджиева С. Ш. Кумыки. - М., 1961.
61. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. – М., 1981.
62. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаев А. Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967.

63. Гарсаев Л. М. Вайнахская женская одежда (конец XIX-начало XX в.). – Грозный, 2005.
64. Гарсаев Л. М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков. – Саратов, 2009. - 289 с.
65. Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. (история, предания и наименования). – Саратов, 2009. - 250 с.
66. Гимбатова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – Махачкала, 2005.
- 66 а. Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007.
- 66 б. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX века). Махачкала, 2014.
67. Горчханова Г. А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII–начале XX в.) - Грозный, 1986.
68. Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица накануне Великой Октябрьской Социалистической Революции. - Грозный, 1968;
69. Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861 – 1900). – Грозный, 1963.
70. Гусейнов Г.-Р. А. К древней и средневековой истории нахских народов по этнографическим и этнолингвистическим данным // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе // Материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2007. – 414 с.
71. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К локализации Чунгарса и Вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (нонов) // Дагестанский этнографический сборник. № 2. – Махачкала, 2006. – 147 с.
72. Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1985.

73. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978.
74. Даутова Р. А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья //Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1983.
75. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Альбом. – Грозный, 1974.
76. Дзарахова З.М.-Т. Вековые устои ингушской семьи. Ростов-на-Дону, 2013.
77. Деревянко А. П. Исследования раннего палеолита Южного Дагестана: результаты и перспективы//Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции в Махачкале 1 – 5 октября в Махачкале. - Махачкала, 2007.
78. Джапаридзе Г. И. Очерк по истории грузинской метрологии (IX-XIX вв.). - Тбилиси, 1977. - 177с.
79. Джапаридзе О. М. О ранней стадии этногенеза коренных народов Кавказа //Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержаний докладов. - Тбилиси, 2011.
80. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. - Грозный, 1963.
81. Дмитриев, В. А. Традиционная метрология народов Северного Кавказа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - М., 1987. - 24 с.
82. Дмитриев В. А. Пространственно - временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 4. - С. 143-160.
83. Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки (Древние восточные этнокультурные связи). - М., 1988.

84. Ерицян Б. и Гаспарян Б. Комплекс галечных орудий местонахождения каменного века Мушукан – 1 (Армения).// Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. - Тбилиси, 2010.
85. Ибн Хордадбех «Книга путей и стран (перевод с арабского и комментарии Н. Велихановой). – Баку, 1988.
86. Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. - М., 2000, 2006.
87. Ибрагимова З. Х. Мир чеченцев: XIX век. - Москва "Пробел-2000", 2007.
88. Иванов С. И. О сближении горцев с русскими на Кавказе// Военный сборник. - СПб., 1859. Т.7.
89. Ильясов Л. Тени вечности. – М. 2004.
90. Ильясов Л. Культура чеченского народа. - М., 2009. – 264 с.
91. Инал – Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми, 1965.
92. Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ, Т.9. Ч. 3. Вып. 1. - Грозный, 1974;
93. Исмаилов А. Дош (Слово). Размышления о чеченском языке. - Элиста, 2005. – 928 .
94. История и культура чеченского народа. – М., 2002. – С. 52.
95. История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. - Грозный, 2008. – 828 с.
96. Кавказ. БСЭ. 3 изд. Т. 11. М., 1973.
97. Кавказов А. Северный Кавказ. – 1930. № 1. – С.26.
98. Казакбиева О.И. Войлочные изделия ногайцев в XIX-начале XX века. Автореф. дисс...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С. 19.
99. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. -Черкесск, 1988.
100. Калоев Б. А. Осетины. – М., 1971.
101. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981
102. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших

- времен до начала XX века. – М. 1993.
103. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. - М., 1975.
104. Кантария М. В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. – Тбилиси, 1989.
105. Кантария М. В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // КЭС. - Тбилиси, 1986. Вып. 6.
106. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – СПб., 2001. – 416 с.
107. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. – Санкт- Петербург, 1996.
108. Картлис Цховреба (Житие Грузии), т. I. - Тбилиси, 1955.
109. Каюмова Х. А. Народная метрология и хронология таджиков каратегина, дар-ваза и Западного Памира XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Худжанд, 2009.
110. Ковешников В. Н. Очерки по топонимике Кубани. - Краснодар, 2006. - 250 с.
111. Колокольникова В. Кавказ. - М., 1898. - 80 с.
112. Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. - СПб., 1861.
113. Красильников Ф. С. Кавказ и его обитатели. - М., 1919. - 128 с.
114. Кризис этнокультуры и безопасность общества (панкисское ущелье). - Тбилиси, 2003.
115. Крикунов В. П. Очерки социально- экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60 – 90 годы XIX в. - Грозный, 1973.
116. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960.
117. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1963.
118. Лугуев С. А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – начало XX века. – Махачкала, 2006.
119. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994;

120. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000.
121. Мадаева З.А. Обычаи и обряды вайнахов, связанные с животноводческим бытом (XIX – начало XX вв.). // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный, 1984. – С. 152-156.
108. Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. - Грозный, 1990.
122. Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. – Махачкала, 2005.
123. Магомедов М. Г. История аварцев. - Махачкала, 2005.
124. Магомедханов М. М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. - М., 2008.
125. Мазаева Т. А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007.
126. Мазаева Т.А. К вопросу о будущем этнических культур Северного Кавказа. //Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова. – Махачкала, 2010.
127. Максимов Е. Чеченцы. Статистико-экономический очерк //Терский Сборник. - Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.
128. Мальсагов Д. Д. Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского (письменного) языка. – Грозный, 1941. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши. Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т.І. – Ростов - на - Дону, 1928.
129. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. – Махачкала, 1989.
130. Маркграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. - М., 1882.
131. Маргошвили Л. Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. - Тбилиси, 1990.
132. Материалы Всероссийской научной конференции. г. Грозный, 25-27 декабря 2002 года. – Грозный, 2003.

133. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., - Ставрополь, 2008. 976 с.
134. Материалы по метрологии народов Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период); - Махачкала, 1974.
135. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского Края. – Т.2. – Тифлис, 1886. – С. 183.
136. Материальная культура аварцев. - Махачкала, 1967.
137. Мафедзев С. Х. Очерки трудового воспитания адыгов (19 – начало 20 века). - Нальчик, 1984. - 169 с.
138. Молчанова Л. А. Народная метрология. - М., 1973.
139. Муқанов М. С. Казахские домашние художественные ремёсла. – Алма-Ата, 1979.
140. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. – М. 2003. – 757 с.
141. Мусаева М. К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана. – Махачкала, 2003.
142. Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.
143. Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. - М., 2002. - 192 с.
144. Ниорадзе Г. Н. Местонахождение ранних гоминидов в Дманиси, его каменная индустрия и место среди основных раннеплейстоценовых памятников Старого Света. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Тбилиси, 2006.
145. Нохчийн фольклор. Составитель Мунаев И. Многотомное издание.
146. Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. - Махачкала, 1996.
147. Пиралов А. С. Краткий обзор кустарных промыслов Кавказа. – Тифлис, 1900.
148. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – С-Пб., 1913.
149. Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. – М-Л., 1926.

150. Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) – Грозный, 1984. Составитель Акиева Х. М.
151. Рамазанова З. Б.. Пища народов Южного Дагестана (народности лезгинской группы) в XIX-начале XX вв. Махачкала, 2009. - 180 с.;
152. Рамазанова З. Б. Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в в XIX-начале XX вв. Махачкала. 2011. – 285 с.
153. Рейнеггс Я. Всеобщее историческое и топографическое описание Кавказа.//Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. – Нальчик, 2006. – С. 226.
154. Ризаханова М.Ш. Гунибцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001.
155. Ризаханова М.Ш. Лезгины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.
156. Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана, 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. – М.,1958.
157. Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI—XV вв. // Советская этнография. 1949, № 1. - С. 69-71.
158. Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002.
159. Северный Кавказ в Европейской литературе XIII – XVIII веков. Сборник материалов. - Нальчик, 2006.
160. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. - Грозный, 1963.
161. Семёнов С. А. Коробкова Г. Х. Технология древнейших производств. - Л., 1983.
162. Сергеева Г. А. Традиционная пища народов Северного Кавказа и Дагестана в XX веке// Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001. - С. 139.
163. Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. Махачкала, 2009.
164. Сефербеков Р. И. Аграрные культы табасаранцев. - Махачкала, 1995.

165. Сулейманов А. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I-IV. - Грозный, 1976, 1978, 1980, 1985.
166. Султыгова М. М. Животноводческая лексика ингушского языка. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. - Махачкала, 2002.
167. Список населённых мест Чечавтообласти. – Грозный, 1925.
168. Статистические таблицы населённых мест Грозненской области. Т. II. Вып. VII. Грозненский округ. – Владикавказ, 1891.
169. «Тифлисский Вестник». 1874. № 77. - С. 2; № 86. - С. 1-2.
170. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времён. до начала XIX в. – М., 2005.
171. Терский сборник. Вып. VII. – Владикавказ, 1910.
172. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М., 2001
173. Труды первого съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. - Тифлис, 1913.
174. Тюхтенева С. П. Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX – начало XXI вв. Автореф. дис. докт. ист наук. – М., 2011.
175. Уарзиати В. Избранные труды. Книга первая. – Владикавказ, 2007. –
176. Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. - Грозный, 1979.
177. Указатель Всероссийской кустарно-промышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством Е.Я Императорского Величества государыни Императрицы Александры Фёдоровны, 1902. – С. Петербург. Типография «В. С. Балашов и К*».
178. Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005.
179. Харсиев Б. М-Г. Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа. Магас, 2015.

180. Хасбулатов А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). - М., 2006.
181. Хасбулатов А. И. Развитие скотоводства в Чечне (XIX – нач. XX в.) // Вестник АН ЧР. № 4. – Грозный, 2006.
182. Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. - Грозный, 1981. - С. 77.
183. Хасбулатова З.И. Народные знания и промыслы чеченцев // Современные процессы в Российской социологии, экономике, исторической науке. Сб. научных статей научно-практической конференции с международным участием. – Кизляр.2009.
184. Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX вв. Вестник Лам. 2002. № 3 (15).
185. Хасбулатова З. И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – нач. XX вв.) – М. 2007.
186. Хасбулатова З. И., Шавлаева Т. М. Кустарные промыслы и ремёсла// Чеченцы. – М., 2012. – С. 154.
187. Хасиев С.- М. А. Шерстяное и суконное производство чеченцев и ингушей. Плановая годовая работа за 1980 г. – Архив ЧИНИИИСФ, оп. 1, д. 65.
188. Хасиев С-М. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX в. - Нальчик, 2004.
189. Хижняков Б. Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северокавказского края. Записки Северо-Кавказского Горского НИИ. Кн. 2. - Ростов-на-Дону, 1929.
190. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. - М.: Наука, 1970. – 78 с.
191. Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983.

192. Цаллагова З.Б. Рецензия на книгу Ш. М.-Х. Арсалиева «Этнопедагогика чеченцев» (М: «Гелиос АРВ», 2007 г.)// Вестник Академии Наук Чеченской Республики. Т. 2, № 2, 2008.
193. Цаллагова З. Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. – Владикавказ, 2011.
194. Чахкиев Д. Ю. Мастера – строители у вайнахов в XVII – XIX в.
//Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. - Грозный, 1987.
195. Чентиева М. Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный, 1958.
196. Чечено-русский словарь. Составитель А. Г. Мациев. – М., 1961.
197. Чеченский Архив. Вып. I. Сборник материалов по истории чеченского народа. - Грозный, 2008.
198. Чеченский Архив. Вып II. Сборник материалов по истории чеченского народа. - Грозный, 2009.
199. Чеченский фольклор. Составитель Джамбеков Ш. – Грозный, 1990.
200. Чурсин Г. Ф. Культ Железа у кавказских народов. – Тифлис, 1928.
201. Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. - Нальчик, 2009. - 205 с.
- 178.
202. Шавлаева Т. М. «Древо жизни» в этносознании чеченцев в прошлом //Кавказ. Археология и этнология. Международная научная конференция. Материалы конференции. - Баку, 2008. - С. 352.
203. Шавлаева Т. М. К вопросу о недельном счёте времени в чеченском календаре в прошлом (на примере общества Чаберлой)//Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Грозный, 2006. - С. 324-330.
204. Шавлаева Т. М. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Грозный, 2006. - 27 с.
205. Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. – Тбилиси, 1979.

206. Шамиладзе В.М. «Альпийское скотоводство в Грузии». - Тбилиси, 1969.
207. Шамиладзе В.М. Скотоводство в Грузии. Историко-этнографический атлас Грузии. Материалы. - Тбилиси, 1986.
208. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. Очаги древнейшего земледелия. М., 2012.
209. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. Культурно-историческая проблема. М., 2012.
210. Энциклопедический словарь. Т. V. – С-Пб., 1891.
211. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши. Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т. I. – Ростов - на - Дону, 1928. - С. 197

Электронные ресурсы

212. Алироев И., Дадаев Л. Пицца вайнахов. [Электронный ресурс]. <http://zhaina.com/> (дата обращения 23. 07. 2011).
213. Баксан Дени. След Сатаны на тайных тропах истории. [Электронный ресурс]. [http:// www.Chechen.org/](http://www.Chechen.org/) (дата обращения 3. 07. 2011).
214. Вагапов А. Происхождение названий металлов и веществ в чеченском языке. Часть 1. [Электронный ресурс]. <http://vaunach-vu. livejournal.com>.
215. Кааба – Мекка. [Электронный ресурс]. <http://www.kaaba.ru/> (дата обращения 7. 07. 2011)
216. Лекции по истории Древней Руси. Меры веса. [Электронный ресурс]. <http://www.websib.ru/>. (дата обращения: 15. 04. 2011).
217. Нацпроект «Горы». [Электронный ресурс]. <http://www.iamik.ru> (дата обращения 1. 12. 2011).
218. Происхождение слова Кавказ. [Электронный ресурс]. <http://www.okavkaze.ru/> (дата обращения 10. 07. 2011)
219. Роль кустарной промышленности в процессе индустриализации страны. [Электронный ресурс]. <http://www.bg-znanie.ru> (дата обращения: 27. 02. 2011).

220. Эребуни, древний город государства Урарту. [Электронный ресурс].
[http: //forum.jigyarov.net/](http://forum.jigyarov.net/) (дата обращения: 19. 04. 2011).

Терминологический словарь

Ани – небеса, космос, бесконечность

Аргуот - необузданный, неуправляемый

Ахге - расстояние от кончика большого пальца до нижнего сустава указательного пальца одной руки

Ахпхьагат - расстояние от середины грудной клетки до среднего пальца вытянутой в сторону одной руки

Аьриша - аршин

Иала дар - процесс накопления качества, неизбежного для следующего этапа работы

Иалам - природа, как материальная часть Вселенной

Базара тIара – напёрсток для измерения малого количества сыпучих

Биекхо - тулуп из овчины на изнанку

Болохюллург – короткая безрукавка, которую надевают на верхнюю часть спины (боло)

БоргIа - без примесей

Букир ше - пядь с кувырком

Буордз (буорз) – не одинокий; волк

Ванто - каменный скребок с выемкой

ВогIу рига (воIгуриг – воIгург) – идущий

Ге - расстояние от кончика большого пальца до кончика указательного пальца одной руки

Герка – фунт

Гирда – мера ёмкости

Гин муохь - мера спинного груза

Гури - кульминация

Гури куй - шапка из овчины, ворс которой на момент снятия был в наилучшем качестве (в противном случае ожидалось ухудшение качества шерсти)

Гури стаг – человек, достигший такого момента в возрасте (пик), за которым уже начинается старение

Гури хан – время наивысшего подъёма и благоденствия, за которым уже следует увядание

Гама - копна

Галха - лающий

Гиргди – оскал

Гий - кизяк из навоза мелкого рогатого скота

Гюй - кочующие

Гюота - длинные полуподвальные помещения для овец с отсеками для баранов, овцематок и ягнят, практикуемые в Притеречье

Давли - скандальный

Дарча - сердитый

Дзадза(заза) – двойное отрицание, то есть цветение; философская категория

Дзе/ Дзие - отрицание

Джа – практически выгодное, полезное, использованное

Джиллалам - практически полезная часть природы

Диерто – рубило

Дьша (диешо- чеберл.) - жидкая пища для собаки

Дуо - сапетка для хранения кукурузных початков

Дуол - локоть

Зареш – популярные ювелирные украшения, сделанные мастером Али, сына

Зары, из Чеберлоя

Зуома – рассчитывать на глаз

Зоко - клювовидное орудие

Иэч - смещение процесса

Иэч киере – место (плоскость), куда произошло смещение процесса

Кана - ладонь и пальцы, сложенные так, что образуют некую ёмкость

Кара - ладонь руки по длине

"Карана бухь" - первая фаланга пальцев руки; в ширину включали только ширину двух пальцев - среднего и безымянного

"Карана юьхь" - вторая фаланга среднего пальца; шириной являлось расстояние между вторыми суставами мизинца и указательного пальца.

"Карана юкь" - расстояние от основания указательного пальца до основания большого пальца; в ширину входила линия третьих суставов

"Карана дух" - расстояние от основания большого пальца до сустава кисти руки; ширина отсчитывалась от второго сустава большого пальца.

Киере - ладонь руки по ширине

Кеп - форма

Кит – бурдюк

Кочар – связка-гирлянда

КоштIера (с плеч) - расстояние от правого плеча до кончиков соединенных пальцев – большого и указательного

Куьйгаха – обычай, принятый во время трапезы. Суть: трапезник подаёт собственноручно самый лакомый кусочек из того, что они едят, гостю, старшему или рядом (напротив) сидящему

Куьрк – специальная печь для жаренья кукурузы перед помолом

Курс – пучок

Кханда - тяжеловесный

Кхийра (дословно: *взятая из огня*) - керамика

Къуьхк – кизяк из навоза крупного рогатого скота

Кхиммир – мордастый (зооним)

Къула - незаметно нападающий (зооним)

Кхайкхие - расстояние, откуда слышен зов

Куьйр - маслобойка

Къурд – глоток (мера жидкости)

Ланча - выдерживающий основную тяжесть при охране и защите

Лание - место, испытывающее и выдерживающее основную нагрузку, как правило, тяжёлую; в демографии – густонаселённое место.

Ларча - берущий след

Мазала - мера ёмкости

Мат – постоянное место

Матиеной – постоянные, оседлые люди

Макху и мIачиг - каменные и костяные острые режущие и колющие предметы

Ми пхьагIат - косая сажень

Муор - охапка

Муохь хазе - расстояние, откуда слышен крик

Мур – этап работы

Наша хи – вода из-под мочёных фруктов

Ние - другой

Нуой – корыто

Орца хазе - расстояние, откуда слышен крик "Орца", призывающий к помощи

Оьс – связка из трёх снопов

Оьла - куча

Шаьлдига - мешок из шкуры

Шаьлдигана пIаьлдита – маленький мешочек для соли, помещаемый в большой мешок из шкуры

ПхьагIат - расстояние между кончиками пальцев вытянутых в сторону рук

Перс – искривление деталей в процессе производства

Пхарча - жилистый

Пхьа – производство, производственное поселение

Рига – разновидность естественной формы

Ригадош – слово, которое придаёт новую форму впереди стоящему слову

Синаз – акушерка

Тарсие - расстояние, на котором слышно ржанье лошадей

Такхор - стог

Турча - мечообразный

Тускар – корзина

Тиадам капля (мера жидкости)

Тинг - мера жидкости

УгIие чов (чие) – место, откуда доносится волчий вой.

УгIие хазие – мера расстояния, откуда доносился волчий вой

Урд – посевная площадь

Уоч - расстройство процесса

Уьйре – общество, как часть природы, социум;

Хайаса (хIай-аса) – оживлённая, активная полоса на данной территории.

Хайк (хIай ка) – авангард, остов

Хазе - расстояние, откуда слышен голос

Хьав – материальный достаток

Хьал - богатство

ХIуост - тавро

Цай – жареные зерновые

Цу - толокно

Цинц – щепотка (мера сыпучих, которую можно взять пятью пальцами)

Цинциг - щепотка, которую можно взять тремя пальцами

Цабар - каштан

Цов – сноп

Цоло - металлическая ёмкость плоской формы для жарения кукурузы перед помолом.

Цинциолг - чуточек сыпучего, что можно взять двумя пальцами.

Цкъацкъар - отщепы

Чавли - наносящий раны

Чара - большая металлическая ёмкость

Чаккхарма - расстояние в 1 000 шагов.

Чайра - похожий на медведя

Чиерма - бочка ёмкостью до 200 литров и более

Чаба далар – стать голым

Чептар - четверть фунта

Ченгера - расстояние от подбородка, с наклоном головы к правому плечу, до кончиков соединенных пальцев - указательного и большого - при вытянутой в сторону левой руке

Таканаиш - швы

Ше - расстояние от кончика большого пальца до кончика мизинца

Шелиг - бочонок ёмкостью до 100 литров.

Шуонк - наметка

Шуон - часть природы, включая и животный мир, из которой человек получает пищевые продукты, необходимые для поддержания жизни;

Этмаьлиг - улитка (аптекарская мера для измерения жидкости)

Юстург - мерка

Список информаторов

1983-1991 гг.

Абдурахманов Мусты, с. Керла-Юрт, Грозненский район, родом из хутора Чубахкиной (Нижний Чаберлой), 80 лет.

Абдурзакова Халипат, с. Керла-Юрт Грозненского района, родом из села Сарбилой, 90 лет.

Азарсанова Майсарт, Ведено, родом из Махкеты, 75 лет.

Ампукаева Белита, с. Дай, 83 года.

Амаева Зазов, с. Нагорное Грозненского района, родом из хутора Босохой (Верхний Чабирлой), 94 года.

Асимарзаева Небисат, с. Закан – Юрт, родом из села Хьачарой Советского района, 82 года.

Асадуллаева Баянт, с. Побединское, из тейпа чиннахо, 66 лет.

Атабаева Баянт, с. Керла-Юрт Грозненского района, родом из хутора Чубахкиной Нижнего Чаберлоя, 75 лет.

Басханова Хурма с. Элистанжи Веденского района, 85 лет.

Байсарова Сайхат, Шатой Советского района, 80 лет.

Байсарова Самарт, Шатой Советского района, дочь, 50 лет.

Батаев Вахид, с. Итум-Кале. Тазбичи.

Башакаева Неби, с. Самашки Ачхой-Мартановского района, из тайпа дишни, 89 лет.

Башакаев Расул, с. Самашки Ачхой-Мартановского района, родом из села Начх-Киела, 82 года.

Безбородова Арепина, ст. Ищёрская Наурского района, 85 лет

Буравлёва Надежда Ивановна, ст. Ищёрская Наурского района, 60 лет (со слов своей матери).

Бускаева Неби, с. Побединское, родом из села Кулой (Нижний Чабирлой).

Бохаева Халимат, 65 лет.

Газгиреева Бахи, с. Бамут Ачхой – Мартановского района, родом из села Ц1ечой, 82 года.

Далиева Муьминат, с. Нагорное Грозненского района, 89 лет.

Есенникова Марья Ивановна, ст. Наурская Наурского района, 86 лет.

Кубаева Сайхат Закриевна, с. Керла – Юрт, хутор Чубахкинойрой (Нижний Чаберлой), 77 лет.

Заругаева Ефросинья Васильевна, Наурский район, 78 лет.

Ибаева Залюба, с. Борзой, Советский район, 80 лет.

Ибрагимова Дети, ст. Алпатово Наурского района, родом из села Шаро-Аргун Советского района, 70 лет.

Ибрагимов Хонкар, ст. Алпатово Наурского района, родом из села Ц1еса (Шарой), 75 лет.

Имадаева Асет, с. Закан-Юрт, родом из села Хьачарой Советского района. 84 года.

Кубаева Сахет, с. Керла-Юрт, Грозненский район, родом из Начх – Киела (Нижний Чаберлой.).

Кубиева Хурзадай, ст. Алпатово Наурского района, родом из Джаг1улди (Шарой), 100 лет.

Латаева Табарик, с. Валерик Ачхой – Мартановского района.

Магомадова Гуци, 90 лет, родом из общества Шарой.

Магомадова Бесират, с. Нагорное Грозненского района, родом из хутора Ц1икарой (Верхний Чабирлой), 83 года.

Магомадова Хава, с. Кошкельды, родом из с. Сесана Ножай – Юртовского района, 72 года.

Майрбекова Баци, с. Закан – Юрт, родом из с. Хьачара, 74 года.

Макарова Таману, Ведено, 85 лет.

Мастаев Алауддин, хутор Багачорой, 65 лет.

Мовсарова Клава, с. Бартхой Грозненский район, 95 лет.

Муртазова Забинат, Шарой, 100 лет.

Мусаева Раки1ат, 80 лет.

Мушлигова Занов, с. Дай, 80 лет.

Оцаева Хадишт, с. Закан-Юрт, родом из с. Хьачарой Советского района, 79 лет.

Садаева Долгу, пос. Гикало Грозненского района, 79 лет.

Саламова Зели, 15 молсовхоз, 2 отделение. Родом из Нижнего Чабирлоя.

Салихов Мухьади, г. Грозный, родом из хутора Их1арой (Верхний Чабирлой), 50 лет.

Салмирзаева 1ашат, Шатой, 89 лет.

Сулхаджиева Маремм, с. Керла-Юрт Гозненского района, родом из села Начх-Келой (Нижний Чаберлой), 81 год.

Хаджимурадов Хьамид, хутор Чубахкинорой, 70 лет.

Ханзаева Таи, с. Нагорное, из общества Чабирлой, 85 лет.

Хакимова М., с. Закан-Юрт. 80 лет.

Хасаева Хадижат, Ведено, родом из Хорочоя, 80 лет.

Хашагова Залюба, с. Закан-Юрт, родом из Итум-Кале, 64 года.

Умишева Деши, г. Грозный, пос. Катаяма, родом из с. Шаро-Аргун, 65 лет.

Умишев Салман, г. Грозный, пос. Катаяма, родом из Итум-Кале.

Цымлянская Анна Сергеевна, ст. Ищёрская Наурского района, 78 лет.

Цымлянский Иван Яковлевич, ст. Наур Наурского района, 85 лет.

Чамаева Сег1ират, с. Хал-Келой Советского района, 90 лет.

Чигаева Кассира, с. Бамут, из тайпа хьайхаро, 100 лет.

Шабазова Бикату, Шатой, 80 лет.

Шавлаева Чачи, с. Керла – Юрт Грозненского района, родом из хутора Бати-Эвла (Нижний Чабирлой), 90 лет.

Шавлаев Магомед, с. Керла-Юрт, 79 лет.

Шерипова Энисат, г. Грозный, пос. Катаяма.

Шерипов Эски, г. Грозный, пос. Катаяма.

Эльдугаева Маша, Ачхой-Мартановский район, из тайпа мержой, 78 лет

Эльмурзаева Айшат, с. Кошкельды, родом из Центороя Ножай-Юртовского района, 100 лет.

2002-2012 гг.

Абдуллаева Азман – с. Хорочой, Веденский район
Абуханов Шахид, 1930 – с. Махкеты, Веденский район
Акаева Тамара – Памятой, Шотойский район
Байсултанов Байсу 1934 г - Макажой
Байсултанов Муса - с. Макажой, Чеберлойский район
Бибиева Совна, 1920 - с. Махкеты, Веденский район
Гашин Николай, 1941 – ст. Наурская, Наурский район
Гаургашвили Асма – село Дуиси, Грузия
Зайпуллаев Салман – Керла-юрт, Чеченская республика
Закаев Зайнды – Хорочой, Веденский район
Имадишвили Залюба, 1932- село Дуиси, Грузия
Кавтаришвили Вахтанг – с. Дуиси, Грузия
Кавторашвили Эмзар – с. Дуиси, Грузия
Маргошвили Джене - с. Дуиси, Грузия
Мутуев Лом-Али, 90 лет – с. Хорочой, Веденский район
Осмаева Аянт – с. Памятой, Шотойский район
Ошаева Айшат-Гучин-Кале (кхорен цу)
Ошаев Салавдин - Гучин-Кале
Султанова Тамаг1аз, 1909 г/р – с. Хорочой Веденский район
Тунтаев Гада, 1934 г/р, с. Тевзана, Веденский район
Хангошвили Себихат, 82 года, с. Дуиси, Грузия
Хасанов Мовсар, 50 лет, с. Макажой, Чеберлойский район
Хасбулатов Гушма, 1913 г/р., с. Махкеты
Хасбулатова Тамара, 1948 г/р., – с. Махкеты
Шидаева Хижан, 1912 г/р., с. Махкеты

ПРИЛОЖЕНИЕ

Процесс соединения шерсти двух цветов – «хор дар» на чесалке

Кавказская овчарка по кличке «Кханда»

Шапочка «пес». Мaстерица Закриева Огар. Начало XX века.

Способ сушения мяса

Естественное ограждение для выпаса скота в Макажое

Перегон овец в горах

Столб «кур» в арочной овчарне «нартол джобла»

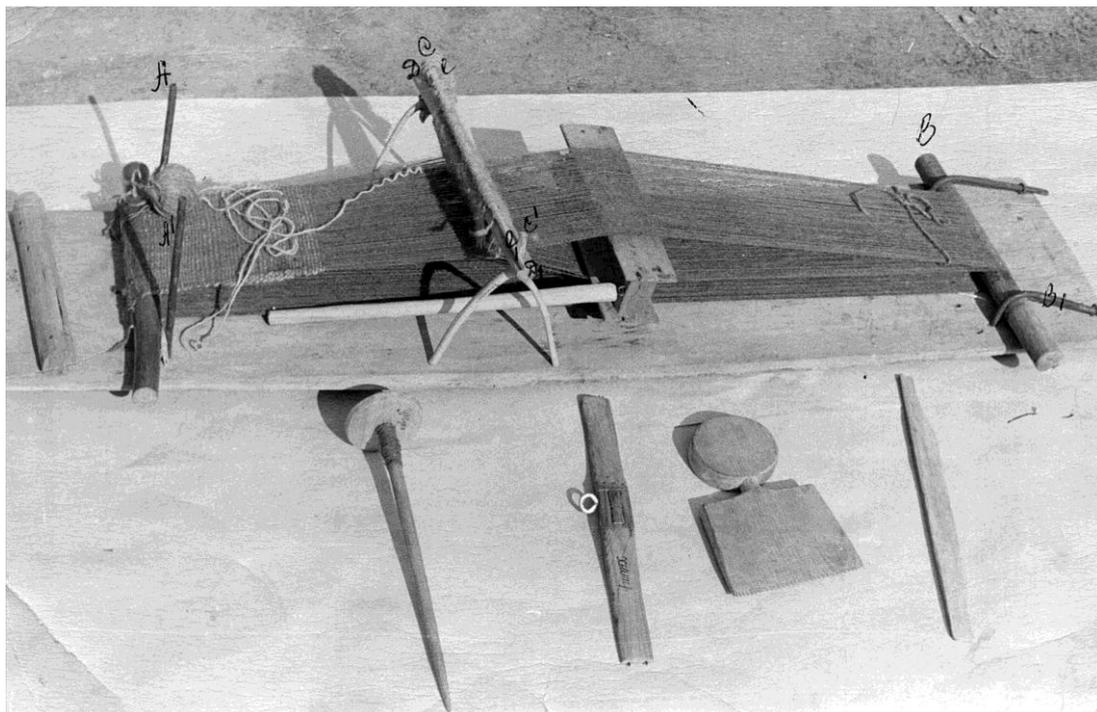
Полуподземная арочная овчарня «нартол джольла» в Чеберлое

Верхний купол арочной овчарни

Чеченка за горизонтальным ткацким станком. 1907 г. РЭМ 1235-3

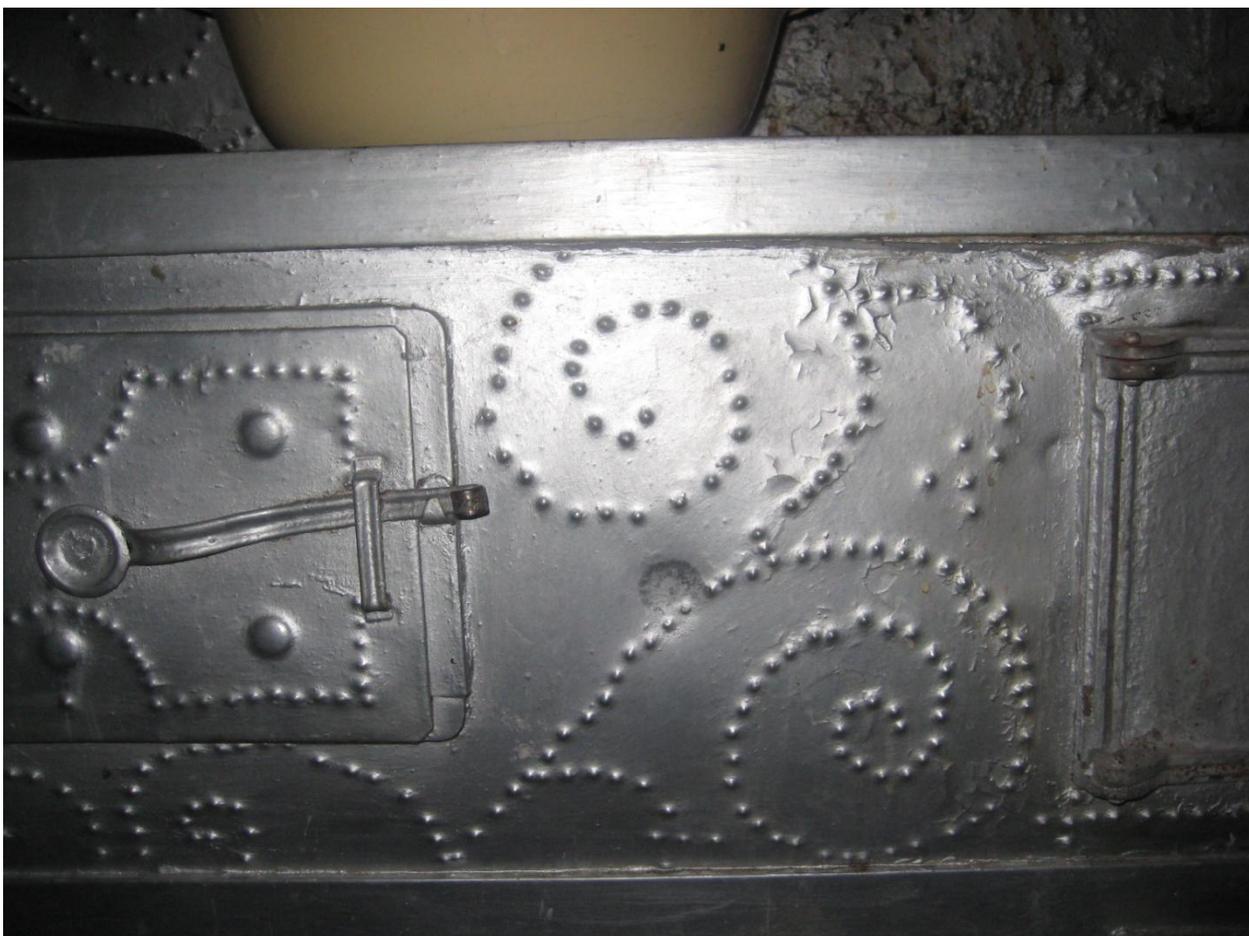
Ткацкий станок чеченцев, вариант «Горский». Реконструкция автора

Стрижка овец в селе Керла-Юрт

Надмогильный памятник

Фрагмент «Древа жизни» на чеканке печи. Макажой.

Двор жилого дома является крышей сарая. Гучин-кале (Итумкалинский р-он)

Клад.....

Ручная мельница – «кахъар»

Молотильная дока – «эр не1». Экспонат из Национального музея Грузии. Такие доски имели хождение на Кавказе.

Мерки для зерна. Музей средней школы с. Махкеты Веденского р-на Чеченской республики. 2008 г.

Handwritten signature in cursive script, reading "Т. М. Шавлаева".

Шавлаева Т. М.

